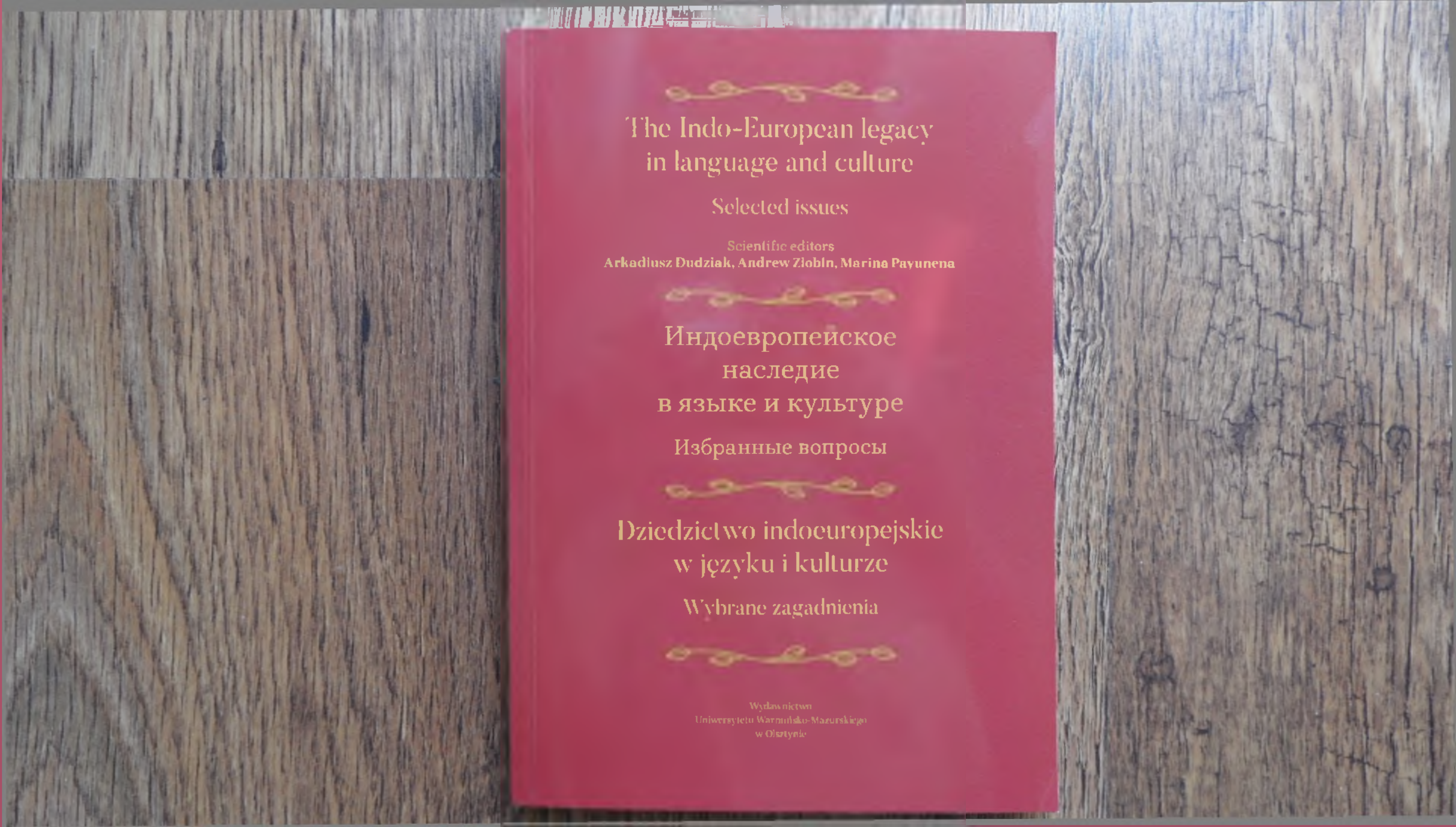

The Indo-European legacy in language and culture
Selected issues
Scientific editors
Arkadiusz Dudziak, Andrew Zlobin, Marina Payunena
Индоевропейское наследие в языке и культуре
Избранные вопросы
Dziedzictwo indoeuropejskie w języku i kulturze
Wybrane zagadnienia
Wydawnictwo
Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego
w Olsztynie

Contents – Содержание – Spis treści

Introduction

The editors are happy to present the monograph "The Indo-European legacy in language and culture. Selected issues". Although it is addressed mainly to linguists and archaeologists, researchers in many other disciplines – cultural studies, history, history of culture, ethnology, cultural anthropology – may find it interesting. It may also appeal to all other scholars and students interested in the Indo-European studies.

The publication attempts to initiate a broader interdisciplinary discussion on Indo-Europeanism as a cultural circle that in the history of mankind had a decisive influence on European and Asian development almost until the end of the first millennium of the modern era. Since the 1990s, Indo-European ideas and approaches have begun to reappear, shaping cultural awareness and ethnic identity (e.g. in the countries of the former USSR or North Caucasus). The Indo-European theme has transformed from the study topic of a narrow group of enthusiasts into important current research issues of a cultural, ideological, identity, ethnic, political (even imperialist) nature, etc. Strong manifestations of these tendencies can be observed in contemporary media productions on the subject of ethnic or socio-political problems (e.g. documentaries, various Internet publications and posts). Therefore, the need for thorough, comprehensive, interdisciplinary research of the Indo-European issues seems to be evident.

Indo-European languages belong to one of the largest language families of Eurasia, which over the last five centuries has also spread throughout the Americas, Australia and, partly, Africa. Prior to the era of the great geographical discoveries, Indo-European languages occupied the territory from Ireland in the west to East Turkistan in the east and from Scandinavia in the north to India in the south. Nowadays the Indo-European language family includes about 140 languages globally.

The study of this language family is associated with the appearance of a comparative historical method which initially grew from the study of a number of languages later known as Indo-European. They became the first language family postulated as a special form of language association based on genetic relatedness.

It is generally accepted that the systematic study of the languages of the Indo-European family began in the XIX century, although, of course, much of this research can be traced as far back as the antique times. Paradigms shifted, new theories and concepts were developed, but what remained unchanged was the desire of scholars to understand language laws and anomalies, to systematize and classify linguistic material in comparison with other languages, to learn the spirit of their own nation through the language.

At present, Indo-European languages continue to be actively studied. The research is focused on the functioning of linguistic units, the interpretation of new phenomena, the relationship of language and worldview, language and culture, language and thought.

A major role in contemporary linguistics is still played by comparative studies, in which, for one or another parameter, languages like those belonging to one Indo-European family are compared to those of the Indo-European, which reveal any correspondence in the language systems of other families. The importance of such linguistic research is hard to overestimate: the allocation of other language families, as a rule, directly or indirectly relies on the experience of studying Indo-European languages.

The presented international monograph is inspired by archaeological discoveries as well as contemporary tendencies of various ethnic groups to build identity based on Indo-European cultural sources (such as the Sarmatian heritage of Alans in the ethnic and cultural awareness of the Ossetians or other peoples of the modern Caucasus).

The idea of this publication also arises from the belief that archaeological findings can be used to verify the existing hypotheses of Indo-Europeanists, especially historians and linguists. Archaeological, historical and linguistic data may, in turn, inspire interdisciplinary discussion of humanistic and cultural studies (ethnological, anthropological, cultural, ethnolinguistic) concerning the importance of the Indo-European heritage in contemporary Europe and Asia.

This interdisciplinary study can be used, among other implementations, for verification of current scientific beliefs:

- in the field of cultural anthropology – the concept of the unity of the human race in the diversity of cultural forms;
- in the field of dialogue philosophy – the global concept of the human family.

Editors

MATILDE CASAS OLEA
University of Granada (Spain)

Reconstructing Indo-European Poetics. Germanic and Slavic «Red Gold»

Reconstruction of the Indo-European language and formulaic style

It is axiomatic that the Indo-European linguistic community involves a common system of values and beliefs recorded in texts through a specific poetic language, known as *Indogermanische Dichtersprache*. Indo-European poetic language is characterized by a stylistically marked use of words with essentially descriptive character and metaphoric value, which ultimately served Indo-Europeans as the means of a relationship with the divine.

Poetic texts were generated and performed in oral contexts and present formulaic schemes and common formal metric, as well as common stylistic patterns, behind which hides a common cultural heritage. The most profound objective of Indo-European poetics resides in the reconstruction of prototype texts (proto-text) and in their means of codification.

The development of Indo-European poetics was founded on the analysis of formulaic style, metrics and stylistics after it emerged as a combination of the historical-comparative method and comparative mythology in the 19th century (Adalbert Kuhn 1853). Key studies[1] are generally based on the comparison of material from the oldest branches (Anatolian, Indic – Vedas of

[1] Scholars as Rüdiger Schmitt, Jaan Puhvel, Marcello Durante, Calvert Watkins, Enrico Campanile, Martin L. West, or the acts of the Colloquium of the Society of Indo-European Studies of Paris (2003, ed. Pinault – Petit 2006), among others.

hymnic character; Iranian, Greek – Homeric epic poems – and Italic) and occasionally on data from later traditions (Germanic, Celtic and Slavic).

The historical-comparative method discerns paradigmatic elements, possibly inherent to the proto-text by lexicon and formula reconstruction. Proto-text reconstruction in its syntagmatic dimension is more complex. The aim of structuralist studies is to identify minimum poetic proto-text fragments and place them in ritual functional contexts[2]. However, each specific text is integrated within a specific system characteristic of a generic structure, with constant formal and functional features on which the proto-text can be reconstructed[3].

Formulaic style is encountered in heroic epic texts as a result of oral composition and oral-formulaic theory, whereas other textual types with a cult (hymns), legislative or magical ritual character also possess a reconstructible body of formulas that are not always generated in the oral setting (C. Watkins 1995: 41).

The analysis of formulas is inextricably related to metrics. Each formula constitutes an independent syntagm on which the verse is constructed and often has a fixed presentation within the cola, hemistichs, demarcated by pauses and zeugmas (Gregory Nagy 1974). Accordingly, distributive formula characterization in metric contexts is relevant information. In the case of Slavic versification, the place occupied by the formula within the verse is given by the strong tendency of the formulaic phrase to take up the verse end, because it is fixed[4] (Roman Jakobson 1952). In Slavic, the verse-end mark – which coincides with the syntactic pause – is characterized by the 'accentual isocolism' of the verse clause, whose rhythm is marked by an equal number of stably distributed accents[5].

Formally, formulae can include bipartite noun phrases or verb phrases that are semantically, lexically, morphologically and phonologically reconstructible. The representation of formulaic components in cognate Indo-European languages may vary with respect to the proto-form, although the

---

[2] An exhaustive study of the methodological model – vid.: Vladimir Toporov (1969).

[3] The plot is the most important element in some narrative genres; therefore, these often transmitted in epitomes, in which the proto-text content, i.e., the myth, is not lost in synopsis or translation (Lévi-Strauss 1963: 210). However, in other genres, the plot depends on the composition and on the behaviour of the relationship among words; therefore, the formal and syntactic aspect is fundamental to approach the proto-text.

[4] Formulaic phrases are also frequently established at the beginning of the verse in Slavic poetry, although the verticality of textual context constituents explains this position by effect of anadiplosis.

[5] While Serb and Bulgarian versifications preserve the scheme reconstructed for common Slavic, i.e., the verse clause has fixed accent on the penultimate syllable, it develops a dactylic rhythm in Russian, i.e., accentuating the antepenultimate (or previous) syllable, which may be related to the loss of vowels in eastern Slavic.

metric scheme remains stable. The relationship between formula components is frequently driven by their indexical or/and symbolic function (C. Watkins 1995: 43-46), and they present simple (designators) (A-B type relationship) or complex (connectors) (A+B type relationship) structures.

With respect to content, formulaic phrases retain the linguistic expression of evaluations and interpretations of reality within a denotative framework (subjective and emotional), initially motivated by a circumstantial space-time context, which ultimately acquire a symbolic value and constitute a stereotype. The reconstruction of documented stereotypes in different Indo-European languages is based on the idea that they have an underlying ancestral prototype with a profound unitary thematic structure that might not necessarily be evident in cognate linguistic expressions (C. Watkins 1995: 49).

Parameters for the reconstruction of the colour system. Contribution of the formulaic style.

One of the manifestations of reality evaluation in the semiotic system of societies lies in the conceptualization of colour, the distribution of colour terms and their indexical and/or metaphoric-symbolic function. In this sense, formulaic phrases formed by a name designated with a colour term with epithet function constitute stereotyped linguistic representations that contain invaluable information on the function and identification criteria of a colour term in a specific cognitive framework.

The seminal work by Brent Berlin – Paul Kay (1969) established the starting points for analysis of the colour system in the setting of linguistic typology. Essentially, they delimited the concept of the monolexemic 'primary colour term', setting recurrent patterns that suggest the presence of universals of colour categorization and defining a hierarchical organization of seven chromatic systems, among which there is a relationship of typological dynamization that involves the corresponding evolutionary stages. This evolutionary scheme has served to reconstruct the chromatic system stage of the Indo-European protolanguage based on data from descendant languages, mainly from Homeric Greek, which is a Stage III system.

Each primary colour term refers to a series of perceptive coordinates or optical properties, including hue, saturation and intensity or brightness. This implies that each chromatic category is multifocussed and that there may be a predominance in its mental constitution of one perception coordinate over the others according to the cognitive attention focus or other circumstantial factors. L. D. Lerner (1951) proposed that the oldest chromatic systems were bipartite, with the co-existence of hue and intensity, as in Homeric Greek and Old English. In the same line, Robert E. MacLaury developed the "vantage theory" in successive works (1992; 1997; 2002), considering the diachronic

factor to be important for identification of the mental advantages that produce the predominance of one perceptive coordinate over others. R. E. MacLaury (1992) considered that hue is not predominant among terms used to classify colours in some chromatic systems, in which brightness is the dominant factor. He therefore offers an alternative sequencing proposal to that of Berlin-Kay, in which brightness is the determinant factor and simultaneously interacts with the hue category. According to R. E. MacLaury, brightness sequencing can evolve in parallel to that of the hue or can merge with it. We highlight the tendency for the brightness category to decrease and the hue category to increase as dominant referent in the constitution of chromatic systems.

The reconstruction of the cognitive dominant focus of a colour term in the protolanguage can be elucidated from formulas evidenced in various cognates that include the prototypic referent as constituent.

Analysis of the ‘red gold’ formula in the Germanic and Slavic groups.

The frequent formulas with colour terms as formant include the expression ‘red gold’, located in the oral tradition of various languages of the Slavic group, with reconstruction in Common Slavic *_krasno zólto_, and also documented in Germanic, old Norse _raut gull_, AAA _rôtez golt_, OE _rēad gold_. The issue is that both components of the formulaic phrase are etymologically explained as different primary colour terms. The term for ‘gold’ derives from a root with focal point in the yellow hue in both groups, but the modifying epithet differs etymologically between them.

The formula has a simple structure in which both designators are related to chromatic terminology, although they are not equivalent but rather complementary; analysis of specific overlapping and the identification of the prototype that motivates it may shed light on the interpretation of archaic cognitive frameworks, either Indo-European or evolutions of the substrate.

The nucleus of the noun phrase of the formula is ‘gold’. The name ‘gold’ is formed in the Baltic-Slavic, Germanic and also Indo-Iranian group as a metonymic derivation of the root *_ǵhlh_$_3$_-_ with differing Ablaut and with suffix *_-to-_ in Common Slavic *_ǵ_^{h}_olh_$_3$_-to-_ > *_zȍlto_ (OCS _zlato,_ Ru. _zóloto,_ Cz. _zlato_, Slk. _zlato_, Pl. _złoto_, SCr. _zlâto_, Bulg. _zláto)_, Baltic _(_Latv. * _ǵ_^{h}_elh_$_3$_-to-_ > _zȩ̀lts_, Eastern Lith. _žel̃tas_ ‘golden’_)_, and Germanic *_ǵ_^{h}_lh_$_3$_-to-_ > *_gulþa-_ (Go. _gulþ_, ON _gull,_ OE _gold,_ OFri. _gold,_ OS _gold,_ OHG _gold,_ MHG _golt_); and in Indo-Iranian with the suffix *_-enio-_ (Skt. _híraṇyam,_ Av. _zaranyam,_ APers. _daranyam_). This root goes back to the colour word ‘yellow’ *_ǵ_^{h}_elh_$_3$_-_ _(cf._ Av. _zari-,_ Skt. _hári-,_ Ger. _gelb_ ‘yellow’, Gr. _χόλος_ ‘bile’, although Sl.

zelenъ 'green')[6], thereby understanding gold as the 'yellow metal' in contrast to other metals such as silver, which is the 'white metal', *cf.* Lat. *argentum*, OIr. *argat,* Av. *ərəzata-,* Skt. *rajatá-*, Gr. *ἄργυρος* 'silver' from Indo-European **$h_2$erǵ-* 'brilliant white', as in Skt. *árju-na-* 'white, bright' (J. P. Mallory – D. Q. Adams 1997: 242).

In Indo-European, the formation of metal names based on primary colour terms through adjective suffixation is very frequent. In this case, semantic evolution may have been a secondary development, given that other Indo-European languages[7] retain for 'gold' the root **h_2é-$h_2$us-o-* (Lat. *aurum,* Lith. *áuksas,* OPrus. *ausis*) related to **$h_2$eu-es-* 'brightness' (J. P. Mallory – D. Q. Adams 1997: 241), from which derives the Lat. *aurora (< *$h_2$éus-ōs-),* Skt. *uṣā́s,* Av. *ušah-*, Gr. Aeol. *αὔως* 'dawn'.

The distribution of Indo-European denominations for gold can be interpreted according to etymological data into two different cognitive coordinates: the hue would have predominated as motivating factor of the metonymic name in the group that develops the root **ǵhlh₃-*, while the characteristic brightness of the metal would have been the focal point in the group that adopts the form **$h_2$eu-es-*.

The formula modifier presents formal divergence between Germanic and Slavic. The linguistic expression of the epithet in PGm. **rauda-*[8] preserves the most extended form in Indo-European languages to express the primary colour term **$h_1$roud^h-o- 'red' (cf.* Gr. *ἐρυθρός*, Lat. *rūfus, ruber*, Skr. *rṓhita-, rudhirá-*, Av. *raoiδita-*, Lith. *raũdas*, etc.*).* The root is reconstructed with stable semantics in all Germanic cognates (Go. *rauþs*, ON *rauðr*, OE *rēad,* OFri. *rād*[9], OS *rōd,* Du. *rood,* OHG *rōt).*

In Common Slavic the equivalent colour has various roots: **rudъ* (Proto Balto- Slavic **raudas*), **čьrvenъ* and **krasьnъ*[10].

---

[6] Root semantics is interpreted as category of GROW, traditionally 'yellow- green' of T. Gamkrelidze – V. V. Ivanov (1995, 2: 618). Although James P. Mallory – Douglas Q. Adams (1997: 114) consider that the original and primary meaning of **ghel-* is 'yellow', the formations indicating 'green' would be subsequent to the separation between blue and green.

[7] In Gr. the term *χρῡσός* 'gold' is a Semitic loan word.

[8] S.v. "Rauda", [in:] Kroonen, Guus, *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*, Leiden, Brill, 2010, http://dictionaries.brillonline.com.

[9] Also meaning 'yellow'.

[10] The Slavic, mainly Russian, colour system has repeatedly been object of study in synchronic approach studies, alluding to etymology to explain certain current behaviours (Greville Corbett – Gerry Morgan 1988, 1989; Andrew Hippisley 2001; Valentina G. Kul'pina 2007; Irina A. Sedakova 2007; Olga V. Safuanova – Nina N. Korzh 2007; Galina V. Paramei 2007). We highlight the studies by Lyubinko Radenkovic (1989) and Lyudmila Popovic (1992; 2007), who approach chromatic models based on the testimony of various Slavic folklore texts, in terms of some stereotypes fixed in formulaic phrases detected in several Slavic languages.

The form **raudas* corresponds to the Indo-European root of extended use, although the root **čьrvenъ* has been fixed to designate the colour red in Slavic languages, displacing the adjective *rudъ* to a secondary position with restricted semantic value: 'red-haired', 'blood-red' or 'reddish' in derivate forms (*rusъjь*, *rdjanъjь*)[11], besides the term *rudá*, which in Ukrainian and other eastern and southern Slavic dialects is preserved with the meaning of 'blood'[12]. The epic formula *krov'-ruda* 'red blood' evidences how old the relationship is between the referent 'blood' and adjective **rudъ*, although the formula Ru. *čërna krov'*, SCr. *crna krv* 'black blood'[13], *cf.* Gr. *μέλαν (κελαινόν) αἷμα* is more frequent. However, the first testimonies in OCS show a stable value of the term *rudá* to designate the metal combined with other substances found in the ground[14], translating the term Gr. *μέταλλον*. Semantic evolution is explained by the hue of colour ochre, reddish, from soil rich in minerals[15].

The Common Slavic form **čьrvenъ* owes its existence to dyeing and colouring with a dye extracted from a worm (*čьrvь*)[16]. In Serbian epic texts, it is recorded as modifier not only of dyed objects (silk, clothes, walls) but also of blood (in few cases), the sea, fire or wine[17], denoting no special focality in any prototype. The variant **čьrvenъ* is generalized to designate the colour red in all Slavic languages except modern Russian, in which the adjective for 'red' is *krasьnъ*.

The adjective *krasьnъ* has a common meaning in all Slavic languages as 'beautiful, pleasant'[18], a positive quality. Based on this, a semantic evolution has been proposed, not without some difficulty, which fixes it as a colour term in Russian towards the 16th century (Oleg N. Trubačëv 1985: 109; G. Corbett 1988: 56), although it is highly probable that this took place much

[11] On the derivation of *rudъ*, *vid.* V.G. Kul'pina 2007: 152.

[12] S.v. "Rudá", in Vasmer, Max, *Russisches Etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1950-58, 3: 513, who explains semantic evolution as a result of a taboo.

[13] Occasionally also *crvena krv* 'red blood'.

[14] S.v. "Rudá", in Sreznevskij, Izmail I. (1893-1912), *Materialy* dlja slovarja drevnerusskago jazyka po pis'mennym pamjatnikam, Sankt Petersburg, 1912: col. 187. *Cf.* also modern Russian 'mine'.

[15] The term 'red' is frequently found in combination with various names of metals, which may ultimately refer to metals in general. Cf. Gr. *Il.* 9, 365: ἄλλον δ' ἐνθένδε χρυσὸν καὶ χαλκὸν ἐρυθρὸν, where bronze is red, whereas copper would be expected to be red.

[16] *Cf.* similar semantic displacement processes in romance languages, such as Fr. *vermillon*, Port. *vermelho* 'red', from *vermeil* 'worm'.

[17] In Russian byliny, wine carries the epithet of green, *zeleno vino*.

[18] S.v. "Krāsà", in Derksen, Rick, Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon, Leiden, Brill, 1996, http://dictionaries.brillonline.com/. In addition, in SCr. and Bulg., the development of the name of snake *krása*, as taboo.

earlier. The etymology of the term is also unclear, although Julius Pokorny[19] suggests a plausible explanation, identifying it with the root **ker(ə)-* 'to burn' (*cf.* Go. *haúri* 'carbon', OHG *herd*, OE *heorð* 'fireplace', Lith. *kárštas,* Latv. *kar̂sts* 'hot'), lengthened by **-s-*, in the Common Slavic **krā-s-* 'fire brightness, embers' that "…woraus teils 'rot', teils 'leuchtend, hell, schön'". Thus, the colour term contains the 'burning fire' as prototype referent and, according to this focus, the perceptive coordinates identified are igneous brightness as dominant category and the hue of fire, red, as secondary. Based on the brightness category, there is an evolution towards the positive quality of the adjective ("beautiful") in Slavic languages. In eastern Slavic epic texts, this adjective qualifies artificial objects (city, clothing), frequently maidens – clearly alluding to their beauty – but mainly gold and sun (**krasno sъlnьce, solnyško*), which are revealed as prototypic correlative referents of brightness, the predominant category of the epithet in question.

With this background, we can affirm that the formula 'red gold' in both Slavic and Germanic shares the etymology of the constituent 'gold' and that the function of the accompanying epithet is to highlight its brightness. The brightness attributed to gold is related to that of burning fire, which ultimately has a reddish hue. The Slavic variant of the epithet **krasьnъ* in the qualification of gold is specialized because the dominant coordinate in this root is the brightness category – which is etymologically explained, *cf.* J. Pokorny – *versus* the other Slavic roots centred in the red hue. Thus, Slavic presents a special situation in which the coordinates providing the 'red' colour category (hue + brightness) are distributed in separate formal variants. In Germanic, both coordinates are implied in the term **rauda*[20] and various authors consider brightness as the dominant referent in certain colour terms of the Germanic branch (L. D. Lerner 1951; Nigel F. Barley 1974; Carole P. Biggan 2007). In particular, L. D. Lerner (1951: 246) attributes the brightness feature to the colours red, orange and yellow because they reflect the sun.

The combination of hue and brightness offered by the formula in Slavic and Germanic through the epithet brings it closer to semantics, which in other Indo-European languages was transmitted in derivatives of the root **h₂é-*

[19] S.v. "*ker(ə)-", Def. 3, in Pokorny, J., Indogermanisches etymologisches Worterbuch. Bd. I-II. Bern-Munchen, 1959: 571-572.

[20] The presence of the formula in Germanic texts has been analysed by Earl R. Anderson (2003: 133-139), who also provides an exhaustive review of semantic explanations proposed for the formula, accompanied by his own contribution. Hypotheses range from those that interpret the formula as a mere poetic convention to those that explain it as the linguistic reflection of realia, such as the alloy of gold and copper or the colour of the ochre pigment of the ground from which the minerals are extracted, including gold. This last proposal is by E. R. Anderson himself. It has also been explained by its symbolic value in relation to blood in magical contexts. Other interpretations are supported by semantic nuances of the epithet.

h_2us-*o*-, implying the 'brightness' characteristic of stars, lights and related luminous atmospheric phenomena, especially dawn. It is highly significant that precisely the term for 'dawn', daughter of the sun, is accompanied by epithets with clear reddish hue hints, e.g., *ῥοδο-δάκτυλος* 'rosy-fingered', epithet of Ἠώς in Homer; *ῥοδό-πηχυς* 'rose-armed' (Homeric hymn 31.6 and Sappho 58.19), the adjectives *aruṇá*-, *aruṣá*- 'red' in *Rg Veda* for dawn and in Serb epic texts "zora se rudi" (the dawn is blushing), with the same root *$*h_1roud^h$*- 'red'. As indicated by M.L. West (2007: 220), rosiness should be interpreted as a reference to the glow of the sky, although it also indicates an important series of epithets that resort to the symbolic value of 'gold'. Thus, the *Epinikia of Bacchylides* (5.40) show *χρῡσόπᾱχυς Ἀώς* with cognates in RV, in which Savitṛ has arms of gold (*hiraṇyáyā bāhú*, RV 6.71.1,5) and Uṣas is híraṇya-varṇā (RV 3.61.2). Saule, Latvian sun goddess, is *zelta* 'golden'.

Analysis of contexts of the 'red gold' formula

The following observations were extracted from a review of the contexts in which the formula appears in Germanic and Slavic epic texts:

1) Texts in ancient Germanic show the formula in concurrence with the less frequent 'bright gold' (*bleikt gull*). It can also be found in juxtaposition with 'bright silver' (*hwit seolver*). In Slavic, there is a coexistence between variants of the epic formula *krasno(e) zóloto*[21] and *červonnoe zoloto*. We also find *čistoe zoloto* 'pure gold', possibly by analogy with the epithet that accompanies silver in the Slavic epic text, *čisto srebro* 'pure silver'.

In the Serb epic[22], the substantive 'gold' is found in formulaic phrases *čisto zlato* 'pure gold' and *žeženo*[23] *zlato* 'pure burning, melted gold', which are semantically but not etymologically equivalent. In addition, with the same meaning, *sukho zlato* 'dry, pure gold'.

2) The context of the formula is most frequently descriptive; *rauðr gull* 'red gold' (*Reginsmál* 9) and *hringr rauðr* 'red rings' (*Reginsmál* 15 and *Atlakvida in Grönlenzka* 39) appear in the *Poetic Edda*. In *Völundarkvitha* 8, Völundr works with *goll rautt* 'red gold' and gems to make rings. With respect to the contextual referents in the *Song of the Nibelungs* and in *Kudrun*, *rôtez golt* 'red gold' illustrates the richness of the clothing and weapons of warriors and their horses. It also appears in the description of weapons and rings of the precious metal in *Sir Gawain and the Green Knight*, although

[21] S.v "Zoloto", in Bobunova, Marija A. / Khrolenko, Aleksandr T., Slovar' jazyka russkogo fol'klora: Leksika byliny, Kursk, 2006, http://www.ruthenia.ru/folklore/bobunovakhrolenko3.htm.

[22] Data extracted from the corpus http://www.monumentaserbica.com/epp/.

[23] From Sl. *žegti 'burn'.

alternating with ‘bright gold’. In eastern and southern Slavic epic texts, this or similar formulas are located in contexts similar to Germanic texts, with a predominance of contexts that list rich rewards or bridal dowries. In Serb epic texts, the only case in which the formula *krasno zlato* appears in the Karadzic corpus has a clear symbolic value (brightness of fire / gold > beauty > maiden):

The weddings of Per Mrčarevic (ed. Vuk Karadzic III, 36, vv. 4-6):

Ја сам чуо ђе говоре љуђи	I have heard that people say
Да ти имаш на огњиште злато,	that you have gold in the fireplace,
Красно злато Анђушу ђевојку.	beautiful gold, the bride Andjuša

The formula is marked by the context in the preceding verse, which explicitly indicates the relationship between fire[24] and gold, although it has a symbolic value within the simile that includes it. The referent is the maiden awaiting her fiancé, similar in value and beauty to ‘red gold’.

3) The formula can be found in sequences of verses in concatenation with the silver formula *čisto srebro*, even expanding the enumeration with another member. The contexts in which the expansion of formulas takes place describe treasures or reward. The correlation with silver (or precious stones) in allusion to rewards and gifts from kings appears repeatedly in *Cf.* the *Song of the Nibelungs* and in the *Kudrun*.

For example, in Russian epic text: *Il’ja Muromec i Solovej* (ed. Boris N. Putilov 1986: 373)

Насыпайте-тко мису красна золота,	Put red gold in the tray,
А втору насыпайте да чиста серебра,	and in the second put pure silver,
А третью насыпайте да скатна жемчуга.	and in the third put round pearls.

Although both in Germanic and Slavic epic texts the series of gold-silver-precious stones often dispense with the epithets of the first two members and only add the last for the third member of the enumeration, according to ‘Behagel’s Law’. *Cf.* “Сребро, злато и камење драго” (*Tsar Otmanovic and the Russian tsarina*, V. Karadzic VII, 57, v. 295).

4) Of special interest is the appearance of ‘red gold’ in the tale *Rauðúlfs þáttr*, where the wise man Rauðr interprets the dream of Olaf II in which a human figure made of different metals appears on a cross. The head is of ‘red gold’ (*rautt gull*) ‘like bright gold’ (*af lýsi gulli*), which means that the glory of Olaf will be the brightest, as is red gold. The neck was made of copper, the chest and arms of ‘pure silver’ (*brennt silfur*), the upper abdomen of polished

[24] Although the term coined in SCr. for ‘fire’ is *vatra*, located in the Balkan substrate, the Common Slavic root is preserved in the derived noun *ognjište*, to designate the centre of the traditional home, the hearth, around the fire.

iron, the lower abdomen of 'bright gold' (*bleikt gull*) and the lowest part of impure silver. Legs below the knee were made of wood. Each part of the body in the dream represented the kingdom of Olaf's heirs.

It is a legend that uses imagery characteristic of etiological tales constructed on a set of symbols. The image consists of the identification of man with the set of metals in nature, organized from top to bottom in hierarchic order. Clearly, gold would correspond to the head or upper part of the body[25].

Russian epic texts contain reminiscences of a similar symbolic-ritual context that includes the formula 'red gold'. In the introduction of the *Poem of Egorij the Brave* (*Stikh Egorija Khrabrago*), the formula 'red gold' appears as a part of a larger structure that narrates the birth of the hero saint, the only male among sisters:

Variant 100, ed. Pëtr A. Bessonov, vv. 5-6[26]:

По колѣнъ ноги въ чистомъ серебрѣ,	of pure silver the legs up to the knees,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,	of beautiful gold the arms up to the elbows.

[25] It is inevitable to recall Iranian and Indian mythological traditions related to the origin of metals, according to which metals were born from the body of a sacrificed god or semi-god (Mircea Eliade 1979: 68-70). In the *Greater Bundahišn* (14.3), one of the cosmogonist myths describes the origin of metals from the body of Gayomart (lead of his head, tin of his blood, silver of his marrow, iron of his feet, copper of his bones, glass of fat, steel of his arms, "and gold out of life's departure, which owing to its valuableness men now give along with life". M. Eliade includes the myth registered in *Shatapatha Brahmana*, xii, 7, 1, 7: "From his navel, his life-breath flowed out and became lead, not iron, not silver; from his seed his form flowed out and became gold." The correlation between the body of the god and gold is also found in Egypt (M. Eliade 1979: 70) and in the tradition of the Old Testament, Dan 2, 26-45 in the interpretation of prophet Daniel of the dream of Nebuchadnezzar, in which there is an image with "head of fine gold, chest and arms of silver; abdomen and thighs of bronze" (Dan 2, 32).

[26] Among the 18 variants of the poem offered by the edition of P. A. Bessonov (1861, 1, variants 98-115), in 10 this formula appears in a fixed stable context. Text alterations are explained by its verticality; thus, the correspondence legs-silver/arms-gold is inverted in 99; in 106, vv. 9-10 and 110, vv. 4-5 the verse order is inverted, resulting in the succession arms-gold in the first place and legs-silver in the second. In 115, vv. 6-8, the formula *krasnoe zoloto* is replaced with *čistoe zoloto* by clear analogy with the formula referring to silver. Certain variants extend the formula with one or two more verses: variant 98, vv. 9-11 (in the same manner, variant 102, vv. 8-10) adds a third verse: "Голова его вся жемчужная" (the head all pearled); variant 104, vv. 10-12 adds the verse: "волосы на немъ что ковыль трава" (his hair as ears of grass); variant 103, vv. 6-9 (in the same manner 105, vv. 9-12) is extended in two more verses: "Голова and Егорія вся жемчужная,/ По всёмъ Егорiѣ часты звѣзды" (Egorij had his head all pearled,/ all Egorij covered with multiple stars).

The inverted cliché is recorded in popular Russian tradition in folk tales (Aleksandr N. Afanas'ev 1985, II: 296-307), where the princess gains the favour of the husband by promising him to conceive children "по колено ноги в золоте, по локоть руки в серебре" (to the knees of gold, to the elbows of silver). However, the formula *krasno zoloto* is not encountered in any testimony. In tales, the cliché is often combined with parallelisms between other parts of the body and different stars. According to Aleksandr N. Veselovskij (1883: 296-298), later also Vladimir Ja. Propp (2009: 246), they would be extensions of the image based on the central and primordial element that is the sun, which is identified with royal prestige, as explained in *Rauðúlfs þáttr* or shown in the formula *krasnoe solnyško* that accompanies eastern Slavic heroes identified with Russian princes.

The symbolic value of the formula resides in the connection of gold with the sun. The nexus lies in contexts such as that offered in *Sir Gawain and the Green Knight*, where the sun is bright (*brygt sunne*) in the sense of the transmitter of brightness, and 'red gold' is the metal that reflects this brightness (ed. John R. R. Tolkien – Eric V. Gordon, 1925, vv. 603-604):

> And al watz rayled on red ryche golde naylez,
> Þat al glytered and glent as glem of þe sunne.

Conclusion

The formula 'red gold' represents a development common to Germanic and Slavic branches, evidenced at formal and referential level. The central constituent of the noun phrase $*\acute{g}^{h}olh_{3}$*-to-*/ $*\acute{g}^{h}lh_{3}$*-to-* is fruit of a Baltic-Slavic-Germanic isogloss derived from the 'yellow' colour shade. The metonymic derivation that motivates the passage from the colour name to that of the golden metal confirms that it precedes development of a GREW colour category. The adjectival constituent with epithet function is found in each linguistic group but fixed with different etymology variants. While the Germanic term generalizes the most extended root in Indo-European languages for the colour red, Slavic fixes the root with the lengthening **krā-s-* for the formulaic phrase. Both the etymology proposed by J. Pokorny and parallels of the formula in Slavic languages (*cf.* Scr. *žeženo zlato*, from *žegti 'burn') indicate the motivation of the epithet in its brightness character. This reinforces hypotheses that interpret brightness as the predominant semantic value in the Germanic epithet. The epithet would replace the aspect of brightness implied by the root $*h_{2}\acute{e}$*-*$h_{2}us$*-*/$*h_{2}eu$*-es-* in other Indo-European languages, although it is absent in the substrate with the root for *'gold'* $*\acute{g}^{h}olh_{3}$*-to-*/$*\acute{g}^{h}lh_{3}$*-to-*.

Although the brightness category is the determinant factor in the characterization of the image of gold, interaction with the reddish hue can be dis-

cerned. It is sufficient to recall the epithets for Dawn in Homeric Greek and Indo- Iranian or the increasing evolution towards the red hue of the Slavic adjective *krasьnъ* in Russian.

The formula presents a cognitive prototype with symbolic value underlain by the relationship of the metal with fire and ultimately with the sun. This is explicitly shown in some settings. The symbolic-metaphoric value of the formula is found in narrative contexts, identifying gold with divinity or the prestige of princes, integrated within heroic imagery (Saint Olaf, Vladimir the Saint or Saint George) as a correlate with sun-related divinities in other Indo-European traditions (M-L. West 2007: 203ss; Hans H. Hock – Bryan D. Joseph 1996: 502). It is also found in formulaic sequences that utilise the metaphor of human body parts for different metals, establishing a hierarchy in which gold occupies the main position.

The descriptive referential value of the formula is located in epic texts that describe the characteristic weapons and riches of soldiers. The positive connotation of bright gold gives rise to clichés used in popular Slavic tradition (folk tales).

Bibliography

AFANAS'EV, A. N. (1984-1985), Narodnye russkie skazki, Moskva.

ANDERSON, E. R. (2003), Folk-taxonomies in Early English, London.

BARLEY, N. F. (1974), Old English colour classification: where do matters stans?, [w:] Anglo-Saxon England, 3, 15-28.

BERLIN, B. / KAY, P. (1969), Basic Color Terms, Berkeley / Los Angeles.

BESSONOV, P. A. (1861), Kaleki perekhožie, Sankt Peterburg.

BIGGAN, C. P. (2007), The ambiguity of *brightness* (with special reference to Old English) and a new model for color description in semantics, [w:] MacLaury, R. E. / Paramei, G. V. / Dedrick, D. (red.), Anthropology of Color. Interdisciplinary multilevel modeling. Amsterdam / Philadelphia, 171-188.

BOBUNOVA, M. A. / KHROLENKO, A.T. (2006), Slovar' jazyka russkogo fol'klora: Leksika byliny, Kursk [online], http://www.ruthenia.ru/folklore/bobunovakhrolenko3.htm [retrieved: 2017-08-22].

CAMPANILE, E. (1977), Ricerche di cultura poetica indoeuropea, Pisa.

CORBETT, G. / MORGAN, G. (1988), Colour terms in Russian: reflections of typological constraints in a single language, [w:] Journal of Linguistics. 24, 31-64.

DERKSEN, R. (1996), Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon, Leiden [online], http://dictionaries.brillonline.com [retrieved: 2017-08-22].

DURANTE, M. (1971, 1976), Sulla preistoria della tradixzione poética greca, 2 vols., Rome.

ELIADE, M. (1979), The Forge and the Crucible: Origins and Structures of Alchemy, Chicago.

FAULKES, A. (red.) (2011), Rauðúlfs þáttr, London.

GAMKRELIDZE, T. V. / IVANOV, V. V. (1995), Indo-European and the Indo-Europeans: A reconstruction and historical analysis of a proto-language and a proto-culture, 2, Berlin-New York.

HIPPISLEY, A. (2001), Basic blue in East Slavonic. [w:] Linguistics, 39, 15-179.

HOCK, H. H. / JOSEPH, B. D. (1996), Language History, Language Change, and Language Relationship. An Introduction to Historical and Comparative Linguistics, Berlin.
JAKOBSON, R. (1952), Studies in *Comparative Slavic* Metrics, [w:] Oxford Slavonic Papers. III, 21-66.
JONSSON, F. (1932), De Gamle Eddadigte, København.
KARADZIC, V. S. (1899-1902), Srpske narodne pjesme 1-9, Beograd [online], http://www.monumentaserbica.com/epp/ [retrieved: 2017-08-22].
KARADZIC, V. S. (1974), Srpske narodne pjesme iz neobjavlenikh rukopisa Vuka Stef. Karadzica, Srpska akademija nauka i umetnosti, Beograd [online], http://www.monumentaserbica.com/epp/ [retrieved: 2017-08-22].
KROONEN, G. (2010), Etymological Dictionary of Proto-Germanic, Leiden [online], http://dictionaries.brillonline.com [retrieved: 2017-08-22].
KUL'PINA, B. G. (2007), Sistema cvetooboznačenij russkogo jazyka v istoričeskom osveščenii, [w:] Vasilevič, A.P. (red.), Naimenovanija cveta v indoevropejskikh jazykakh: Sistemnyj i istoričeskij analiz, Moskva, 126-184.
LERNER, L. (1951), Colour Words in Anglo- Saxon, [w:] Modern Language Review. 46, 246-249.
LÉVI- STRAUSS, C. (1963), Structural Anthropology, New York.
MACLAURY, R. E. (1992), From brightness to hue: An explanatory model of color- category evolution, [w:] Current Anthropology, 33, 137-186.
MACLAURY, R. E. (1997), Color and Cognition in Mesoamerica: Constructing Categories as Vantages, Austin.
MACLAURY, R. E. (2002), Vantage theory: Applications in linguistic cognition, [w:] Language Sciences, 24, Special issue.
MALLORY, J. P. / ADAMS, D. Q. (1997), Encyclopedia of Indo-European Culture, Londres.
MORGAN, G. / CORBETT, G. G. (1989), Russian colour term salience, [w:] Russian Linguistics. 13, 125-141.
NAGY, G. (1974), Comparative Studies in Greek and Indic Meter, Harvard.
PARAMEI, G. V. (2007), Russian 'blues': Controversies of basicness, [w:] MacLaury, R. E. / Paramei, G. V. / Dedrick, D. (red.), Anthropology of Color. Interdisciplinary multilevel modeling. Amsterdam / Philadelphia, 75-106.
PINAUD, G. J. / PETIT, D. (2006), La langue poétique indo-européenne. Actes du Colloque de travail de la Société des Études Indo-Européennes (Indogermanische Gesellschaft / Society for Indo-European Studies). Paris, 22-24 octobre 2003, Paris.
POKORNY, J. (1959), Indogermanisches etymologisches Worterbuch. Bd. I-II. Bern- Munchen.
POPOVIC, L. (1992), O semantici naziva za crvenu boju u ukrajinskom, ruskom i srpskom folkloru, [w:] Raskovnik. Časopis za književnost i kulturu, 18, 69-70; 91-102.
POPOVIC, L. (2007), Prototypical and stereotypical color in Slavic languages: Models based on folklore, [w:] MacLaury, R.E. / Paramei, G.V. / Dedrick, D. (red.), Anthropology of Color. Interdisciplinary multilevel modeling. Amsterdam / Philadelphia, 405-420.
PROPP, V. Ja. (2009), Istoričeskie korni volšebnoj skazki, Moskva.
PUHVEL, J. (1987), Comparative Mythology, Baltimore.
PUTILOV, B. N. (1986), Byliny, Leningrad.
RADENKOVIC, L. (1989), Simvolika cveta v slavjanskikh zagovorakh, [w:] Tolstoj, N.I. (red.), Slavjanskij i balkanskij fol'klor: Rekonstrukcija drevnej slavjanskoj dukhovnoj kul'tury, istočniki i materialy, Moskva, 122-148.
SAFUAOVA, O. V. / KORZH, N. N. (2007), Russian color names: Mapping into a perceptual color space, [w:] MacLaury, R. E. / Paramei, G.V. / Dedrick, D. (red.), Anthropology of Color. Interdisciplinary multilevel modeling. Amsterdam / Philadelphia, 55-74.

SCHMITT, R. (1967), Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit, Wiesbaden.
SEDAKOVA, I. A. (2007), Sistema cvetooboznačenija v bolgarskom jazyke, [w:] Vasilevič, A. P. (red.), Naimenovanija cveta v indoevropejskikh jazykakh: Sistemnyj i istoričeskij analiz, Moskva, 185-197.
SIEVERS, E. (red.) (1921), Der Nibelunge Not. Kudrun, Leipzig.
SREZNEVSKIJ, I. I. (1893-1912), Materialy dlja slovarja drevnerusskago jazyka po pis'mennym pamjatnikam, Sankt Petersburg.
TOLKIEN, J. R. R. / GORDON, E. V. (1925), Sir Gawain and the Green Knight, Oxford.
TOPOROV, V. N. (1969), K rekonstrukcii indoevropejskogo rituala i ritual'no-poėtičeskikh formul (na materiale zagovorov), Trudy po znakovym sistemam, t. 4, Tartu.
TRUBAČËV, O. N. (1985), Ėtimologičeskij slovar' slavjanskikh jazykov, Moskva.
VASMER, M. (1950-58), Russisches Etymologisches Wörterbuch, Heidelberg.
VESELOVSKIJ, A. N. (1883), Razyskanija v oblasti russkogo dukhovnogo stikha, Sankt-Peterburg.
WATKINS, C. (1995), How to Kill a Dragon: Aspects of Indo-European Poetics, Oxford.
WEST, M. L. (2007), Indo-European Poetry and Myth, Oxford.

Reconstructing Indo-European Poetics. Germanic and Slavic «Red Gold»

The epic formula 'red gold' represents a development common to Germanic and Slavic branches, evidenced at referential level, although *divergence* can be observed in the etymology of the colour term that functions as epithet. While Germanic noun phrase generalizes the most extended root in the Indo-European languages for the red colour (*$h_1$roudh-o-), Slavic formulas show development of various roots with different semantics concerning brightness or hue as predominant semantic category in the epithet. The reconstruction of the cognitive prototype of the phrase formulas, their symbolic value and their comparison with relative formulaic expressions in other Indo-European languages demonstrate that the Germanic and Slavic formula retains an evolutionary stage in which the brightness is imposed on the hue.

Key words: epic formula, cognitive prototype, brightness, colour system, red gold.

ENRIQUE SANTOS MARINAS
University Complutense of Madrid – IUCR (Spain)

Communicating an Indo-European Myth to the Christian Kievan Rus': Boris and Gleb as the Divine Twins

Introduction

The typos of the martyred prince has been one of the main models of saint for the Russian Orthodox Church since its origin. Princes Boris and Gleb were the first East Slavic saints canonized after the baptism of their father, prince Vladimir, in 988. Murdered by their half-brother Svjatopolk in the fight for the power that followed Vladimir's death in 1015, they were canonized in the Kievan Rus' already in 1072, and their cult became a way to legitimate and strengthen the Christian faith as well as the reigning dynasty. The hagiographical and hymnographical works devoted to them were composed following the model of another Slavic martyred saint: the Czech prince Wenceslas. However, in this paper we will see how they share many motifs and attributes in common, and even some parts of the story, with the Old Indo-European Myth on the Divine Twins, that is embodied by the Indian *Aśvins*, the Greek *Dióskouroi*, and even the Roman founding brothers Romulus and Remus. Here, we can find also the sacrificed twin myth in their quarrel over kingship, the same as the fight between Vladimir's sons after his death. For this study, we will analyse the East Slavic spiritual chants devoted to Boris and Gleb, and we will compare them to several historiographical, hagio-

graphical and hymnographical works, trying to find the possible inherited pre-Christian elements that could have been preserved.

Historiographical and Hagiographical sources

According to the *Primary Chronicle*, also known as "Tale of Bygone Years", dating back to the beginning of the 12th c. though based on earlier materials, Vladimir's eldest son, Svjatopolk ordered the murder of his two younger half-brothers, Boris and Gleb, trying to get for himself the rule of the whole kingdom. Finally, his crime was avenged by another half-brother, Jaroslav, who defeated Svjatopolk and occupied the throne of Kiev until his death in 1054, during one of the most flourishing periods of the state. Shortly after their death in 1015, the murdered princes started to be venerated as saints and *strastoterptsy* "Passion bearers", and by the year 1072 they would have been recognized officially as saints by the Constantinopolitan hierarchy.

In their honour was written the first East Slavic hagiography, an anonymous work known as "*Narrative and Passion and Encomium of the Holy Martyrs Boris and Gleb*". Nevertheless, it has not been solved yet the question on the date of its composition and its relationship with the other two oldest works devoted to the saint princes, the *Lection on the Life and Assassination of the Blessed Passion Sufferers Boris and Gleb* and the account in the *Primary Chronicle*. In the *Narrative* can be seen the influence of the Second Old Church Slavonic *Life of St. Wenceslas*, the Bohemian prince from the 10th century, whose martyrdom is explicitly compared with Boris and Gleb.

However, the similarities are not only Slavic, for we can identify them also in the Scandinavian tradition, as well as in other Indo-European traditions. This would be pointing out that this theme would be much older, having its roots in the motif of the Divine Twins of the Indo-European religion.

Ancestor worship and blood revenge

In her socio-cultural study of the cult and the texts devoted to the martyred princes Boris and Gleb, the scholar Gail Lenhoff raised the hypothesis on the possible existence of a pre-Christian substrate for the cult of the first East Slavic saints, bearing in mind that the Kievan Rus' had been converted into the Christian faith only a few decades before the murder of the princes (Lenhoff 1989, 32). This way, the circumstances of the brothers' murder and the recovery of their remains were interpretable according to either the pre-Christian or the Christian cultural code. And such overlap of traditions could have had as a consequence a genuine veneration for the saint brothers, that would have been accepted by the clergy as Christian veneration.

In the aforementioned monograph G. Lenhoff starts analysing Jaroslav's personal attitude toward the death of his brothers. And she identifies two elements that could date back to the pre-Christian culture: Blood revenge and ancestor worship (Lenhoff 1989, 34-35). In this sense, she quotes the two speeches of prince Jaroslav crying out for vengeance for his brothers' death that can be found in the *Primary Chronicle*. As G.Jaroslav Lenhoff already remarks, in spite of the Judeo-Christian justification attributed by the chronicler to the actions of prince Jaroslav, if we read between the lines of these speeches and compare what is expressed with other sources, can be reconstructed what she calls "the syncretic socio-cultural context" of Jaroslav's response to the murders. The prince speaks for the first time while he was preparing the first of the three battles against Svjatopolk at Ljubeč. Jaroslav calls on God to bear witness that

> 'It was not I who began to kill our brethren, but Svyatopolk himself. May God be the avenger of the blood of my brothers inasmuch as Svyatopolk, de-spite their innocence, has shed the just blood of Boris and Gleb. Perhaps he will even visit the same fate on me. But judge me, oh Lord, according to the right, that the malice of the sinful may end.' (Cross / Sherbowitz-Wetzor, 1953: 131).

Jaroslav's second speech is uttered before the final battle against Svjatopolk on the River Al'ta:

> Yaroslav halted at the site where Boris had been slain and, lifting up his hands to heaven, exclaimed, 'The blood of my brother cries aloud to thee, oh Lord. Avenge the blood of this just man. Visit upon this criminal the sorrow and terror that thou didst inflict upon Cain to avenge the blood of Abel.' Then he prayed and said: 'My brethren, although you be absent in body, yet help me with your prayer against this presumptuous assassin.' (Cross / Sherbowitz-Wetzor, 1953: 133).

The usual reading of these passages has been from a Christian point of view, as the Christian chronicler, no doubt, intended them to be read. Svjatopolk, who has violated the Lord's commandments in the spirit of Cain, has become accursed by men and God. In the Book of Genesis (4:15-16) Cain, though a fugitive, is marked so that no man will dare to kill him: his punishment must be inflicted by the Lord alone. However, Jaroslav's argument is slightly different: he makes himself out to be the Lord's instrument, implying that if he punishes Svjatopolk it is because the Lord allows him to be His agent. In the same sense, the chronicler tells us, Jaroslav just will defeat his brother in battle, forcing him to flee the country. And he will be finally punished by God in his flight and exile. A demon causes his limbs to weaken so that he cannot sit on his horse and must be carried about on a litter. The demon then causes him to be afflicted with a persecutory mania that makes him to move from place to place until his death.

Nevertheless, in the text is implied also an element of the politics of Kievan Rus', such as the spirit of the first East Slavic legal code, *Pravda Russkaja* "Rus'ian Law", being enacted during prince Jaroslav's reign, that begins with the following article:

> ARTICLE I. If a man kills a man [the following relatives of the murdered man may avenge him]; the brother is to avenge his brother; the son, his father; or the father, his son; and the son of brother [of the murdered man] or the son of his sister, [their respective uncle]. If there is no avenger, [the murderer pays] 40 grivna wergeld [...] (Vernadsky 1947, 26).

As a consequence, according to this code of law, Jaroslav would be legally protected in order to avenge his brothers. From Jaroslav's prayers of lament can be deduced also a motivation for the promotion of the cult of his brothers Boris and Gleb. The scholars usually explain this prayer as a typically Christian petition. However, in this very recent moment from their death, the murdered princes did not have yet the formal category of saints nor martyrs. That is why it could be considered here as an anachronism, unless it is understood in pre-Christian terms: Jaroslav is invoking his deceased relatives for help in virtue of their kinship, a very widespread practice among the Slavs and their cult of ancestors. Actually, this was a custom shared both by the Slavs and by the Scandinavian peoples, being their societies organized around institutions of kinship, for, quoting Jan De Vries in his monograph on the religion of the ancient Germanic peoples, „the clan united the dead and the living into a single community whose members were bound together by their very being. [...] [They] had no choice but to stand by one another with unswerving loyalty [...] Blood revenge is neither the unbridled expression of pain or rage at the death of a relative nor a personal vendetta: it is intended to redress the wounded honour of the clan. One could go so far as to say that the clan must demand [blood revenge] in order to restore its world image, which has been shattered by the death" (De Vries 1956, 145-146).

Funerary rites

Ancestor worship and blood revenge of the clan wouldn't be the only elements of the story of Boris and Gleb that could be traced back to the Slavic pre-Christian religion. According to G. Lenhoff (1989, 37-41), the strange phenomena or posthumous miracles that took place around the bodies of the murdered princes could fit within the context of the pre-Christian beliefs and rites. The entry of the *Primary Chronicle*, as well as the oldest works devoted to the saints, recount that Boris's body was recovered and buried in the church of St. Basil at Vyšgorod. Regarding Gleb's corpse, it remained lost lying in the wilderness, somewhere close to the river Smjadyn, tributary to

the river Dnieper, where he was thrown between two tree trunks. Concretely, the *Narrative* tells the following:

> And though the saintly one lay there a long time, he remained entirely unharmed, for He left him not in oblivion and neglect but gave signs: now a pillar of fire was seen, now burning candles. Moreover, merchants passing by on the way would hear the singing of angels; and others, hunters and shepherds, also saw and heard these things. (Kantor 1983, 193).

And the *Lection* on the same event gives the following account:

> The Christ-loving prince ordered that the body of the holy Gleb be sought. Though they searched long and hard, no one could find it. Then one year later hunters came upon the saint's body lying unharmed, for neither beasts nor birds had touched it. They went to the town and informed the town's senior official. Together with servants, he went [to the place] and saw how the saint's [body] glowed like lightning, and the official was awestruck. He or-dered his servants to guard the holy body in that place, while notification was sent to the Christ-loving Jaroslav [...] (Lenhoff 1989, 127, n. 14).

Once the corpse had been located, Jaroslav's men brought it back to the Vyšgorod church of St. Basil, where it was interred beside the body of Boris. However, the strange phenomena didn't stop here, for candles and fiery pillars were observed over the new grave sites. People came in increasing numbers to pay their respects to the dead princes, but there were still some who doubted. These sceptics, too, were privy to miraculous signs, though of a more ominous character. In the most dramatic incident (or comic depending on the perspective), flames burst from the grave, burning the feet of a Varangian soldier who had inadvertently stepped on the holy site. A few days after the Varangian was burned, reports the author of the *Narrative*, the Church of St. Basil was destroyed by a dreadful fire:

> Once Varangians came close to the place where the saints lay buried beneath the ground. And as one of them passed by, at that instant fire issued from the grave and set his legs afire. Leaping up he began to exclaim, showing his burned and scorched legs to his retinue. And thenceforth they dared not approach closely, but bowed down in fear. A few days after this the Church of Saint Vasilij, near which the saints lay, caught fire. People flocked to the sight and, as the church was burning from the top down, they carried out all the icons and chalices, and nothing was consumed save the church itself. (Kantor 1983, 209).

The reaction of prince Jaroslav and of the Orthodox clergy in response to this strange phenomenon is very revealing:

> Jaroslav was told of this. And he summoned the Metropolitan John and told him everything concerning the holy martyrs, his brothers. And he was in great fear, and in doubt, and then he filled with courage and joy in God. And upon departure from

> the Prince, he gathered the clergy and the entire priesthood and commanded them to go to Vyšegorod with crosses. And they came to the place where the saints lay. Prince Jaroslav was also with them. And they erected a small cell in the place where the church had burned down. The Archbishop arrived with crosses and arranged the evening service in that cell. (Kantor *loc. cit.*).

That is, it looks like they did an exorcism in that place. The *Lection* devotes some more space to the account, which it attributes to the devil's displeasure at seeing people visit the holy grave:

> And all this, I think, was allowed by God to happen–for the [Church of St. Basil] was a poor decrepit wooden one–so that another church would be erected on the site in the name of the holy and the blessed passion-sufferers Boris and Gleb… For they are luminaries in the shrine, God's servants, and it was not fitting for such luminaries to be buried in the earth: they should be laid in a pure place that they might shine forth to all inside the church. (Lenhoff 1989, 127-128, n. 16).

As a consequence, in the new stone temple that was built, the incorrupt bodies of the saints were placed in a sepulchre above the ground, on the right side of the place. All these precautions don't seem to be casual, but on the contrary they would respond to a rite of exorcism and purification, with the aim of ensure the eternal rest that the martyred saints apparently couldn't find.

As G. Lenhoff reminds (Lenhoff 1989, 39-40), Boris and Gleb's fiery miracles have many parallels not only in the medieval East Slavic literature, with the prodigies that can be found in the *Life of St. Feodosij* in the Patericon of the Kiev Cave Monastery, but also in other Slavic literatures, with the burning luminaries that appear on the grave of the Bohemian saint princess Ludmila, grandmother of prince Wenceslas (Jakobson 1976, 47), as well as in the medieval Scandinavian literature, with the lights that could be seen surrounding the corpse of the Norwegian saint King Óláfr Haraldsson, as it is told by the *Heimskringla Saga* in its chapter 238. Olaf II of Norwey, known as "the Saint", is in fact the patron saint of Norway, helping to settle the christianization of his country that had been started by King Olaf I Tryggvasson. Olaf II ruled between 1015 and 1028, that is, coinciding with the rule of prince Jaroslav in Kiev. But they were not only contemporaries, but they even get to know each other and to establish family ties. In 1019 Olaf II married to Astrid Olofsdotter, second daughter of the King Olaf Skötkonung of Sweden, and sister of Ingigerðr, who that very year married to prince Yaroslav of Kiev. But their relationship was even closer, because when the Danish King Cnut the Great invaded Norway in 1028, King Óláfr went to exile in the Kievan Rus', being hosted in prince Jaroslav's court. In 1030 he returned to his kingdom with an army, trying to reconquer it, but failed in the battle of Stiklestad, where he lost his life too. It was right after

his death when started his posthumous miracles, among which took place the luminaries described by the *Heimskringla Saga*:

> 238. Þorgils Hálmuson and his son Grímr had King Óláfr's body in their keeping, and were very anxious about how they could manage to take care that the king's enemies were not able to get hold of it to mistreat the body, since they heard the farmers' talk of it being the best thing to do, if the king's body was found, to burn it or convey it out to sea and sink it down. The father and son had seen during the night as if it were a candle flame burning above where King Óláfr's body was among the slain, and similarly afterwards, when they had hidden the body, then they always saw at night a light from the direction where the king rested. They were afraid that the king's enemies would search for the body there where it was if they saw these signs. (Finley / Faulkes 2014/2, 265).

Before, in chapter 236 it was recounted how the father and his son „took up King Óláfr's body and carried it away to where there was a kind of small, empty cottage on one side of the farmstead, taking [395] a light with them and water, then took the clothes off the body and washed the body and wiped it then with linen cloths, laid it down there in the building and covered it with pieces of wood so that no one could see it, even if people came into the building." (Finley / Faulkes 2014/2, 264). This way, though neither the place nor the circumstances of King Óláfr's death coincide with those of prince Gleb, in both cases are to be found both the lights and the pieces of wood, or the tree trunks in the case of Gleb.

G. Lenhoff links all the fire miracles to the worship of fire that is attested among the ancient Slavs in several sources, as well as with the identification of fire with the souls of departed (Lenhoff 1989, 37-38). Even the fiery pillar could be related to the prophet Elijah and the Slavic pre-Christian god Perun, a weather god with whom the Old Testament prophet was identified among the East and South Slavs in the period of syncretism just after the christianization known as dvoeverie "double faith" (Lenhoff 1989, 40-41). This is something that could be supported by the detail included in the *Narrative*, according to which Gleb's body was glowing like lightning. Yet plausible as those explanations are, we prefer to suggest a new one that was not mentioned by G. Lenhoff. And it is the sudden change of the burial rites that took place in the Kievan Rus' after the christianization of the country with the baptism of Prince Vladimir in 988, that is, Boris's and Gleb's father. This way, the East Slavs, the same as the other Slavic peoples, had to quit their original burial custom, the cremation, and adopt the Christian inhumation. An example of the East Slavic original burial custom can be found in the *Primary Chronicle*:

> Whenever a death occurred, a feast was held over the corpse, and then a great pyre was constructed, on which the deceased was laid and burned. After the bones were collected, they were placed in a small urn and set upon a post by the roadside, even

> as the Vyatichians do to this day. Such customs were observed by the Krivichians and the other pagans, since they did not know the law of God, but made a law unto themselves (Cross / Sherbowitz-Wetzor 1953, 56-57).

This sudden change of customs may have caused them a real trauma that, according to several sources on the Slavic pre-Christian religion that we don't have time to mention here, had as a consequence all the famous stories of vampires and restless dead that are well known in the Balkans and in the Central and Eastern Europe, and that would date back to the pre-Christian substrate of all the Indo-European peoples. Not by chance the martyred saints Boris and Gleb would be, from the Slavic pre-Christian mentality, the perfect candidates to become "restless dead", being the victims of a murder, and concretely of a fratricide, and not having completed their life cycle. In most of the stories of restless dead that can be found among the Slavic peoples, the only way of restore the natural order is to resort to the primitive funerary rite, the cremation. And it is exactly the fire the phenomenon that is provoked by the remains of the princes.

The Indo-European Myth of the Divine Twins

Few East Slavic saints have inspired so longstanding and extensive a liturgical tradition as Boris and Gleb. Hymns written in their honor predate the services to other Kievan saints by over a hundred years. By the mid-twelfth century there were at least two redactions of the full office: one attributed to Kievan Metropolitan John (Abramovič 1916, 136-143), who ruled during the eleventh century, and a second to Novgorod Bishop Arkadij (Abramovič 1916, 143-146), who lived in the second half of the twelfth century. Regarding Metropolitan John's office, it is not only the earliest extant service for Boris and Gleb, but one of only a few surviving copies of a pre-thirteenth-century service to East Slavic saints. In her monography, G. Lenhoff (1989, 60) says that while the composition of early codices bears witness to the pre-thirteenth-century practice, it also reflects the *Sitz im Leben* of the early cult. According to her, initially that cult was limited to a few parishes in a single eparchy of a newly-converted nation. Boris's and Gleb's feast day on July 24th coincided with that of St. Christine of Tyre. For the Church as an institution Christine was the more important saint. This "ranking" would have determined the number of hymns that were initially necessary for the observance of Boris's and Gleb's feast day. When services for more than one saint have to be combined, the celebrant has the option of either combining full services, or allowing elements from one service to take precedence over the other. The latter is more common, and it is what happened in the case of the earliest versions of Boris' and Gleb's service. In such cases the celebrant

selects a varying number of hymns which he considers sufficient for the commemoration of the lesser saint and integrates them with the central services. As Gail Lenhoff recounts (*loc. cit.*), comparison of thirty manuscript offices commemorating the martyred princes indicates that, as the cult spread, Boris' and Gleb's office gradually took precedence to the office for St. Christine, eventually displacing it altogether in the sixteenth-century Menaia (Lenhoff 1989, 61).

Among the specific verses composed by Metropolitan John for the commemoration of Boris and Gleb, one of the epithets attributed to the martyred princes, called by their Christian names "Romanus and David", in a hymn called *kontakion* is "divine physicians":

> *Kontakion*, tone 3, prosomoion: 'Today a Virgin…' Today your most glorious memory, martyrs in Christ, Romanus and David shone forth, summoning us to praise Christ our God. Therefore, hastening to your coffins, we receive the gifts of healing – you are the divine physicians! (Lenhoff 1989, 32, n. 11).

And this is exactly one of the epithets employed in the Rigveda to refer to the *Aśvins*, the Divine Twins of the Vedic Mythology. They were gods of the morning sky and day light. In the Rigveda they have come to be typically succouring divinities (Macdonell 1897, 51). They are thus also characteristically divine physicians (RV 8,18), who heal diseases with their remedies (RV 8,22), restoring sight (RV 1,116), curing the blind, sick and maimed (RV 10,39). That is why they share many elements in common with the martyred princes Boris and Gleb and their posthumous miracles.

Somehow they remind us also of King Agni's sons, who were called Alrekr and Eiríkr, in the chapter 20 of the Scandinavian *Heimskringla Saga*. According to the Saga, they were good warriors and horsemen, and had a special predilection for horses, competing over who had the better horses and who rode them better. Actually, they both would have died under strange circumstances during a competition riding their horses, allegedly killing each other with their horses' bridles. Apparently they didn't have nothing to do with Boris and Gleb, besides of being brothers and dying as a result of a fratricide. But if we look closer and compare the possible common roots of both stories, we may discover that they could be related. As we mentioned before, the brothers Alrekr and Eiríkr remind us very much to the Vedic *Aśvins*, and here it could deal with another variant of the ancient Indo-European myth of the Divine Twins. Following Shan M. M. Winn, „the most easily recognizable aspect of the Twins is, perhaps, their association with horses. During battle, they often assumed horse shape –a capability, no doubt, of great help to the warrior elite. The name "*Aśvins*" means "horsemen" or "offspring of horses"." (Winn 1995, 138-139). It is the same kind of mythic figure as the Greek *Dióskouroi*, or „sons of Zeus", and even the Roman brothers Romulus

and Remus, with their founding myth of Rome. In addition, they use to be solar deities, sons of the god of the shining sky and of the day light, whose name is reconstructed in the Indo-European religions as *Dyēus. Quoting Winn (1995, 138-139), „the Greek *dióskuroi* were sometimes referred to as "white colts of Zeus," and the Baltic *sons of Diēvas* (the Shining Sky) were represented by two horses". In this aspect, they would be related to the luminaries of the fiery phenomena that take place around the bodies of Boris and Gleb. In the latters' death didn't intervene horses, but there is a detail in the episode of Gleb's murder by his half-brother Svjatopolk, according to the *Narrative*, that does include his horse. It reads as follows:

> Having put his in his mind, that evil counselor the Devil summoned the blessed Gleb, saying: "Come quickly, your father summons you and is very sick." He quickly mounted his horse and set off with a small retinue. And when he came to the Volga, the horse beneath him stumbled over a rut in the field and slightly injured its leg. (Kantor 1983, 185).

The same passage can be found in the *Primary Chronicle*, in the entry for the year 1015:

> The impious Svyatopolk then reflected, "Behold, I have killed Boris; now how can I kill Gleb?" Adopting once more Cain's device, he craftily sent messages to Gleb to the effect that he should come quickly, because his father was very ill and desired his presence. Gleb quickly mounted his horse, and set out with a small company, for he was obedient to his father. When he came to the Volga, his horse stumbled in a ditch on the plain, and injured his leg slightly. (Cross / Sherbowitz-Wetzor 1953, 128).

As Marvin Kantor explains in the end notes of his translation of the *Narrative*, „in the oral tradition, particularly in the *byliny*, a horse stumbling beneath its rider appears as an ill omen. It is curious that such an element – considered by many to be a mythological pagan survival– should have found its way into a work of this type. The origin of this symbolism has been traced back to the role of horses in divinations." (Kantor 1983, 241, n. 38). In the East Slavic tradition, a very well known episode that relates a horse and a death omen is the legend on the death of the Kievan prince Oleg, as it is recounted by the *Primary Chronicle*, in the entry for the year 912:

> Now autumn came, and Oleg bethought him of his horse that he had caused to be well fed, yet had never mounted. For on one occasion he had made inquiry of the wonder-working magicians as to the ultimate cause of his death. One magician replied, "Oh Prince, it is from the steed which you love and on which you ride that you shall meet your death." (Cross / Sherbowitz-Wetzor 1953, 69).

The Indo-European Cosmogonical Myth of the Sacrifice of the Twins

However, the link between the East Slavic brothers and the horses is not very clear. Instead they would rather refer to a different Indo-European cosmogonical myth that involved the sacrifice of the twins. If we agree with Sh. Winn (1995, 159), „the first humans, according to Indo-European cosmogony, were twin brothers, named "Man" and "Twin," whose broken body was transformed into various elements of the world. In his *Germania*, the Roman historian Tacitus records a fragmentary version of this myth, featuring the earth god Tuisto and his son Mannus", being a variation of the myth with a father and a son, instead of twins, though the name of the god Tuisto would mean "Twin" and "Man" would be self-explanatory. Similarly, the Scandinavian equivalents of the Divine Twins would be the gods Njörd and Freyr, that is, the team of father and son.

But in this particular case the legend of the martyred princes Boris and Gleb would be closer to the story of their Roman counterparts Romulus and Remus than to the Germanic and Scandinavian myths. In this sense, as Sh. Winn recounts, „a particular version of the sacrificed twin myth occurs in Roman tradition, where, predictably, it was historicized. Livy writes that Romulus and Remus, having restored their grandfather Numitor to his rightful position, felt a great desire to found a city in the region where, as infants, they had survived with the help of a wolf. Unfortunately, they quarreled over the kingship." (Winn 1995, 166). Likewise, prince Vladimir's sons fought for power, though in this case, it was a third half-brother, Svjatopolk, who ordered the murder of the princes Boris and Gleb, and a fourth one, Jaroslav the Wise, who avenged their murders. In the story of the Roman founders, according to Livy, Remus died as a result of the battle that confronted Romulus's and Remus's respective followers or, according to a „commoner story", „Remus leaped over the new walls in mockery of his brother; whereupon, in great anger, Romulus slew him" (Winn 1995, 166). In his turn, Romulus would have disappeared during a big thunderstorm, and the official explanation was that he had been caught up to heaven. However, Livy believed that „there were some who secretly claimed that the king had been torn into pieces by the hands of the senators –a rumour which travelled abroad, though only in very obscure terms." (Winn 1995, 167). In the account on the murder of princes Boris and Gleb, someone is also cut into pieces. In the *Primary Chronicle* it is told that Boris was pierced with lances and Gleb was stabbed by his cook with a knife. But in their story there is also the beheading of Boris's loyal servant of Hungarian origin, called George, who was beheaded by Svjatopolk's men in order to steal the golden necklace that Boris had given to him as a present. The *Primary Chronicle* tells this episode as follows:

> After offering this prayer, he lay down upon his couch. (134) Then they fell upon him like wild beasts about the tent, and pierced him with lances. They stabbed Boris and his servant, who cast himself upon his body. For he was beloved of Boris. He was a servant of Hungarian race, George by name, to whom Boris was greatly attached. The Prince had given him a large gold necklace which he wore while serving him. They also killed many other servants of Boris. But since they could not quickly take the necklace from George's neck, they cut off his head, and thus obtained it. For this reason his body was not recognized later among the corpses. (Cross / Sherbowitz-Wetzor 1953, 69).

This way, in the martyrdom of princes Boris and Gleb can be found all the elements of the Indo-European primordial sacrifice: the murder of the brothers as a fratricide, their peaceful acceptance of their sacrifice, and the beheading of Boris's beloved servant.

In Winn's words, „Rome, from the viewpoint of its inhabitants, was more than a city. It was the center of the universe –the laws, rituals and institutions that defined the culture were symbolically united in the concept of "Rome." The story of the city's origins, then, was equivalent to a cosmogony. Remus became, literally, a part of Rome's foundations, and thus sanctified the culture as a whole." (Winn 1995, 166). Something similar can be said regarding the beginnings of the Kievan Rus', at least in what is told in the *Primary Chronicle* about its first rulers. Most of them are adorned with mythical exploits and legendary stories, comparing them to the Old Testament characters through biblical typology, or even recording popular legends coming from the folklore. In the same way can be understood the prophecy on the foundation of the city of Kiev over seven hills, emuling the model of the mythic Rome, during a legendary trip attributed to the apostol St. Andrew up the Dnieper river on his way to Rome, as it is told at the beginning of the *Primary Chronicle* (Cross / Sherbowitz-Wetzor 1953, 54). This way, the city of Kiev could have been seen as a new Rome, but a Christian one. And the murder of the princes Boris and Gleb would be the founding sacrifice that would have settled down the foundations of the new Christian state on the basis of a former pre-Christian kingdom.

Conclusions

As a summary, we can say that the legends of the holy brothers Boris and Gleb are a mixture of elements coming from different traditions, showing influences from the West Slavic literature with the *Life of St. Wenceslas*, as well as parallels with the Scandinavian sagas, and especially with the *Heimskringla Saga*, that could date back to the time of the Scandinavian contacts and ties (even dynastic) during the rule of prince Jaroslav the Wise (1019-1054). In the earliest layer, it could be possible to trace back a mythic

substratum that would have its origin in the old religion of the Indo-European peoples, containing elements of the myth of the holy brothers or the divine twins, as well as of the cosmogonical myth of the sacrifice of the twins.

Bibliography

ABRAMOVIČ, D. I. (1916), Žitija svjatyx mučenikov Borisa i Gleba i služby im (= Pamjatniki drevne-russkoj literatury II). Petrograd.

BÖRTNES, J. (1988), Visions of Glory: Studies in Early Russian Hagiography (Slavica Norvegica V). Oslo.

BUGOSLAVSKIJ, S. A. (1928), Ukrajino-rus'ki pamjatky XI-XVIII v.v. pro knjaziv Borysa i Hliba. Rozvidka i teksty. Kiev.

DMITRIEV, L. A. (1985), "'Skazanie o Borise I Glebe'- literaturnyj pamjatnik Drevnej Rusi", [w:] Skazanie o Borise i Glebe I. Naučno-spravočnyj apparat izdanija. Moskva, 5-24.

EMLER, J. *et al.* (ed.) (1871-1873, 1874-1875), Fontes Rerum Bohemicarum I, II, Praha.

FEDOTOV, G. (1931), Svjatye drevnej Rusi (X-XVII st.). New York.

FINLAY, A. / FAULKES, A. (transl.) (2011), Snorri Sturluson. Heimskringla. Exeter.

FLORJA, B. A. (1978), "Václavská legenda a borisovsko-glebovský kult (shody a rozdíly)", [w:] Československý časopis historický. XXII/1, 82-95.

FLOROVSKIJ, A. (1929), "Počitanie sv. Vjačeslava, knjazja češskogo, na Rusi", [w:] Naučnye Trudy Russkogo Narodnogo Universiteta v Prage. II, 305-325.

FLOROVSKIJ, A. (1958), "Češskie strui v istorii russkogo literaturnogo razvitija", [w:] Slavjanskaja filologija. III, 211-251.

FREYDANK, D. (1981), "Die Ermordung Glebs: Variationen eines hagiographischen Themas", [w:] Eikon und Logos. Beiträge zur Erforschung byzantinischer Kulturtraditionen, Band 1(= Wissenschaftliche Beiträge der Martin-Luther Universität XXXV). Halle, 75-86.

FREYDANK, D. (1983), "Die altrussische Hagiographie in ihren europäischen Zusammenhängen: Die Berichte über Boris und Gleb als hagiographische Texte", [w:] Zeitschrift für Slawistik. XXVIII/1, 78-85.

GOLUBINSKIJ, E. E. (1903 [repr. 1988]), Istorija kanonizacii svjatyx v russkoj cerkvi. Moskva.

GOLUBOVSKIJ, P. V. (1900), "Služba svjatym mučenikam Borisu i Glebu v Ivaničskoj minee 1547-79 g.", [w:] Čtenija v Istoričeskom Obščestve Nestora-letpisca. XIV/3, otdel II, 125-166.

HAZZARD CROSS, S. / SHERBOWITZ-WETZOR, O. P. (ed. / trans.) (1953), The Russian Primary Chronicle, Laurentian Text. Translated and edited by Samuel Hazzard Cross and Olgerd P. Sherbowitz-Wetzor, Cambridge, MA.

IL'IN, N. N. (1957), Letopisnaja stat'ja 6523 goda i eë istočnik (Opyt analiza). Moskva.

INGHAM, N. W. (1965), "Czech Hagiography in Kiev: The Prisoner Miracles of Boris and Gleb", [w:] Die Welt der Slaven. X, 166-182.

INGHAM, N. W. (1973), "The Sovereign as Martyr, East and West", [w:] Slavic and East European Journal. XVII, 1-17.

INGHAM, N. W. (1984), "The Martyred Prince and the Question of Slavic Cultural Continuity", [w:] Birnbaum, H. / Flier, M. S. (eds.) Medieval Russian Culture. Berkeley / Los Angeles, 31-53.

JAKOBSON, R. O. (1944), "Some Russian Echoes of the Czech Hagiography", [w:] Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. VII, 155-180.

JAKOBSON, R. O. (1976), "Russkie otgoloski drevnečešskix pamjatnikov o Ljudmile", [w:] Xrapčenko, M. V. (ed.) Kul'turnoe nasledie Drevnej Rusi. Istoki, stanovlenie, tradicii [Festschrift for D. S. Lixačëv]. Moskva, 46-50.

KANTOR, M. (1983), Medieval Slavic Lives of Saints and Princes (Michigan Slavic Translations V). University of Michigan, Ann Arbor.
KANTOR, M. (1990), The Origins of Christianity in Bohemia. Sources and Commentary. Evanston, Illinois.
KELLER, F. (1973), "Das Kontakion aus der ersten Služba für Boris und Gleb", [w:] Brang, P. / Jaksche, H. / Schroeder, H. (eds.) Schweizerische Beiträge zum VII.Internationalen Slavistenkongress in Warschau. August 1973. Slavia Helvetica, Lucerna, 65-74.
KRÁLIK, O. (1963), "Povest' vremennyx let i Legenda Kristiana o svjatyx Vjačeslave Ljudmile", [w:] Trudy otdela drevne-russkoj literatury. XIX, 177-207.
KRÁLIK, O. (1966), "Voznikonovenie 1-go staroslavjanskogo Žitija Vjačeslava", [w:] Byzantinoslavica. XXVII/1, 131-163.
KRÁLIK, O. (1967), "Vztah Povesti vremenných let k legendě o Borisu a Glebovi", [w:] Československá rusistika. XII, 99-102.
LENHOFF, G. (1989), The Martyred Princes Boris and Gleb: A socio-cultural Study of the Cult and the Texts (= UCLA Slavic Studies XIX). Columbus, OH.
LOPAREV, X. M. (1894), Slovo poxval′noe na perenesenie moščej svv. Borisa i Gleba (= Pamjatniki drevnej pis′mennosti i iskusstva XCVIII). Sankt-Peterburg.
MACDONELL, A. A. (1897), Vedic Mythology. Strasbourg.
NIKOL′SKIJ, N. K. (1907), Materialy dlja istorii drevnerusskoj duchovnoj pis′mennosti, [w:] Izvestija Otdelenija Russkogo Jazyka i Slovesnosti. LXXXII/6, 114-115.
OSTROWSKI, D. ET AL. (2003), The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis. I-III. Cambridge, MA.
ROGOV, A. I. (1970), Skazanie o načale češskogo gosudarstva v drevnerusskoj pis'mennosti. Moskva.
ROGOV, A. I. *et al.* (ed.) (1976), Staroslověnské legendy českého původu: nejstarší kapitoly z dějin česko-ruských kulturních vztahů. Praha.
SEREBRJANSKIJ, N. I. (1915), Drevne-russkija knjažeskija žitija. Obzor redakcii i teksty, [w:] Čtenija v Imperatorskom Obsčestve Istorii i Drevnostej Rossiiskich pri Moskovskom Universitete III/2.
USPENSKIJ, B. A. (2000), Boris i Gleb: Vosprijatie istorii v Drevnej Rusi. Moskva.
VERNADSKY, G. (1947), Medieval Russian Laws. Records of civilization: sources and studies XLI. New York.
VRIES, JAN DE (1956), Altgermanische Religionsgeschichte. XII/1. Berlin.
WINN, SH. M. M. (1995), Heaven, heroes, and happiness: the Indo-European roots of Western ideology. Lanham / New York / London.

Communicating an Indo-European Myth to the Christian Kievan Rus': Boris and Gleb as the Divine Twins

Princes Boris and Gleb were the first East Slavic saints canonized after the baptism of their father, prince Vladimir of Kiev, in 988. Murdered by their half-brother Svjatopolk in the fight for the power that followed Vladimir's death in 1015, they were canonized in the Kievan Rus' already in 1071, and their cult became a way to legitimate and strengthen the Christian faith as well as the reigning dynasty. However, they share many motifs and attributes in common, and even some parts of the story, with the old Indo-European myth on the Divine Twins, that is embodied by the Indian *Aśvins*, the Greek *Dióskouroi*, and even the Roman founding brothers Romulus and Remus. Here, we can find also the sacrificed twin myth in their quarrel over kingship, the same as the fight between Vladimir's sons after his death.

Key words: Kievan Rus', Medieval East Slavic literature, Slavic pre-Christian religion, Indo-European religion, Divine Twins.

Nadelina Ivova
South-Western University “Neofit Rilski” in Blagoevgrad (Bulgaria)

Indo-European origin of Bulgarian figura etymologica. Etymological, semantic and syntactic parallels

The usage of Etymological figure (EF) can be traced back to Ancient Indo-European oral tradition – rituals, magical practices, sacral invocations and magical spells. All these oral forms contain usually stylistic devices (stylistic figures, figures of speech), based on repetition, assonance and parallelism (Gonda 1959, 220; Schmitt 1968, 206–10; Watkins 1995, 197–240; West 2007, 326). Indo-European origin of figura etymologica is confirmed by Calvert Watkins (Watkins 1995, 132; 169; 335), Tod Clary (2009), Martin West (2007) and Vyacheslav Vs. Ivanov (1969).

Etymological figure (EF) is a kind of poetic formula, a figure of speech, typical in oral poetry. Its usage brings euphony and it has a mnemonic value. The figura has its own role in folklore text composition. The rhetoric device is a hypotactic phrase, construction formed by same-stem elements (e.g. vyatar vee, pesen peya, dar daryavam). Folklore as an oral tradition preserves kinds of tautological figures, including usage of phrases with same-stem words (see Ivanov 1969: 41). In Bulgarian Folklore tradition EF is an important stylistic and poetic device, inherited from Indo-European poetic language, with specific grammatical and pragmatic features.

Particularly the same-stem formulas are analyzed in Homeric oral tradition (Clary 2009), Vedic and Latin rhetoric /poetic language (Snyder 1980;

Denniston 1965, 55; 106). The Etymological figures are usual poetic device in Baltic and Slavic folklore texts. Their usage is observed in many researches (see Range 1977, Ozols 1993, Mikloshich 1895; Keremidchieva-Karaangova 1963; Ivanov 1969).

EF is a kind of semiotic model, a mental scheme, which could be a result of linguistic analogy or genetic relationship between Info-European languages (Ivanov 1969, 46). Despite of it some etymological formulas are typical just for concreate area of Indo-European languages, considered Schmitt (Schmitt 1968, 111–114).

The ancient origin of figura etymologica is confirmed by its presence in Jaan Puhvel's Hittite Etymological Dictionary, where we find a same-stem phrases – combination of verb and cognate accusative object: 'hukmain hukzi – related to hu<k>mai- ‚conjuration', which has its semantic equivalent in Bulgarian клетва те заклевам 'to curse with a curse' (cited in Puhvel 1991, 326); hatallu hatalluw[a-] 'to lock one bronze lock' (cited in Puhvel 1991, 259). The phrases derived from same etymon are found in Old Armenian hymn to Vahagn erknēr erkin, erknēr erkir (cf. Watkins 1995, 253–254).

The present text compares Bulgarian folklore formulas, found in Bulgarian folklore text, on the one hand, and their cognate Greek, Vedic, Latin, Baltic and Slavic etymological constructions, found in sacral incantations, Epic Oral poetry and folklore texts, on the other hand. The comparison is based on semantic, etymological and syntactic level and its main purpose is to prove and to underline the Indo-European origin of some of the Bulgarian figures.

The following instances of figura etymologica can be defined as meteorological constructions, sacral, military, juridical and legal formulas, also formulas, representing mental activity, etymological construction for ancestry and EF with space-and-time semantics. Some of them have Slavic, Balto-Slavic and purely Indo-European distribution. The figures in the present text are classified according to syntactic function of their hypotactic element, i.e. instances include EF with internal subject (or internal nominative), EF with internal object – internal (etymological) genitive, dative, accusative or instrumental (cf. Clary 2009).

I. Inherited Indo-European internal subject (etymological nominative). Origin of Bulgarian meteorological EF

Here we represent the general forms of meteorological constructions, realized by etymological figures in Bulgarian folklore texts and their Indo-European semantic, etymological and syntactic parallels. These are hypotactic phrases, which include a meteorological phenomenon, expressed

with a noun (вятър/viatar, роса/ rosa, зора/ zora), and a verb, derivated from the same root (вее/ vee, роси/ rosi, зори/ zori). The subject in cognate construction could be defined as a source of etymologically cognate meteorological process.

Yuriy Stepanov analyzes common origin of the internal subject and internal object in some tautological phrases. A both – subjects and objects, he says, are naturally derived from the cognate verb action. They became a part of specific active-passive syntagms (Stepanov 1984, 135–136). Aleksandar Potebnya claims that in Early Indo-European dialects some transitive verb are transformed into intransitive because of their internal object lost. Here we could find the main reason for similarity between etymological accusative and etymological nominative (Potebnya 1899, 242; 246; 423).

Deification of world element and natural power – meteorological phenomena, combined with a same-stem verb, is a inherited formula expressed by etymological figure with its own grammatical features among most of the Indo-European languages (West 2007, 238; Clary 2009, 97–100).

That kind of combination is considered as natural in Proto-Indo-European language (Höche 2009, 89–92), where there are not only active and passive verbs, but also active and passive nouns (including the names of the world elements), which could be respectively subjects and objects of active verbs and objects of passive verbs (Dobrev 1982, 90–91; 151–152; Iliev 2007, 138, 148–149; cf. Ivanov, Gamkrelidze 1984, 215) According to Y. Stepanov the abstract nouns for human elements (dream, work, service, war etc.) can be a part of tautological phrases – EF or paronomasia (Stepanov 1989, 56 – 57).

The cognate noun in EF takes a nominative case in Vedic, Greek, in Baltic and Slavic languages, i.e. it acts as an internal subject: sansk. ávarṣīr varṣám…'rain is raining‘ (Clary 2009, 98); lith. sniegas snigo – 'snow is snowing‘ (Clary 2009, 99); rus. гром прогромить (Clary 2009, 99).

In the most of Germanic languages instead of a noun for meteorological phenomenon, personal pronoun (3rd sg.) is used as a formal subject. M. Goughenheim differs impersonal phrase il pleut than etymological construction with internal subject la pluie pleut in French (Goughenheim 1970: 130).

Вятър вее (vyatar vee) 'wind blows'

Jaan Puhvel cited supposed Hittite EF *ḫuwanza ḫuwāi 'wind blows' formed by the verb ḫuwai-;ḫuya – 'distribute, spread‘. That figure has its parallel in sanskrit (1), avestan sacral texts (2), in Iranian poetic text (3),

Gothic (4), in Old Bulgarian text of Zographus gospel (5), in Bulgarian folklore (6, 7):

1. Santu śáṃ na iṣiró abní vātu vātaḥ (RV.7. 35. 4, cited in Clary 2009, 89)
2. Kudaбaēm vātō vāiti (cited in Clary 2009, 89)
3. Ā dim vāto upa. Vāvo saбayeiti rapiΘ witara hača naēma (cited in Clary 2009, 92)
4. waiwoun windos... (cited in Puhvel 1991, 422)
5. възѣшѧ вѣтрь (Mt 7:25-27, cited in Puhvel 1991, 422)
6. Завеяли самовилски ветри. (Miladinovi 1981, 483)
7. Нито ветар ми е повеало,
   Нито роса заросила. (Miladinovi 1981, 36)

The wind in all cited instances has a sytactic role as a subject of verb, derived from the same stem. The elements have the same etymology, which comes from Indo-European *au̯(e)-, au̯ē(i)-, u̯ē- *'fan, blow*' (Pokorny 1959, 81–84).

Дъжд дъжди (dazhd dazhdi) 'the rain is raining'

James Frazer interprets weather modification rituals for invoking rain as crossing of magic and religion. He refers these rituals to another South-Eastern one, known in Bulgaria as „Dodola", „Dudula", „Peperuda" etc. (Frazer 2014, 107–109).

As a deification object, the rain can be internal subject of same-stem verb in sanskrit (8) (Frazer 2014, 98; Clary 2009). It's found in Yatharvaveda (9), Latvian folklore (10), also in Russian folklore tradition (11):

8. ...ávarṣīr varṣám údu ṣū gṛbhāyā (Clary 2009, 97)
9. Na varṣaṃ maitrā varuṇaṃ brahmajyā abhi varṣati – 'The Mitra's and Varuna's rain doesn't rain while their meeting' (Clary 2009, 97).
10. Lietiņš lija, vējiņš pūta 'the rain is raining, the wind is blowing' (LTD I, 29273)
11. Да не дождь дождить, да не гром гремить (Bylini 1993, 80)

The Proto-Slavic etymological figure could be reconstructed as *dъždžь *dъždžiti, close to IE *dus-di̯u- 'bad sky', 'bad day'(see Pokorny 1959, 227; Trubachev 5, 195–196).

Bulgarian folklore tradition have not preserved any EF close to the meaning rain is raining, but we can find as tautological internal subject the noun rosa 'dew':

12. да заросит ситна роса (Miladinovi 1981, 511; cf. Pokorny 1959, 336)
‘The butterfly flew away, let dew to dew’

Зора зазорява (zora zazoryava) ‘dawn is dawning’

Proto-Indo-Europeans have deified The Dawn, which is defined as a symbol of birth and recreation (West 2007, 217). Deification of the Dawn is attested in Rigveda (Campanile 1987, 17–24). According to Todd Clary the Dawn is the Heaven’s daughter and the combination between the noun uṣas ‘dawn’ and the verb, derived from the same root, is idiomatic in Vedas (Clary 2009, 98). In Lithuanian folklore we found the same EF, but produced by three elements (13). That formula is also attested in South-Slavic folklore tradition [Bulgarian (14) and Serbian (15)]:

13. **...**išaus ausri ausrele (LD, 523) (from IE *au̯es ‘to shine’, Pokorny 1959, 86)
14. Зора се е зорила,
ни йе зора невидена... (cited in Ilieva 2012, 33)
15. U to zora b’jela otzorila (Karadzhich 3, 60)

We should mention the other type of inherited EF with etymological subject, expressed by animate noun – a bird. An appropriate example for that kind etymological construction, found in Bulgarian oral tradition (17) is кукувица кука ‘cuckoo cuckoos‘. The Indo-European origin of the formula is confirmed by its presence in Hesiod‘s poetry (16), in Slavic [Polish (18), Russian (19)] folklore:

16. Κοκκύξ κοκκύξε (cited in Clary 2009: 29)
17. Закукала кукувица
рано ми, рано за Гергьовден...
18. Kukułeczka zakukała...(Czernik, 1958, 12)
19. Не кукушечка во сыром бору куковала“ (RNP 1957, 139)

The formula in its general semantics is attested in Lithuanian folklore, but it‘s not expressed by an etymological construction at all: Ten kukuoja gegužėlė... (LD, 1128, 167).

The EF kukuvica kuka is based on onomatopoeia. The elements in all presented examples refer to the ancient root *kuku- (Pokorny 1959, 627; Trubachev (ed.) 13, 89–91). By means of comparison we could reconstruct Proto-Slavic formula elements *kukavica*kukati.

In Bulgarian poetic language there are specific EF with internal subject, which is noun for illness or some other evil power. However, that noun is presented as doer, as agent of same-stem verb. Here the animate object affected of its action, is expressed by personal pronoun in accusative or forename:

20. Кога са Янка погади,
Стоян го треска разтресе (SbNU, XVI–XVII, 79)
'When Yanka got engaged, Fever convulse Stoyan'

II. Inherited EF with internal object in Bulgarian language

Following examples are EF with internal object in accusative, dative, instrumental. Some contemporary scholars use the term Cognate Object Constructions (Massam 1988, Jones 1990), defining the combination between verb and derived from the same root object, which has different semantic role in a clause. We choose terms internal object in accusative (etymological accusative); internal object in instrumental (etymological instrumental); internal object in dative (etymological dative). The examples under analysis are excerpted from Vedas, Ancient (Homeric) Greek, Latin, Lithuanian, Latvian, and most of the Slavic languages – Polish, Czech, Serbian, Russian, Ukranian.

Hanna Rosen compares specifics of internal objects in Latin and Old Irish poetic traditions, considering types of same-stem phrases as gradually grammatized structure. She claims that the noun here repeats verb semantics and also strengthened it (Rosén 1991, 53–83).

II. 1. EF with internal dative

Mainly, dative case marks indirect object in the sentence. It indicates a noun (personal) to which something is done or given (cf. Delbrück 1900, 185). According to some scholars when the noun in these phrases is inanimate, it's a result of a personification. Tod Clary confirms that, "pure" etymological dative use is rare and the type of EF is unproductive in Homeric verse (Clary 2009, 117). Of course, in History of Indo-European languages dative functions have been assimilated by other cases – mainly instrumental and locative (cf. Fehling 1969, 158–159).

(Със) свирка свири (sas svirka sviri) 'to whistle with a whistle'

In Bulgarian poetic tradition we found EF with internal dative със свирка свири, which has semantic parallels in Ancient Greek oral tradition and Latvian folklore text. The formula in general type "to play a musical instrument" as a deep semantic structure is preserved in all of the examples below, its syntactic model, too. Etymological expression of that semantic structure is different in Greek (30), Latvian (31) and Bulgarian (32)

folklore. In the latter instance EF includes and preposition, requiring Dative/Instrumental case.

20. Φόρμίγι φορμίζειν lit. 'playing a lyre'
21. eņģelīši, *Koklītes koklēdami* 'an angels, playing koklis' (LTD, XI, 342)
22. *С тънка си свирка свиреше* (BNT 6, 130) 'He whistles with a slight whistle'

II. 2. Indo-European internal accusative as a poetic inheritance

Many researches confirm Indo-European origin of etymological figures with internal accusative object. That syntactic model of EF is attested in Vedic, Homeric Greek, Baltic and Slavic oral traditions (Ivanov 1969, 43; cf. Clary 2009, Evgenjeva 1963; Keremidchieva-Karaangova 1963, 83–91). EF with cognate object is productive syntactic model. Excerpted instances include Baltic and Slavic parallels, where all the instances share and common semantic and etymology more often.

In the *Grammar of Modern Indo-European* are mentioned two main accusative features – to mark the direct object of transitive verb; to be an indicator of place, where it's close to locative semantics. As a further function accusative can describes the content of the verb, repeating its semantics (and etymology). That function is called *accusative of content* (Quiles, López 2009, 285–286).

The present part of our analysis makes a parallel between Bulgarian military, sacral, resultative, deliberative EF, also EF with accusative for space and time and their equivalent formulas, found in other Indo-European poetic traditions. By using constructions with internal direct object in accusative, speech is more decorated, an emphasis is placed there too. Finally, repeating the verb semantics and etymology, internal object becomes a kind of verb verification (cf. Baley 1947, 635).

II. 2.1. Military formula as EF with internal accusative

The etymological military constructions with internal accusative are often regarded as a process of verb detransitivation. Tod Clary asserts that military formulas are better preserved among modern Indo-European languages than juridical ones (Clary 2009: 151). The most frequently cited military EF, attested in Latin oratorical treatises are following: *pugnam pugnare*, *militia militatur* (militare militiam), *bellum bellare*, (See e.g. Landgraf 1881, 21; Müller 1908, 13–14, 69).

Two military formulas are found in Bulgarian poetic context. Theirs general forms are *бой се бия* / *boj (se) bia* 'to beat a battle' (24), deri-

vated from IE *bhei(ə)-, *bhoi-, *bhi- (Pokorny 1959, 112) and борба се боря/ borba se borya ’to fight a fight’ (25). They share the same semantic meaning with EF, attested in Latin (26), Gothic (27), German (28) in two different military EF in Lithuanian folklore (29, 30). Cited Bulgarian figures have an important role in folklore text composition:

23. Че ще д‘ ида с него бой да се бия? (SbNU, XVI–XVII, 148)
24. Борба са бориіа / Цали ду три дена... (SbNU XVI–XVII, 17) ’they fought a fight all three days’
25. priu’ quam istam pugnam pugnabo, ego etiam prius (Clary 2009, 151)
26. háifst háifstjan (Clary 2009, 122)
27. einen (schweren) Kampf kämpfen (Brugman 1911, 620)
28. Jasius karą kariavo (Range 1977, 285)
29. kovóti kõvą (Ambrasas 1985, 429)

Close semantics have a military figures, attested in Hommer and in Sanskrit, but each share a different etymology :

30. yé sáhāṃsi sáhasā sáhante... ‘those, who wins with win’ (Clary 2009, 148)
31. Μάχην ἐμάχοντο / Πόλεμον πολεμον (Schwyzer, Debruner 1975, 74)

II. 2.2. Etymological accusative in sacral formulas

The following examples of EF are related with many sacred actions such as invocations, sacrifices, giving of sacred gifts and praying for some prosperity, welfare. Mostly, the noun in EF represents some sacral symbol with deep, hide meaning. There is a cognate direct object within provided Bulgarian EF.

We should notice an existence of sacral formulas with no parallels in Bulgarian, Slavic or Baltic folklore tradition, but originated in Indo-European mythological practice. Their general type is to make a libation and to sacrifice a sacrifice. The first one is attested in Hittite (33) and Ancient Greek (34) in invocation to Thunder God:

32. ^{DUG}ispantuzi [...] sipanti – ‘make a libation‘
33. Σπονδάς σπένδειν (Clary 2009,78)

Jacob Grimm makes a parallel between sacral EF with etymological accusative in Old High German (35) and its Homer parallel (36) (Grimm 1898: 760):

34. pluostar pluozit (Grimm 1898, 760) – ‘sacrifice a sacrifice‘:
35. τάςθυσίας θύεσθαι ίν ελισο(ν)τι – ‘The sacrifice, which will be sacrificed for Helison‘

Дар дарявам (dar daryavam) 'to give a gift'

The etymological figures in general type d a r d a r y a v a m is attested in Bulgarian Christmas folksongs, where they are pronounced in blessings of so called k o l e d a r i – Bulgarian traditional performers of the ceremony with pagan roots k o l e d u v a n e (cf. Ilieva 2012: 225). All the process koleduvane represents specific philosophy of giving – the koledari accept a gifts from a host and his family for their blessings, but the pronounced Christmas blessings are desired gifts too[1]:

36. ...ще те д а р я добра д а р а (BNT 6, 558)
'I'll give you a good gift'
37. Та ни д а р и добра д а р а (Ilieva 2012: 27)
'And he gave us a good gift'

That same-stem clause has an important sacral function among Indo-European poetic traditions. The accusative object here is a resultative etymological object. It expresses the essence of giving as compulsive act and as a donation – an archaic contract form. The EF is kept in sacral Vedic texts (39), in Avestan sacral words (40), in Homeric poetic language (41, 42) and Celtic poetic text (43):

38. dātram dadāti (Clary 2009, 232)
39. daθrəm daδāiti. (Euler 1982, 24)
40. δώρόν δίδοναι (cited in Clary 2009, 232)
41. μυρία δῶρα διδούς (Clary 2009, 233)

E. Euler[2] analyzes use of the EF d o n u m d o in Italic texts, where it became an idiom (Euler 1982, 21–37).

43. unoni reg(inae) matronae Pisaurenses d o n u m d e d e r u n t
44. dán daradad

That EF is analyzed as formulaic phrase, used in ritual folksongs of West and East Slavs by Lyudmila Vinogradova (Vinogradova 1982) and Jerzy Bartminsky (Bartminsky 2000, 40–48). Reconstructed Proto-Slavic EF contains a both – an iterative and non-iterative verb: *d a r ъ d a r o v a t i / d a r i t i .

All the elements of provided EF, except the Germanic ones, come from Indo-European root *dō- : də- / dō-u- : dəu- : du- 'to donate','to give' (Pokorny 1959, 223–226).

---

[1] That donation philosophy is typical just for Bulgarian folklore interpretation of celebration Koleda (Christmas). In Polish, for example, one of the main meaning of word Koleda is '*gift, giving*'. (See more in Vinogradova 1982, Bartminsky 2000, Gołuda 1994).

[2] E. Euler claims that the construction is originated long time before Bhagavad gita. The author suggests Hellenic origin of that formula (δώρόν δίδοναι). After its formation it was assimilated by Italic languages through the Etruscan as a mediator in 6th–7th century BC (Euler 1982, 6–9).

In Germanic poetic oral tradition the formula keeps the same semantics and syntactic realization, but d i f f e r e n t e t y m o l o g y. The common etymology is related with Proto-Indo-European root *$g^h eb^h$ – ‘to take‘.

45. Give a gift (Clary 2009, 233)
46. gabe geben (Euler 1982, 8)

Венец вия (venets via) ‘to wrap /to twine a wreath/ a garland’

Another one Indo-European sacral EF, found in Bulgarian folklore, is in general form v e n e c v i a ‘to wrap up/to twine a wreath/a garland’. The wreath is interpreted as a symbol of desired gift or an award from Gods or Goddess. It’s a symbol of royalty, regality. In Slavic folklore examples it symbolyzes maidenhood, it is a wedding symbol in Slavic ritual songs too. The formula is preserved as an accusative figure in Homer (47), in Latvian folksong (48) and in Bulgarian (49) and Slavic folklore tradition (50):

47. Καί ξτεφνώσαι δάφνής στεφάνῳ – ‘увенчава го с лавров венец‘
48. Lai es v i j u v a i n a d z i ņ u (LTD IX, 5628)
49. твойте сестри в е н ц и в и я т (Miladinovi. 1981, 486) – ‘your sisters wreathe the wreathes’
50. Уж и тем то мне в е н ц о м в е н ч а т и т ь с я... (Vinogradova 1982, 44)

The attestation of EF, given above, confirms that Indo-European formula t o w r a p u p a w r e a t h is preserved as EF with etymological accusative, less often than etymological instrumental in different Indo-European poetic traditions. In the most of the cited examples the EF shares a common etymology, which comes from IE *u̯ei-, u̯ei̯ə- : u̯ī̆- ‘to curl, to twist, to wreathe‘ (Pokorny 1959, 1152–1156). The only exception is Greek attestation. The common Proto-Indo-European EF could be reconstructed in the type: ***u̯oi-nik-o-m u̯i-ti**.

Молба се моля (molba se molya) ‘to pray a prayer’

A kind of sacral formula is the construction which, in general, has a meaning t o p r a y a p r a y e r. In the present analysis we put it here, making the provision that within the EF there is an object - result of mental activity. Bulgarian poetic language preserves that sacral formula’s semantics in the figures п р о с б и п р о с я и м о л б и м о л я. The first one is attested in Bulgarian folklore (51) (with the meaning “to ask someone (God) asking”), in Cato’s (52) and Shakspeare’s poetics too (53). All the three EF share the same etymology, which comes from IE *perk̑-, prek̑-, pr̥k̑- (Pokorny 1959, 820–821) and syntactic model (Verb + $Obj_{.accusative}$):

51. Страхил си ръка протегна,
дремна п р о с и я п р о с е ш е (BNT 2, 158, see also BER 5, 780)
51. Te bonas p r e c e s p r e c o r (cited in Clary 2009, 176)
52. I'll p r a y a thousand p r a y e r s for your death (Shaakspeare, "Measure for Measure")

The sacral formula is realized by another one EF in Bulgarian folklore text (54), but its etymology is different than the previous one: from IE * m e l d^h -; Proto-Slavic *malditi (sę) 'to pray, to ask' (Pokorny 1959, 722):

53. Риджа им чинит, м о л б а с и я м о л я т (Miladinovi. 1981, 96) (SbNU, XVI–XVII, 77).

II. 2.3. Indo-European origin of same-stem formulas for genesis and ancestry

Mostly, the EF for genesis and ancestry include r e s u l t a t i v e o b j e c t s in accusative. Their presence can be confirmed by hagiographic works. They are prefered poetic device in seigniorial biographical works and in a living description, too. The EF for ancestry and genesis are existing in Sanskrit (55), Latin (56, 57), Bulgarian folklore (58), Ancient Greek (59):

There are a couple of syntactic differences in Vedic and Latin examples:

54. Mā j á n i t ā tvā j a j á n a – 'the ancestor gave birth to me' (RV.10.28.6, cited in Clary 2009, 219)
55. P r o g e n i e m g e n u i (Clary 2009, 220)
56. Si Penitus peremit consumens… unde animale g e n u s g e n e r a t i m in lumina vitae… (cited in Baley 1947, 638)

The previous etymological constructions come from PIE *ĝ e n -, ĝ e n ə -, ĝ n ē -, ĝ n ō -[3] 'to bring forth', 'to give a birth' (Pokorny 1959, 373; 375). From that acient root is formed Bulgarian verb знам (znam) '*to know*'.

The etymological figure in Bulgarian oral tradition (67, 68) comes from Proto-Slavic * r a d ъ, related to PIE * w r o d h -, * r o d h -; * r e d h (BER 6, 294–296).

57. Мама си р о ж б а р о д и л а,
Име е било Стояне (Miladinovi 1981, с. 113)
'Mom gave a birth of the child. His name was Stoyan'

Oleg Trubachev analyzes ancient origin of the Slavic formula * s v o j ъ r o d ъ, reconstructed as PIE * s u̯ o - ĝ e n o - (Trubachev 2003, 424). He accepts the construction as tautological phrase. Thus Monk Paisius of Hilendar's testament: „Ти, българино, не се мами, з н а й с в о я р о д" ('You, Bulgarian [...], know your ancestry') will be equal to *Ти, българино...

[3] It's a base of English **know**, **kenning, note, recognize**; Lat. **cognatio**, **norma** etc.

знай своето знание ('You, Bulgarian, know your knowledge'), as Trubachev suggests.

In Homer's Iliad there is semantically close formula, formed by different etymon *tek- ‚to produce', 'to give a birth' (Pokorny 1959, 1057):

58. Η δ' ἔτεκε τρια τέκνα δΐφρονι Βελλεροφόντῃ- 'She gave a birth of three children' (cited in Clary 2009, 221)

II. 2.4. The Indo-European EF with internal accusative as an object of mental activity

There are a group of verbs in Indo-European language with general semantics sing, say, speak, pray, which are highly combinative with their same-stem accusative objects (Gougenheim 1970, 175–178). These verbs for mental activity demonstrate the same features in Bulgarian, where that model of EF is highly productive.

Дума думам (duma dumam) 'to speak a word'

Within that formula there is a mental activity and its result, expressed by accusative object. Rüdiger Schmitt confirmed Indo-European origin and wide distribution of the formula to say a word. That formula is preserved in Homeric poetic **ἔπος ἔειπε** and its elements, according to Antoine Mellet, are etymologycally cognate to Proto-Slavic *pěsnь (cf. BER 5, 186). So, Bulgarian EF duma dumam will be its semantic parallel. Other Bulgarian construction – песен пея 'to sing a song' will be its eymological parallel. These parallels are not so surprising, because in ancient societies spells, invocations and even law have been sung (West 2007, 326).

Jaan Puhvel found Hittite construction "harwasi memiyan memai" which is close to the general semantic structure of the formula to say a word (Puhvel 2004, 204).

The formula to say a word is expressed by etymological figure in Bulgarian (60), Russian (61), Latvian (62) and Lithuanian (63) folk songs, but the following instances do not share the same etymology. It's relevant for Latin EF too (64):

59. Имам дума да ти думам (SbNU, IX, 77) 'I have a word to speak'
60. едина да видно думушка ведь сдумана (Bylini 1993, 196)
61. sudūmojau sau dūmelę(LTD III, 5463)
62. kalbą kalbėti (Range 1977, 66)
63. Dicta dicere (derivated from IE *deyḱ-, see Baley 1947, 706)

Песен пея (pesen peya) ‘to sing a song’

The Bulgarian EF песен пея ‘to sing a song’ includes an internal acusative as a result of cognate verb for mental activity. The formula is very well preserved in Ancient Greek (65), in Germanic languages, also in the Baltic folklore traditions and in oral poetry of all the Slavs. The etymology of attested same-stem phrases is not equal. Greek EF etymology comes from IE *au-, au̯ed- ‘to speak, to sing‘ (Gr. ἀείδω ‘to sing’):

64. τοῖσι δ’ ἀοιδὸσ ἄειδε περικλυτός (*Odisseus*, cited in Clary 2009, 218)
‘To them the famous singer was singing’

In all the provided Germanic instances etymology of the EF elements comes from IE root *seng^{u}h- < *k^{h}en- <*kan- ‘to sing, to sound‘ (Pokorny 1959, 526; 906):

65. (Old. H. Germ.) sang was gisungen
66. Ascraeumque cano Romana carmen (Clary 2009, 94)

The etymology of the Lithuanian (68) and the Latvian (69) constructions is related to IE *gē(i)- : gō(i)- : gī- ‘to sing‘ (Pokorny 1959, 355):

67. Savo giesmę giedojo (Range 1977, 281) ‘their own sing they were singing’
68. Vinu dziesmu dziedu (LTD X, 922) ‘a song I sing‘

In Bulgarian (70) and in all the rest Slavic EF (71, 72) the etymology is the same as in a Greek construction ἔπος ἔειπε (‘to say a word’). The Proto-Slavic EF could be reconstructed as *pěsnь pěti:

69. песен пее за чудо и приказ...(SbNU XI, 11)
70. [...] i o wójtównie – pieśn śpiewać... (Kolberg 1960, 151).
71. Сами песенки поют (RNP 1957, 44).

That formula is attested among different Indo-European poetic traditions, where most often it’s represented by EF with internal accusative. The etymology of attested constructions is different. In Bulgarian language pesen peya is wide distributed in Bulgarian poetry (for example in Hristo Botev’s poetry ‘певци песни за него пеят’), but in contemporary Bulgarian it becomes an idiom.

II. 2.5. Indo-European etymological construction with space-and-time semantics

Bulgarian oral poetry inherits some EF with internal objects, which have semantics for space and time. Most of these realized formulas include an abstract noun as an object.

Сън сънувам (san sanuvam) ‘to dream a dream’

According to T. Clary that formula is attested by object, which by repeating verb sematics, extends and amplifies action in time (Clary 2009, 114). The formula is found in germanic poetic tradition, where its etymology is similar to IE *drē- : drə-, derivated to *dr-ē̃m (Pokorny 1959, 226). In contemporary English the phrase t o d r e a m a d r e a m became an idiom (Höche 2009, 298).

The group of instances includes Latin (73, 74), Lithuanian (75) and Slavic (including Bulgarian) attestations (76, 77, 78). The etymology of all these construction comes from IE root *su̯ep-, *sup- ‘to sleep‘ (Pokorny 1959, 1048–49).

72. [...] mirum atque inscitum s o m n i a v i s o m n i u m (Plautus Rudens 597, cited in Clary 2014, 96)
73. ...s o m n i u m s o m n i a r e (Gray 1904, 69; 97)
74. Jei pei s a p n ą s a p n u o j i ‘if you dream a dream‘ (LD 1, 190)
75. С ъ н с ъ н у в а х, Севделино, сън бълнувах.... (BNT 6, 350)
76. а сам у сан снијевала... (Karadzhich 3, 50)
77. И он з а с н у л крепким с н о м да богатырским (Bylini 1993, 32)

The Proto-Slavic figura could be reconstructed as *sъnъ sъnovati (*sъnъ<*sъpnъ, BER 7, 666).

The EF s a n s a n u v a m ‘to dream a dream’ is preserved in Bulgarian and it has semantic, etymological and syntactic parallels among Indo-European languages. The syntactic model of the EF is changed in Polish attestation, where internal object is replaced by internal subject Śnił ci jej się śniczek (Czernik 1958, 68).

II. 2.6. The internal accusative as an element of inherited juridical formulas

That kind of etymological constructions are ancient originated and have an important mnemonic value. Some of them could be found in Hebrew and The New Testament poetic, used in juridical context. Their effect is hidden in the meaning that values, all the standarts and the legal actions are in the way of what The Lord says.

Съд съдя (sad sadya) ‘to judge a judgement’

That is a juridical formula for punishment. Also it‘s a signal of restriction of human unacceptable behavior. The formula with same meaning is attested out of the Indo-European poetic tradition. Ivaylo Naydenov analyzes its presence in The Book of Jonah in Hebrew (Naydenov 1999, 93–100). Mari-

yana Tsibranska-Kostova finds that съд съдя functions as a restrictive and punitive formula in Old Slavic legal excerpts, which are translated from juridical texts in The Old Testament. The Bulgarian translator, claims M. Tsibranska-Kostova, does not always keep the etymological expression of the formula, but almost always preserves its syntactic expression (Tsibranska-Kostova 2011, 66–69).

There is another one Bulgarian EF, which shares the same semantics, but has a different etymology of the elements. It's found in Old and Middle Bulgarian translation of the juridical fragments in The Bible: мъстию ѡтмьстить (Merilo pravednoe, manuscript from 14th century, cited in Tsibranska-Kostova 2011, 65).

The formula with accusative to judge a judgement, realized by EF has Hittite (79) and Latin (80) attestation. An etymological accusative object in EF with same semantics is found in Old Bulgarian Biblical translation (81) and in Bulgarian folklore text (82):

78. hannessar hann(a)- 'to judge a judgement' (Puhvel 1991, 78)
79. Iuiudicavit inclutum iudicium inter deas tris – (Paris) did judge a judgement between Three of Goddess (cited in Clary 2009, 106)
80. Праведьны сѫдъ сѫдите (John 7,24) 'the righteous judgement to judge'
81. Син баща на съд да кара...
    И там го съд не отсъди (BNT 7, 294)
    'The son to judge (his) father brings / but then he didn't judge him a judgement'

Only Bulgarian and Latin instances share the same etymology, which comes from IE *sǫ- + *dhe- 'to make, to do' (BER 7, 653–654).

The present paper confirms that Bulgarian etymological figure is rhetoric device inherited from Indo-European poetics. All the figures represent concreate mental idea preserved as formula with specific syntactic features. By comparing all the attested instances, main idea can be reconstructed as a part of an ancient poetics. Highly productive and well preserved syntactic model among Indo-European poetic traditions is EF with internal accusative object.

The etymology of provided constructions is rarely comparable. So, one and the same formula can be expressed by different etymological figures in different Indo-European languages. Mostly, Bulgarian formulas are just semantically and syntactically comparable to the rest Indo-European same-stem phrases. That proves existing of the Figura etymologica as an inherited semantic structure in Bulgarian poetic language and as a mental scheme, which is result of common cultural and linguistic background.

Bibliography

AMBRASAS, V. (1985), Gramatika litovskogo yazыka. Vilnius.
BER 1–7 (1971–2015), Balgarski etimologichen rechnik. Sastaviteli: Vl. Georgiev, Iv. Galabov i dr. BAN. Sofia.
BNT 1–12 (1961–1963), Balgarsko narodno tvorchestvo. T. 1–12. Sofia.
BYLINI (1993), Bylini (sostavitelь Y. G. Kruglov). Moskva.
CZERNIK, ST. (1958), Polska epika ludowa. Wrocław – Kraków.
CLARY, T. (2009), Rhetoric and Reppetition: The Figura Etymologica in Homeric Epic (Dissertation, presented At Faculty of the Graduate School of Cornel University).
DELBRÜCK, B. V. (1900), Syntax der indogermanischen Sprachen III, Strassburg.
DENNISTON, J. D. (1965), Greek Prose Style. Oxford University Press. New York.
DOBREV, I. (1982), Starobalgarska gramatika. Teoria na osnovite. Sofia.
EVGENJEVA, A. P. (1963), Ocherki po yazыku russkoj ustnoj poezii v zapisjah XVII–XX вв. / AN SSSRM. Moskva – Leningrad.
FEHLING, D. (1969), Die Wiederholungsfiguren und ihr Gebrauch bei den Griechen vor Gorgias. Berlin.
GONDA, J. (1959), Stylistic Repetition in the Veda. Noord-Hollandische Uitgevers Maatschappij. Amsterdam.
GOUGENHEIM, G. (1964), L'objet interne et les catégories sémantiques des verbes intransitifs, [in:] Mélanges Delbouille. Vol. I, Gembloux, 271–287.
GRAY, T. (1904), Macci. Plauti Trinummus.(With Introduction and notes by Joseph Henry Gray. Reviced Edition). Cambridge Universuty Press. Cambridge
GRIMM, J. (1898), Deutsche Grammatik. Göttingen.
HÖCHE, S. (2009), Cognate Object Constructions in English: A Cognitive Linguistic Account, Tübingen.
ILIEV, IV. (2006), Kam vaprosa za taka narechenite vatreshni dopalnenia, [in:] Iv. Iliev, Ezikovedski opiti. Pigmalion. Plovdiv.
ILIEVA, L. (2012), Balgarskiyat naroden poeticheski ezik. Bukvitsa. Sofia.
IVANOV, V. VS., GAMKRELIDZE, T. (1984), Indoevropeyskiy yazык I indoevropeytsы. Rekonstruktsia i istoriko-tipologicheskiy analiz prayazыka i protokulьturы. I–II. Tbilisi.
IVANOV, V. VS. (1969), Izpolьzovanie dl'a etimologicheskich issledovanii sochetanij odnokorennыh slov v poezii na drevnih indoevropeyskih yazыkah. [in:] Etimologia. Moskva. 40–49.
KEREMIDCHIEVA-KARAANGOVA, M. (1963), Za edno sintaktichno-stilistichno yavlenie v slavyanskia folklore s ogled na balgarskiya ezik, [in:] Slavistichni studii (Sbornik po sluchai V Mezhdunaroden slavistichen kongres v Sofia). Sofia. 83–96.
KOLBERG, O. (1960), Dzieła wszystkie. T. I. Pieśni ludu polskiego. Wrocław – Poznań.
LANDGRAF, G. (1884), "De figures etymologicis linguae Latinae". Acta Seminarii Philologici Erlangensis. Berlin.
LD I–III (1882), Liĕtuviškos daina. uzrašytos Antaną Juškevičę. III Trecia knyga. Kazanь.
LTD I–IX (1952–1956), Latviesu Tautas Dziesmas (Chansons Populaires Lettonnes. I–IX). Imanta Publishers. Riga.
MIKLOSHICH, FR. (1895), Izobrazitelьnыe sredstva slavyanskogo eposa, [in:] Trudы slavyanskoj komisii Moskovskogo arheologicheskogo obshtestva. Moskva.
MILADINOVI, D. K. (1981), Balgarski narodni pesni, sabrani ot Dimitar i Konstantin Miladinovi. Nauka i izkustvo. Sofia.
NAYDENOV, IV. (1999), Figura etymologica kato izrazno sredstvo pri starozavetnite pisateli I po-konkretno v Kniga na prorok Yona, [in:] Bogoslovska misal. № 3–4. Sofia. 93–100.
OZOLS A. (1993), Latviešu tautasdziesmu valoda – R.: Zinātne.

POKORNY, J. (1959), Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, vol. 1. Bern/Munich.
POTEBNYA, A. A. (1899), Iz zapisok po russkoj grammatike. III. Harьkov.
PUHVEL, J. (1994), Hittite Etymological Dictionary. Vol. 1–7. New York/Amsterdam.
RANGE, J. D. (1977), Sprachlich – stilistische Untersuchung zur "Figura Etymologica" in den litauischen Dainos, [in:] Baltistica 1977. XIII (1). Vilnius. 281–296.
RNP (1957), Russkie narodnыe pesni. Izd. Hudozhestvennoy literaturы. Moskva.
ROSÉN, H. (1996), "Eam vitam vivere quae est sola vita nominanda". Reflections on cognate complements in Latin. [in:] Linguistic and Literary Studies in Honour of Harm Pinkster. Amsterdam.
SbNU I–XL (1889–1994), Sbornik za narodni umotvorenia. I–XL. Sofia.
SCHMITT, R. (1968), Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit (Wiesbaden 1967).Wege der Forschung. Darmstadt.
SCHWYZER, E., DEBRUNNER, A. (1975), Griechische Grammatik. vol. 2. Syntax und syntaktische Stylistik. Munich.
SNYDER, J. M. (1980). Puns and poetry in Lucretius' De Rerum natura. B. R. Güner Publishing. Amsterdam.
STEPANOV, Y. S. (1984). Oborot zemlja pahatъ I ego indoevropejskie paralleli (Balto-slavyanskoe predlozhenie I), [in:] Izvestiya AN SSSR. Seria literaturы yazыka. т. 43, № 2, 128–143.
STEPANOV, Y. S. (1989), Indoevropejskoe predlozhenie. Nauka. Moskva.
TRUBACHEV, O. (ED), Etimologicheskij slovarь slavyanskih yazыkov. Vыpusk 1–39, pod redakciej O. N. Trubachev. Iz-vo AN SSSR. Moskva.
TSIBRANSKA-KOSTOVA, M. (2011), Etimologicheskata figura v slavyanski yuridicheski ekstserpti ot Staria zavet, [in:] Balgarski ezik, №1 (2011), 61–67.
VINOGRADOVA, L. N. (1982), Zimnjaya kalendarnaya poezia zapadnых и vostochnыh slavyan. Moskva.
WEST, M. L. (2007), Indo-European Poetry and Myth. Oxford University Press. New York.
WATKINS, C. (1995), How to Kill a Dragon: Aspects of Indo-European Poetics. New York.

Indo-European origin of Bulgarian figura etymologica.
Etymological, semantic and syntactic parallels

Figura etymologica (EF) is a kind of poetic formula and a hypotactic construction. In Bulgarian poetic language it's an important stylistic and mnemonic device, inherited from Indo-European Poetic language. The present text compares Bulgarian same-stem formulas, on the one hand, and their cognate Greek, Vedic, Latin, Baltic and Slavic etymological construction, found in incantation, Oral poetry or Folklore texts, on the other hand. The comparison is based on semantic, etymological and syntactic level and it shows and underlines the Indo-European origin of some of the Bulgarian EFs. The examples under examination include figures with internal subject or an internal object. Mostly, Bulgarian formulas are just semantically and syntactically equivalent to the rest Indo-European constructions. That proves existing of the Figura etymologica as a inherited semantic structure, a mental scheme, which is result of common cultural and linguistic background.

Key words: Bulgarian figura etymologica, Indo-European origin, comparative poetics, etymological figure.

Marta Noińska, Mikołaj Rychło
University of Gdańsk, Faculty of Languages (Poland)

The Indo-European heritage of the relatively secure Germanic loanwords in Proto-Slavic

1. Introduction

Both Germanic and Slavic belong to the Indo-European language family, established on the basis of common grammatical and lexical features present in its constituent languages. These similarities cannot be accounted for through convergence or borrowing (Clackson 2007, 15), but are explained by the dispersal of the common ancestral Proto-Indo-European language which devolved into various languages (Mallory and Adams 2006, 11).

Traces of prehistoric contacts of various linguistic groups within the Indo-European language family, including Germanic and Slavic, are still to be found in contemporary languages. Borrowings from Germanic into Proto-Slavic include words such as P *chleb*, R *хлеб;* P *książę*, R *князь* or P *kupić*, R *купить*, which are perceived by most contemporary speakers as indigenously Slavic. By means of comparative analysis, it can be argued that they are, in fact, loanwords from Germanic. Such examples are very valuable to linguists because they show that the process of borrowing is an inherent part of language change rather than merely an unnecessary interference.

The aim of the present paper is to present a list and a discussion of Germanic borrowings in Proto-Slavic revealing Proto-Indo-European heritage. The list is based on comprehensive works on the topic by Saskia Pronk-Tiethoff (2013), Zbigniew Gołąb (1992), Viktor Martynov (1963) and Valen-

tin Kiparsky (1934). The scope of this article does not allow for a discussion of all the loanwords, therefore only borrowings with convincing etymologies (accepted by most researchers) are discussed. Controversial loanwords, which by some scholars are considered borrowings in the opposite direction, are discussed in Noińska and Rychło (2017).

2. Germanic loanwords in Proto-Slavic

At first, it seems purposeful to provide a list of 95 potential borrowings from Germanic into Proto-Slavic compiled from the monographs by S. Pronk-Tiethoff (2013), Z. Gołąb (1992), V. Martynov (1963) and V. Kiparsky (1934). The loanwords are presented alongside their translation and related Germanic forms. It is important to note that the researchers are not unanimous as to the number, time and sometimes even direction of the borrowings. S. Pronk-Tiethoff and V. Kiparsky mention 76 and 74 certain borrowings respectively, W. Gołąb discusses 50 loanwords (45 of which he finds certain), whereas V. Martynov lists only 32 borrowings, only 8 of which he qualifies as highly reliable. The differences stem from the lack of consensus as to locating the Proto-Slavic homeland and various dating of Germanic-Slavic contacts (the problem discussed in: Филин 1972, Седов 1979, Mańczak 2001, Бирнбаум 1988, Noińska 2016) as well as applying different criteria to establish cases of borrowing.

Since the Slavs could have borrowed words from Proto-Germanic, Gothic, Balkan Gothic and the West Germanic dialects, the most important information for the analysis comes from the attested Gothic, Old High German, Old Saxon and Old English forms. S. Pronk-Tiethoff (2013: 20-21) dismisses both the Proto-Germanic and the Balkan Gothic layer of loanwords in Proto-Slavic. However, in view of the fact that Z. Gołąb and V. Kiparsky include such layers, their existence should be taken into consideration – for a critical discussion, cf. Holzer (2014). In the table below, the 95 loanwords together with their translation as well as Proto-Germanic and relevant Germanic forms are presented in the alphabetical order. When the loanword is likely to have been borrowed from Latin through Germanic into Proto-Slavic, the Latin form is provided together with translation. Some of the loanwords listed below are highly controversial. Yet they are included in the table if discussed at least by one of the four researchers.

	Proto-Slavic	Meaning	Germanic/ Latin/ PIE forms
1.	***avorъ***	maple, plane tree	**PGmc.** **ēhur(n)a-* ‘plane tree’; **OHG** *āhorn*; **OS** *ahorn*
2.	***bljudo***	plate, dish	**PGmc.** **beuda-* ‘table, plate’; **Goth.** *biuþs*; **OHG** *biet*; **OS** *biod*; **OE** *bēod*

3.	*bordy	hatchet, bearded battle axe	PGmc. *bardō- 'battle axe'; Crimean Goth. bars; OHG barta; OS barda
4.	*borvъ	sheep, barrow	PGmc. *baruga; OHG barug; OS barug; OE bearg; PIE *b^{h}oru-
5.	*brъnja	harness, suit of armour	PGmc. *brunjō-; Goth. *brunjo; OHG brunna; OS brunnia; OE byrne
6.	*buky	letter, document	PGmc. *bōk- 'document, letter'; Goth. boka; OHG buoh; OS bōk; OE bōc
7.	*bukъ	beech	NWGmc. *bōk(j)ō-; OHG buohha; OS bōca; OE bōc
8.	*bъčy	cask, barrel	G (dial. Bav.) butschen, bütschen 'small lockable container'; VLat. buttia 'bottle'
9.	*bъdьnja	tub	NWGmc. *budinō-; OHG butin; OS budin; OE byden; Lat. butina 'bottle, vessel'
10.	*cěsarjь	emperor	PGmc.*kaisar-; Goth. kaisar; OHG k(h)eisur; OS kêsur; OE Cāsere; Lat. Caesar 'emperor' (after Julius Caesar)
11.	*cьrky	church	WGmc. *kirkō-; OHG kirihha; OS kirika; OE cirice; Lat. kirikō- 'church'
12.	*duma	advice, thought	PGmc. *dōma- 'judgement, verdict'; Goth. doms; OHG t(h)uom; OS dōm; OE dōm
13.	*dъlgъ	debt	Goth. dulgs 'debt'
14.	*dьska	board	NWGmc. *diska- 'table, dish'; OHG tisc; OS disk; OE disc; Lat. discus 'disc, dish'
15.	*glazъ	shiny pebble	PGmc. *glasa- 'glass'; OHG glas; OS glas; OE glæs; PGmc. *glāza- 'amber, resin; glass'; OE glær
16.	*gobina	wealth, abundance	PGmc. *gabī- 'wealth'; gabīga 'wealthy'; Goth. gabei (n.), gabeigs, gabigs (adj.); OHG gebīgī; OE gifig (adj.) 'possessing as the result of a gift'
17.	*gobьdžь	wealth, abundance	
18.	*goneznǫti/ *gonьsti	to recover/ to be healed	PGmc. *ganesa; Goth. ganisan; OHG ginesan; OS ginesan; OE genesan
19.	*gonoziti	to save	PGmc. *ganazjan-; Goth. *ganasjan; OHG ginerien; OS ginerian; OE generian
20.	*gorazdъ	experienced, able	PGmc. *ga- (prefix) + *razdō 'sound, speech, tongue'; Goth. razda 'speech, dialect'; OHG rarta; OE reord
21.	*gręděljь	plough-beam, axis	NWGmc. *grindila-/ *grandila 'bar, bolt'; OHG grintil; OS grindil; OE grindel

22.	***xlěbъ***	bread, loaf	**PGmc.** **hlaiba*; **Go.** *hlaifs*; **OHG** *leib*; **OE** *hlāf*
23.	***xlěvъ***	shelter for domestic animals	a) **PGmc.** **hlew(j)a-* 'cover against the weather'; **Goth.** *hlija* 'cabin, shack'; **OS** *hleo*; **OE** *hlēo* OR b) **PGmc.** **hlaiwa-* 'burial mound, grave'; **Goth.** *hlaiw*; **OHG** *(h)lēo*; **OS** *hlêu*; **OE** *hlāw*
24.	***xǫdogъ***	skill(ful)	**PGmc.** **handu/aga*; **Goth.** *handugs* 'wise'; **OHG** *hantego* 'sharply'
25.	***xǫsa***	robbery, trap	**PGmc.** **hansō-* 'group of warriors'; **Goth.** *hansa*; **OHG** *hansa*; **OE** *hōs*
26.	***xrьstъ***	Christ, baptism	**Goth.** *Xristus*; **OHG** *Christ*; **OS** *Krist*; **OE** *Crist*; **Lat.** *Chrīstus*
27.	***xula***	abuse, revile	**PGmc.** **hōlōn-, *hōlian*; **Goth.** *holon* 'to slander'; **OHG** *huolan, huolian* 'to decieve'; **OE** *hōlian, helan* 'to slander'
28.	***xuliti***	to abuse, to revile	
29.	***xyzъ/ xysъ***	small house	**PGmc.** *hūsa-* 'house'; **Goth.** *-hūs*; **Crimean Goth.** *hus*; **OHG** *(h)ūs*; **OS** *hūs*; **OE** *hūs*
30.	***xъlmъ***	hill	**PGmc.** **hulma(n)-*; **OS** *holm*; **OE** *holm* 'wave'
31.	**** jьstъba***	room	**WGmc.** **stubō-* 'heated room'; **OHG** *stuba*; **OE** *stofa*; **Vulgar Lat.** **extūfa*
32.	***klějь***	glue	**WGmc.** **klaija-* 'clay, loam'; **OE** *clǣg*; **MLG** *klei*
33.	***koldędźь***	well, spring	**OE** *celde* 'well'; **Dan.** *Kolding*
34.	***korljь***	king	Karl (Charlemagne 742-814) OR Charles Martel (688-741)
35.	***kotьlъ***	kettle	**PGmc.** **katila-*; **Goth.** *katil-*; **OHG** *kezzīn*; **OS** *ketil*; **OE** *cytel, citel, cetel;* **Lat.** *cūpella/ cūpellus* 'small vat, cask'
36.	***krьstъ***	cross	**Goth.** *Xristus*; **OHG** *Christ*; **OS** *Krist*; **OE** *Crist*
37.	***kupiti***	to buy	**PGmc.** **kaupjan-, *kaupōn* 'to buy'; **Goth.** *kaupon*; **OS** *kôpian*; **OE** *cȳpan, cìpan*; **Lat.** *caupō* 'innkeeper, small tradesman'; **Lat.** *caupōnāri* 'to haggle'
38.	***kusiti***	to try, to taste	**PGmc.** **keusan-*; **Goth.** *kiusan*/ causative *kausjan*; **OHG** *kiosan*; **OS** *kiosan*; **OE** *cēosan*
39.	***kъbьlъ***	tub, quantity of grain	**WGmc.** **kubil-*; **OHG** *-kubil(i)*; **OE** *cyfel*; **Lat.** *catīnus* 'bowl, dish'
40.	***kъnędźь***	prince	**NWGmc.** **kuninga-* 'king'; **OHG** *kuni(n)g*; **OS** *kuning*; **OE** *cyni(n)g*

41.	***lagy***	bottle, cask	**WGmc.** **lāgel(l)ō-*; **OHG** *lāgel(l)a* **Lat.** *lagoena, lagōna* 'bottle with narrow neck and broad body'
42.	***lěkъ***	medicine	**PGmc.** **lēkja-* 'doctor'; **Goth.** *lekeis*; **OGH** *lāhhi*; **OE** *lǣce, lǣca* **PGmc.** **lēkinōn-* 'to cure'; **Goth.** *leinon*; **OHG** *lāhhenōn*; **OS** *lāknon*; **OE** *lǣcnian*
43.	***likъ***	round dance with singing	**PGmc.** **laika-* 'dance, game'; **Goth.** laiks 'frolic, dance'; **OHG** *leih* 'melody, tune'; **OE** *lāc* 'struggle, offering, gift'
44.	***lixva***	interest, usury	**PGmc.** **leiƕa-*; **Goth.** *leiƕan* 'to borrow'; **OHG** *līhan*; **OS** *far-līhan*; **OE** *lēon*
45.	***ljudь***	people	**PGmc.** **leudi* 'people'; **OHG** *liuti*; **OS** *liud*; **OE** *lēod* **PIE** **$h_1$leud^h-o-* 'to grow'
46.	***lugъ***	lye, caustic soda	**NWGmc.** **laugō-*; **OHG** *louga*; **OE** *lēah*
47.	***lukъ***	chive, onion	**NWGmc.** **lauka*; **OHG** *louh*; **OS** *-lôk*; **OE** *lēac*
48.	***lьstь***	trickery	**PGmc.** **listi-*; **Goth.** *list* 'trick, cunning'; **OHG** *list* 'wisdom'; **OS** *list*; **OE** *list*
49.	***lьvъ***	lion	**PGmc.** **le(w)o-*; **OHG** *le(w)o*; **OE** *lēo*
50.	***melko***	milk	**PGmc.** **meluk-*; **Goth.** *miluks*; **OHG** *miluh*; **OS** *miluk*; **OE** *meol(u)c*
51.	***myto***	toll, payment	**PGmc.** **mōtō-* or *mūtō*; **Goth.** *mota*; **OGH** *mūta*; **OE** *mōt* 'tax'
52.	***nabozězъ***	wood drill	**NWGmc.** **nabagaiza-*; **OHG** *nabagēr*; **OS** *navugēr*; **OE** *nafugār*
53.	***nuta***	cow, cattle	**NWGmc.** **nauta*; **OHG** *nōz*; **OS** *nôtil*; **OE** *nēat*
54.	***ǫborъ(kъ)***	bucket	**NWGmc.** **aimbara-*; **OHG** *eimbar*; **OS** *êmbar, enmar*; **OE** *āmber, ōmber* **Lat.** *amphora* 'vessel with two handles'
55.	***opica***	monkey, ape	**NWGmc.** **apōn*; **OHG** *affo*; **OS** *apo*; **OE** *apa*
56.	***orky***	box	**PGmc.** *arkō*; **Goth.** *arka*; **OHG** *arc(h)a*; **OE** *earce* **Lat.** *arca* 'chest, container'
57.	***osьlъ***	donkey	**PGmc.** **asil-*; **Goth.** *asilus*; **OHG** *esil*; **OS** *esil*; **OE** *e(o)sol* **Lat.** *assinus* 'donkey' or **Lat.** *asellus* 'little donkey'
58.	***ovotjь***	fruit	**WGmc.** **uba-ēta* 'side dish'; **OHG** *obaz*; **OE** *ofet*
59.	***pěnędźь***	penny, coin	**NWGmc.** **pandinga-/ *panninga* 'penny'; **OS** *penning*; **OHG** *pfending*; **OE** *pening, pending, penig* **Lat.** *panna* 'pan' *or pannus* 'piece of cloth'

60.	***pergynja***	impenetrable covert ?	**PGmc.** **fergunjō-* 'mountain range'; **Goth.** *fairguni*; **OHG** *Fargunna*; **OE** *firgen, fyrgen*
61.	***petьlja***	noose, snare	**NWGmc.** **fatila*; **OHG** *fezzil*; **OE** *fetel* 'girdle, belt'
62.	***pila***	saw	**PGmc.** **finh(a)lō-* 'saw'; **OHG** *fīla*; **OS** *fīla*; **OE** *fēol*
63.	***plugъ***	plough	**NWGmc.** **plōga-* 'plough'; **OHG** *phluog*; **OE** *plōg*
64.	***plъtъ***	logs floating down the river	**PGmc** **flut-*; **OHG** *fluz* 'current, flow'; **OE** *flot* 'water deep enough for sustaining a ship, sea'
65.	***popъ***	clergyman; priest	**PGmc.** **papa-*; **Goth.** *papa*; **OHG** *phaffo* **Lat.** *papa* 'pope'
66.	***postiti sę***	to fast	**PGmc.** **fastē-*; **Goth.** *(sik)fastan*; **OHG** *fastē(n)*; **OE** *fæstan*
67.	***postъ***	fast, Lent	**PGmc.** **fast-*; **Goth.** *fastubni*; **OHG** *fasta, fasto*; **OS** *fasta*; **OE** *fæsten*
68.	***pъlkъ***	regiment, crowd	**PGmc.** **fulka-* 'people'; **OHG** *folk*; **OS** *folk*; **OE** *folc* 'crowd, people'
69.	***redьky***	radish	**WGmc.** **radik-* 'radish'; **OHG** *ratih*; **OE** *rædic* or *rǣdic*; **Lat.** *rādīx* 'root'
70.	***retędźь***	chain	**NWGmc.** **rakind-*; **OHG** *rahhinza*; **OE** *racente*
71.	***skotъ***	cattle	**PGmc.** **skatta-* 'money, property'; **Goth.** *skatts* 'coin, money'; **OHG** *scaz*; **OS** *skatt* 'coin, property, cattle'; **OE** *sceat* 'property, treasure, tax, bribe, unit of money'
72.	***skrinj(a)***	chest, box, case	**WGmc.** **skrīn(i)a-*; **OHG** *skrīni*; **OE** *skrīn*; **Lat.** *skrīnium*
73.	***skutъ***	hem, clothing covering legs	**PGmc.** **skauta-*; **Goth.** *skauts*; **OHG** *scōz*; **OE** *scēat*
74.	***skьlędźь/ stьlędźь***	coin	**PGmc.** **skillinga-*; **Goth.** *skilliggs*; **OHG** *scilling*; **OE** *scilling*
75.	***smoky***	fig	**Goth.** *smakka* 'fig'
76.	***stado***	herd	**PGmc.** **stōðan-*; **OHG** *stuot* 'herd of horses'; **OS** *stōd* 'pen (for horses), stud'; **OE** *stód*; **PIE** **stādhom*
77.	***stǫpa***	pestle, mortar	**WGmc.** **stampa-*; **OHG** *stampf*; **OS** *stamp*; **OE** *stampe*
78.	***stьklo***	glass(ware)	**PGmc.** **stikla* 'object with pointed end'; **Goth.** *stikls* 'beaker, goblet'; **OHG** *stehhal* 'goblet'
79.	***šelmъ***	helmet	**PGmc.** **helma-*; **Goth.** *hilms*; **OHG** *helm*; **OS** *helm*; **OE** *helm*

80.	***tjudjь***	foreign	**PGmc.** **þeudō-* ‘people’; **Goth.** *þiuda*; **OHG** *thiot*, *diutisg* (adj.) ‘German’; **OS** *thiod*, *thioda*; **OE** *þēod* OR cognates inherited from **PIE** **teut-*
81.	***trǫba***	trumpet	**NWGmc.** **trumbō-*; **OHG** *trumba*
82.	***tynъ***	fence	**NWGmc.** **tūna-*; **OHG** *zūn*; **OE** *tūn*
83.	***userędźь***	earring	**PGmc.** **auzō-* ‘ear’ and **hringa* ‘ring’ **G** *Ohrring*; **OE** *ēarhring*
84.	***užasnǫti***	to terrify, frighten	**Goth.** *ugaisjan*; **OHG** *geist* ‘ghost, spirit’
85.	***užasъ***	horror	
86.	***vaga***	scales, weight	**NWgmc.** **wēgō-*; **OHG** *wāga*; **OS** *wāga*; **OE** *wǣg(e)*
87.	***vedro***	wind; good weather	**PGmc.** **wedra* ‘weather’; **OHG** *wetar* ‘weather, air’; **OS** *wedar*; **OE** *weder*
88.	***vektь***	thing	**PGmc.** **wextiz*; **Goth.** *waihts* ‘thing’; **OHG** *wiht* ‘being, thing’; **OS** *wiht* ‘being, demon, thing’; **OE** *wiht* ‘creature, being, thing’
89.	***velьblǫdъ***	camel	**Gmc.** **ulband-* ‘camel’; **Goth.** *ulbandus*; **OHG** *olbenta*; **OS** *olvundio*; **OE** *olfend*; **Lat.** *elephas* ‘elephant’
90.	***vino***	wine	**PGmc.** **wīnan-*; **Goth.** *wein*; **OHG** *wīn*; **OS** *wīn*; **OE** *wīn*; **Lat.** *vīnum* ‘wine’
91.	***vinogordъ***	vineyard	**PGmc.** **wīnan-* ‘wine’+ **PGmc.** **gardōn* ‘garden’; **Goth.** *weinagards* ‘vineyard’; **OHG** *wīngarto*; **OS** *wīngardo*; **OE** *wīngeard*
92.	***vitędźь***	hero, knight	**NWGmc.** **wīkinga-;* **OHG** *wihhing*; **OS** *wīking*; **OE** *wīking*; **OE** *wīcing* ‘pirate’
93.	***volxъ***	one speaking a Romance lg	**NWGmc.** **walha-* ‘foreigner’; **OHG** *wal(a)h*; **OE** *wealh*
94.	***vъrtogordъ***	garden	**PGmc.** **wurti-* ‘herb, root’ and **gardōn* ‘garden’; **Goth.** *aurtigards*; **MHG** *wurzegarte*; **OE** *ortgeard*
95.	***želsti***	to repay, pay for	**PGmc.** **geldan-* ‘to pay for’; **Goth.** *-gildan*; **OS** *geldan*; **OE** *gieldan*

Apart from numerous controversial or uncertain borrowings, there is a large group of unanimously accepted Germanic borrowings in Proto-Slavic. In the present paper, we focus on the ones with established Indo-European etymology, which consequently offer us a glimpse into the Proto-Indo-European world.

3. Germanic loanwords in Proto-Slavic with IE etymology

A considerable part of Germanic borrowings in Proto-Slavic has indigenous character i.e. they can be derived from a PIE root in accordance with the sound laws (for example, when the effects of the first consonant shift are present in the Germanic words, it is probably an inherited form). In the present section, the clear majority of the words is unanimously considered Germanic loanwords in Proto-Slavic by S. Pronk-Tiethoff, Z. Gołąb and V. Kiparsky. V. Martynov also believes numerous of them to be borrowings from Proto-Germanic into Proto-Slavic, however he does not mention others because he dealt only with the earliest borrowings (from Proto-Germanic before its division into Germanic dialects). Indeed, the words in the present section are in most cases well-established Germanic loanwords in Proto-Slavic, whose phonological features clearly point to borrowing. Usually only the exact Germanic donor is disputable. When necessary and possible, the probable PIE root is provided in the commentary[1].

3.1 The loanwords with established IE etymology

(1)
PSlav. **bukъ* 'beech'
PGmc. **bōk(j)ō-* 'beech'

(2)
PSlav. **buky* 1. 'beech(nut)' 2. 'letter, book, document'
PGmc. **bōk* 'book, document, letter'

As Gołąb remarks, the word for 'book' is often derived from the name of the material people write on, as in Lat. *līber*, whose original meaning was 'bast' (Gołąb 1992, 376). The Germanic donor can be derived from PIE **b^{h}eh$_2$g-o-* 'oak, beech' (cf. Lat. *fāgus* 'beech', Gr *φηγός* 'oak'). Even though Kiparsky considers the word to have been borrowed on three different occasions, it seems more likely that the Germanic word for 'beech' developed a secondary meaning 'letter document' first and was then borrowed into Proto-Slavic (Pronk-Tiethoff 2013, 82).

(3)
PSlav. **goneznǫti* 'to recover'
PGmc. **ganesa* 'to cure, recover'

[1] PIE roots are taken from S. Pronk-Tiethoff's book (2013). Only in case of controversy other dictionaries are quoted.

Causative forms of the verbs above:

(4)
PSlav. **gonoziti* ‘to save’
PGmc. **(ga)nazjan* ‘to save, guard’

The Germanic verb **ganesa-* derives from PIE **nes-* ‘to join, return’ (Skt. *násate* ‘to reunite, join’, Gr. νέομαι ‘to return home’ and possibly Toch. A *nas-*, Toch. B *nes-* ‘to be’). In the corresponding causative from, **z* is the result of Verner’s law. Kiparsky and Gołąb believe the word to have been borrowed from Early Gothic **ganazjan*. According to S. Pronk-Tiethoff, however, the two borrowings probably stem from West Germanic because “*e*-vocalism of PSlav. **gonezǫti* excludes Gothic as a donor language” (Pronk-Tiethoff 2013, 130). Indeed, PGmc. **e* was usually raised to *i* in Gothic. Had it been borrowed from Gothic, the Slavic loanword could not contain **e*.

(5)
PSlav. **grędeljь* ‘plough-beam, axis’
NWGmc. **grindila-*/ **grandila* ‘bar, bolt’

The Proto-Germanic word derives from PIE *g^h*rend*^{h}- ‘beam’ (cf. Lat. *grunda* ‘roof (trusses)’, Lith. *grindìs* ‘floor plank’). The Slavic word is a technical term probably borrowed from West Germanic. The nasal vowel easily corresponds to *in* (front vowel + *n* developed into nasals in Slavic). It can also correspond to a reflex of PGmc. **grandila*, after *i*-umlaut had already changed *a* into *e* (compare Pronk-Tiethoff 2013,106). The phonetic correspondence between the forms above does not rule out the possibility that PSlav. **grędeljь* is inherited rather than borrowed. Czarnecki (2014, 150) describes the origin as: “ahd. *grintil* / as. *grindil* oder eine einheimische slawische Bildung.”
Kiparsky (1934: 236-37) admits that it must be considered a loanword, especially because it is a terminus technicus.

(6)
PSlav. **xlěvъ* ‘shelter for domestic animals’
PGmc. **hlaiwa-* ‘grave’
PGmc. **hlew(j)a-* ‘cover against the weather’

Gołąb believes that the word was borrowed from PGmc. **hlaiwa-* ‘burial mound, grave’ (Gołąb 1992, 364), whereas S. Pronk-Tiethoff considers the

West Germanic reflex of PGmc. *hlew(j)a- 'cover against the weather' the most probable donor (Pronk-Tiethoff 2013, 108). Phonologically, Gołąb's alternative is more attractive, since PSlav. *ě is more likely to stem from PGmc. *ai then WGmc. *e. Possible cognates include Skt. *śráyati* 'to lean', Lat. *clīvus* 'hill', Gr. κλισία 'cottage, tent', Arm. *learn* 'mountain' < PIE *ḱlei- 'to lean'

(7)
PSlav. *xъlmъ
PGmc. *hulma(n)- 'hill, elevation on the water'

Cognates include Lat. *columen* 'point, top, pillar', Lat. *collis* 'hill', Gr. κολωνός 'hill', Lith. *kálnas* 'mountain', *kalvà* 'small hill' ← European IE *kel- 'elevation, hill, island (Pokorny 1959, 544). It is probably a very early borrowing because of its wide distribution in Slavic. It is to be found as a part of place names as far as in the Archanelsk region (Kiparsky 1934, 179). It seems that S. Pronk-Tiethoff considers this argument weak just because she does not believe borrowings from Proto-Germanic are at all possible (compare Pronk-Tiethoff 2013, 111). In any case, the borrowing must come from the time before *a*-umlaut started to operate.

(8)
PSlav. *kusiti 'to try, taste'
PGmc. *keusan- 'to sample, choose'

The Germanic forms can be connected to PIE *ǵeus 'to taste' (Pokorny 1959, 399-400). Cognates among others include: Skt. *joṣáyate* 'to caress, take delight in', which, according to Orel (2003, 211), is structurally identical with Gothic *kausjan* – the iterative-causative of *keusanan (Goth *kiusan* 'to test'), Gr. γεύομαι 'to taste, enjoy', and Lat. *gustus* 'taste'. The Slavic word is unanimously considered a borrowing from Gothic *kausjan* 'to experience, taste' "because it is the only attested Germanic form that formally corresponds to PSlav. *kusiti" (Pronk-Tiehoff 2013,114).

(9)
PSlav. *kъnęďźь 'prince, ruler'
NWGmc. *kuninga- 'king, ruler'

NWGmc. *kuninga- goes back to PGmc *kunja- 'family, lineage', which stems from PIE *ǵenh$_1$- 'to give birth, bring forth' (Pokorny 1959, 373-375). Cognates include: Lat. *genus* 'race, sort', Gr. γένος 'clan, sort', Skt. *jánas* 'race, class of beings'. Kiparsky, Gołąb and Martynov consider the Slavic

word a borrowing from Proto-Germanic, but the West Germanic donor is more likely because the Germanic suffix *-inga* is attested only in West Germanic. Moreover, the word is absent from Gothic, so it is unlikely to stem from common Germanic – compare Pronk-Tiethoff (2013, 134) and Czarnecki (2014, 23), who opts for OHG as the donor language.

(10)
PSlav. **nuta* 'cow, cattle'
NWGmc. **nauta* 'cattle'

The Germanic word can be derived from a PIE root **neud-* 'take into possession', which, according to Pokorny (1959, 768) had the meaning "Erstrebtes ergreifen, in Nutzung nehmen" and can be compared with Lith. *naudà* 'belongings', Latv. *naûda* 'money'. It can be assumed to be a certain borrowing from Germanic into Proto-Slavic both on phonological and semantic grounds. In view of the fact that the word is attested only in the West Germanic languages, a West Germanic donor is most likely (compare Pronk-Tiethoff 2013, 89).

(11)
PSlav. **petьlja* 'noose, snare'
NWGmc. **fatila-* 'fetter, band'

The Germanic word is a derivative of PIE **ped / pod* 'foot'. There are similar derivatives from the same root, e.g., Lat. *pedica* 'fetter, shackle', *compēs* 'fetter', *impedīre* 'to hinder', Gr. πέδη 'fetter', πηδάω 'to chain', and Av. bi-bda 'double fetter' (Pokorny 1959, 790-792; De Vaan 2008, 462; Pronk-Tiethoff 2013, 140). The initial plosive in the Slavic borrowing can be explained by the lack of the fricative **f* in Proto-Slavic and its adaptation as *p* in borrowings. The word is unattested in Gothic. Furthermore, the Slavic form reflects Germanic *i*-umlaut (*a* must have already changed into *e*, otherwise we would expect *o* in Slavic). There is no trace of the second consonant shift, so it cannot have been borrowed form High German dialects. All in all, the word probably stems from Low German.

(12)
PSlav. **pila* 'saw, pile'
PGmc. **finh(a)lō-* '(iron) file'

The root **finh-* in Proto-Germanic could derive from a nasalised zero-grade of PIE **peiḱ-* 'to cut' (Kluge/Seebold 2002: s.v. Feile). Without the nasal infix, we have the following cognates: Gr. πικρός 'sharp, pointed', Skt. *piṃśati*

(3sg.) ‘to hew out, carve’, and also PSlav. **pisati* > Polish *pisać* ‘to write’. The relationship of the Slavic-Germanic cognates is also discussed in Rychło (2017, 118-119). The initial plosive in the borrowing can be the effect of the lack of a phoneme /f/ in Proto-Slavic, just like in the case of **petьlja*. The word is most likely to stem from Old Saxon *fīla* (compare Pronk-Tiethoff 2013, 160 and Pokorny 1959, 794-795).

(13)
PSlav. **stьklo* ‘glass(ware)’
PGmc. **stikla* ‘object with pointed end’

The Germanic form can be derived from PIE **(s)teig-* ‘prick’. It was most probably borrowed from Gothic *stikls* ‘goblet’ because the Proto-Slavic form with **ь* reflects a vowel from a donor language unaffected by *a*-umlaut. If the word had been borrowed from West Germanic the expected vowel would be *e* (i.e. *i* lowered by *a*-umlaut).

(14)
PSlav. **šelmъ* ‘helmet’
PGmc. **helma-* ‘helmet’

The word is a well-established borrowing, but the exact donor is controversial. It has been agreed upon that it cannot stem from Gothic, because of the vocalism (Gothic *i* cannot have resulted in Proto-Slavic **e*). Following Kiparsky, Gołąb points out that the borrowing must have taken place before the first Slavic palatalisation of velars, i.e. in Pre-Gothic times (Gołąb 1992, 369). For the two above mentioned reasons, Holzer (2014, 104) considers the word a borrowing from Proto-Germanic:

> [...] es kann angesichts des Vokalismus tatsächlich nicht gotischen Ursrungs sein, aber aus dem Westgermanischen kann es auch nicht stammen, weil die Kontakte mit diesem erst nach der ersten Palatalisierung zustande gekommen sind.

According to Holzer, S. Pronk-Tiethoff wrongly assumed the word to stem from West Germanic and, what is more, unnecessarily rejected the layer of Proto-Germanic borrowings in Proto-Slavic (ibidem). The root of the word goes back to PIE * *ḱel-* ‘to conceal’, developed into PGmc. **hela-*, to which the suffix *-ma-* was attached to derive a deverbal noun. Czarnecki (2014, 24) supports the West Germanic origin and assesses the time of borrowing at 500-600.

(15)
PSlav. **vaga* ‘weight, scales’

NWgmc. **wēgō-* 'scales'

The Germanic word goes back to PIE **ueǵʰ-*, **uoǵʰ-* 'to transport', cf. Lith. *vèžti* 'lead, convey', Skt. *váhati* 'carry, drive, lead'; Lat. *vehere* 'drive, lead' (Derksen 2008, 518). It is interesting to note that there are native Slavic cognates of the Germanic words, e.g. Polish *wieźć* 'carry, transport' *wozić* 'carry, transport, iterative', *wóz* 'cart', which preserve apophonic e-grade and o-grade. The Slavic word must have been borrowed from a West Germanic dialect, because it shows the reflex of WG *ā* (which developed from PGmc. **ē* in West Germanic).

3.2 The loanwords with possible IE etymology or etymologies

(16)
PSlav. **postiti sę* 'to fast'; **postъ* 'fast, Lent'
PGmc. **fastē-* 'to fast' **fast-* 'fast, Lent'

The Germanic words probably go back to the PIE root **ph₂-s-to* 'guarding'. The words could have been borrowed on one occasion or separately, but it is impossible to decide (compare Pronk-Tiethoff 2013, 143). V. Kiparsky suggests that the Slavic reflexive verb could have been borrowed from the reflexive Gothic verb *fastan sik*, but favours the hypothesis of the noun being first borrowed from OHG and includes the words among those borrowed from West Germanic (Kiparsky 1934, 260-261). Czarnecki (2014, 23) rules out the Gothic source *fasta / fastên* and favours OHG *fasto / fastên* as the donor.

The loanwords presented below may also contain PIE roots, but they have several etymologies:

(17)

PSlav. **gobina* / **gobino* 'wealth, abundance' **gobьdźь* 'wealthy, abundant'
PGmc. **gabī-* 'wealth'; *gabīga* 'wealthy'

The Germanic words stem from PGmc. verb **geban-*, which on the one hand is usually connected with Lat. *habeō,* but on the other hand, can be derived from PIE **ḱo(m)-h₁ep-* 'to seize, obtain' - Hitt. *epzi* (Kortlandt 1992, 104-105, Kroonen 2013, 173). The words are usually considered to have been borrowed from Gothic *gabai* (noun) and *gabigs* (adjective) because of the formal correspondence of Slavic and Gothic forms.

(18)

PSlav. **xyzъ/ xysъ* ‘a small house, cottage’
PGmc. **hūsa* ‘house’

According to Kroonen (2013, 260), the Germanic word can be connected to PIE **kuH-* ‘to cover’. Yet S. Pronk-Tiethoff (2013, 84) summarises many other attempts to etymologise PGmc. **hūsa-*: Orel explains PGmc. **hūsa-* as a borrowing from “a phonetically advanced East Iranian: **xuz* ~ **xud* < Iranian **kata-*, cf. Av. *kata-* ‘room, cellar’” (2003, 196). Kluge relates the word to modern G *Hütte* < PGmc. **hud-* and thus derives PGmc. **hūsa-* ‘house’ from earlier **hud-s-a-*, with compensatory lengthening of the stem vowel after the drop of the *-d-* (2002, 399-400, s.v. Haus). With this etymology, the word would be related to Gr. κεῦθος n. ‘hole, hiding place’ < PIE **(s)keudh-* ‘cover’, but according to Kroonen, this connection is erroneous (2013, 260, s.v. **hūsa-*).

In this example Germanic *ū* is the source of PSlav. **y*. In Gothic, it is attested only as a part of the compound *gudhūs*, therefore a Gothic donor is unlikely. While S. Pronk-Tiethoff (2013, 84) considers the word to have been borrowed from West Germanic, Kiparsky and Gołąb advocate a Proto-Germanic donor. Because of the variation of forms in Slavic both options are possible.

3.3. The loanwords from Germanic compounds that consist of elements with IE etymology

The Germanic loanwords in Proto-Slavic presented below can be derived from Proto-Germanic or North-West Germanic compounds. Since they are Germanic formation, they have been excluded from the list revealing Indo-European heritage. On the other hand, they preserve reflexes of Indo-European roots, so they have been gathered separately.

(19)
PSlav. **nabozězъ* ‘wood drill’
NWGmc. **nabagaiza-* ‘auger, drill’

With PSlav. **na-* in the initial syllable explained by analogical development and PSlav. **z* accounted for by the second palatalisation of velars, phonologically, the words correspond well. In view of the fact that the word is unattested in Gothic, it was most probably borrowed from West Germanic: from Old Saxon, around 900-1000 AD, according to Czarnecki (2014, 23); compare also Pronk-Tiethoff (2013, 138), who explains that “PGmc. **nabō* - derives from PIE ***h_3neb^h- and is related to, e.g., Gr. ὀμφαός ‘navel’, Lat. *umbō*

‘shield boss’, *umbilīcus* ‘navel’. PIE *$\acute{g}^h$*aisó-* ‘javelin, (throwing) spear’ has been reconstructed on the basis of PGmc. **gaiza-*, PCelt. **gaiso-* and Lat. *gaesum*, but the Celtic word was probably borrowed from Germanic and the Latin word from Celtic.”

(20)

PSlav. **ovotjь* ‘fruit’
WGmc. **uba-ēta* ‘side dish, fruit’

The Germanic word is probably a compound: PGmc. **uba* ‘at, over’ + **eta-* ‘to eat’, meaning ‘side dish’. This initial meaning narrowed to ‘fruit’ in most Germanic languages. The word is considered a borrowing from West Germanic languages despite some formal difficulties. S. Pronk-Tiethoff explains the presence of the Slavic fricative **v* by its correspondence to forms in Low German, whereas the change in the initial vowel by the *a*-umlaut (the vowel was lowered so **ub* changed into *ob*) (Pronk-Tiethoff 2013, 139).

(21)
PSlav. **userędźь* ‘earring’
PGmc. **auzō-* ‘ear’ and **hringa* ‘ring’

Kiparsky (1934, 223) and Gołąb (1992, 378) consider the word to stem from the reconstructed Balkan Gothic **ausahriggs*. S. Pronk-Tiethoff rejects this layer of loanwords, therefore she advocates the Gothic origin. West Germanic cannot be the donor language because as S. Pronk-Tiethoff (2013, 163) remarks, “the donor language had a voiceless sibilant in the first member of the compound, which excludes the attested West Germanic languages”.

(22)
PSlav. **vъrtogordъ* ‘garden’
PGmc. **wurti-* ‘herb, root’ and **gardōn* ‘garden’

The word was probably borrowed into Slavic from Gothic *aurtigards*, with the initial **v* explained by prothesis in Proto-Slavic, just as in the cases of Goth. *ulbandus* > PSlav. **velьblǫdъ*. S. Pronk-Tiethoff believes the initial **v* is better explained by initial WG *w*, and therefore advocates a WG origin (Pronk-Tiethoff 2013, 167). She also follows Kluge/Seebold (2002: s.v. Wurz and s.v. Garten) in specifying that the first element of the compound is related to Goth. *waurts*; OHG *wurz*; G *Wurz*; OE *wyrt*; E *wort* < PGmc. **wurti-* from PIE *urh_2d-*i-* (also Lat. *rādīx* ‘root’) and the second element is cognate with Goth. *gards*; OHG *gart*; G *Garten*; OE *geard* < PGmc. **garda-* ‘yard, enclo-

sure' from PIE *$ghor-d^h$- 'enclosure', and related to, e.g. Lat. *hortus* 'garden', Skt. *gr̥há-* 'house', PSlav. **gord* , Gr. χόρτος 'barn' (Pronk-Tiethoff 2013, 166).

4. Conclusion

Ubiquitous as they are, lexical borrowings have always been of interest to linguists of various fields. Enabling a better understanding of language change, the analysis of loanwords proves to be especially interesting from a historical linguist's point of view. Combined with archaeological evidence and early written accounts of the ancient historians, a detailed analysis of loanwords may help to reach conclusions not only about the way of life and the cultural level of various nations in prehistorical periods but also about their relations.

In the group of relatively certain Germanic loanwords in Proto-Slavic, there are some 22 with established Proto-Indo-European etymology. Yet, in some cases, there are doubts which concern not so much the inherited character of the donor as the choice of a more convincing etymology. Among the 22 loanwords, there are 4 compounds, which have been listed separately in order to indicate that they are not Indo-European formations, but only contain Indo-European roots. The topic of Germanic loanwords in Proto-Slavic has been of interest to scholars for around two centuries. Although there is still little consensus when it comes to some loanwords, there is a large group of borrowings, which can be considered certain. Establishing the location of the Slavic homeland could shed some more light on the topic and help to solve some problematic cases.

References

Бирнбаум, Х. (1988), Славянская прародина: новые гипотезы (с заметками по поводу происхождения индоевропейцев.), [w:] Вопросы Языкознания. № 5, 35-49.

Clackson, J. (2007), Indo-European Linguistics. New York.

Czarnecki, T. (2014), Die deutschen Lehnwörter im Polnischen. Warszawa.

Derksen, R. (2008), Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden / Boston.

Филин, Ф. П. (1972), К проблеме происхождения славянских языков, [w:] Вопросы Языкознания. № 5, 3-11.

Gołąb, Z. (2004), O pochodzeniu Słowian w świetle faktów językowych. Kraków.

Gołąb, Z. (1992), The Origins of the Slavs. A Linguist's view. Columbus.

Holzer, G. (2014), Review of Saskia Pronk Tiethoff. Germanic Loanwords in Proto-Slavic in: Slavia Centralis. 1/2014, 101-104.

Kiparsky, V. (1934), Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki.

Kluge, F. (2011), Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 25th edn. Berlin / Boston.

KORTLANDT, F. H. H. (1992), The Germanic fifth class of strong verbs. North-Western European Language Evolution. 19, 10-107.
KROONEN, G. (2013), Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden / Boston.
MALLORY, J. P. / ADAMS, D. Q. (2006), The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. New York.
MAŃCZAK, W. (2001), Praojczyzna Słowian. Kraków [online], http://www.slavinja.republika.pl/tekst27.htm [dostęp: 20.06.2017].
МАРТЫНОВ, В. В. (1963), Славяно-германсекое лексическое взаимодействие древнейшей поры. Minsk.
NOIŃSKA, M. (2016), Genetyka populacyjna a problem etnogenezy Słowian, [w:] Studia Rossica Gedanensia. 3, 143-156.
NOIŃSKA, M. / RYCHŁO, M. (2017), From Proto-Slavic into Germanic or from Germanic into Proto-Slavic? A review of controversial loanwords, [w:] Studia Rossica Gedanensia. 4, 39-52.
OREL, V. (2003), A Handbook of Germanic Etymology. Leiden / Boston.
POKORNY, J. (1959), Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern / München.
PRONK-TIETHOFF, S. (2013), The Germanic Loanwords in Proto-Slavic. Amsterdam / New York.
RYCHŁO, M. (2017), Kontrowersyjne ślady zmiany pie. *p > pgerm. *f utrwalone w polsko-angielskich wyrazach pokrewnych: zestawienia sporne i wczesne zapożyczenia, [w:] Język Polski. XCVII 3, 114-128.
СЕДОВ, В. В. (1979), Происхождение и ранняя история Славян. Moscow.

The Indo-European heritage of the relatively secure Germanic loanwords in Proto-Slavic

The present paper concentrates on the most probable Germanic loanwords in Proto-Slavic which can be demonstrated to have Indo-European etymology. As the point of departure, 95 such potential borrowings have been investigated in order to exclude the controversial and doubtful cases and, subsequently, to focus on relatively secure examples. The paper takes a closer look at 22 Germanic loanwords in Proto-Slavic which reveal Indo-European origin.

Keywords: Germanic, Proto-Slavic, loanwords, Proto-Indo-European, etymology.

HALINA MARLEWICZ
Institute of Oriental Studies, Jagiellonian University (Poland)

India, What Can It Teach Slavs?[1] Some Pursuits of the Polish Oriental Renaissance Representatives

I

By the end of 18 and throughout 19 century, India attracted the attention of many European literati and intellectuals. Their manifold explorations of its ancient culture and civilisation abundantly contributed to the Orientalism of the late Enlightenment and early Romantic period. Rediscovering the heritage of India resulted in what was later called the Oriental Renaissance[2] in Europe. The discovery of Sanskrit language and literature "enlarged the European mind so as to take cognisance of a greater world than the Greco-Latin one opened up by the classical Renaissance"[3]. At the initial phase of the pan-European Oriental Renaissance, many influential thinkers, beginning with Johann Gottfried Herder, advocated a certain kind of the awareness of India as the cradle of one, unified, world civilisation of the Indo-Europeans. Redis-

[1] This is a paraphrase of the title of series of lectures by Max Müller (Max Müller, *India: What Can It Teach Us?* (London: Longmans, Green & Co., 1883).
[2] See Raymond Schwab, *La Renaissance Orientale* (Paris: Editions Payot, 1950).
[3] Geoffrey Nash, 'New Orientalisms for Old: Articulations of the East in Raymond Schwab, Edward Said, and Two Nineteenth-Century French Orientalists', in *Orientalism Revisited: Art, Land and Voyage*, ed. by Ian Richard Netton (London and New York: Routledge, 2013), pp. 87–97.

covering India spurred interest in searching for the universal history of mankind, its origin, language, and religion[4].

The upsurging wave of the fascination with India also reached Poland. The historical and religious-cultural context of Poland at the time contributed to forming what can be called a Polish variety of the Oriental Renaissance. Already for ages, Poland has been between the Latin West and the Greek East. The thousand-year-old demarcating line, which divides the Western and Eastern Europe can be perceived as "the most permanent cultural borderline on the European continent[5]". Poland, forever remaining in an intermediate situation both geographically and civilisationally, is "in the Western-Eastern position: to the east from the West and to the west from the East"[6]. Secondly, the immediate historical and political context was, that from 1772, the Polish-Lithuanian Commonwealth was partitioned by the Russian Empire, Habsburg Austria and the Kingdom of Prussia. For a period of 123 years, sovereign Poland was non-existent.

> After the crushing defeat in Maciejowice, the taking of Warsaw, slaughters in the Warsaw district of Prague, deportation of the King to Grodno and the last partition, many people sunk in despair, there were plenty of suicides, some were driven crazy, many became eccentric in their ways. …A bigger part of the aristocracy settles in the capitals of the partitioning powers, seeking favours at the courts, changing senator titles and Polish offices for the new ones of a foreign seal. Some leave the country and there appears a separate category of travellers: not wishing to come to terms with the new order in their own homeland, they search for another one, somewhere far away, in the Arabian Desert or on the paths still unknown to the European tourists[7].

---

[4] Wilhelm Halbfass, 'India and the Romantic Critique of the Present', in *India and Europe: An Essay in Philosophical Understanding* (New York: State University of New York Press, 1988), pp. 69–83.

[5] Maria Janion, *Niesamowita Słowiańszczyzna [Amazing Slavdom]*, (Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2006), p. 11. Janion quotes here from J. Kłoczowski, *Młodsza Europa. Europa Środkowo-Wschodnia w kręgu cywilizacji chrześcijańskiej średniowiecza* [Younger Europe. Middle-Eastern Europe in the Circle of Middle-Ages Christian Civilisation], (Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2003), p. 12.

[6] *Eadem*, p. 11. Janion cites here an ironic statement of Sławomir Mrożek (1930-2013), contemporary Polish playwright.

[7] Ludwik Dębicki, *Puławy (1762-1830). Monografia z życia towarzyskiego, politycznego i literackiego na podstawie archiwum ks. Czartoryskich w Krakowie. [Puławy (1762-1830): A Monograph from the Society, Political and Literary Life Based on the Archives of the Czartoryskis]* (Kraków: Księgarnia Gubrynowicza i Schmidta, 1887), p. 3-4: *Po pogromie maciejowickim, zdobyciu Warszawy, rzezi na Pradze, wywiezieniu króla do Grodna i ostatnim rozbiorze – rozpacz ogarniała jednostki, były liczne wypadki samobójstw, wielu postradało zmysły, inni wpadli w dziwactwa; …Znaczna część arystokracji osiedla się w stolicach rozbiorowych państw, szukając względów na dworach zamieniając tytuły senatorskie i urzędów polskich na tytuły świeże obcego stempla. Niektórzy opuszczają kraj i powstaje osobna kategoria podróżników, co nie chcąc się pojednać z nowym porządkiem w własnej*

At the turn of the 18th and 19th century, the ages-old religious-cultural positioning of Poland coalesced with the socio- and geopolitical situation of the partition. The post-partition atmosphere and its circumstances so vividly described above by the publicist and diarist of the later Romantic period, the period when one's own cultural identity was at stake or was traded for immediate political profits, seemed little propitious for the advancement of the studies related to distant cultures. Yet, paradoxically, the overwhelming influence on the annexed territories exercised by the three foreign centres of powers: the tsarist Russia, Habsburg Austria and the Hohenzollern Kingdom of Prussia, seem to have created more and better opportunities for the Polish to get acquainted with different fields of Oriental Studies emerging in Europe. It is sufficient to read the biographies of the first Polish Orientalists and Indologists to notice that they vividly interacted with the German, Austrian and Prussian Orientalists of the period.

It is also noteworthy that the influences of Western Europe (in the sense of the Latin West), which motivated Polish interest in the Orient, were coexistent with the Eastern Europe (in the sense if the Greek East) ones. Extensive parts of Polish and Lithuanian Commonwealth were united with Russia after the partitions, and Poland became a part of the empire which has already had a long-standing tradition of strong political and economic bonds with the Orient. The new geopolitical and religious-cultural situation not only motivated many Poles to enter upon studies of Oriental languages, cultures, and religions but was also inspirative for the Congress Poland to tentatively explore Asian markets[8]. In the first quarter of the 19th century, there were attempts to establish Oriental studies at the University of Vilnius, which, for various reasons, were initially unsuccessful[9]. In spite of this, some of the University professors, such as Gottfried E. Groddeck (1762–1825), considered "a father of the academic Polish philology", and his immediate pupil Joachim Lelewel (1786–1861), inspired students to take interest in Oriental studies[10]. Michał Bobrowski (1784–1848) gave introductory courses in Hebrew and Arabic, Szymon Żukowski (1782–1834), primarily a lecturer in Greek, also taught Hebrew language and "compiled the first grammar of that

ojczyźnie, szukają innej za morzami, wśród pustyni arabskich lub na szlakach dotąd turystom europejskim nieznanych.

8 Jan Reychman, 'Zainteresowania orientalistyczne w środowisku mickiewiczowskim w Wilnie i Petersburgu [Oriental Interests in Mickiewicz's Circle in Vilnius and St Petersburg]', in *Szkice Z Dziejów Orientalistyki Polskiej, Vol. 1.*, ed. by Stefan Strelcyn (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957), pp. 70–71.

9 Marek Mejor, 'Early History of Oriental Studies at Vilnius University', *Acta Orientalia Vilnensia*, 10.1–2 (2009), 15–28.

10 Reychman, p. 75.

language”[11]. In connection with studies on ancient India, one should particularly mention a prominent historian Lelewel, who authored its first history written in Polish[12]. The University of Vilnius, however, still lacked the independent Oriental studies Department or Faculty, and many of its students decided to follow their interests in Oriental languages either at the University of St. Petersburg or the University of Kazan[13]. It resulted in educating a whole generation of professional Polish Orientalists[14] in what Reychman called a “secular and practical branch of Oriental Studies[15]”.

---

[11] Marek Mejor, ‘Early History of Oriental Studies at Vilnius University’, *Acta Orientalia Vilnensia*, 10.1–2 (2009), p. 17.

[12] Joachim Lelewel, *Dzieje starożytne Indii ze szczególnem zastanowieniem się nad wpływem jaki mieć mogła na strony zachodnie : India Zagangecka, Sinia i Serika, ile je starożytni znali, geografia indyjska z ksiąg świętych, pierwotna na wschodzie ziemi znajomość.* (Warszawa: Nathan Glücksberg, 1820). See also *„Dzieje starożytne Indii” Joachima Lelewela*, ed. and introd. by Renata Czekalska, Agnieszka Kuczkiewicz-Fraś (Kraków: Księgarnia Akademicka, 2015).

[13] Jan Reychman, ‘Zainteresowania orientalistyczne w środowisku mickiewiczowskim w Wilnie i Petersburgu [Oriental Interests in Mickiewicz’s Circle in Vilnus and Petersburg]’, in *Szkice z dziejów orientalistyki polskiej, Vol. 1.*, ed. by Stefan Strelcyn (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957), pp. 69–93.

[14] Idem. One should mention here at least some of many Polish Orientalists who were educated at the Vilnius and at Russian Universities. Aleksander B. Chodźko (1804-1891), internationally recognized philologist, a man of letters, Iranist, who also dealt with Arabic and Kurdish philology and literature. Józef S. Kowalewski (1801-1878), a polyglot Antoni Muchliński (1808-1877), who knew Arabic, Turkish, Persian, Hebrew, modern Greek, Sanskrit, Armenian, and in 1863 became a Dean at the Faculty of Eastern Languages in St Petersburg. Ignacy Pietraszewski (1796-1869), collaborating with Muchliński in St Petersburg. He had fluent knowledge of Arabic, Persian and Turkish. Józef Sękowski (1800-1858) Orientalist and Professor of the University of St Petersburg in the years 1822-47. Sękowski, however, belongs more to the history of Russian Oriental Studies, at least beginning from 1832, when he altogether renounced Polish citizenship. L. Spitznagel (1807-1827) friend of Adam Mickiewicz, also studied Arabic, Persian, Hebrew, Turkish in St Petersburg and was a gifted translator. August K. Żaba (1801-1894), Orientalist who later specialised in Kurdish studies. Żaba published his works on Kurdish language and culture mainly in French. His two dictionaries: Kurdish-Russian-French, and French-Russian-Kurdish also today hold their value. For more information see, e.g.: Jan Reychman, ‘Zainteresowania orientalistyczne w środowisku mickiewiczowskim w Wilnie i Petersburgu [Oriental Interests in Mickiewicz's Circle in Vilnius and Petersburg]', in *Szkice Z Dziejów Orientalistyki Polskiej, Vol. 1.*, ed. by Stefan Strelcyn (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957), pp. 69–93; Wacław Słabczyński and Tadeusz Słabczyński, *Słownik podróżników polskich [A Dictionary of Polish Travellers]* (Warszawa: Wiedza Powszechna, 1992); Internetowy Polski Słownik Biograficzny, http://www.ipsb.nina.gov.pl/Home/.

[15] Jan Reychman, ‘Zainteresowania orientalistyczne w środowisku mickiewiczowskim w Wilnie i Petersburgu [Oriental Interests in Mickiewicz's Circle in Vilnius and Petersburg]', in *Szkice Z Dziejów Orientalistyki Polskiej, Vol. 1.*, ed. by Stefan Strelcyn (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957), p. 70.

Another institution important for the 18th and 19th-century Polish Oriental studies was Puławy. Prince Adam Kazimierz Czartoryski (1734-1823), together with his wife Isabela, turned their palace in Puławy into the centre of culture and Polish literature. A. K. Czartoryski was vividly (though amateurishly) interested in Oriental languages and comparative linguistics[16]. He corresponded with the founder of the Asiatic Society of Bengal Sir William Jones (1746-1794), to whom he wrote:

> I have always been at a loss to form any conjecture upon the following subject: which is, by what chance so many words from other European languages, or at least used in our European languages, are got into the Persian as, for instance, jivan, pudder, mader … together with a deal of Sclavonian, especially in the arithmetical numbers…[17].

Czartoryski was not a professional scholar but a person of great learning whose mind was attracted to linguistic and philological studies. Ludwik Dębicki suggests three main features of Prince A. K. Czartoryski's fascination with Oriental Studies: the tradition of Polish noblemen, political anticipations and intellectual curiosity regarding the ideas and findings of distinguished men of learning of his times[18]. He met and befriended Herder during his visit to Germany[19]. He also knew personally the Hungarian Orientalist Karol Emeryk Reviczky, and corresponded with others: the aforementioned Jones, Henry Grey, whom he knew from his studies in England, Charles de Pougens, Krzysztof Wiesiołowski, Szymon (?) Broniewski residing in Russia, and a certain Józef Hamid from Vienna[20]. Puławy held a collection of Orientalia consisting of 500 items. It is from Puławy that the Herderian view of India spread in pre-romantic Poland[21]. In his library, Prince Czartoryski held a number of Indological books, mainly by the British and French authors.

Towarzystwo Królewsko-Warszawskie Przyjaciół Nauk [the Royal Warsaw Society of the Friends of Learning] was another institution connected to

---

[16] Ludwik Dębicki, 'Pierwsi orientaliści i archeologowie polscy [First Polish Orientalists and Archaeologists]', *Biblioteka Warszawska*, I (1884), 363–84. On p. 366 Dębicki writes that A. K. Czartoryski was an enthusiast of linguistics as well as knew Hebrew, Chaldean, Syriac, engaged himself in Persian literature and started to learn Sanskrit.

[17] Teignmouth, John Shore, *Memoirs of the Life, Writings and Correspondence of Sir William Jones*, Vol. 1 (London: John W. Parker, West Strand, 1835), pp. 270-271.

[18] Ludwik Dębicki, 'Pierwsi orientaliści i archeologowie polscy [First Polish Orientalists and Archeologists]', *Biblioteka Warszawska*, I (1884), p. 365.

[19] Jan Tuczyński, *Motywy indyjskie w literaturze polskiej [Indian Motifs in Polish Literature]* (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1981), p. 46-47.

[20] Ludwik Dębicki, 'Pierwsi orientaliści i archeologowie polscy [First Polish Orientalists and Archeologists]', *Biblioteka Warszawska*, I (1884), p. 366-368.

[21] Tuczyński, p. 46.

Oriental studies in 19th-century Poland. Walenty Skorochód Majewski (1764-1835), one of its members, had a sustained interests in Sanskrit language and culture. Majewski, a public notary, archivist, self-made historian and linguist, was the author of "the first Polish publication of a scholarly value, which emphasized the importance of Indological studies for the European linguistics, philosophy and literature"[22]. It was a translation from French of the lecture of Antione Léonard Chézy, given on the occasion of appointing him the first professor of the Chair of Sanskrit in Paris in 1815. German and British Sanskrit philology inspired Skorochód Majewski to prepare, in 1816, a dissertation *O Sławianach i ich pobratymcach część Isza*... [On the Slavs and their Kin: First Part…][23]. In its introductory part he confesses:

> …When Slavs and the Ancient East India[24] peoples became a specific subject of my investigations, I succumbed to this all-powerful passion. … A great similarity, which I noticed with regard to the speech, customs, traditions, laws, and deities of Ancient Indians and inhabitants of Iran of old, as well as Ancient Slavs, made me collect my scattered observations. … For myself, in order to follow the advice of my Friends, it was only right to start with the ancient, three-thousand-years-dead language of the Indians, its Grammar and Literature… to prove the kinship between the two, so very remote groups of peoples. … Once we agree on the kinship, we have to also agree on the common origin of some great tribe. When we find the tribe, we will then find the kindred peoples' habitations, the times when they wandered from one part of the world to another. … To give a firmer ground to the intended edifice, with a substantial expense I collected, cut and cast … three kinds of prints[25], that is of Samskrit alphabet[26].

---

[22] Tuczyński, p. 44.
[23] The whole publication is two-partite, which is also demonstrated by separate paginations of the two parts. The first consists of unnumbered, 2-page introduction and the actual dissertation *On the Slavs and their Kin: First Part...* (pp. 1-180). The second part (pp. i-lxiv) include two essays related to other fields of Majewski's scholarly activities: archivist and diplomacy. The lengthy title of the book specifies in detail its two-partite content: *O Sławianach i ich pobratymcach* część *Isza obejmująca [...] rozprawy o języku sanskryckim, tudzież o literaturze Indian w tymże języku, z przydatkiem wyciągu gramatyki tegoż języka, tablic rycin czyli pisma i liczbowych postaci, osnowy wiersza bohatyrskiego pod nazwaniem Rama-Jana, wyciągów z tegoż wiersza, słowniczka, niemniej dwóch poprzedniczych rozpraw o Archiwach i umieiętności dyplomatycznéj. [On the Slavs and Their Kins: first part consisting of dissertations on the Sanskrit language and on Indian literature in this language together with an appendix with excerpts on the grammar of this language, tables of images i.e. of the script and forms of numerals, the content of the heroic poem titled Rama-Yana, excerpts from the poem, vocabulary, also including two earlier essays on archives and diplomatic ability].*
[24] East India used to be the name given to India proper, in order to distinguish it from the West India (i.e. America) of Columbus.
[25] Majewski was, in fact, the first European to set up, in 1815, a Sanskrit printing press (using his private resources), which was five years before A. W. Schlegel. He cast three types of fonts used for Sanskrit text: Old Grantha, Bengali (which he calls Bhali or Phali) and Deva-

Figure 1. Part of a table from *"O Sławianach i ich pobratymcach część Isza..."*. The table is originally divided in two columns. Both show three kinds of Indian scripts: Grantha, Bengali and Devanagari but the left-hand column reproduced here is an attempt to organise the graphems in the order of Polish alphabet.

On the Slavs and their Kin: First Part... was meant – as the author specifies in the title – to introduce the reader into a four-volume study. The whole ambitious undertaking Majewski describes in a detailed 140-page summary published two years later, in 1818[27]. The to-be-published work was to eventually prove the "millennia-old relationships" between the Slavs and the "ancient inhabitants of East India"[28].

Majewski's main aim was to show the identity of the pagan Slavonic peoples with ancient Indians, or at least to indicate at a high degree of many-levelled kinship between the two. Close, comparative examination of the languages, of rites and rituals, and finally of laws and customs of the two indigenous groups was to corroborate the thesis. Majewski planned to discuss the three subjects in

---

nagari. A. W. Schlegel develops "an Indian printing house" in 1820. See a remark made by Wilhelm Rüegg on p. 451 of: Asa Briggs and others, *A History of the University in Europe. Volume III: Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800-1945)*, ed. by Walter Rüegg, 1st edn (Cambridge, New York, Melbourne et. al.: Cambridge University Press, 2004).

[26] Walenty Skorochód Majewski, *O Sławianach i ich pobratymcach część Isza... [On the Slavs and Their Kin: First Part...]* (Warszawa: Drukarnia Wiktora Dąbrowskiego, 1816), introduction: *gdy Sławianie i starożytne wschodnich Indii ludy stały się szczególniejszym badań moich przedmiotem, musiałem ulec tej to wielowładnej namiętności. ... Wielkie podobieństwo, które między mową, obyczajami, zwyczajami, prawami, bóstwami starożytnymi Indian i dawnych Iranu mieszkańców, a również starożytnych Sławian dostrzegałem, skłoniło mnie do zebrania rozrzuconych postrzeżeń. ... Idąc za radą... szanownych Przyjaciół, wypadało mi zacząć od starożytnego, już przed trzema tysiącami lat obumarłego Indian języka, jego Gramatyki i Literatury... dla wykazania dwóch tak odległych ludów pobratymstwa. ... Przyznawszy pobratymstwo, przyznać musimy wspólne od jakowegoś wielkiego Szczepu pochodzenie. Znalazłszy ten szczep, znajdziemy następnie tych to pobratymskich ludów siedziby, znajdziemy epoki, w których z jednej do drugiej świata przestrzeni wędrowali. ... Dla nadania trwalszego zamierzonej budowie gruntu, znacznym kosztem postarałem się zebrać, wyrżnąć i odlać, załączone tu w próbie trzy rodzaje rycin, czyli pisma Samskrytu.*

[27] Walenty Skorochód Majewski, *Rozkład i treść dzieła o początku licznych sławiańskich narodów, tudzież każdego w szczególności we IV tomach [A Layout and Content of the Work on the Beginnings of Numerous Slavonic Nations and Each of Them Separately in 4 Volumes]* (Warszawa: Drukarnia Stanisława Dąbrowskiego, 1818).

[28] See *Ibidem*, p. vi-vii: [...] *trzy stanowcze pomniki, które istniejących przed tysiącami lat między Sławianami a starożytnymi mieszkańcami Wschodnich Indii związków dowodzą, pod sąd uczonych Współziomków poddać umyśliłem.*

three consecutive volumes. The fourth and last volume was to be a review of additional data from historical sources[29]. Majewski never realised his ambitious plan, and even the 140-page sketch was a rather unsystematic composition[30]. On its conclusive pages, the author refers to his dissatisfaction with the already published, first volume of the study, i.e. the book of 1816. In his view, it should be enlarged in the future and include more detailed Indo-European comparative philology studies of different languages of the world[31]. He emphasized that the endeavour, in order to be satisfactorily completed, required not one man but a group of closely collaborating scholars[32]. Inspired by the German and British comparative linguistics and philology, Majewski is critical of some of its representatives. For example, the study on Slavonic languages by Johann Christoph von Adelung is judged defective due to what Majewski called "Adelung's love for the [German] nation"[33]. In his opinion, Adelung „could have used his passion better by giving [linguistic] evidence […] for today's purity of the contemporary German language, recently created on the ruins of the ancient German and Slavonic language"[34]. Majewski also authored the first Sanskrit grammar in Polish (1828) and the grammar of the Turkish language[35].

Entirely devoted to comparative studies of Indo-European languages, he was particularly keen on finding affinities between ancient Slavonic and Sanskrit languages and cultures. From the perspective of contemporary linguistic studies, his presuppositions are very often simply wrong and naïve, yet his titanic work, ceaseless energy and persistence in pursuing his ideas should be appreciated. For years he continued to propagate Sanskrit language and Indian civilisation, undeterred by the searing critique he received from his contemporaries. He deserves to be remembered as the forerunner of the idea of

---

[29] *Ibidem*, p. vii-viii..

[30] See Małgorzata Wielińska-Soltwedel, 'Walenty Skorochód Majewski : The Precursor of Polish Indological Studies', *Rocznik Orientalistyczny*, 60.2, p. 163.

[31] Walenty Skorochód Majewski, *Rozkład i treść dzieła o początku licznych sławiańskich narodów, tudzież każdego w szczególności we IV tomach [A Layout and Content of the Work on the Beginnings of Numerous Slavonic Nations and Each of Them Separately in 4 Volumes]* (Warszawa: Drukarnia Stanisława Dąbrowskiego, 1818), p.cxxxvii.

[32] *Ibidem*, p. cxxxviii.

[33] *Ibidem*, pp. cxxxii-cxxxiii: *Jego rozprawa ciągnąca się od karty 610 do 768 wykazuje ułomności, które są skutkiem zbytniego zamiłowania narodowości*.

[34] *Ibidem*, p. cxxxiii: *Lepiej by uczynił, używając tej namiętności na […] wykazanie dzisiejszej czystości ukształconego niedawno, na zwaliskach mowy starożytnych Germanów i Sławian, teraźniejszego niemieckiego języka.*

[35] See also Barbara Podolak, 'Walenty Skorochód Majewski - zapomniany archiwista i pasjonat języków wschodnich. [Walenty Skorochód Majewski, a Forgotten Archivist and Enthusiast of Oriental Languages]', *LingVaria. Półrocznik Wydziału Polonistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego*, 1 (13) (2012), 183–94.

the kinship among European and Asian languages[36], and that in spite of being amateurish as well as inexperienced in Indo-European comparative philology, which during the period was nothing exceptional.

II

A less known and researched representative of the Oriental Rennaissance in Poland is (Aleksander) Leszek Dunin Borkowski (1811-1896), a citizen from Lviv (German Lemberg), the capital of the Kingdom of Galicia and Lodomeria (Austrian Poland). Though in his times Borkowski was more famous as a politician, publicist, and the author of a scandalising *Parafiańszczyzna [Parochialism]*[37], his contemporaries also mention his scholarly activities in the field of Indian literature and religion. One of his biographers, Karol Widman, writes that "Galicia knew him as an author of poems and a Sanskritist"[38].

Borkowski, a prominent representative of the Galician cultural and political life, in his early youth studied Sanskrit under Peter von Bohlen (1796-1840), Professor of Oriental Languages at the University of Königsberg in Prussia, earlier a pupil of August Wilhelm von Schlegel (1767-1845) and Franz Bopp (1791-1867). He, therefore, was one of the first 19th-century Polish-men, probably the only Galician, to have studied, even if shortly, Sanskrit language and culture at the university level. He could have been inspired to study Sanskrit by Prince Adam Jerzy Czartoryski, the son of Prince Adam Kazimierz[39]. His studies were abruptly interrupted after only eight months

[36] See Barbara Podolak, 'Walenty Skorochód Majewski - zapomniany archiwista i pasjonat języków wschodnich. [Walenty Skorochód Majewski, a Forgotten Archivist and Enthusiast of Oriental Languages]', *LingVaria. Półrocznik Wydziału Polonistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego*, 1 (13) (2012), p. 193.

[37] Leszek Dunin Borkowski, *Parafiańszczyzna [Parochialism]*, ed. by Kazimierz Pecold, Biblioteka Narodowa, Seria I, Nr 209 (Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1972).

[38] Karol Widman, 'Leszek Dunin Borkowski', *Tygodnik Lwowski* (Lwów, 1867), p. 26: *Galicja znała go jako autora poematów i sanskrycistę...*

[39] Borkowski, who in 1830 was merely 19, took part in the Polish November Insurrection (1830-1831), that unsuccessfully tried to overthrow Russian rule in the Congress Kingdom of Poland. He was nominated the aide-de-camp of general Krukowiecki. Due to his function, Borkowski was officially in touch with Prince Adam Jerzy Czartoryski (1770-1861, son of Prince Adam Kazimierz), who was at the head of the Insurrection. Borkowski was further promoted as the aide-de-camp of Prince Adam Jerzy nominated as the President of the Polish Government. The capitulation of Warsaw put an end to the the plans of creating a new Kingdom of Poland governed by Adam Jerzy Czartoryski. Though shortly, Prince Adam Jerzy was a pupil of Groddeck when he was residing in Puławy in the years of 1787-1804, and afterwards he corresponded extensively with his teacher (See Stefan Młodecki, 'Gotfryd Ernest Groddeck: studium biograficzne na podstawie notat Mikołaja Malinowskiego', *Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej*, 6 (1958), p. 330). Prince Adam Jerzy also met Herder. It

but the interest in the discipline remained for many years. Soon after his (enforced) return from Königsberg to Lviv in 1832, Borkowski went to Vienna, where he often visited the then renowned Austrian Orientalist Joseph von Hammer-Purgstall (1774-1856). Hammer-Purgstall authored "the first complete translation of Ḥāfeẓ's *Divān* in any Western language (*Der Diwan des Mohammed Schemsed-Din Hafis*(Stuttgart, 1812-13))", and thus provided "Johann Wolfgang von Goethe with the material for his *West-östlicher Divan* (1818)"[40], which Goethe composed with some participation of Marianne von Willemer. Borkowski kept up to date with Indological research and continued to study Indian literature and religion years after he left the University of Königsberg[41]. He mentions his difficulties with acquiring Polish literature on the subject, so he could have been fairly isolated from Polish centres of Indian and Oriental studies mentioned above[42].

seems quite probable then, that Borkowski learned about the European Oriental Renaissance and its representatives from Prince Adam Jerzy, and that could have been for him the primary impulse to study Sanskrit under Bohlen.

[40] See http://www.iranicaonline.org/articles/hammer-purgstall (08.12.2017)

[41] *Leszka hr. Dunina Borkowskiego autobiografia* (odbitka z "Dziennika Polskiego") *[Autobiography by Count Leszek Dunin Borkowski]* (Lwów: Drukarnia Karola Budweisera, 1897), p. 12: *Między latami 1832 i 1848 studiowanie literatury sanskryckiej [...] naprowadziło mnie na myśl historycznego rozwinięcia pojęć religijnych od najdawniejszych czasów i według przemian, jakim ulegały w różnych wiekach i narodach. [Studying Sanskrit literature between the years 1832 and 1848 steered me towards the subject of developing historically [the question of] religious ideas from the earliest times and according to their transformations in different ages and nations].*

[42] In spite of this isolation, he reads widely on the subject. In the essay: *O najdawniejszych zabytkach pisemnych [On the Oldest Written Records]* (Lwów: Drukarnia Zakładu Narodowego Ossolińskich, 1850) he displays his wide knowledge of French, English and particularly German works (pp. 3-5 and *passim*), which he critically assesses. He is not sparing Polish writings about India, which he considers to be scarce, and predominantly a "second-hand knowledge". On p. 8 he mentions Lelewel's *History of Ancient India* (1820), and the translations of Albert de Biberstein Kazimirski (1808-1887), which he appreciates. Of a member of Royal Warsaw Society of the Friends of Learning, Jan Tarnowski (1777-1842), and his one and only report on some relationships between the Western and Eastern works of literature Borkowski writes (p. 8) that he "repeats unselectively after the British and the French scholars". He also criticizes Skorochód Majewski's book *On the Slavs...* for relying mostly on a "dubious and obscure source by Paulin", i.e. on the first European Sanskrit grammar *Sidhar`ubam seu grammatica Samscrdamica*, published in Rome, in 1790 by a Carmelite missionary Paulinus a Sancto Bartholomaeo (1748-1806), though at the same time he complains he could not obtain Majewski's essay on the Indian drama, neither in Polish, nor in the Russian translation (Authors of recently written articles on Skorochód Majewski: Podolak and Wielińska-Soltwedel do not mention such a work by him).

His explorations in the field resulted in publishing two Indological essays. The first to be brought out was a 37-page *Setka Bhartiharis'a* [*Centuries by Bhartṛhari*][43], in which he interpreted chosen verses from the collection of Sanskrit gnomic poetry *Three Hundred Poems* (*Śatakatraya*) *on Love, Right Conduct and Renunciation* (*Śṛṅgāra- Nīti-* and *Vairāgyaśataka* respectively)[44]. The publication was, in all probability, a result of Borkowski's studies under Bohlen, in 1831, who only two years later, in 1833, brought out a Latin translation of the *Śatakatraya*[45]. The German translation came out two years later[46]. It is therefore highly probable, that Bohlen read with his student from Galicia the collection of verses in Sanskrit[47], which he must have been preparing for publication. Reading and translating with his teacher the three-part work on sensual love *(Śṛṅgāra-)*, conduct *(Nīti-)* and renunciation (*Vairāgya-*), which was then considered to be an extremely ancient testimony of Indian wisdom, could have given Borkowski ideas about culture-productive Indian symbolism of

SETKA BHARTRIHARIS'A.

Do najprzedniejszych utworów umnictwa starożytnych Indian należą niezaprzecznie zdania Bhartriharis'a nazwane Setkami (satakani). Muzeum East India House posiada je w kilku odpisach, jakiemi je obdarzył nieskończenie zasłużony Colebrooke. Są one z różnych czasów spisane z różną dbałością i umiejętnością. Jeden z nich umieszczony w Katalogu pod liczbą 1987, nosi świadectwo roku 1544. Udzielają ich ciekawości i użytkowi uczonych wszystkich narodów z wielką łatwością i uprzejmością. Jakoż gorliwy Bohlen w czasie swojego dwuletniego pobytu w Londynie miał je pod ręką, porównał i ocenił w przedmowie do całkowitego i rozbiorowego wydania zdań Bhartriharis'a (Berlin 1833) jednego dotychczas, gdyż Loiseleur Delongchamps w Yadjnadatta Badha (1829) tylko wyjątki ogłosił; wydania zaś Carey'a tak to przy gramatyce, jak tamto przy Hitopates'ie mają być bardzo niepoprawne (Fr. Adelung Biblioteca Sanscrita St. 190). Co do przekładów najpierwszym podobno jaki ukazał się w Europie, był Abrahama Rogera holandskiego missionarza uskuteczniony w pierwszéj połowie siedmnastego wieku, w czasie jego dziesięcioletniego pobytu w Palikatta (1630—40) za szczególniejszą pomocą brahma-

Figure 2. First page of the essay *"Setka Bhartriharis'a"* by Leszek Dunin Borkowski.

---

43 Leszek Dunin Borkowski, *Setka Bhartriharis'a,* (Poznań: Drukarnia N. Kamieńskiego i Spółki, 1845); Halina Marlewicz, *Ex India Lux. Romantyczny mit Indii Leszka Dunina Borkowskiego [Ex India Lux: Leszek Dunin Borkowski's Romantic Myth of India]* (Kraków: Księgarnia Akademicka, 2015).

44 Neither the authorship nor the dating of the work, nowadays located around 4th or 5th century, is certain.

45 *Bhartrharis sententiae et carmen quod Chauri nomine circumfertus eroticum,* ad codicum mstt. fidem edidit Latine vertit et commentariis instruxit Petrus a Bohlen, 1st ed. (Berlin, 1833).

46 Peter von Bohlen, *Die Sprüche Des Bhartriharis* (Hamburg, 1835).

47 One should perhaps mention here that it was the first collection of Sanskrit poetry to be known outside India. Borkowski himself refers to about ten adaptations or translations of the *Śatakatraya* into European languages, among them the Dutch adaptation of 1651, which was included in a work entitled *De open-deure tot het verborgen heydendom door Abraham Rogerius* [The Opened Doors to the Hidden Pagan Country]. The famous *Gedanken einiger Brahmanen* published in 1792, were written by Herder after reading the German translation of *The Opened Doors...*

the triad, which he saw as permeating the whole civilisation. In his *Setka*... he writes:

> Bhartṛharis's sentences are divided into three parts [...] The division is not accidental but dependent on the deep reverence the Indians have for the number three, beginning from their Trimurti[48] and its revelations contained in the three sacred books of wisdom [Vedas[49]]. It (i.e. the division) is [to be found] in the incipient germ of the Indian spirit, being born during the earliest spiritual exercises which produced the first conceptions of nature, therefore it is purely of the [Indian] homeland. Moreover, I take this division as suiting to the essence of its subject. The very names of the three parts testify that they contain within the teachings applicable to every age and vocation[50].

The tripartite collection of Sanskrit gnomic verses is taken to be a composition with a deliberate unifying principle focused on three universal, culture-producing concepts. The first one is sensual love. The representation of love in the collection did not, however, induce Borkowski to extensively reflect on its culturally embedded connotations, though he mentions, e. g., that some of the words, images and descriptions seem to be "unseeming and less modest than our imagination admits", yet agreeing with the "sense of the beauty of hot and less inhibitive countries[51]". It is also noticeable, that he certainly took much pleasure in translating almost 30 verses of Bhartṛhari's hundred poems on love. To the second concept of right conduct or prudence Borkowski gives relatively little space, only to turn to the third one – the concept of renunciation, with its axiology considered formative to an overall existential attitude of a Brahmin, a single representative of ancient India world-view, being for Borkowski as if its human incorporation. The concept of renunciation, of the complete resignation from engaging in worldly affairs,

---

[48] Trimurti (Sanskrit: having three forms) is the idea of the highest deity in three forms, which emerges in Hinduism in the first centuries CE. Each of the three specific forms is related to the basic cosmological functions. The highest God creates the world As Brahmā, as Viṣṇu he preserves it, and in the form of Śiva, he destroys it.

[49] The oldest references in Indian sources are, indeed, made to only three Vedas: the *Ṛgveda*, knowledge of verses in praise (*ṛc*) of different gods, the *Yajurveda*, knowledge of ritual formulas (*yajus*), and the *Sāmaveda,* knowledge of melodies, ritualistic chants. The fourth *Atharvaveda,* knowledge of the Atharvan priests, joined the three Vedas relatively late. The idea of Trimurti, however, cannot be related to the Vedic times, as Borkowski claims.

[50] Dunin Borkowski, *Setka Bhartriharis'a*, p. 5-6: *Zdania Bhartriharisa dzielą się na trzy części [...]. Podział ten nie jest dowolny, ale zawisły od głębokiej czci, z jaką jest Indianin dla liczby trzy, począwszy już od swojej Trimurtis i jej objawień w trzech świętych wiedzach (Wedach). Czego przyczyna jawi się w początkowym zarodzie ducha indyjskiego, klując się w pierwszych ćwiczeniach duchowych z najpierwszych zastanowień nad przyrodzeniem; jest zatem czysto swojska i narodowa. Prócz tego mam ten podział za odpowiedni istocie przedmiotu. Same nazwiska tych trzech części świadczą, iż one zamykają naukę życia, zastosowaną do każdego wieku i powołania...*

[51] *Ibidem*, p. 6.

in favour of the life devoted to "reflection and severe, incessant, and patiently conducted [spiritual-ascetic] exercises[52]" is presented as "the peak of perfection" in life for every Brahmin. The overall, universal message of the three centuries on love, right conduct and renunciation by Bhartṛhari is summarised in the following manner:

> As far as its overall purport is concerned, the collection is a beautiful monument of poetry, philosophy and religious faith, from the times when they, in their [triadic] union, were of great help to one another. Would it not be to our benefit to become acquainted with this primordial stem of the tree of knowledge, which every day becomes more and more corrupted, [and] to get to know the patriarch of so many generations, the forefather of the whole sacred grove of sciences, the essence of which is still, often quite visibly, circulating within its offspring, the essence which Providence has preserved, maybe on purpose, to our education and gratitude?[53]

Human knowledge is metaphorically represented here as a powerful tree-trunk, which guards inside and keeps safe the ancient, triadic unity of poetry, philosophy and religion, the three pillars of wisdom created in olden times of the Proto-Indo-Europeans. The collection of *Three Hundred Poems on Love, Right Conduct and Renunciation* epitomizes for Borkowski the unified wisdom of a perfect mankind. In his further explanations, the author paints a picture of the golden age of humanity, the mythic time, when the ideal of pre-rational wisdom was still unified, and preserved as such in the harmonious trinity of philosophy, poetry and religion. The metaphor of the "tree-trunk of knowledge" is expanded to create a picture of the tree growing up, branching and forking on, sprouting new twigs, leaves and flowers[54]. Such symbolic representation of the tree of human knowledge reverberates with the organic metaphors of Herder. Herder applied the metaphors of a growing and developing tree or plant, or the sea gathering water from the smallest trickle, for describing the development of the civilization, culture and spirit of mankind through ages, from its earliest times[55].

---

[52] *Ibidem*, p. 12.

[53] *Ibidem*, p. 21: *Co do ogólnej treści, jest zbiór ten pięknym zabytkiem poezji, filozofii i wyznania, kiedy jeszcze spojone pierwotnym ogniwem rodzeństwa, świadczyły sobie wzajemną pomoc skuteczną. [...] [C]zyż nie byłoby z korzyścią poznać ów z wątlały i codziennie bardziej nadpsuty pień pierwotny, patriarchę tylu pokoleń, rodzica całego świętego gaju umiejętności, którego sok krąży jeszcze nie raz namacalnie w licznym potomstwie, którego Opatrzność przechowała może umyślnie dla naszej nauki i wdzięczności?*

[54] *Ibidem*, p. 21-22.

[55] See, e.g. Johann Gottfried Herder, *Auch eine Philosophie der Geschichte zur Bildung der Menschheit* (Riga, 1774), p. 60-61; *Idem*, *Myśli o filozofii dziejów*, ed. by Emil Adler, trans. by Jerzy Gałecki, Biblioteka Klasyków Filozofii (Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1962), I, p. 393-394.

Borkowski, with his focus on the Indian heritage, neither has the Herderian depth of interpretation, nor his extensive knowledge, yet the similarity of the image is visibly present in the passage. In the sentences that follow our writer bemoans the current state of the European civilisation, which in its development lost the relation to the ancient heritage of the tripartite yet united knowledge:

> If all learning, if the entirety of its written records is, in a manner of speaking, cut off from the trunk from which they rose [...] it has no more than ephemeral existence, resting on shaky grounds which can disappear any moment[56].

Therefore it is of utmost importance to attentively observe the natural growth of the human spirit, preserved in such works as *Three Hundred Poems...*. Any culture products – Borkowski warns – which are created in oblivion of the ancient wisdom of the given tradition become counterproductive, vain, even destructive. Instead of causing the growth of the culture, they bring about its gradual degeneration, withering and, ultimately, its death.

O NAJDAWNIEJSZYCH

ZABYTKACH PISEMNYCH.

LESZKA DUNINA BORKOWSKIEGO.

LWÓW.

Figure 3. *O najdawniejszych zabytkach pisemnych* [*On the Oldest Written Records*]. Title page. See also: https://jbc.bj.uj.edu.pl/dlibra/publication/295999/edition/283290#description.

The idea of the European civilisation dying, and of the ancient Indian heritage as the rescue and hope for its renewal was widespread on the Old Continent at the beginning of 19th century. It was closely related to Herder's idealistic and utopian view of India as the cradle of civilisation and the only place in the world, where the primaeval wisdom of humanity was preserved. Borkowski's reflection on the collection of *Three Hundred Poems* is permeated with this view. The witness of his times, an active politician and the citizen of a state wiped out from the map of Europe, Borkowski was acutely aware of the fact that he was living on the ruins of the world, which he watched die.

The second, 78-page essay of 1850 titled *O najdawniejszych zabytkach Pisemnych* [*On the Oldest Written Records*][57] is primarily a reflection on the universal beginnings of human religiosity. It is a relatively extensive survey

[56] Dunin Borkowski, *Setka Bhartriharis'a*, p. 22: *Każda wiadomość, całe piśmiennictwo, którego nauki są odcięte, że tak rzekę, od pnia, z którego strzeliły [...], stoi na miałkiej posadzie, co chwila runąć mogącej, posiada życie chwilowe.*

[57] Leszek Dunin Borkowski, *O najdawniejszych zabytkach pisemnych* [*On the Oldest Written Records*] (Lwów: Drukarnia Zakładu Narodowego Ossolińskich, 1850).

of the Vedic literary and religious tradition, with the concise description of the four Vedas, the ritualistic Brahmanas and the ritualistic-philosophical thought of the Upanishads. In the essay, Borkowski relies almost altogether on Henry Thomas Colebrooke's study *On the Vedas, or Sacred Writings of the Hindus*[58], and often supports his explanations with Polish translations of the excerpts from the Vedic literature, which Colebrooke included in his essay. Borkowski, however, is not simply following Colebrooke; he often is original in his reflection, e.g. when he considers the similarities and connections between the pagan Slavonic and Vedic rites:

> Yajurveda deserves our special attention because some of its religious customs to be undertaken have a striking resemblance to the libations, sacrifice, ritual burnt offerings, wedding ceremony pies, wake and such similar kinds of heritage preserved by the Slavonic peoples[59].

In the same essay there appear references to the triad symbolism in relation to monotheism, seen as the oldest form of human religiosity preserved in the Veda, the "world's oldest written records":

> Already in the remotest past, the eternity of the one was divided according to its main functions of creating, supporting and dissolving [the creation]. With the primary assumption that nature in its forms, that is in its signs and objects, personifies […] the representations and properties of its creator, they tried to find within the very nature the indispensable symbols of these three potencies, which they perceived in it[60]. The warmth (the sun), the air, and the fire were seen as such symbols. They became personified and the persons were given names, such as Brahma, Vishnu and Śiva. That was the source of the belief in the sacredness of the number three in the whole ancient world, that was the source of the idea of the tripartite universe consisting of the earth, the air and the fire; that was the source of the concept of speech divided into the three parts: metrical, prose and lyrical; and of the division of the knowledge into three Vedas. Hence, on the further examination, the differentiation of the fire into the organic one and the primary, solar one, as well as the division into three fires, which are separately respondent to three great powers[61].

---

[58] Henry Thomas Colebrooke, 'On the Vedas or Sacred Writings of the Hindus', *Asiatic Researches, or Transactions of the Society Instituted in Bengal*, 8 (1808), 377–499.

[59] Dunin Borkowski, *O najdawniejszych zabytkach pisemnych,* p. 52-53: *Jadżurweda zasługuje z tego względu jeszcze na naszą szczególniejszą uwagę, iż niektóre obchody w niej postanowione mają uderzające podobieństwo z libacjami, obiatami, żertwami, korowajami, stypami i tym podobnymi zabytkami chowanymi dotychczas przez ludy sławiańskie ze czcią* […].

[60] "It" refers here to the One Creator.

[61] Dunin Borkowski, *O najdawniejszych zabytkach pisemnych*, p. 28-29: *Bardzo już wcześnie podzielono wieczność tego jednego w główne czynności i władze: stwarzania, utrzymywania i zniszczenia. Wychodząc z założenia, iż natura w swoich postaciach to jest znakach, rzeczach, postaciuje […] wiadomości i przymioty swego twórcy, […] szukano w niej*

Summing up his ideas on the symbolism of the triad in the Vedic religious tradition, Borkowski turns to the sacred syllable Om, uttered at the beginning of every rite or before every recitation of the Vedic text. It is in this syllable, says Borkowski, that are evoked the root ideas of the triad, which he enumerated in the citation. The concept of the One, primordial transcendent power which is then split into its three potencies of creating, supporting and dissolving the whole creation, should be then seen as the cornerstone of the Vedic teaching[62]. The statement is quite clearly related to the postulate of Rammohan Roy (1772-1833), the Bengali social and religious reformer and "father of modern India". For Roy, the "original thought" of the Veda was "pure, monistically oriented monotheism[63]"; which was to be the Vedas' unique, true, and ultimate sense. Borkowski does refer to the writings of Roy in his essay on the Vedic thought, along with other writers of the period, who promoted the idea of Vedic monotheism, or even monism[64]. Throughout the essay on the "oldest testimony of human religious intuitions"[65], Borkowski appears as an astute defender of the monism of the Veda and a fierce opponent of the evolution theory of religion[66].

In his writings on the Indian literary and religious heritage, Borkowski was inclined towards a historiosophic reflection of the Romanticism. His works, however, are not its systematic expositions. They are constructed more as "literary essays", which were built on the concept of the "poetics of the fragment, maxim, saying", which straightforward demanded the lack of any systematic description. When we read closely Borkowski's studies of Indian literature and religion, we can perceive some dominant features of the romantic literary essay, but there is also a presence of the main idea the author was dedicated to in his "Indological" works. In the *Hundreds of Bhartrihari,* it was the idea of the triadic union of primordial wisdom of the mankind. In his second work on "the oldest written records" it is the primary inclination of the spirit of the Proto-Indo-Europeans towards monism. The Pro-

koniecznie symbolów i na te trzy siły jakie w nim upatrywano. Za takie symbola uznano ciepło (słońce) powietrze i ogień. Uosobniono je, a osobom nadano nazwiska: Brahmy, Wisznus'a i Siwas'a. [...] Stąd poszła świętość liczby trzy w całej starożytności; stąd podział wszystkoświatu (Universum) na ziemię, powietrze i ogień, stąd trzy rodzaje mowy: metryczna, niewiązana i liryczna i podział wiedzy w trzy Wedy. Stąd przy dalszym dociekaniu rozróżnienie ognia organicznego od pierwotnego, słonecznego, i podział na trzy ognie, z których każdy odpowiada jednej z tych trzech wielkich sił.

[62] *Ibidem*, p. 30-31.

[63] Halbfass, p. 205.

[64] Dunin Borkowski, *O najdawniejszych zabytkach pisemnych,* p. 21, footnote 2.

[65] See Halina Marlewicz, 'Leszek Dunin Borkowski and His Use of the Oldest Written Records : The Vedas and the Explorations of Religious Ideas'. in *Rethinking Orient: In Search of Sources and Inspirations*, ed. by Maciej Szatkowski Adam Bednarczyk, Magdalena Kubarek (Frankfurt am Main: Peter Lang, 2017), pp. 79–90.

[66] Dunin Borkowski, *O najdawniejszych zabytkach pisemnych*, p. 8-9.

to-Indo-European civilization of monism, being the earliest human civilization becomes for Borkowski an immediate proof for his hypothesis that the first religion of the mankind was a monistically conceived monotheism[67]. What more, as noticed by Tadeusz Półchłopek, the reflection on Indian literature was for Borkowski also “the way to fill in the chiasm in anthropology, an escape for the existing forms of culture and the realisation of the dream about the scientific world-order”[68]. This is the idea behind Borkowski’s personal conviction, that the European civilisation is still before its ultimate transformation, in which “comprehensible and precisely explained laws of the growth of human spirit will replace the superstitious presumptions of some inconceivable supernatural factors”[69].

***

In the introduction to her book *Niesamowita słowiańszczyzna* [*Amazing Slavdom*] Maria Janion reacts to the diagnosis of the present-day status of literature and the humanities in the post-communist countries. The countries are said to have almost non-existent economic and symbolic capital. The meagerness of the latter is reflected in the more and more diminished role of the humanities in the public sphere. According to Janion, it is particularly noticeable in the lack of interest in the national culture and in the crisis of traditionally understood national identity. Such situation calls for some mending measures, and the one proposed by Janion is surprisingly simple. We should try to re-tell our story, because “a story, also a story told by the humanities, is the method of locating oneself in the world. The energy of the story-telling is the energy of sensitiveness to the Other, to whom the story is told, and who is listened to. It creates the circle of understanding and compassion, which is a special form of understanding”[70].

The writings of Majewski and Borkowski were to exemplify here some trends in the Polish Oriental Renaissance. The narration of the Polish Romanticism can be “re-told”, as Janion urges, also in the light of such works of minor relevance to the big ideas of the giant Polish thinkers and writers of the era. Yet the energy of Majewski and Borkowski’s narratives about India and “what it can teach the Slavs” was not only directed towards the possibility of

---

[67] Marlewicz, ‘Leszek Dunin Borkowski and His Use of the Oldest Written Records…’ .
[68] Tadeusz Półchłopek, ‘Motyw wielokulturowej cywilizacji europejskiej w twórczości literackiej i publicystycznej Leszka Dunina Borkowskiego’, in *Pogranicze, Kresy, Wschód a Idee Europy, Seria 2,* ed. by Ł. Zabielski A. Janicka, G. Kowalski (Białystok: Książnica Podlaska im. Łukasza Górnickiego, 2013), pp. 275.
[69] Dunin Borkowski, *O najdawniejszych zabytkach pisemnych* [*On the Oldest Written Records*], p. 142.
[70] Janion, p. 10.

reformulating the Polish cultural identity in the light of the bigger vision of the Proto-Indo-European civilisation. They also had the potency to create a new sensitiveness to the Ancient Indian Other, in order to encourage not only inter- but also trans-civilisational understanding.

Bibliography

A History of the University in Europe- Volume III: Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800-1945), ed. by Walter Rüegg, 1st ed. (Cambridge, New York, Melbourne et. al.: Cambridge University Press, 2004).

Bhartrharis sententiae et carmen quod Chauri nomine circumfertus eroticum, ad codicum mstt. fidem edidit Latine vertit et commentariis instruxit Petrus a Bohlen, 1st ed. (Berlin, 1833).

———, *Die Sprüche des Bhartriharis* (Hamburg, 1835).

COLEBROOKE, Henry Thomas, 'On the Vedas or Sacred Writings of the Hindus', *Asiatic Researches, or Transactions of the Society Instituted in Bengal*, 8 (1808), 377–499.

DĘBICKI, Ludwik, 'Pierwsi orientaliści i archeologowie polscy [First Polish Orientalists and Archeologists]', *Biblioteka Warszawska*, I (1884), 363–84.

———, *Puławy (1762-1830). Monografia z życia towarzyskiego, politycznego i literackiego na podstawie archiwum ks. Czartoryskich w Krakowie. [Puławy (1762-1830): A Monograph from the Society, Political and Literary Life Based on the Archives of the Czartoryskis]* (Kraków: Księgarnia Gubrynowicza i Schmidta, 1887).

DUNIN BORKOWSKI, Leszek, *O najdawniejszych zabytkach pisemnych* [*On the Oldest Written Records*] (Lwów: Drukarnia Zakładu Narodowego Ossolińskich, 1850).

———, *Parafiańszczyzna* [*Parochialism*], ed. by Kazimierz Pecold, Biblioteka Narodowa, Seria I, Nr 209 (Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1972).

———, *Setka Bhartriharis'a* [*Centuries by Bhartṛhari*] (Poznań: Drukarnia N. Kamieńskiego i Spółki, 1845).

„Dzieje starożytne Indii" Joachima Lelewela, ed. and introd. by Renata Czekalska, Agnieszka Kuczkiewicz-Fraś (Kraków: Księgarnia Akademicka, 2015).

HALBFASS, Wilhelm, 'India and the Romantic Critique of the Present', in *India and Europe: An Essay in Philosophical Understanding* (New York: State University of New York Press, 1988), pp. 69–83.

HERDER, Johann Gottfried, *Auch eine Philosophie der Geschichte zur Bildung der Menschheit* (Riga, 1774).

———, *Myśli o filozofii dziejów*, ed. by Emil Adler, trans. by Jerzy Gałecki, Biblioteka Klasyków Filozofii (Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1962), I.

INTERNETOWY POLSKI SŁOWNIK BIOGRAFICZNY, http://www.ipsb.nina.gov.pl/Home/.

JANION, Maria, *Niesamowita Słowiańszczyzna* [*Amazing Slavdom*] (Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2006).

KŁOCZOWSKI, Jerzy, *Młodsza Europa. Europa Środkowo-Wschodnia w kręgu cywilizacji chrześcijańskiej średniowiecza [Younger Europe. Middle-Eastern Europe in the Circle of Middle-Ages Christian Civilisation]* (Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2003).

LACH, Donald F., 'National Literatures', in *Asia in the Making of Europe* (Chicago: University of Chicago Press, 1977), II.

LELEWEL, Joachim, *Dzieje starożytne Indii ze szczególnem zastanowieniem się nad wpływem jaki mieć mogła na strony zachodnie : India zagangecka, Sinia i Serika, ile je starożyni znali, geografia indyjska z ksiąg świętych, pierwotna na Wschodzie ziemi znajomość*

[*History of Ancient India...*] (Warszawa: Nathan Glücksberg, 1820).
Leszka hr. Dunina Borkowskiego autobiografia (odbitka z „Dziennika Polskiego") [*Autobiography by Count Leszek Dunin Borkowski*] (Lwów: Drukarnia Karola Budweisera, 1897).
MAJEWSKI, Walenty Skorochód, *O sławianach i ich pobratymcach. Część I.* [*On the Slavs and Their Kin. Part I*] (Warszawa: Drukarnia Wiktora Dąbrowskiego, 1816).
———, *Rozkład y treść dzieła o początku licznych sławiańskich narodów, tudzież każdego w szczególności we IV tomach* [*A Layout and Content of the Work on the Beginnings of Numerous Slavonic Nations and Each of Them Separately in 4 Volumes*] (Warszawa: Drukarnia Stanisława Dąbrowskiego, 1818).
MARLEWICZ, Halina, *Ex India Lux. Romantyczny mit Indii Leszka Dunina Borkowskiego* [*Ex India Lux: Leszek Dunin Borkowski's Romantic Myth of India*] (Kraków: Księgarnia Akademicka, 2015).
———, 'Leszek Dunin Borkowski and His Use of the Oldest Written Records : The Vedas and the Explorations of Religious Ideas', in *Rethinking Orient: In Search of Sources and Inspirations*, ed. by Maciej Szatkowski Adam Bednarczyk, Magdalena Kubarek (Frankfurt am Main: Peter Lang, 2017), pp. 79–90.
MEJOR, Marek, 'Early History of Oriental Studies at Vilnius University', *Acta Orientalia Vilnensia*, 10 (2009), 15–28.
MŁODECKI, Stefan, 'Gotfryd Ernest Groddeck : Studium biograficzne na podstawie notat Mikołaja Malinowskiego', *Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej*, 6 (1958), 301–50.
MÜLLER, Max, *India: What Can It Teach Us?* (London: Longmans, Green & Co., 1883).
NASH, Geoffrey, 'New Orientalisms for Old: Articulations of the East in Raymond Schwab, Edward Said, and Two Nineteenth-Century French Orientalists', in *Orientalism Revisited: Art, Land and Voyage*, ed. by Ian Richard Netton (London and New York: Routledge, 2013), pp. 87–97.
PODOLAK, Barbara, 'Walenty Skorochód Majewski – Zapomniany archiwista i pasjonat języków wschodnich. [Walenty Skorochód Majewski, a Forgotten Archivist and Enthusiast of Oriental Languages]', *LingVaria. Półrocznik Wydziału Polonistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego*, 1 (13) (2012), 183–96.
PÓŁCHŁOPEK, Tadeusz, 'Motyw wielokulturowej cywilizacji europejskiej w twórczości literackiej i publicystycznej Leszka Dunina Borkowskiego', in *Pogranicze, Kresy, Wschód a Idee Europy, Seria 2*, ed. by Ł. Zabielski A. Janicka, G. Kowalski (Białystok: Książnica Podlaska im. Łukasza Górnickiego, 2013), pp. 259–76.
REYCHMAN, Jan, 'Zainteresowania orientalistyczne w środowisku mickiewiczowskim w Wilnie i Petersburgu [Oriental Interests in Mickiewicz's Circle in Vilnius and St Petersburg]', in *Szkice z dziejów orientalistyki polskiej, Vol. 1.*, ed. by Stefan Strelcyn (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957), pp. 69–93.
SCHWAB, Raymond, *La Renaissance Orientale* (Paris: Editions Payot, 1950).
SŁABCZYŃSKI, Wacław, and Tadeusz Słabczyński, *Słownik podróżników polskich [A Dictionary of Polish Travellers]* (Warszawa: Wiedza Powszechna, 1992).
TEIGNMOUTH, John Shore, *Memoirs of the Life, Writings and Correspondence of Sir William Jones*, Vol. 1 (London: John W. Parker, West Strand, 1835).
TUCZYŃSKI, Jan, *Motywy indyjskie w literaturze polskiej* [*Indian Motifs in Polish Literature*] (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1981).
WIDMAN, Karol, 'Leszek Dunin Borkowski', *Tygodnik Lwowski* (Lwów, 1867), pp. 25–26.
WIELIŃSKA-SOLTWEDEL, Małgorzata, 'Walenty Skorochód Majewski: The Precursor of Polish Indological Studies', *Rocznik Orientalistyczny*, 60, 157–70.

India, What Can It Teach Slavs? Some Pursuits of the Polish Oriental Renaissance Representatives

The article is two-partite. The first part sketches a historical, socio-political and cultural background of the Polish Oriental Renaissance, together with few indicative pursuits of some of its representatives, such as Prince Adam Kazimierz Czartoryski (1734–1823), and Wincenty Skorochód Majewski (1764–1835). The second part is a more detailed exposition of chosen historiosophic ideas of the Galician "Sanskritist" Leszek Dunin Borkowski (1811–1896). In particular, Borkowski's interpretation of a symbolism of the triad is discussed more extensively in the context of European findings related to ancient Indian religion and literature, as well as the historiosophy of Johann Gottfried Herder (1744–1803), which was formative for European Oriental Renaissance.

Key words: Polish Oriental Renaissance, Leszek Dunin Borkowski, Skorochód Majewski, Sanskrit language and literature.

BORISLAV POPOV
Юго-западный университет имени „Неофита Рильского”, Blagoevgrad (Bulgaria)

Трехэлементная структурная модель в индоевропейских языковых системах, в мифологии и человеческом познании

Когда мы говорим об индоевропейском наследстве в языках и культурах, необходимо обратить большее внимание на взаимное влияние между языками, мифологией и человеческим познанием, которые, как мы увидим, связаны между собой в взаимопорождающихся структурах, строящих общую трёхэлементную модель при индоевропейцах.

Идея о том, что структура языка отражает структуру мира, содержится уже в рассуждениях некоторых древнегреческих философов. Аристотель и стоики предполагают, что слова означают предметы (объекты) в соответствии с способом их „бытия” как „субстанции” или как „акциденции”. Средновековые схоластики в XIII в. также рассматривают язык как средство познания действительности и пытаются в поисках исходных универсальных причин вывести грамматические категории из категорий логики, эпистемологии и метафизики, отнеся их к одним и тем же общим принципам. В своих „спекулятивных” грамматиках философы-схоластики, подобно стоикам, представляют язык как „зеркало” (из лат.

speculum ‘зеркало’, ‘образ, копия, подобие’), отражающее реальность, которая лежит в основе физических явлений (Lyons 1972, 227, 14–15).

Абсолютную идеальную действительность познания можно представить как зеркало, вылитое из единой субстанции пространственно-временных отношений. Но это кристальное изображение является отражением невозможного для достижения человеком познания, так как в мифологии такой тип знания – приоритет только божественного, и зеркало в сущности создано Богом-творцом. Тот же самый творец разбил на кусочки зеркальную поверхность пространственно-временного синкретизма и оставил человеку вечную и невозможную задачу собирать из его осколков образ пространства и времени, то есть познание окружающего его мира, о видимом и невидимом в нём и вне его… Так зародилась идея о том, что действительность может быть опознана – описана, изучена и исследована, а мифология была создана жрецами как первый акт познания – феномен, реализованный через укладку головоломки из осколков разбитого зеркала.

Эта мифологическая система знаний и представлений о мире и человеке, функционируя как самая ранняя и первоначальная форма духовной культуры человечества, обладает исключительно простой и одновременно с этим сложной реляционной структурой. Это так по причине скрытого в ней принципа, заложенного как смысловый код в толковании текста известной в герменевтике смарагдовой плиты (или изумрудной скрижали), приписывающейся Гермесу Трисмегисту (около II в.), (см. Тухолка 1991, 12, 14–15; Дьо Жеври 1993, 36, 38–39): “То, что находится внизу, аналогично тому, что находится вверху. И то, что вверху, аналогично тому, что находится внизу [...]” (Дьо Жеври 1993, 39), то есть земной архетип отражает вибрации небесного прототипа или всё земное является отражением небесного, а земной человек сотворен по Божьей воле и подобию, что является одним из ключевых принципов в большинстве развитых мифологических систем.

В большой части развитых мифологических систем сохранён древний пласт верований, который содержит идею, получившую отражение в распространённой среди индоевропейцев типологической модели троичной вселенной, где заложен принцип трёхчленного разделения мира (см. Бонгард-Левин 1986, 40). Культ троичности проектируется и в ряде распространённых среди индоевропейских народов символов, таких, как трилистник, триквестр и др. Трёхфункциональная структура индоевропейских мифов и других культурных феноменов объяснена Жоржем Дюмезилем через три основные функции социальной жизни – жреческую (религиозную власть), военную (силу) и хозяйственную (производство материальных

благ и плодородие) (см. Мифы 1987, 18, 221–222, 532). Архаические космологические схемы древних индоарийцев представляют собой трёхчленную вселенную, в которой ведийский пантеон подчинён тройному делению – с одной стороны, 33 высших божества, разделённые на 3 группы в зависимости от сфер мироздания (небесных, атмосферных (воздушных), земных), а с другой – в этих группах также распределённые согласно тройному принципу (самые высшие божества также в триаде) (Бонгард-Левин 1986, 40; Мифы 1987, 221). В иранской мифологии число древних божеств снова 33, а верховная божественная триада иранского пантеона соответствует реальной социальной иерархии трёх сословий в обществе – царя и воинов, жречества и общинников (см. Мифы 1987, 561–562).

В сущности, как в мифологии, так и во многих языковых системах (например, в ряде грамматических категорий) в рамках бинарных оппозиций можно обособить третий равнопоставленный элемент в структурном восприятии мира, чья значимость не открывается при прекрасно представленной в науке бинарной модели, разработанной ещё Николаем Трубецким в фонологии, а позднее Клодом Леви-Строссом в этнологии. Оказывается, что в мифологии, в человеческом познании, а также и в долгий период существования индоевропейских языков функционирует относительно стабильная и чётко дифференцированная трёхэлементная структурная модель, которая отражает структуру познаваемой действительности и мифологического мышления более естественным способом по сравнению с бинарной структурной моделью. Здесь мы её рассмотрим в различных системах отдельных языковых уровней (морфологическом, фонетическом и фонологическом, семантическом и пр.) в рамках индоевропейских языков.

1. Разделение в р е м е н и по горизонтали темпоральной оси на т р и ф а з ы (п р о ш е д ш е е, н а с т о я щ е е, б у д у щ е е) отражено в т р ё х о с н о в н ы х г л а г о л ь н ы х в р е м е н а х в индоевропейских языках (п р о ш е д ш е е, н а с т о я щ е е, б у д у щ е е). Ещё александрийский грамматик Дионисий Фракийский выделяет три времена (настоящее, прошедшее и будущее) в греческом языке, к которым однако добавляет четыре „разновидности” прошедшего времени и ещё три, названные им „сродствами” этих разновидностей с останальными временами.

В древних индоевропейских языках отсутствовали специальные формы будущего времени, которое согласно Иосифу М. Тронскому не вмещается в оппозицию видовых основ и морфологически представлено как придаток системы. Но, как объективная понятийная категория, это время предполагает развитые представления о закономерностях мира и времени. Если такие представления

отсутствуют, будущее имеет место в сфере человеческих ожиданий, пожеланий, предположений и пр., и тогда для его выражения используются модальные категории. Так, в древних индоевропейских языках будущие времена возникают как переосмысленные формы наклонения или их производные. Нельзя проектировать будущее время к общему индоевропейскому состоянию – отсутствует единая праформа, так как различные формы этого времени самостоятельно развились (Тронский 1967, 92–93). В праиндоевропейском языке глагольные основы отражали вид, но не и время, причём существовали только флективные разницы между настоящим, прошедшим неопределённым (перфект) и прошедшим совершённым (аорист) временами. Позднее в глагольных основах кельтского и италийского языков развивается категория времени, которая превращается в доминирующий элемент их спряжения (Мейе 1954, 86). В хеттском языке есть только два времени – настоящее и прошедшее, но принимается, что из-за серьёзных перемен в глагольной системе, являющихся результатом субстратных явлений, этот язык не сохранил более древнее глагольное состояние, которое можно обнаружить в индоиранских языках или в греческом языке (см. Тронский 1967, 85–86, 96).

2. Три измерения пространства соответствуют трём грамматическим лицам (я, ты, он) в индоевропейских языках, реализующим субъектно-объектные отношения, то есть различение говорящего, слушащего и неучаствующего в диалоге (см. Красухин 2004, 158). Елифас Леви в своём анализе божественной триады находит её отражение в трёх грамматических лицах глагола: первом, которое говорит; втором, кому говорят; третьем, о котором говорят. Его объяснение состоит в том, что совершенное троично, так как предполагает три начала – разумное, словесно выражающееся и словесно выразимое (Леви 1994, 48). Часты аналогии у христианских теологов трёх ипостасей христианского Бога с тремя грамматическими лицами, с тройным делением времени и тремя способностями души (памятью, мыслью, любовью) (см. Мифы 1988, 527).

В языковом плане необходимо отметить, что естественные языки имеют средства обозначения пространственной ориентации как объектов в реальной (или воображаемой) действительности, так и по отношению субъекта (чаще всего говорящего лица). Субъективная пространственная характеристика, специфическая при втором случае, связывается с компонентами речевой ситуации (Ницолова 1984, 68). Одним из этих компонентов является речевая сфера, дефинированная Марией Поповой как „место, где передаются и принимаются речевые сообщения”. При самом акте речевого общения „один из участников

имеет роль отправителя, а другой – получателя речевого сообщения", и в акте „содержатся признаки 'совершитель', 'получатель' и 'объект', системообразующие для ассоциативных импликационных отношений" (Попова 2005, 15). Моей мотивацией о соотнесении трёх грамматических лиц с тремя пространственными измерениями является существование системообразующих структурных связей, отражающих междусубъектные и субъектно-объектные отношения в акте речевого общения, которые могут быть определены как пространственные с учётом их позиций в речевой сфере.

3. Три члена малейшей и устойчивой природной (естественной), социальной единицы – семьи (отец, ребенок, мать), рефлектирующие в трёх божественных сущностях в рамках распространённых в множестве развитых религиозно-мифологических системах триад, открываем в трёх грамматических родах (мужской, средний и женский), заложенных в большинстве индоевропейских языков. Существующая божественная троичность встречается в ряде древних индоевропейских религиозно-мифологических систем (индуистской, греческой, римской и пр.) и, конечно, в христианстве, где наследники языческих архетипных образов – бога отца, бога ребёнка (сына) и богини матери – три ипостаси единой Божией сущности – Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа, который на более низшем уровне замещён Св. Богородицей. Понятие рода впервые введено древногреческими философами, и это показательно для представления древних греков относительно этой грамматической категории – её воспринимали как отражение родовых и социальных отношений. Аристотель заимствовал у софиста Протагора систему трёх родов, вводя для третьего рода термин „междинный" (промежуточный); позднее этот класс существительных назван „неутральным" родом и только через его латинский перевод начинает употребляться термин „средний род" (Lyons 1972, 10–11).

В индоевропейских языках ряд слов, относящихся к неодушевлённым предметам, классифицируются к мужскому или женскому роду, что нарушает соответствие между „естественным" и грамматическим родом. Но зато там, где встречается такое соответствие, можно сказать, что род определяет значение существительного, а не наоборот (Lyons 1972, 267, 271). И при родовых грамматических категориях бинарная модель как исключение снова проявляется в хеттском языке с его двумя родами – общим (одушевлённым) и средним (неодушевлённым). Это обстоятельство, а также наличие в ряде древних индоевропейских диалектов общей адъективной формы для мужского и женского родов (с окончанием генетива *-*(o)s*), различной от формы для среднего рода (с окончанием

-(o)m*), является причиной, чтобы многие лингвисты предполагали, что в праязыке первоначально существовали два рода – одушевлённый и неодушевлённый, отражающие бинарную оппозицию между активным (лица) и неактивным (предметы) классами имён. Позднее эта система преобразовалась в родовую грамматическую классификацию, причём первый класс распался на мужской и женский в ряде исторически индоевропейских диалектов (древнеиндийского, греческого, латинского и др.). Основанием такого предположения является тот факт, что род – словоизменяющаяся категория только при прилагательных именах, в то время как существительные относятся только к одному роду и его изменение – словообразовательный процесс (Тронский 1967, 54–58; Гамкрелидзе, Иванов 1984, 279–281; Красухин 2004, 110; ср. Meillet 1921). Однако в основных древних индоевропейских языках имеются три рода, несмотря на то, что позднее в некоторых языках (как, например, в армянском) в результате субстратных влияний род исчезает как грамматическая категория. Он сохраняется, однако, в романских, славянских, немецком и в ряде других языков, где при отсутствии семантического значения занимает важное место при грамматических явлениях (Мейе 1954, 85–86).

Интересно проследить развитие различных оппозиций между тремя родами в древних индоевропейских языках – противопоставление между мужским и женским родом не так глубоко заложено в грамматической системе, как оппозиция между средним и несредним родом. В санскрите и германских языках оно открывается в большей степени, чем в греческом и латинском языке. Постепенно при различных индоевропейских ветвях возникают флективные различия между именами мужского и женского рода одной общей основы, в то время как в общеиндоевропейском состоянии большинство таких типов основ были безразличны к родовому разделению (см. Тронский 1967, 54–64). Тамаз В. Гамкрелидзе и Вячеслав В. Иванов реконструируют процесс, причём, согласно их мнению, первоначально оппозиция между мужским и женским родом в номинативе формально выражается в употреблении старых собирательных форм на *-*ā*, *-*ī*, *-*ū* из первоначальных слов, принадлежащих к активному классу с суфиксом *-*s*. Впоследствии эти собирательные формы переосмысляются в отдельных языках и начинают связываться с значением женского рода, а окончания *-*ā*, *-*ī*, *-*ū* превращаются в маркеры им. п., ж. р., независимо от того, что возникают из исходных основ мужского рода на *-*ŏ*, *-*ĭ*, *-*ŭ*. При основах мужского рода более ранние образования на **u* и *-*i* вытеснены тематическим типом на *-*o* (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 374–375).

Хотя родовая дифференциация используется как средство, выражающее половые различия, И. М. Тронский объясняет, как она приобретает и другую функцию – к женскому роду трёхчленной индоевропейской родовой системы причисляются не только названия существ женского пола, но и много имён неодушевленных предметов, а также и названия отвлечённых понятий действий и качеств. На основе разработок и других авторов исследователь предполагает, что в составе женского рода при его образовании как нового грамматического класса в позднем этапе общеиндоевропейского периода нашли место как существа женского пола, которые раньше относились к несреднему (активному) роду, так и неодушевлённые предметы, отвлечённые действия и собирательные имена, принадлежащие к среднему (неактивному). С другой стороны, при образовании женского рода наблюдается обособление группы имён, с которыми согласовались формы местоимений и прилагательных, возникших из основы на *-*ā*-, причём большинство древних существительных женского рода из основ на *-*ā*- и *-*i*-. Хотя имена, означающие женский пол, не были основной лексико-семантической категорией при образовании женского рода, в более поздние периоды древних индоевропейских языков родовые различия обладают исключительно функцией дифференциации живых существ по полу, что объясняет и традиционные термины "мужской" и "женский" род (Тронский 1967, 54–64; ср. Meillet 1921; Fodor 1959, 1–41, 186–214; Kuryłowicz 1964, 207–226).

4. Три фазы земного пути человека, конституированные согласно мифологическим представлениям – рождение, зачатие (создание новой жизни) и смерть (при аграрных мифах о воскрешающих божествах – рождение – смерть – воскрешение, как в христианстве), нашли выражение в трёх грамматических числах – единственном, двойственном и множественном. Единственное число соотносится с актом рожденя, то есть с появлением нового человека. Двойственное число проектируется, с одной стороны, с актом зачатия, который совершается двумя людьми – мужчиной и женщиной (в рамках бинарных оппозиций); с другой – здесь двойственность может иметь связь и с представлением о беременной женщине и плоде в ней. Множественное число – со смертью и распространёнными среди индоевропейцев верованиями, что после смерти душа человека уходит к душам своих предков (см. Мифы 1987, 452–454; Мифы 1988, 334), то есть единичность трансформируется в множественность. Здесь можно открыть и отражение представлений о трёх этапах человеческой генеалогии (соотнесенных с Мировым древом) – предках, современниках и потомках (см. Мифы 1987, 399).

В большинстве современных индоевропейских языков отсутствует двойственное число (сохранённое только в лужицких языках, в словенском и в литовском), но в более архаических языках были три грамматические числа (в санскрите, авестийском, греческом, балтославянском, древнеболгарском, частично – в тохарском); следы двойственного числа открываются и в языках, где отсутствует такая категория (остатки есть в германских языках (готском), в древнеирландском, в италийских языках, вероятно, и в хеттском) (Младенов 1936, 320–321; Тронский 1967, 65–66). При более древнем языковом состоянии раздельная множественность была характерна только для имён активного класса, в то время как при пассивном существовала категория собирательности, предшествующая множественности, которая в древних индоевропейских языках выражалась флективным путём. Имена активного класса в мышлении древних представлялись как в совокупности, так и в раздельном множестве, в то время как инертные предметы обладали единственно собирательной совокупностью (Тронский 1967, 66–68; Гамкрелидзе, Иванов 1984, 281–283). Двойственное число возникает после периода появления категории множественности в системе индоевропейского праязыка. Как семантические причины появления особенной категории двойственности принимаются бинарные оппозиции в представлении о мире, как и пары органов или частей тела, устойчивые пары при именах божеств и др., отражённые в дуалисе (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 281 прим. 1; Красухин 2004, 133–134).

5. Три субстанции человеческого существа – дух, душа и тело, оформившиеся как идея в некоторых более развитых религиозно-мифологических системах, с их эквивалентами в верованиях – вечной жизнью, земной жизнью и подземной жизнью (смерть, тленность), проектируются в языке на более общем грамматическом уровне соответственно как три основные части речи: глаголы (означающие действия и состояния), неизменяемые части речи и, прежде всего, союзы и предлоги (служащие для связи между разнородными целостностями и показывающие их отношения) и имена (с местоименной или склонительной формой, означающие объекты, их качества и количества). Три основные части речи разграничены ещё Аристотелем в его „Поэтике” и „Риторике” – он прибавляет к двухраздельной системе (имена и глаголы), предложенной Платоном, третий раздел (союзы).

Более конкретному грамматическому уровню трёх субстанций соответствуют три залога глагола – деятельный (актив), возвратный (средний) и страдательный (пассив). Большинство древних индоевропейских языков (таких, например, как

хеттский) имеют два залога (актив и медиопассив), но другие – санскрит и греческий, имеют три залога, которые считаются новообразованием благодаря созданным специальным формам пассива. С течением времени средний залог развил и пассивное значение, но к более раннему общеиндоевропейскому состоянию можно отнести только дифференциацию между деятельным и средним залогом. Медиопассив (средний залог) развивает в древних языках два основные значения – непреходное, и значение действия, которое совершается субъектом и возвращается к нему (Тронский 1967, 85–86, 88–89). Первоначально глаголы в медиопассиве означали только действие, направленное к своему субъекту, потом появилось значение непреходности и неконтролируемого субъектом процесса, после чего они начали выражать и пассив (Красухин 2004, 171; ср. Гамкрелидзе, Иванов 1984, 336–338). Некоторые авторы, такие, как Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов, представляют двучленную категорию на основе „версионных" отношений в древнеиндоевропейской глагольной системе на принципе „субъектной версии" и „несубъектной версии", отражающей бинарное противопоставление глагольных форм по признаку *центростремительности ~ центробежности*, что является рефлексом более старого деления именных и, соответственно, глагольных образований на активные и неактивные классы (см. Гамкрелидзе, Иванов 1984, 333–336).

Задолго до возникновения христианства, в чьей идейной концепции после длительного и сложного процесса окончательно оформляется ясная идея о духе, душе и теле, такие субстанции, как понятия, были разграничены в той или иной степени при различных типах религиозных систем. Ещё при анимизме открывается аморфное разграничение между понятиями *тело, душа* и *дух*. Существуют различные типы духовных существ – человеческие души и души мёртвых – различаются от духов природы (духи хозяина) и божественные духи (см. Дюркем 1998, 66–71, 84–85, 330–332, 348; Тайлър 1996, 35–39; Мифы 1987, 414). Анимистические представления существовали и у древних индоевропейцев на более раннем этапе, вероятно, предшествующем формированию языковых систем древних индоевропейских диалектов.

На последующем этапе, когда формируются религиозно-мифологические системы различных индоевропейских этнокультурных кругов, есть сравнительно чёткое разграничение между понятиями *души* и *духа*, несмотря на их специфику в каждой культуре. Так, например, у древних индейцев (в ведийской и индуистской мифологии) чётко разграничены понятия *брахман* и *атман*. Первое означало высшую объективную реальность, абсолют и творческое начало, то есть

всемирный дух, а второе – субъективное индивидуальное начало, соответствующее душе (см. Мифы 1987, 122, 186; Бонгард-Левин 1986, 56–57, 61). В иранской мифологии, где засвидетельствован специфический дуализм между духовным (неземным) и телесным (земным), существуют различные представления и понятия о человеческой душе (до и после смерти) и о божественных духах – ср. духи добра и зла Спента-Майню ‘святой дух’ и Ангро-Майню ‘злой дух’, семь добрых духов в составе Амеша Спента и мн. др. (см. Мифы 1987, 561– 564, 80, 142). В учении о бессмертии обожествлённого фракийского (гетского) царя и жреца Залмоксиса также можно отметить разграничение между понятиями души и духа. В древнегреческой и римской традиции это разграничение обнаруживается ещё чётче и на языковом уровне при различных терминах духа и души.

6. Три основные состояния человеческого сознания – подсознательное, сознательное и бессознательное, или на другом уровне – интуиция, разум и чувство (которые могут быть соотнесены и с тремя состояниями души – памятью, мыслью и любовью), отражены в индоевропейских языках (но не прямопропорционально, а с вариациями, то есть они могут меняться местами) к трём основным типам наклонения – изъявительному (индикатив), повелительному (императив) и недействительному (нереальное, условное, субъюнктив), раскрывающим отношение говорящего субъекта к действию. В модальной системе большинства древних индоевропейских языков, представленной И. М. Тронским и Константином Г. Красухиным, разграничиваются три основные наклонения, в то время как в хеттском только два – изъявительное (индикатив) и повелительное (императив). Но в других языках вместе с двумя типами выделяется и третий основной тип наклонения – условное (недействительное, нереальное), образованное аналитическим способом при помощи модальных частиц. Древнеиндийский и греческий языки располагают двумя условными наклонениями – конъюнктивом и оптативом; это так и в тохарских языках. Впоследствии в санскрите и в греческом эти два наклонения конкретной нереальности сливаются в одно наклонение отвлечённой нереальности – субъюнктив, то есть с точки зрения развития грамматической абстракции создаются все более отвлечённые и обобщённые значения грамматических форм. Субъюнктив как единое наклонение недействительности является не только сбором двух предыдущих наклонений, а представляет собой более высокую степень абстракции, содержащей несвойственный как для коньюнктива, так и для оптатива значения. Известно, что модальные дифференциации в

общеиндоевропейском языке предшествуют временным (Тронский 1967, 85, 97–100; Красухин 2004, 222). По мнению некоторых исследователей, упомянутые три основные наклонения встречаются во всех языках мира как универсальные категории (см. Есперсен 1958). Однако это утверждение можно принять только с семантической точки зрения, но не и грамматически.

7. Согласно мифологическим представлениям есть три уровня в структурировании видимого и невидимого мира по вертикали – небесный мир, земной мир и подземный мир, которые в индоевропейских мифологических системах получили различные имена, например, *верхняя земля, средняя земля, нижняя земля*. В них обитают различные, чаще всего, антропоморфные существа (соответственно, божества, герои, люди, демоны и духи). В пространственной растительной модели, так называемом „мировом (космическом) древе", данные три уровня представлены через символику соответствующих зооморфных и териоморфных образов (см. Мифы 1987, 398–405; Мелетински 1995, 293–301).

Языковым отражением этих трёх миров являются:

– три типа гласных в зависимости от их акустических и артикуляционных характеристик в фонетических системах большинства индоевропейских языков, реконструированные в общем индоевропейском праязыке как высокочастотные передние (**i*, **e*) (соответствуют небесному миру), среднечастотные средние (**a*, эвентуально *$ə_1$, *$ə_2$) (сооответствуют земному миру), низкочастотные задние (**o*, **u*) (соответствую подземному миру); из них выделяется триада основных для вокальной системы индоевропейского праязыка кратких гласных (**ĕ*, **ă*, **ŏ*), образующих слог и составляющих главный компонент при дифтонгах; в зависимости от степени раскрытия также выделяюгся три типа – широкие (**a*), средние (**e*, **o*) и узкие (**i*, **u*) (см. Младенов 1936, 145–147; Тронский 1967, 41–47; Маслова 2004, 109–111, 118–126; Красухин 2004, 62–64); в качестве более частного и специфического для фонологии примера укажу балканскую фонологическую особенность – уникальную трёхклассную треугольную вокальную систему, характерную для большинства болгарских говоров, содержащую средний (нейтральный) тембровый класс, где два средние вокала (*ə* (ъ) и *a*) входят в одномерную оппозицию – она распространена в болгарском литературном языке и в некоторых румынских и албанских говорах (см. Кочев 2010, 115–126, 150–154);

– тройное деление согласных по признаку звучности (небесные) – сонорности (земные) – беззвучности (подземные) (ср. в болг. *б – м – п*; *д – н – т*; *г – р – к*; *ц – л – дз*; *з – л – с*);

– тройное деление звуков в зависимости от их акустических характеристик – тон (вокалы), тон и шум (соноры), шум (консонанты), а также и в зависимости от возможности образовать слог – гласные, сонорные, согласные.

8. Три эры в египетской и в некоторых индоевропейских мифологиях – богов, героев и людей, соответствующие, по мнению Джамбаттиста Вико, трём языкам – священному языку богов (немым действиям – ритуалам), символическому языку героев и эпистоларному языку (коду) людей (см. Vico 1948, 437–439; Levunlieva 2009, 97), могут быть обнаружены в трёх уровнях декодирования египетского, шумерского и хеттского идеографического (иероглифического) письма: логографического через логограмму, выражающую слово (лексему) (на более раннем этапе – идеограмму, представляющую собой понятие); слогового (или фонетического) через силабограмму (или фонограмму), отражающую слог (или звук); детерминативного через детерминатив, указывающий обычно к какому классу понятий относится слово, к которому он поставлен (например, египетский иероглиф $p^x r^x$ (условно читается *per*), означающий 'дом', можно понимать как лексемау $p^x r^x$ 'дом', но можно читать только как слог *per*, а мог бы служить и как детерминатив постройки) (см. Кондратов 1975, 50, 55–59, 62; Гельб 1976, 270–271, 279–284; ТРХН 2007, 215, 149–150, 407). В слоговых (так называемых „консонантных") западносемитских письменных системах египетский прототип принёс в качестве результата три уровня употребления, восприятия и толкования – слово, слог (или звук) (по мнению некоторых авторов, под действием акрофонического принципа) и число (символ), а отсюда они были заимствованы в древнегреческой альфавитной системе (см. Гельб 1976, 263–300; Gelb 1965, 150) и открываются как три уровня в глаголице и кириллице. Ср.: финик. *'āleph* 'бык' – *'*(*a*) – 1, *bêth* 'дом' – *b*(*a*) – 2, *gīmel* 'ярмо (верблюд)' – *g*(*a*) – 3, *dāleth* 'дверь' – *d*(*a*) – 4 и т. д.; греч. ἄλφα – á – 1, βῆτα – β – 2, γάμμα – γ – 3, δέλτα – δ – 4 и т. д.; древнеболг. (кир.) **азъ** 'аз' – **а** – 1, **боукъı** 'буква' – **б** – -, **вѣдѣ** 'знаю' – **в** – 2, **глаголи** 'говорю' – **г** – 3 и так далее.

9. Представленная выше трехэлементная эпистемологическая структурная модель объективно заложена в человеческом сознании и в представлении о мире индоевропейцев, что можно проследить и при номинации в языке через модель семантического треугольника, известного как треугольник Фреге – с одной стороны, по направлению

от денотата (объекта) через понятие (содержание) к коду (слову) при создании имени, а с другой – от слова через понятие к объекту при декодировании и восприятии имени (слова).

10. И наконец, в более общем плане, сам язык согласно структурализму представляет собой единую модель, состоящую из трёх сущностей разных уровней – структуры, функции и системы, которые можно отнести соответственно к первому, второму и третьему уровню каждого из упомянутых выше мифологических и общечеловеческих представлений о мире.

В ментальном пространстве человеческой души заложены как архетипные коды космические прототипы познания о видимом и невидимом мире, а связи между ними проявляются, когда вся сложная система причинно-следственных отношений начинает двигаться. Тогда через причудливые формы мифотворчества проявляется и способность человека собрать и упорядочить разбросанные кусочки мозаики, названной зеркалом познания о мире или зеркалом объективной действительности. Первым результатом этого является создание пёстрой и разносторонней мозаики зеркал, каждое из которых описывает и объясняет определённым образом данное явление или объект действительности через какой-то мифологический сюжет или образ. И этот первый этап назван мифологией, а ее более поздним преемником оказывается наукой. Разумеется, в процессе познания мира человечество будет создавать различные мозаики из зеркал, приближающиеся более или менее к прототипу – первоначальному идеальному зеркалу, сотворенному божеством, но независимо от того, как мы называем эти попытки, мозаичные зеркала всегда будут давать нам искажённое изображение, то есть искажённое отражение познаваемой действительности, причём первичная информация в какой-степени деградировала к деформации.

Понятно, что пока мы не сможем ни методами и подходами лингвистики и других наук, ни средствами мифологии достичь совершенного познания. Но можем хотя бы попытаться прикоснуться к нему, располагая структуры одну поверх другой, которые, согласно французскому структурализму (К. Леви-Стросс, но также и Карл Юнг, Ноам Хомский и другие), заложены изначально в нашем сознании, и мы через них моделируем познаваемый мир, а также и те структуры, которые, согласно британским структуралистам, объективно существуют вне нас в природе матрицами, а человеческий разум открывает их и устанавливает взаимосвязь между их элементами (см. Илиева 2001, 225–227, 253). Это означает, что более приемлемым и более операциональным может оказаться третий вариант (эпистемологическая модель) – структуры объективно существуют вне

нас как прототип образованного объекта (ср. с денотатом) и в нас как архетипные коды (ср. с словом как кодом), а связи между ними функционируют в двустороннем порядке (как при семантическом треугольнике). В результате этого структуры взаимопорождаются с того или иного направления, то есть они могут взаимно создавать друг друга, причём инструментом, при помощи которого осуществляется такой процесс, является человек с его мыслью, языком и мифологией. И здесь снова возвращаемся к формуле изумрудной скрижали Гермеса Трисмегиста: "То, что находится внизу, аналогично тому, что находится вверху." Понятно, что зеркало восприятия двойное, а мы по середине между двумя зеркалами – внешним (объективным) и внутренним (субъективным).

Пытаясь избежать энтропии, человечество создаёт мифологию, которая, с одной стороны, является зеркалом, отражающим небесный (божественный) прототип, в созвучии с пространственно-временным синкретизмом, а с другой – представляет собой виртуальный мир, тождественный реальному – бездну, спасающую индивида от его собственного пространства и времени. Отдельные осколки разбитото зеркала, собранные и упорядоченные определённым образом, связаны между собой в сложной структуре, которая строит реконструированный мифологический образ идеального познания. Каждый осколок связан со всеми остальными через невидимые нити, и изменение какого-нибудь элемента этой системы ведёт к изменению всей системы. Это в какой-то степени напоминает принцип бриколажной логики в мифологическом мышлении, открытый К. Леви-Строссом, но здесь сеть отношений и связей не двухмерная, а трёхмерная (или n-мерная), потому что модель зеркала мифолингвистической структуры соотносима с n-мерной структурной сетью пространственно-временного синкретизма в мифологическом сознание и во Вселенной, где время не существует как линейная величина. Отдельные элементы, образующие систему сети в пространстве, в сущности, являются точками пересечения мифологической событийности во времени, а связи между ними образуют структуру, которая заметна при функционировании системы, выраженной через невидимое движение во времени. Движение невидимо, так как прошедшее, настоящее и будущее одновременно содержатся в каждой точке пересечения, то есть в каждом элементе системы. Но хотя и для мифологического сознания мифическое время (эпоха первотворений), предшествующее эмпирическому времени, давно прошло, оно циклично возвращается и вновь повторяется через определённый период через ритуал, возобновляя сакральное время и уничтожая текущее время. Так, жизнь древнего человека является непрестанным повторением – всё, что он совершает, уже случилось до

него, и было совершено богами или героями (см. Елиаде 1995, 430–453; Мифы 1987, 252–253), и будет случаться и после него. Поэтому прошедшее, настоящее и будущее, присутствуя в любой точке сети, могут оказывать воздействие на отдельные элементы разных направлений, связывая их невидимыми нитями. А путь мифологического времени в мифологическом пространстве проектируется именно через нити, что, однако, не означает, что время движется по ним. Сакральное время статичное, а не текущее – оно не течёт в пространстве, скорее всего, архаический человек движется или входит в него, когда совершает определённый ритуал, возобновляя таким образом нечто первосотворённое. Сакральное время можно изобразить как окружность – она начинается и кончается собой, в то время как текущее (профанное) время представлает собой спираль, в которой связанные между собой открытые окружности представляют отдельные годовые циклы. Когда какая-нибудь точка такого открытого круга репрезентирует момент, в рамках которого совершается конкретный ритуал, то в том же месте следующего открытого круга в мифологическом пространстве проектируется тот же ритуал. Прототип ритуала – соответствующее первотворение или первотворческое действие, совершённое богом демиургом или героем, но оно случается только однажды в соответственной точке закрытой окружности сакрального времени. Это объясняет, почему для древнего человека время не существует как линейная величина – время не движется, а он движется во времени, что всё одновременно в любой точки сети, и у него ощущение, что *всё случалось сейчас*. Иррациональный пространственно-временной синкретизм в мифологическом мышлении можно рационально объяснить и через обоснованную в последние сто лет астрофизиками модель пространственно-временного синкретизма во Вселенной, где возможно движение назад и вперёд во времени.

Заметно, что при большинстве рассмотренных языковых систем бинарная модель, характерная для этапа индоевропейского единства, во время ранних индоевропейских диалектов постепенно трансформируется в трёхэлементную модель, вероятно, в результате глубоких взаимодействий между языком, мифологией и человеческим познанием. Остается, однако, открытым вопрос о том, происходят ли эти изменения из-за субстратных влияний после расселения индоевропейских племён, или они генерированы естественным развитим индоевропейских языков? Но каким бы ни был ответ на этот вопрос, из настоящего исследования становится ясным, что мифология и язык содержат основу человеческого познания об окружающем нас мире.

Библиография

БОНГАРД-ЛЕВИН, Г. М. (1986), Древноиндийска цивилизация. Изд. „Наука и изкуство“. София.

ГАМКРЕЛИДЗЕ, Т. В., ИВАНОВ, В. В. (1984), Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Изд. Тбилисского университета. Тбилиси.

ГЕЛЬБ, И. (1976), Западносемитские силлабарии. [в:] И. М. Дьяконов, И. М. (сост.) Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. Изд. „Прогресс“. Москва.

ДЬО ЖЕВРИ, Г. (1993), Древни и нови мъдреци. Окултна антология. Изд. „Логос & Теома“. Варна.

ДЮРКЕМ, Е. (1998), Елементарни форми на религиозния живот. Изд. „София – С. А.“. София.

ЕЛИАДЕ, М. (1995), Трактат по история на религиите. Изд. „Лик“. София.

ЕСПЕРСЕН, О. 1958:. Философия грамматики. Москва.

ИЛИЕВА, Л. (2001), Увод в общото езикознание. Университетско изд. „Н. Рилски“. Благоевград, 2001.

КОНДРАТОВ, А. (1975), Книга о букве. Изд. „Советская Россия“. Москва.

КОЧЕВ, И. (2010), Българска фонология. Изд. „Анико“. София.

КРАСУХИН, К. Г. (2004), Введение в индоевропейское языкознание. Изд. „Академия“. Москва.

ЛЕВИ, Е. (1994), Учение и ритуал на висшата магия. Т. 1 – Учение. София.

МАСЛОВА, В. А. (2004), Истоки праславянской фонологии. Изд. „Прогресс-Традиция“. Москва.

МЕЙЕ, А. (1954), Сравнительный метод в историческом языкознании. Изд. „Иностранной литературы“. Москва.

МЕЛЕТИНСКИ, Е. (1995), Поетика на мита. Изд. къща „Хр. Ботев“. София.

МИФЫ (1987), Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. Изд. „Советская энциклопедия“. Москва.

МИФЫ (1988), Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. Изд. „Советская энциклопедия“. Москва.

МЛАДЕНОВ, С. (1936), Сравнително индоевропейско езикознание. Изд. „Университетска бибиотека“. София.

НИЦОЛОВА, Р. (1984), Прагматичен аспект на изречението в българския книжовен език. Изд. „Народна просвета“. София.

ПОПОВА, М. (2005), Вътрешната системност при основните термини на лингвистичната прагматика, [в:] Български език, кн. 1, 5 – 19.

ТАЙЛЪР, Е. (1996), Анимизъм, [в:] АБС на етнологията. София, 33 – 53.

ТРОНСКИЙ, И. М. (1967), Общеиндоевропейское языковое состояние (Вопросы реконструкции). Изд. „Наука“. Ленинград.

ТРХН (2007), Терминологичен речник по хуманитарни науки. Съст. М. Попова, Б. Попов, Е. Петкова, Кр. Симеонова, А. Христова. Изд. „Наука и изкуство“. София.

ТУХОЛКА, С. (1991), Окултна енциклопедия. Изд. Редакция „6 плюс“. Русе.

FODOR, I. (1959), The origin of grammatical gender, [in:] Lingua. Vol. VIII.

GELB, I. J. (1965), A Study of Writing. The University of Chicago Press. Chicago – London.

KURIŁOWICZ, J. (1964), The inflectional categories of indoeuropean. Heidelberg.

LEVUNLIEVA, M. (2009), Metaphor and Epistemology in Vico's “New Science”. [in:] Колева, М. (ред.) Докторантите в диалог с науката. Благоевград.

LYONS, J. (1972), Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge.

MEILLET, A. (1921), Linguistique historique et linguistique générale. Paris.

VICO, G. (1948), The Principles of the New Science (revised translation of the third edition of 1744). Cornell University Press. Ithaca, New York.

Three-element structural model in Indo-European language systems, in mythology and in human knowledge

Figura etymologica (EF) is a kind of poetic formula and a hypotactic construction. In Bulgarian poetic language it's an important stylistic and mnemonic device, inherited from Indo-European Poetic language. The present text compares Bulgarian same-stem formulas, on the one hand, and their cognate Greek, Vedic, Latin, Baltic and Slavic etymological construction, found in incantation, Oral poetry or Folklore texts, on the other hand. The comparison is based on semantic, etymological and syntactic level and it shows and underlines the Indo-European origin of some of the Bulgarian EFs. The examples under examination include figures with internal subject or an internal object. Mostly, Bulgarian formulas are just semantically and syntactically equivalent to the rest Indo-European constructions. That proves existing of the Figura etymologica as a inherited semantic structure, a mental scheme, which is result of common cultural and linguistic background.

Key words: Indo-European languages, three-element language systems, mythology, cognition.

ALEXANDER SHAPOSHNIKOV
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Russia)

Аланы и Ясы. Происхождение туранских языков в свете новых данных гуманитарных и естественных наук

1а свидетельства грузинской легенды

Картлис Цховреба сообщает следующее о происхождении овсов (осетин): […] Когда впервые выступил хазарский царь и опустошил страны, которые я выше описал, перешёл он через гору Кавказ. Был у него сын по имени Уобос. Дал царь этот сыну своему пленников Сомихети и Картли. И дал ему страну, занимающую часть Кавказа западнее Ломекской реки до западного края горы. И обосновался Уобос; и потомками его являются овсы. И это есть Осети, которая была частью (страны) Кавказа.

1б свидетельство тюркской легенды

В параграфах 23 и 24 Памятника в честь Тоньюкука упоминаются чёльги аз ‘степные азы’ и их страна аз йерим (в транслитерации небольшой огрех: ^{ä}z вместо ^{a}z) ‘моя азская земля’ (Аманжолов 2001, 14, 17). Вероятно, перед нами эпиграфическая передача этнонима ас, связанного с аланской этнокультурной общностью.

2а свидетельства ономастики

Ареал туранской («восточно-иранской») реликтовой ономастики простирается от р. Урала до р. Тарима, от Гиндукуша и Памирских гор до лесостепного пояса Евразии. Между 133 и 125 гг. до н. э. многие туранские племена (аланы, хвьёнуги, массагеты, сугдайи, саки) мигрировали из Тарима и Хорезма в Закавказье, а затем на Северный Кавказ. Упомянем ключевые этнонимы и топонимы, оставленные этой группой туранских языков.

Авест. Tura, мн. ч. род. пад. Turānam – легендарный эпоним туранских по языку родственных племен, преимущественно кочевого образа жизни (И. Пьянков 1982). Ср. авест. danavo tūra – предки саков Сардарьинского бассейна и перс. tur ‘бык’ или ‘быстрый’.

Туранский аналог др.-перс. Saka в составе днестровского ойконима Σακακάται (940-е гг.) – напоминание общего названия кочевых племён туранской языковой подгруппы, тождественного авест. Tura-.

Позднеантичное наименование историко-культурной общности аланов (ср. др.-греч. ’Αλανοι и др.-ос. allon). В результате ошибочной идентификации в иранистике стало обычным возводить этот этноним к общеиранской праформе *aryana- ‘относящийся к Арию, арийский’ (ИЭСОЯ I, 101), что невероятно по множеству причин. Верное толкование, более соответствующее традиции (Hoffmann, K. u. J., 1989; Фирдоуси 1991; Зороастрийские тексты 1997; Авеста в русских переводах 1998; И. Рак, 1998) и убедительное семантически: от и.-е. корня *al- ‘исток, река’: *alon- ‘происходящий от реки, речной’. В осетинском эпосе прародителем нартов был Дон-беттыр ‘Дон-батюшка’ (J. Knobloch, 1991), в Авесте Дану – богоматерь и родоначальница danavo tūra. Наиболее часто упоминаемый этноним в аланской общности, видимо, Roxalanorum (= *rauχša-alānam) ‘светлые аланы’. Хотя вначале, он будто бы имел иную словообразовательную модель: Ρευξιναλοι (110 г. до н.э.) < *rauχšina-alānam ‘светловатых аланов’ (?).

Эпиграфика и монетная эмиссия Хорезма II в. до н. э. – VI в. н. э. (Б. Вайнберг, 1977) доносит наименование ещё одной туранской общности *asüg в виде надписей особым письмом: $h_2$ung $s_1$dguy as_2ug x_1m [hünəg sugday asüg xumu] (Восточное серебро 1909). Известна эта общность и в Потисье с I в. до н. э. как племя языгов, лат. Iazygae, венг. Jász (1433), Jászság (1670, 1691) (FNESz I, 652–654). Это асы, ясы, населявшие и верхнее Подонье, предгорья Кавказа и Тавриды. Этимология этнонима так и не выяснена окончательно: корень*(i̯)āç- ‘?’ и суф. -uka-.

Ошибочная идентификация постигла и пресловутую туранскую этнооснову *hi̯ûnug / *hi̯ûnyg < *hu̯i̯ônuka, производную от аналога авест. Hvyaona-, ср.-перс. Hyon- ‘кочевое племя Турана к северу от Узбоя, массагеты, маскуты; предки европейских гуннов (хуннов)’. Денежная эмиссия Хорезма II в. до н. э. – VI в. н. э. доносит наименование этой общности *hvənuq в виде надписей особым письмом: sdyγ $h_2$unuq $t_1r_1$ban [sodyγ hünuq tarbān] (XXII, Б III, Б IV), $h_2$vnuh_1q $k_2$gui [hv́ənuhq kä(n)güi] (XXIII, В1), $h_2$vnh_1q [hv́ənəhq] (XXIX, $Б_2$ 19), $h_2$vnuh_1q [hv́ənuhq] (XVIII, Б 1/1) (Б. Вайнберг, 1977). Подобное наименование входит в состав надписи на чаше $h_2$ung $s_1$dguy a$s_2$ug x_1m [hünəg sodagui asüg xumu] (Восточное серебро 1909). В греческих и латинских текстах встречается написание этого имени в виде Ὀνογ(ουροι), Οὔνογ(ουροι); Hunug(uri) и χιωνιται, ουαρ και χουννι, ουαρχωνιται. Вопреки оптимистическим толкованиям тюркологов данная форма этнического наименования (др.-тюрк. руническая трактовка un uq baš-y buzuq ‘десять стрел головорезов’) не является фактом пратюркского языкового состояния. Перед нами позднее переоформление и переосмысление древними тюрками чужеродного языкового явления в духе «народной этимологии».

Важным свидетельством о миграции носителей согдийских диалектов туранской подгруппы являются топонимы типа Сугдаб, Сугдаг, Сугдай, ср. ос. sugdæg ‘чистый, святой’ из общеиран. *suxta- ‘очищенный огнем’). Авест. Suγδa, др.-перс. Suguda (522–517 гг. до н.э.!), др.-греч. Σογδιανή (с V в. до н. э.), эпиграфика и монетная эмиссия Хорезма II в. до н. э. – VI в. н. э. доносит наименование этой общности *sodyg в виде надписей особым письмом: sdyγ $h_2$unuq $t_1r_1$ban [sodyγ hünuq tarban] (XXII, Б III, Б IV) (Б. Вайнберг, 1977), $h_2$ung $s_1$dguy a$s_2$ug x_1m [hünəg sodgui asüg xumu] (Восточное серебро 1909). Отметим тесную связь этнонима согдыг с этнонимом хюнуг. Общность sugdaq-buduny играла немаловажную роль в международной торговле I тюрк. каганата, а потому во многих случаях определяла внешнеполитические акции Истеми и Таспара (560–580-е гг.). На Северном Кавказе известны некие верхние сугдаи τῆν ἀνωτέρω Σουγδίαν, Σουγδαίους τοῦς ἄνω, Σουγδαῖα, Σουγδαῖοι (середина I в. н. э.) где-то в верховьях рек Кубань и Уруп, чьё имя имеет черты фонетики туранских диалектов (суф. *-aka- > -ay). В начале III века н. э. сугдайи были переселены боспорскими царями в Таврическую область, где и основали крепость Сугдайи (τὸ κάστρον τῆς Σουγδαῖας) около 212 г. н. э. В позднелатинском итинерарии Равеннского анонима VII века впервые фиксируется топоним patria...Sugdabon ‘область Сугдабов’. Позднелатинская форма Sugdabon есть не что иное, как транслитерация греческой формы родительного падежа множественного числа Σουγδάβων ‘сугдабов’, отражающей (если

только это не порча текста переписчиками *Σουγδαίων, *Σουγδάκων?), подлинное согдийско-ягнобское сложное слово *suγd-ab- ‘река Согд(ов)’. Согдийско-ягнобские по виду праформы *Suγday и *Suγdab стоят в одном ряду с другими реликтовыми туранскими топонимами Восточной Таврики – Булзыяб (река в Старокрымском урочище), Сурхат – там же (ср. среднеазиатский топоним Surxkat ‘Красная крепость’). Они служат неопровержимым доказательством присутствия носителей согдийских диалектов в раннесредневековой Таврике.

Наиболее общее самоназвание всех близкородственных туранских племён асов (ясов) и аланов (роксаланов) IV–VI вв. представлено несколькоькими вариантами морфемы: ‘êr < *u̯êr- < *u̯aira- (дигорский вариант морфемы): картв. Her(eti), венг. (Κουρτουγ)ερ(μάτου), греч. ῾Ηρ(ακᾶς) (Пантикапей), (Φορ)ηρ(ανος) (Танаис); ‘îr < *u̯êr- < *u̯aira- (“иронский” вариант морфемы): осет. Iri(ston), ir(on), (Wællağ)ir; нахск. hir, hiri, венг. (Nand)ir (ca 1200); (Acatz)ir(i), (ὀχοτζ)ήρ(ων); (Altziag)ir(i); ‘īr < *u̯īra- (“авестийский” вариант морфемы?): нахск. hir, hiri, осет. Iriston, iron, Wællağir; ‘or / ‘ur < *u̯ĭra- (вариант с редуцированным гласным): венг. (Nand)ur(laka) (1311), (Land)or (1443), (Nand)ru (1330), (Nand)or (ca. 1200), (Nánd)or (FNESz II, 13, 221), (Ουνογουνδ)ουρ(οι), (Hunogund)ur(i); (Ουνογ)ουρ(οι); (Hunug)ur(i); (Κουτριγ)ούρ, (Κουτουργ)ούρ, (Κουτρίγ)ουρ(οι), (Κουτούργ)ουρ(οι); (Οὐτιγ)ούρ, (Οὐτουγ)ούρ, (Οὐτουργ)ούρ, (Οὐτίγ)ουρ(οι), (Οὐτιγ)ούρ(ων), (Οὐτούργ)ούρ(οι); (Sarag)uri, (Hajland)uri, (Bala)uri etc. Скоропалительная этимология Василия Абаева *ir < *airya- (ИЭСОЯ I, 545) на полвека превратила туранцев в арийцев и поставила такие шоры на глаза ориентальной софистики, что позитивистское рассмотрение реликтовой ономастики всех видов с Северного Кавказа и Северного Причерноморья стало невозможным. Алчная тюркология тут же населила степную и лесостепную зоны Восточной Европы IV–V вв. бесчисленными тюркскими подразделениями уйгуров и унуков-башибузуков. На самом деле все эти 3–4 варианта морфемы – рефлексы хорошо известной и.-е. и индоиранской основы *u̯ira-, авест. vīra ‘муж, мужчина; Kriegsmann’ (Knobloch 1991, 35). В поздней античности и раннем средневековье заметно доминирование словообразовательной модели «этнонимов», состоящей из основы эпонима или псевдоэпонима (Акац, Алцек, Уногунд, Хунуг, Котраг, Утруг, Сараг) и основы ‘îr в значении ‘мужи, воины, люди такого-то эпонима’.

Характерной туранской топоосновой являются варианты *-kata-, *kant(h)a-, *-kanda- со значением ‘город, обведённый рвом и валом’: *kat[a]- города Макат в Хорезме, Сурхкат в Согде и Бинкат (ныне Бенкет), Тункат в области Ташкента; *kent- города Пянджикент, Джаркент, Чачкент (Ташкент); *kand[a]- (kend) Самарканд, Яркенд

(в Таримском бассейне). Топонимы с неиндийским окончанием -kantha (Cihanakantha e. g.) встречаются в областях Варну (долина реки Круму-Курам) и Ушинара (в центре Пенджаба), куда вторгались сакские племена. Среди перечисленных Константином Багрянородным опустевших городов дунайских болгар в Поднестровье (Γιαιουκάται, Κρακνακάται, Σακακάται, Σαλμακάται) имеется топоним Τουγγάται – аналог г. Тункат в районе Ташкента, а также различимы этнические имена *saka-, *salma- (< *sarəma-). Эти топонимы ошибочно толковались некоторыми софистами из тюркских языков. Одинаковое название Surxkat- 'красная крепость' носят городки в Таврике (Сорхат, Сурхат, Солхат к югу от г. Ст. Крым) и в Согде. Подобную структуру имели наименования аланского города Онкат и одного из старинных городов племени оногуров Бакат (Βακάθ), последнее название может иметь структуру *ba[i]- 'два' и *kata- 'ров', или являться фонетическим диалектным вариантом наименования г. Макат в Хорезме. Summerkent, разрушенный монголами древний город аланов и сарацинов в низовьях Волги (Рубрук), сопоставим с Пянджикент, Джаркент, Ташкент (Чачкент).

Семибожий град роксаланов Авдарда помимо откровенно ос. avd 'семь' (Василий Абаев 1990, 89–90) содержит и устаревшую основу ard 'божество', сопоставимую с маних. baγ ard Vāxš 'божество Ард-Вахш', кушан. Vaxš-e-hvarāsān vīmand 'дух хорасанской границы' – следы представления о реке Вахш, как обожествлённой границе между Ираном и Тураном (И. Пьянков 1982).

Авест. Danuš, эллинист. Τάναϊς, Ταναΐδος – производные формы древнего восточно-иранского гидронима Danu-, применявшегося для обозначения р. Сырдарьи, впадающей в Аральское море-озеро. Река Дануш в Авесте считается длинной и самой опасной, непроходимой. Данайские туры (dānavō tūra), с которыми сражались арийские герои Авесты, соответствуют «танаисским скифам» (сырдарьинским сакам). В осетинском эпосе прародителем нартов был Дон-беттыр (*Danu pitar) 'Дон-батюшка', что является концептуальной инновацией: прародительница-богиня реки превратилась в прародителя-бога реки.

Авест. Gava, Goum 'обильная коровами' или 'обильная селениями', Гава Согдийская – историческая область в Согде имеет точный осет. аппеллятивный аналог qaw.

Топоним Ἑπτάλου λιμήν (Новороссийск) передаёт туранский композит *hafta-al- 'семиречье', залегающий в основе этнонимов эфталиты, авдэл (локализуются в Киргизии, Семиречье, в водосборном бассейне озера Балхаш = Варукаша).

Местное название греч. Τυμάταρχα, др.-рус. Тьмоутаракань, восходит будто бы к словосложению аналога осет. t'ymy-t'yma (ИЭСОЯ

III, 357), ср. тох. A tümane, tmane или тох. B. tmam ‘10000’, и аланского военнно-административного термина тархан, тархон (ИЭСОЯ III, 276).

Астрахань доносит тот же самый термин тархан ‘окружной администратор-судья’.

Легендарная авестийская река Raŋha иногда отождествлялась с Нижней Волгой.

Туранское название реки Дайтика (ср. перс. Daitik, Daitix) было адаптировано тюркскими языками (Дайих, позднее Яик, Урал).

Мифологическое озеро-море Ворукаша (Vorukaša) – ныне Балхаш.

Др.-инд. (у Панини) этноним Mauńjayana и эпоним Muńja – туранская народность мунджанцев (mendzhiy). Мунджанцы соответствуют сакам хаумаварга др.-перс. надписей и др.-греч. Σκύϑαι ’Αμύργιοι.

Из языка хотанских саков происходят северо-причерноморские имена собственные типа Кса, Гза, Коза, Къза, Гзак, Хоз (из местного названия Ksa в оазисе Чира).

Большое количество антропонимов, эпонимов и этнонимов безусловно туранского происхождения обнаруживается в славянских языках антской подгруппы (сербском, хорватском, болгарском). Значительное количество гидронимов и других топонимов туранского происхождения отмечается на Русской равнине.

Имена собственные всех видов определённо праосетинского вида фиксируются в Северном Причерноморье поздно, в последние века до н. э. – преимущественно в дотатарский период. Наибольшее число примеров относятся к I–III вв. н. э. В скифскую эпоху преобладали ономастические формы совершенно иного происхождения.

2б языковые реликты эпиграфического и книжного происхождения

Языковые реликты туранского («восточно-иранского») происхождения из Северного Причерноморья античной эпохи были собраны в «Словарь скифских слов» Василия Абаева (ОИЯ), который уточнен и дополнен нами из различных источников и доступных публикаций (ИЭСОЯ I–IV, ЭСИЯ I—IV; A. N. Troubetskoy, 1921; Зализняк, 1962; О. Трубачев, 1967; Х.-Д. Поль, 1975; Д. Эдельман 2002). Устранены все случаи сомнительной и очевидно ложной этимологии, оставлено всё, что безусловно имеет сармато-аланское, туранское происхождение (Александр Шапошников 2007, 255–322). Туранский вид этих реликтовых имён собственных не подлежит сомнению. Этот обильный реликтовый языковой материал очерчивает обширный ареал туранского распространения.

2в свидетельства лингвистики

В связи с давней путаницей, бытующей в саддукейской софистике, место осетинского языка, потомка аланских и ясских диалектов, в кругу иранских языков остаётся неясным. Если отринуть бредни о скифском происхождении осетинского языка и обернуться лицом к реальным языковым фактам, то определить это место возможно со значительной точностью.

Асский, ясский, осетинский язык является одним из туранских («восточно-иранских») языков, а именно языком памирской группы, ближе всего к ваханскому и язгулямскому, имеет много общего с языком греко-бактрийских надписей и сакскими диалектами, в том числе хотано-сакскими.

Некоторые ареальные культурные термины, распространённые в ряде языков Памира, Гиндукуша и смежных регионов, не всегда имея надежную этимологию, тем не менее, представлены и в осетинском языке: язг. lů̄q ‘одежда’, ‘ткань’, ‘тряпьё, ветошь’, мн. ч. laqáθ ‘одеяла, постельные принадлежности’, вах. luq ‘тряпьё’, осет. lux, lyg ‘отрезанный, разрезанный, разрубленный, распиленный, пересечённый; прорез, разрез’ (ИЭСОЯ II, 53).

Далее следуют очевидные осетинско-памирские изоглоссы с надёжными этимологиями (Джой Эдельман, 1986; ЭСИЯ I–IV). Формы под астериском – туранские («восточно-иранские») архетипы.

*ā̆ga- ‘зло, беда’: ав. п. aγa- ‘плохой, злой’ ~ ос. aγæ ‘беда, зло’;

*agauza-/ *nigauza- ‘орех’: мдж. áγuza, йид. oγúzo, пшт. oγoz ~ ос. ængūz, ængozæ ‘орех’;

*ai̯ua- ‘один’: шугн., хуф., руш., барт., рош. yīw, сар. iw, вах. yiw ‘один’ ~ ос. īw, ew ‘один’;

*ai̯uandasa ‘11’: парθ. ‘ywnds [ēvandas], хор. ’ywnd(y)s ‘одиннадцать’ ~ ос. īwændæs, ewændæs ‘одиннадцать’;

*aixa- / *ī̆xa- ‘лед, мороз, стужа’: ягн. ī̆x, ex., вах. yiχ̌, iχ̌ ~ ос. īx, ex ‘лёд; град’;

*āp-/ *ap- ‘вода, река’: согд. ’b, ’p, бактр. αβo ~ ст.-ос. *ap-, *ab-, *i̯ab- в составе гидронимов Sugdabon, Bulzyiab;

*ar^{i}na- ‘локоть’: х-с arīñe ‘локтевой’ ~ ос. -ærin, -ærinæ ‘локоть’ (в композитах);

*arç- ‘медведь’: язг. yůrχ́ ‘медведь’ ~ ос. ars ‘медведь’;

*arma- ‘верхняя часть руки’: вах. yurm ‘верхняя часть руки’, йид. yārmë тж ~ ос. arm ‘верхняя часть руки или ноги’;

*astadasa- ‘18’: согд., хор. ’štδs, сгл. hṓtəδṓs ‘18’ ~ ос. æstdæs ‘18’;

*astaka- ‘кость’: согд. ‘stk’, ‘stk, хор. s̱tq ‘кость’, ягн. sitak тж ~ ос. æstæg ‘кость’;

*aštā́ ‘8’: согд., хор. ’št [asta], ягн. ašt, х-с haṣṭa ~ ос. ast ‘восемь’;

*ātičī ‘водоплавающая птица, утка’: вах. yoč < *āθčī̆- ‘утка’, х-с āce, āci собират. ‘водяная птица’ ~ ос. асс, ассæ ‘дикая утка’;

*ātr-‘огонь’: согд.-ман. ’’tr, бактр. αθϛο ‘огонь’ ~ ос. art ‘огонь’;

*axšaina- ‘тёмный’: йид. axšīn, axšen ‘тёмно-серый’, х-с āṣṣeiṇa ‘синий, голубой, сизый’ ~ os. æxsīn ‘тёмно-серый’

*axšainaka- ‘дикий голубь (сизый)’: х-с aṣṣānaka ~ ос. æxsīnæg ‘дикий голубь’;

*az- / *mana- ‘я / меня’: бактр. αζο / μανο ~ ос. æz / mæn тж;

*baba ‘дед’: язг. bob, pop ‘дед, дедушка, предок, родственник’, вах. pup ‘дед, дедушка’ ~ ос. baba ‘дедушка’;

*baiu̯ar- ‘несметное множество’: согд. byūrru [baiūr-, bêūr-] ‘10000, мириада’ ~ алан. Βαιορ[ασπος] ‘имеющий много коней’, ос. bīræ, beræ, bewræ ‘много, многий, очень, долго’;

*bāraka- ‘несущий(ся)’: парθ. bārag ‘конь’ ~ ос. baræg ‘всадник’;

*barza- ‘береза’ (?): язг. vawz ‘береза’ ~ ос. bærz, bærzæ ‘береза’;

*baura- ‘тёмно-коричневый’, ‘гнедой’: согд. βwr ‘блонд’, хор. βwr ‘серый’, ягн. vur ‘светло-красный’, шугн., руш. vůr ‘бурый, серый’, ишк. bur ‘серый, бурый’, сгл. bōr ‘серый’, язг. bər ‘коричневый, коричневато-серый, карий’ ~ ос. būr, bor ‘жёлтый’;

*brātā ‘брат, член братства, фратрии’: бактр. βραδο, βαραδο, язг. v(ə)réd < *brâtar (?), вах. vrыt ‘брат, мужчина одного рода, одной семьи’ ~ ос. ᵆrvád, ærvadæ ‘родич, член рода’;

*čăpar- < *čatu̯ar- ‘4’: шугн. cavůr, cavōr, руш., хуф. cavůr, барт., рош. cavōr, сар. cavur, бактр. σοφαρο, мдж. čfīr, čfūr, вах. cəbыr, cыbыr ‘4’ ~ ос. cyppar, cuppar ‘четыре’;

*čarman ‘кожа’: согд. crm, хор. crm ~ ос. carm ‘кожа’;

*čašman ‘глаз’, ‘глазок’, ‘око’, ‘очко’, ‘родник’: вах. ç̌əž̆m ‘глаз’ ~ ос. casm ‘петля, силок’;

*čatu̯arsat- ‘40’: хор. cf’rys [cafarse] ~ ос. cuppors, cyppūrs, cæpporse ‘40’;

*čaxra- ‘круг, колесо’: вах., шугн. čarx, čārx ‘колесо; мельничное колесо; прялка; точильный круг’ ~ ос. calx ‘колесо, обод колеса’;

*çrū-, çru̯ā- ‘рог’: хор. šw, вах. ṣ̌əw ‘рог, рога’ ~ ос. sy, siwæ ‘рог’;

*dantaka-, *dantāka- ‘зуб, зубы’: согд. δnt’k [δantāk], вах. dəndək, ягн. dindak ‘зуб’ ~ ос. dændak тж.;

*dasa- ‘10’: ягн. das, ишк. das, вах. δas ~ ос. dæs ‘10’;

*drau- ‘волос’: х-с dro-, drrau- ‘волос’ ~ ос. ᵆrdū, ærdo ‘волос, волосинка, шерстинка’;

*du̯ar-/ du̯ār- ‘дверь’ / ‘двор’: язг. dəvůr ‘дверь’, ‘двор’ ~ ос. dwar ‘дверь’;

*dugdar- ‘дочь’: язг. δoγd, вах. dəγ́d ‘дочь’ ~ ос. (xo)dygd ‘дочь’;

*duu̯a- ‘2’: шугн. δu, ишк. dьw, зеб. dū, х-с duva ~ ос. duwæ, duw(w)æ ‘2’;

*gaisa- / *kaisa- ‘жёсткий, грубый’: х-с ggīsaa- ‘травинка, былинка’, йид. γīs ‘грубые нити из козьей шерсти’ ~ ос. qīs, γesæ ‘грубая шерсть’, ‘щетина, конский волос’, ‘струна’, ḱīz, kesæ ‘жёсткий, грубый’;

*garma- ‘горячий, тёплый’: согд. γrm ‘жарко, горячий’, ягн. γarm ‘жаркий’, ‘горячо, жарко’, хор. γrm ‘горячка, жар’, вах. garm ‘тепло’, ‘тёплый’ – ос. qærm, γarm ‘тёплый’;

*gau- ‘корова’: вах. γыu ‘корова’ – ос. kug, γog < *gau-ka- ‘корова’;

*gau̯azna- ‘олень’: согд. gawazn, пшт. gawázn м. р. ‘олень’, ‘марал’ ~ ос. γæwanz, qwaz, qæwaz ‘самка оленя, лань’ (предполагается заимствование из перс.);

*gauna- / *guna- ‘окрас’ / ‘волос, шерсть’: хор. γwn ‘цвет’, вах. γēno, γani, *γ́in ‘волосы, шерсть козья’ ~ ос. qwyn, γun ‘волос, шерсть’, qwyna, γuna ‘мох’, ‘плесень’;

*gauša- ‘ухо’, ‘слух’: согд. γwš, ягн. γuš, вах. γ́iṣ̌ ‘ухо, уши’ – ос. γos ‘ухо’, ‘слух’;

*gīra ‘гора’: х-с gīra лок. пад. ед. ч. ‘на горе’ ~ алан. *gir- в составе гидронимов?

*grīu̯a- / *graiu̯a- ‘тыльная часть шеи’ (?): мдж. γə́rwa ‘шея’, йид. γurwo, γərva ‘шея снаружи’ ~ ос. ærγiw, ærγew ‘хрящ, cartilago’;

*haitu-(mant-) ‘плотина, дамба, мост’: ср.-перс. Hēδ-mand (Helmand), х-с hī ‘мост, дамба’ ~ алан. гидроним Χιδμάς / Χιλμάς / Χουμάς (Псёл?), ос. xīd, xed ‘мост’;

*hapta- ‘7’: мдж. ovdə́, йид. avdó, ávdo, язг., ишк. uvd, шугн., хуф., руш. wūvd, барт. ūvd, рош. (w)ūvd, сар. ывd, сгл. hōvd, зеб. ōvd, ягн. aft, avt, avd ~ ос. avd ‘семь’;

*hapta-dasa- ‘17’: сгл. ōvdədō̆s ‘17’ ~ ос. ævddæs ‘17’;

*hazara- ‘1000’: х-с ysāra-, согд.-ман., хор. z’r [(a)zara] ‘1000’ ~ ас. haz_er, ос. ærzæ < æzræ ‘несметное множество’;

*hu̯ata- ‘сам, свой’: бактр. χοτο ‘само-‘, язг. xůd, вах. χ̌at ‘сам, свой’ ~ ос. -xæd, -xwæd ‘сам, свой’;

*hur- / *hūr- ‘солнце’: ав. hūrō ‘солнце’ (косв. п.) < *hūr-, вах.. (y)ir ‘солнце’ < *hur- ~ ос.. xūr, xor < *haur- (?)‘солнце’, ‘солнечный’;

*hu̯āhā(r) ‘сестра, женщина своего рода’: бактр. χοαυο < *hvāhā(r), вах.. χ̌ыu ‘сестра’ ~ ос. xo, xwæræ ‘сестра, женщина своего рода’;

*hu̯âhari̯a- ‘любой потомок любой женщины своего рода’: язг. x^oer < *hvâhari̯a-, вах.. xəryan ‘племянник, племянница’ ~ ос. xæræ(fyrt), xwæri(furt) ‘любой потомок любой женщины своего рода’;

*i̯ak(a)r(a) ‘печень’: х-с gyagarra ‘печень’ (один из возможных источников заимствования в тюрк. языки) ~ ос. igær ‘печень’;

*i̯au̯a- ‘злаковая культура, зерно, жито’: ягн. yaw ‘ячмень’, мдж., ишк. yaw ‘зерно, хлеб’, вах. žaw ‘зерно; зерновые культуры; злак; хлеба’ ~ ос. jæw ‘просо’;

*karka- ‘птица, курица’: вах. kərk ‘птица, курица’ ~ ос. kark ‘курица’;

*karm- ‘червь’, ‘гусеница’: язг. ḱarm ‘червь’, ‘гусеница’ – ос. kalm ‘змея’, ‘червь’;

*kaupa- ‘горб, гора’: х-с kuva ‘холм’, вах. kəp ‘горб животного’, язг. kəp ‘камень, большой валун, скала’, ст.-вандж. kup, kub ‘камень, гора’ ~ алан. *kûp < *kaupa- в составе таврического топонима Mancup (?);

*kuti-‘щенок’, ‘пёс’: сугд. ’kwty ‘собака’ ~ ос. k°уʒ ‘собака’;

*likša- ‘гнида’: язг. raχ̌ḱ < *riška- < *likša- ‘гнида’ ~ ос. lysk◌́ < *likša- ‘гнида’;

*māh- ‘месяц’: ягн. moh, mox, бактр. μαο, вах. mыy < māha ~ ос. mæj ‘луна, месяц’;

*maizaka- ‘мочевой’: вах. mizg, мдж. mī́zga, йид. mīzgo ‘моча’ ~ ос. mīzg, mezgae ‘мочевой канал’;

*matā: ‘мать’: бактр. μαδο ~ ос. mad ‘мать’;

*matuka- ‘саранча’: хор. m[a]θ[u]χ ~ ос. mætyχ ‘саранча, акриды’;

*māzga-‘мозг’: согд. mγzw, ягн. maγz, хуф. māγz, язг. mů̂γz ‘мозг’ ~ ос. maγz ‘мозг’;

*nāfi̯a- ‘пупок, родничок, родимчик’: язг. naf ‘пуп, пуповина’ ~ дигор. naf(f)æ ‘пупок’;

*napāts ‘потомок’: язг. nabes ‘внук’, вах. nəpys ‘внук, внучка’ < *napāts ~ ос. Naf ‘божество рода’;

*nau̯adasa- ‘19’: хор. nw’δys, сгл. nowəδos ~ ос. næwdæs, ænūdæs, nūdæs ‘девятнадцать’;

*nau̯ati- ‘90’: хор. nwyc [nawaitz] ‘90’ ~ ос. næwæʒ, næwæʒæ ‘90’;

*n̥bʰra- ‘облачное небо’: согд. βry’ [āvrai] ‘пространство между небесными сферами’, х-с ora ‘небо’, пшт. owrə́, orə ‘облачко, туча’ ~ ос. arv ‘небо’;

*pād- ‘стопа, нога’: согд. p’δ [pād], вах. pad, paδ, язг. peδ ‘нога’ ~ ос. fad ‘нога’;

*pada- ‘ступня, след’: ягн. pad, pat ‘ступня, след’, язг. pů̂δ ‘след; подошва’, вах. pud, puδ ‘след’ ~ ос. fæd ‘след’;

*p[a]lānka- ‘барс’: пшт. pṛāng ‘барс’, вах. pəlang – ос. fælank, færank ‘барс’, ‘леопард’;

*panča- ‘5’: бактр. πανϛο ‘5’, πανζασαδο ‘500’, хор. pnc, ягн. panč, шугн., руш., хуф., барт., рош. pīnʒ, сар. pinʒ, йид. pānš, ишк. punʒ, сгл. phonʒ, phons, зеб. phōnš, pūnz, вах. panʒ ‘5’ ~ ос. fonʒ ‘пять’;

*pančadasa ‘15’: согд.-будд. pnčδs [pancaδasa] ‘пятнадцать’, бактр. πανζασαδο ‘500’ ~ ос. fynddæs, finddæs ‘пятнадцать’;

*pantāka- ‘путь, дорога’: бактр. πανδαγο, х-с pandā, сгл. pənuk, вах. vdək, vədək ‘путь’ ~ ос. fændag ‘путь, дорога’

*parsti ‘тыл, оборотная сторона’: вах. pərt ‘оборотная сторона’, х-с palśti ‘спина, зад’ – ос. færcy, *færc ‘благодаря, с помощью’;

*parçu- ‘бок’: вах. pyrs ‘ребро’ ~ ос. fars ‘бок, сторона’;

*paçu- ‘мелкий рогатый скот’: вах. pus ‘овца, баран’ ~ ос. fys, fus ‘овца, баран’;

*pitā ‘отец’: бактр. πιδο ~ ос. fidæ, fyd ‘батя, отец’;

*putra- / *purθa- ‘сын’: вах.. pətr ‘сын’ ~ алан. πουρθ(ατος), ясск. φούρτ(ας), ос. furt, fyrt ‘сын’;

*raučana(ka-) ‘светящийся’, ‘просвет’: согд. rwč’yn [ročain], барт. rūzn, сар. rezn, ишк. recьn, вах. ricn ‘световое или дымовое окошко в кровле’ ~ ос. rūʒyng, roʒingæ ‘окно’;

*raupāsa- ‘лиса’: х-с rrūvāsa ‘лиса’ – ос. ruvas, rovas ‘лиса’;

*sapaka- ‘копыто’, ‘подошва, сабо’: ранне-вах. supuk (> кхов. supuk) ‘копыто’ ~ ясск *sapæg ‘копыто’ (?);

*sarəδ- ‘год, сезон’: согд., хор. srδ [sarδ], бактр. σαρδο ‘год’, ασαρολο < *ā-sarəδa- ‘в этом году’, вах. wəsərd < *ā-sarəda- ‘этот год, в этом году’ ~ ос. særd, særdæ ‘лето, летом’;

*sata- ‘сто’: согд. st- [sata], х-с sata-, тумш.. sa<u>d</u>a, бактр. σαδο ‘100’, πανζασαδο ‘500’ ~ ос. sædæ ‘100’;

*si̯āu̯a- ‘тёмного цвета’: парθ. sy’w [syāwa], согд., хор. s’w [syāwa], ягн. šow, вах. ṣɯw ‘чёрный’ ~ ос. saw ‘чёрный, смуглый’;

*sku̯an- ‘щенок’: вах. skən ‘щенок’ ~ ос. stæn ‘кобель’;

*srauni ‘зад, ягодицы’: х-с ṣṣūni, вах. ṣin, ишк. ṣen, мдж. šinə, šina ‘зад’, šino ‘vulvo’ ~ ос. sin, sujnæ ‘бедро’;

*stār(i̯a-) ‘звезда’: согд. st’ry [stārya], йид. stārë, вах. s(ə)tor ‘звезда’ ~ ос. st‘aly ‘звезда’;

*stura- ‘крупный рогатый скот’: язг. s(ə)ter ‘мелкий скот’, ‘голова (мелкого рогатого скота)’ ~ ос. stur, æstor ‘крупный рогатый скот’

*sukra- ‘красный’: вах. səkr ‘красный, горячий, раскаленный до красна’, ишк. sьrx, мдж. sərx, йид. surx ‘красный, алый’ ~ ос. syrx, surx ‘красный, алый’;

*šumah- ‘вас, ваш’: ягн. šumox, язг. təmox ‘вы, вас, ваш’ ~ ос. symax, sumax ‘вы, вас, ваш’;

*supti- ‘плечо’: х-с suti ‘плечо’ ~ ос. syfc, sufcæ ‘плечо’ (в композитах)

*θai̯u̯ar ‘плечо’: сгл. tēw ‘плечо’ ~ ос. tîw, tew ‘деверь’;

*u̯aitaka- / *u̯aitāka- ‘лоза, корень винограда’: язг. wiδǵ ‘виноград, виноградная лоза’ ~ ос. widag, wedagae ‘корень’;

*u̯ar- ‘барашек, ягнёнок’: вах. war ‘баран’ ~ ос. wær ‘барашек, ягнёнок’;

*u̯arəka- ‘барашек, ягнёнок’: вах. wurk ‘ягнёнок’ – ос. wærykk, wærikkæ ‘барашек, ягнёнок’

*u̯āra(i̯a-) ‘дождить’: согд. w’r- [wār-], хор. w’ryy [wāraya-] ‘дождить’, вах. wыrыv-, wыrovd-, wər(ы)v-, wərovd- ‘поливать, увлажнять поле перед пахотой’ ~ ос. waryn, warun ‘идти дождю, снегу, граду’;

*u̯arda- ‘шиповник, роза’: согд.-ман. wrδ [warδ] ‘роза’ ~ ст.-ос. *warda ‘роза, шиповник’, ороним Warda Daghi между Chatukaj и Anapa (Santini 1777) < алан. *wærdædzæg ‘розарий, цветник’?

*u̯asfāk- ‘оса, пчела’: ягн. γužvik ‘оса’ ~ дигор. ævzak‘æ ‘пчёлы, прибавляемые в малочисленный улей для усиления’;

*u̯assa- ‘телёнок’: язг. wůs ‘теленок’ ~ ос. wæs(s) ‘телёнок’;

*u̯əhrka ‘волк’: греч.̔ Υρκανία сатрапия , х-с birgga ‘волк’ ~ ос. biræγ, beræγ ‘волк’;

*u̯insati ‘20’: хор. ’wsic [(a)wisatz], вах. wist ‘двадцать’ ~ ос. yssæʒ, insæj двадцать;

*xara- ‘тёмный’: х-с khara- ‘тёмный’ ~ ос. xæræ ‘серый’;

*xara(ka-) ‘осёл’: вах. xur ‘осёл’ ~ ос. xæræg < *xaraka ‘осёл’

*xšap- ‘ночь’: хор. xšp [xšap-], ягн. x(i)šap, йид. xəšovo, мдж. xšava, х-с ṣṣavā ‘ночь’ ~ ос. axsæv ‘этой ночью’;

*zānuka- ‘genu; колено’: согд. z’nwk’ [zānuka], ягн. zonk, zunk, мдж. zīńǵ, йид. ziŋg, сгл. zūŋg ‘колено’ ~ ос. zonyg, zonug ‘колено’;

*zard- ‘сердце’: шугн., руш., барт., рош. zōrδ, сар. zord ‘сердце’ ~ ос. zærdæ ‘сердце’;

*zarita- ‘жёлтый, зеленый’: ягн. zerta ‘жёлтый’, шугн., руш., барт., рош. zīrd, сар. zird, язг. zard, ишк. zord ‘желтый’ ~ дигор. zældæ ‘молодая трава, мурава’;

*źarnuka- / *źurnaka-‘журавль’: хор. znwk [zannuk], пшт. zấnay < źār-naka- ‘журавль’ ~ ос. zærnyg, zyrnæg ‘журавль’.

Из этих сопоставлений явно проступает близкое языковое родство ясского (осетинского) с памирскими языками и диалектами. Кроме того, языковые реликты туранского языка из эпиграфики Бактрии и Тохаристана, скорее всего, принадлежат не особому отдельному языку («бактрийскому»), а типичному диалекту «сакской» группы. Они также удивительно близки осетинскому, особенно дигорскому диалекту.

Туранские диалекты находились в тесном соприкосновении с неиранскими языками лесостепной и лесной зон Евразии (в частности, с финно-угорскими) (В. Абаев, 1965; 1981). Примечателен факт наличия языковых изоглосс, соединяющих пашто, мунджанские и памирские диалекты с финно-угорскими (в том числе, европейскими).

Так, фин.-угор. *ken ‘сноха’ выводится из туран. *kanya- тж.

Коми лыстыны, марийск. *lustem ‘доить’, заимствованное из туран. группы диалектов с перебоем *d > *δ > *l в анлауте, ср. мунджан., йидига, пашто и венеци luž, lwašel < *daug- ‘доить’.

Фин.-угор. *mež, коми мэж ‘баран’ заимствованное из южн. подгруппы туран., ср. пашто maž ‘баран’, mež ‘овца’(< *maiša, *maiši), с характерным исключительно для этой подгруппы озвончением интервокального *š.

Фин.-угор. *mort ‘человек’ из туран. *martya, *marta- ‘смертный’.

Фин.-угор. *nän ‘хлеб’ из некоего туран. *nii̯an < *nikan ‘зарывать (в золу)’, ср. иные заимствования из ос. в сев.-кавк. языков.

Фин.-угор. *pudo ‘скот’ из туран. (с озвончением интервокальных) *poδu < *paθu < *paçu ‘мелкий рогатый скот’.

Фин.-угор. *vurun ‘шерсть’ из туран. *vərnə- ‘шерсть’.

Фин.-угор. *zarni ‘золото’ из туран. *zar(a)nya- ‘золото, жёлтое’.

Наличие сотен лексических заимствований др.-ос. облика и происхождения в венгерском, в том числе – среди основной лексики, обозначающей явления природы, – факт, известный языковедам (см. FNESz I–II).

Коми *davis ‘одногодок’ восходит к ос. dalis ‘годовалый барашек’ (из туран. *dāriša-) с севернопермяцким переходом -l- в -v-.

Венг. erdö, др.-венг. erdeu̯ ‘лес’ восходит к алан. *ardau ‘лес’ (ср. сакск. dro-, drau-, ягноб. diraw, daraw, ховари dro ‘волос’, кафирск. drọ ‘женский локон’ и ос. ᵆrdu, ærdo ‘волос, волосинка, шерстинка’), все из туран. *drau- ‘дерево, древесное’.

Фин. humala ‘растение хмель’ – из ясск. *humala-, ср. ос. humællæg. Вогульск. (манси) qumliχ, венг. komló восходят к той же основе при посредстве др.-чув. *xumlaγ, *xumlyγ, *xumluγ (совр. чув. xamla, xəmla).

Фин. katta ‘дом’ – из сарм. (алан.) *kata- ‘полуземлянка’, ср. авест. kata- ‘погреб, помещение’, перс. kad ‘дом’.

Фин. sata ‘сто’ – из туран. sata- ‘сто’.

Фин. tappara ‘топор’ при посредстве вост.-слав. через арм. tapar восходит к белудж. tapar, якобы метатезы др.-перс. *paraθu- (< и.-е.*pelek̑u-, ср. др.-греч. πελεκύς), ср. ос. færæt.

Не менее существенно и то, что засвидетельствованные на юго-востоке языки – пашто, памирские и хотано-сакский – обладают собственными лексическими изоглоссами со славянскими, балтийскими и германскими языками.

Пашто zanai (<*zrna-ka) ‘зерно’ сопоставимо с праслав. *zrьno ‘зерно’.

Пашто wreža (< *bruša) ‘блоха’ сопоставимо с лит. blusà ‘блоха’.

Ваханск. naγd ‘ночь’ сопоставимо с готск. nachts ‘ночь’.

Часть подобных туранско-европейских изоглосс определённо датируются временем не раньше конца I тыс. до н. э.

Некоторые аланские лексические проникновения предполагаются в позднем праславянском языке.

Праславянское *bogъ выводится некоторыми лингвистами из туранских диалектов Средней Азии (ср. бактр. bogo- ‘божество, бог’, авест. baga- ‘доля, Бог’) гуннского периода (I в. до н. э. – VI в. н. э.). Мне представляется, что это заимствование намного старше.

Праслав. (антск.) *čьrtogъ при посредстве какого-то туранского диалекта *čĭrtåg восходит к перс. čārtāg ‘четрехгранный свод, купол’.

Праслав. *gatati производно от туран. *gata- ‘пение (обрядовое)’, ср. авест. gaθa- ‘пение (особенно религиозное)’, др.-инд. gā́tha- тж.

Праслав. *gъpanъ ‘господин, хозяин, владелец, пан’ выводится из туран. gupāna- ‘пастух коров’, ср. пушт. γobə, тадж. диал. gubonak ‘пастушок’, ср.-перс. gupān ‘пастух’.

Праслав. *županъ восходит к туран. *paçupana- ‘пастырь, пастух овец’, ср. ИС Čoben Gur и нарицательное čoban.

Праслав. *xata восходит к поздн. алан. *khata-, ср. авест. kata- ‘комната, кладовая, погреб’ (ЭССЯ 8, 21–22).

Праслав. *xvālā родственно туран. *xval-, ср. др.-инд. svarati ‘звучит’ (ср. ЭССЯ 8, 118–119).

Праслав. *xula родственно тому же туран. *xval-: *xul-, ср. др.-инд. svarati (ср. ЭССЯ 8, 114–115).

Праслав. *xъmelь (сред.-греч. χούμελι) выводится с некоторыми нерешёнными проблемами огласовки из алан. *humala-, ср. ос. humæl-læg и авест. haoma-.

Праслав. этноним *xъrvatъ ‘хорват’ восходит будто бы к алан., туран. *xårvath- (< *har-vat-) ‘женский’, но скорее к зороастрийскому язату *ha^{u}rvatat ‘целостность, невредимость’.

Праслав. (зап. и юж.-слав.) *korgujь является суф. производным от алан. корня *karg- (ср. перс. kargas ‘черный гриф’, авест. karkāsa- ‘куроед’, которые ещё к тому же являются первоисточником сев.-кавк. этнонима черкесы).

Праслав. *soxa, вероятнее всего, восходит к поздн. алан. *saxa в связи с ос. sag (ИЭСОЯ III, 13);

Праслав. *toporъ восходит при арм. посредстве (tapar) к перс. диал. *tapar- (ср. белудж. tapar), метатезы др.-перс. *paraθu-, ср. ос. færæt. Впрочем, это слово может оказаться намного старше в самом праславянском ввиду существования эгейск. форм. da-pu-ro-, λάβρυς, λαβύρινθος.

Наконец, во многих трудах Василия Абаева высказывается мнение об особых межъязыковых отношениях праосетинского и

праславянского языков. Сходный репертуар фонетических, морфологических и лексико-семантических явлений отмечают авторы-составители ЭССЯ. Наши наблюдения за фонологическими процессами (и.-е. *sw- > праос., праслав. *x; туран. *au, раннепраслав. *au > ос., праслав. *û; туран. *ai, раннепраслав. *'ai > ос., праслав. *î, и.-е. *ū > праос., праслав. *y и мн. др.) в данных праязыках приводят нас к умозаключению, что праславянский и праосетинский некогда составляли единый языковой ареал, если не сказать, «языковой союз» типа балканского.

Замечены некоторые лексические проникновения из сармато-аланских диалектов в западнославянские языки.

Польск. глаг. baczyć 'видеть, смотреть, замечать' из приставочного глаг. *ob-ačiti, восходящего к туран. *abi-axšaya- (*axši- из и.-е. *ōkᵘ- 'глаз'), ср. авест. aiwy-āxšayeinti 'они наблюдают, стерегут', aiwyāxšaya- (през.) и aiwyāxštrāi- (инф.) 'наблюдать, блюсти, оберегать', хорезм. (')βyxy- 'учиться, хранить в сердце', ягноб. yaxš.

Польск. mylić и чеш. mýliti 'обманывать, дурачить, морочить' толкуется из основы глагола molun 'обыгрывать, выигрывать'.

Зап.-слав. rarogъ 'демонический сокол, карлик-оборотень, злой дух, демон' лучше выводить из алан. *[f]rarog- 'сокол', ср. ос. rog, ræwæg 'лёгкий, ловкий, быстрый, проворный'.

Несколько примеров лексических заимствований туранского облика в др.-рус. и ст.-рус. язык отражают контакты Руси с аланами и ясами Северного Причерноморья на протяжении веков:

Ст.-рус. (с XV в.) **аршинъ** при посредстве алан. диалектов восходит к др.-перс. araθni- 'локоть (мера длины)'.

Рус. диал. баз 'скотный двор, стойло, загон' – из ясск. *ᵇaz- (из туран. *upa-aza, ср. авест. предлог-приставка upa- и корень глагола az- 'гнать'). Ос. соответствие отсутствует.

Др.-рус. **бахтерецъ, бехтерецъ** сопоставимо с ос. бахтар (ИЭСОЯ I, 241).

Рус. ворсъ относительно позднее заимствование из ясск. *varsa- 'волос'.

Др.-рус. **Гамаюнъ** 'вещая птица в Раю' – из млад.-авест. Humāiyā- 'listige, zauberkräftige'.

Рус. диал. (новг.) да́вись 'одногодок' при посредстве коми (сев.-перм.) *davis восходит к осет. dalis 'годовалый барашек' и туран. *dāriša-.

Рус. простореч. дрын 'дубина, палка' (из праслав. *drynъ?) – восходит к *drūno-, туран. *drūna- 'деревянный' (ср. ос. ᵆrdyn, ærdunæ 'лук', пехл. dron, перс. durūna 'дуга; лук; радуга', др.-инд. druṇa- 'лук').

Др.-рус. **достоканъ**, ст.-рус. **достоканецъ**, рус. стакан восходит через вост.-слав. *дъстоканъ к алан. *dustəkan- ‘кубок’ (ср. чагат. tostakan из перс. dūstkāni, dūstgānī ‘кубок’).

Рус. диал. едукарь ‘дока, смышлёный человек, знаток, мудрец, ведун’ восходит при посредстве ясск. композита *jadukar к авест. yādu-, yātu- ‘колдун’ и -kara ‘деятель’.

Др.-рус. **мезгитъ**, **мизгитъ** сопоставимо со старым произношением осет. mæzġyt (ИЭСОЯ II, 111).

Рус. морда происходит из ясск. *mårda- (ср. иран. *mrda-, авест. mərəδa ‘голова’, др.-инд. mūrdhā́ ‘острие, верхушка, голова, лоб’).

Рус. мурá ‘крошево, крошёный хлеб в квасу’ – из ос. mūr, moræ ‘кроха, крошка, крупица’.

Рус. мылить ‘обманывать, дурачить, морочить’ толкуется из основы глагола molun ‘обыгрывать, выигрывать’.

Рус. радуга выводят из позднего алан. *ardonga- (из туран. *drunaka- ‘относящийся к деревянному луку’).

Др.-рус. **сагадакъ** могло быть заимствованно при ясском посредстве (ср. ос. сагъæдахъ ‘колчан, самострел, старинный лук с прикладом’ ИЭСОЯ III, 18).

Др.-рус. **томара** сопоставляют с ос. томар (ИЭСОЯ III, 299).

Др.-рус. **торонъ** сопоставляют с ос. тæрæн ‘случка мелкого скота’ (ИЭСОЯ III, 266).

Др.-рус. **тоутоурганъ** сопоставляют с ос. туттургъан (ИЭСОЯ III, 322).

Др.-рус. топоним **Тьмоуторокань** толкуется в связи с осет. t’ymy-t’ma и tærxon (ИЭСОЯ III, 276, 357).

Др.-рус. теоним **Хорсъ** сопоставляют с ос. хорз (ИЭСОЯ IV, 219).

Рус. чабан повторно заимствованно при татарском посредстве (чобан) из туран čoben (см. праслав. *gъpanъ).

В русском языке XI–XVII вв. известно слово **шелкъ**, **шьлкъ** ‘вышивка шёлком, шёлковая нить, шелковица’, оно попало в русский язык из германских диалектов Северного Причерноморья в форме *silk-, восходящей при посредстве аланск. *silkă (в связи с ос. zældag ИЭСОЯ IV, 294) к ср.-греч. σηρικά [sirikà] ‘шёлковые ткани’ (производному с суф. –ικ- от основы σήρ ‘шёлковичный червь’, первоисточником которой полагают кит. se, sî (др.-кит. *ser, *sîr) ‘шёлк’. В истории этого русского слова отражены языковые особенности основных торговых посредников на Великом Шелковом пути III–VII вв. н. э.: китайцев, алан, готов, греков.

Русское существительное штаны возводится ко второй части авест. paiti-štāna- ‘нога’. Посредником могли выступать поздние сарм.-алан. диалекты.

Как видно из этих нескольких примеров, активное языковое взаимодействие Руси и ясов приходится на промежуток между 800 и 1200 гг. Однако помимо относительно простых и очевидных случаев лексических заимствований (Александр Зализняк 1962, 33–41, 41–44; Олег Трубачев 1967, 44–47; Хайнц-Дитер Поль 1975; Джой Эдельман 2002), существует и другой примечательный след древнего схождения др.-русск. и др.-ясск. языков.

Речь идёт о семантическом схождении языков, некогда составлявших один ареал. См. раздел «Параллели» в кн. «Эволюции смыслов» (Анатолий Журавлев 2016, 321 и след.). Основной интерес для нас в данном случае представляет глава «Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (slavo-osetica)» (А. Журавлев 2016, 345–411) – замечательная по широте охвата работа Анатолия Журавлева. Отобранные им в 2000-х гг. осетино-русские семантические параллели позволяют поставить вопрос о неслучайном характере этого явления. В некоторых случаях мы имеем дело с явлениями типологической природы, в других – с ареальными совместными лексико-семантическими инновациями, а иногда угадываются параллельные аналогии в результате развития ещё и.-е. тенденций. В целом, перед нами редкое объёмное лексико-семантическое сближение (сотни ос.-рус. «параллелей»), показывающее подобие смысловых мотивировок и сходство (тождественно-лексемных и разнолексемных) семантических эволюций в дальнородственных языках.

Примечательна параллель в образовании названий месяцев (к этимологии ос. særd, særdæ остаётся один нерешённый вопрос (А. Журавлев 2016, 382). Из прочих сопоставлений сомнительными представляются только те, где недостоверна осетинская этимология, например, есть вопросы к этимологии ос. дигор. Руймон (ИЭСОЯ II, 430–431); к этимологии сущ. æлдар (ИЭСОЯ I, 126–128) (А. Журавлев 2016, 352); к этимологии æfsurg / æfsorg ‘чудесная порода коней’ (ИЭСОЯ I, 112–113) – скорее, в последнем случае, как и во многих других, название породы отвлечено от наименования местности её происхождения, Vasparukan, например.

В результате мы приближаемся к установлению ономасиологических посылок, господствующих в лексической подсистеме языка (ос. и рус.), и преобладающих путей семасиологического развития лексики.

Таким образом, на основе ономастических и лингвистических свидетельств мы обнаруживаем вполне отчётливый и даже яркий след туранской языковой группы в Восточной Европе.

3 свидетельства археологии

Античный и позднеантичный период археологических культур, предположительно туранского наследия обозрим в книгах «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время» (М., 1989); «Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной в пределах Российской империи» (СПб., 1909). Раннесредневековые памятники ясской атрибуции на Дону, Донце, в Тавриде и на Северном Кавказе обозримы в книгах «Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР / Отв. ред. С. А. Плетнева» (М.: Наука, 1981) и «Маяцкое городище» (М.: Наука, 1984).

4 свидетельства ДНК-генеалогии

Бурное развитие ДНК-генеалогии позволяет окончательно прояснить осетинский этногенез. Ареальный состав населения оказался таков (Nasidze et al. 2004, 208):

Дигора (дыгур), Северная Осетия

Гаплогруппа F индостанского происхождения составляет 2% мужской популяции, это глоттофорная группа северокавказских и картвельских языков.

Гаплогруппа G памиро-гиндукушского происхождения составляет от 67 до 75% мужской популяции, это глоттофорная группа осетинского, аланского, ясского языка.

Гаплогруппа I далматинского и северо-германского происхождения составляет до 10% мужской популяции, потомки мосюнойков и готов.

Гаплогруппа J2 северо-сирийского происхождения составляет около 1–2% населения, некогда была глоттофорной группой хуррито-урартских языков.

Гаплогруппа P центральноазиатского происхождения составляет 2% населения, потомки жуань-жуаней.

Ардон, Северная Осетия

Гаплогруппа F индостанского происхождения составляет 2%, глоттофорная северокавказских языков.

Гаплогруппа G памиро-гиндукушского происхождения составляет только 23–25% населения, глоттофорная аланского, ясского, осетинского языка.

Гаплогруппа I далматинского и североевропейского происхождения составляет до 33% населения, потомки мосюнойков и готов.

Гаплогруппа J2 северо-сирийского происхождения составляет 25% населения, потомки хуррито-урартской глоттофорной группы.

Гаплогруппа K средне-восточного происхождения составляет 3–5% мужского населения, глоттофорная группа для ближе неизвестного языка.

Гаплогруппа P центральноазиатского происхождения составляет 2% населения, потомки жуань-жуаней.

Гаплогруппа R1a1 центрально-европейского происхождения составляет около 2–5% мужского населения, это потомки готской общности, а возможно, и «настоящих» туранцев, саков.

Цхинвал, Южная Осетия

Гаплогруппа E североафриканского и ориентального происхождения составляет до 12% мужского населения, потомки древних египтян.

Гаплогруппа F индостанского или гиндукушского происхождения составляет ныне до 47% мужского населения, северокавказская и картвельская глоттофорная группа.

Гаплогруппа G2a3c памиро-кашмирского происхождения составляет ныне всего 1.5% мужского населения.

Гаплогруппа J2 северо-сирийского происхождения составляет 25% мужского населения, потомки хуррито-урартов.

Гаплогруппа R1a1 среднеевропейского происхождения составляет около 6% мужского населения, потомки истинных туранцев.

Гаплогруппа R1b среднеевропейского происхождения составляет около 6–7% мужского населения, потомки спутников индоевропейцев.

Кабарда

Гаплогруппа C дальневосточного происхождения составляет 1–2%, потомки тюрков и монголов, балкарцы.

Гаплогруппа E1b1b1a1 североафриканского происхождения составляет 2.6% населения, потомки древних египтян.

Гаплогруппа F индостанского происхождения составляет 25% населения, глоттофорная для северокавказских и картвельских языков.

Гаплогруппа G2a* памиро-гиндукушского происхождения составляет 26.3–27% мужского населения, глоттофорная для осетинского, ясского, аланского языка.

Гаплогруппа G2a3c составляет 2.6%, родственна предыдущей.

Гаплогруппа H1a11.8 индостанского происхождения составляет 2.6% населения, одна из цыганских глоттофорных групп.

Гаплогруппа I2* далматинского (колхидского?) происхождения составляет 2.6-14% населения, потомки мосюнойков.

Гаплогруппа J2a* северо-сирийского происхождения составляет 15.8% мужского населения, хуррито-урартская глоттофорная группа.

Гаплогруппа J2a1b* северо-сирийского происхождения составляет 5.3% мужского населения, хуррито-урартская глоттофорная группа.

Гаплогруппа J2b* северо-сирийского происхождения составляет 2.6% населения, потомки хуррито-урартов.

Гаплогруппа K средне-восточного происхождения составляет 5% населения, неизвестного языка.

Гаплогруппа L2 индостанского происхождения составляет 5.3% мужского населения, глоттофорная для индоарийских языков, потомки дравидских племён.

Гаплогруппа P дальневосточного происхождения составляет 3% населения, потомки жуань-жуаней.

Гаплогруппа P1 дальневосточного происхождения составляет 1% населения, потомки жуань-жуаней.

Гаплогруппа R1a1* среднеевропейского происхождения составляет около 13.2%, и.-е. глоттофорная группа, потомки истинных туранцев.

Гаплогруппа R1b1* среднеевропейского происхождения составляет 5.3% населения, близкородственная армянским и анатолийским субкладам.

Гаплогруппа R1b1b2 среднеевропейского происхождения составляет 7.9% населения, близкородственная армянским и анатолийским субкладам.

Гаплогруппа R2 индостанского происхождения составляет 7.9% мужского населения, цыганская глоттофорная группа.

Гаплогруппа T восточноафриканского происхождения составляет около 8% мужского населения, потомки «эфиопов», рабов или солдат халифата.

Балкария (Federova et al. 2003; V. Battaglia et al. 2005, 4)

Гаплогруппа E североафриканского происхождения составляет 2% населения, потомки древних египтян.

Гаплогруппа G (G2a*, G2a3c) памиро-гиндукушского происхождения составляет от 28,9% до 40% населения, глоттофорная группа осетинского, аланского языка.

Гаплогруппа I2 колхидского происхождения составляет 2% населения, потомки мосюнойков.

Гаплогруппа J2 северо-сирийского происхождения составляет 30% населения, потомки хуррито-урартской глоттофорной группы («люди из Ррана» = Харрана).

Гаплогруппа R1a1 среднеевропейского происхождения составляет 12% населения, потомки готов, «настоящих» туранцев, саков.

Гаплогруппа R1b среднеевропейского происхождения составляет 6% населения, потомки «киклопов», родственная армянским и анатолийским субкладам.

Гаплогруппа T восточноафриканского происхождения составляет 8% населения, скорее всего, потомки эфиопских рабов и солдат халифата.

Абазинская этническая общность

Гаплогруппа C дальневосточного происхождения составляет 5% населения, потомки тюрков и монголов.

Гаплогруппа F индостанского происхождения составляет 25% населения, северокавказская глоттофорная группа.

Гаплогруппа G2a* памиро-гиндукушского происхождения составляет 26.3% населения, осетинская, аланская глоттофорная группа.

Гаплогруппа G2a3c памиро-гиндукушского происхождения составляет около 2.6% мужского населения, аланская глоттофорная группа.

Гаплогруппа J2a* северо-сирийского происхождения составляет 5.8% населения, некогда хуррито-урартская глоттофорная группа.

Гаплогруппа J2a1b* северо-сирийского происхождения составляет 1.3% мужского населения.

Гаплогруппа J2b* северо-сирийского происхождения составляет 1.6% мужского населения, потомки хуррито-урартов.

Гаплогруппа K средне-восточного или среднеазиатского происхождения составляет 5% населения, с невыясненной языковой природой.

Гаплогруппа R1a1 среднеевропейского происхождения составляет 13.2% населения, и.-е. глоттофорная, потомки «настоящих» туранцев.

Кроме того, в составе современного грузинского населения аланская гаплогруппа G2a* составляет 30.3%, а гаплогруппа G2a3c еще 1.5% мужского населения, то есть около трети грузин являются ассимилированными в языковом и культурном отношении аланами, асами.

Глоттофорная ясская (осетинская) этническая группа, кровнородственная фратрия, гаплогруппа G, неиндоевропейского происхождения, перешла на туранские диалекты ещё на своей Памирской прародине. До наших дней уцелели только осетинские диалекты, в составе сопредельных кавказских общностей, как правило, представители этой группы были ассимилированы в языковом и культурном отношении. Современная наибольшая концентрация группы – центральный Кавказ, Закавказье, Средняя Азия; прародина группы – Ваханская долина, Памир и Гиндукуш.

Характерные базовые знаковые системы этой глоттофорной гаплогруппы. Изначально неиндоевропейский праязык давно утрачен, относительно давний переход на диалекты туранской языковой общности привёл к смене базовых семиотических систем этноса.

Самоназвания, оригинальные этнонимы, вероятно, ас, алан, раухшалан. Характерной чертой средневековой культурной общности асов являются подбойные ямные могилы.

Миграция в Закавказье, Северный Кавказ и Северное Причерноморье аланской глоттофорной группы случилась около 128–124 гг. до н. э. Эта миграция произошла в составе гетерогенного союза племён, в частности, вместе с «кавказской» глоттофорной группой (гаплогруппа F), распространителем картвельских и сев.-кавказских языков. С тех времён этнические группы, развившиеся на базе кровнородственных гаплогрупп Среднего Востока (Большого Индостана), а именно G, F, H, K, L и P населяют Закавказье, Северный Кавказ, а также в ассимилированном виде отмечаются почти повсеместно в Восточной, Средней и Западной Европе.

Аланские гаплогруппы G2a*, G2a3c (M406; P15; M201) составляют значительную часть мужского населения венгерской (от 1.9 до 8%), болгарской (ок. 9%), гагаузской (ок. 10%), сев.-вост. итальянской (11.9%), осиек-хорватской (13.8%) общностей (V. Battaglia et al. 2005, 4).

Опыт согласования свидетельств гуманитарных и естественнонаучных дисциплин

Сопоставление мифолого-исторических, ономастических и этимологических данных с данными ДНК-генеалогии (С. Барр-Кумаракуласингха, 2010) выявляют замечательную картину глоттогенеза и этногенеза великих индоиранских общностей, которая не соответствует расхожим гипотезам археологов и историков (Maria Gimbutas, 1971; Colin Renfrew, 1988; Idem, 1989, 82–88; В. Сафронов, 1989; J. P. Malory, 1991/1992).

Уже в середине I тыс. до н. э. существовали следующие этнические, историко-культурные и языковые общности:

Кашмирская общность потомков фратрии Солнечной династии Рамы (ареал дардо-кафирских и нуристанских языков) (Языки Азии и Африки. Т. 1 кн. 2, Дардские языки, М. 1978; Георгий Климов, 1994), из которой, весьма вероятно, происходила общность Кророайны (Лоулянь) и ареал особого индоарийского языка Кроройны (Воробьева-Десятовская 1992, 77–115).

Арийская общность с центром Варну (ныне Банну), расколотая на две периферии (Афганистан и Пакистан), на две религиозные общности (зороастрийско-авестийскую и брахманистско-ведическую), на ареалы авестийского и ведического языков (Michael Witzel, 1980, 86–128; Asko Parpola, 1988; А. Шапошников, 2013). Первый ареал занят и ассимилирован ныне арийской мидийско-персидской «западно-

иранской» общностью (дари, фарси-кабули, таджики) и туранской «восточно-иранской» общностью (пашто) (P. Kretschmer, 1928; R. Girschman, 1977; A. Hintze, 1997).

Арийская хшатрийская общность в Парсе (Ахемениды и 3 арийских племени) с центром в Пасаргадах близ эламского г. Аншана (В. Бартольд, 2003; M. Regueiro et al., 2006, 132–143) – ареал древнеперсидского языка и культуры (Ch. Bartholomae, 1961; M. Mayrhofer, 1979; В. Расторгуева, 1990). Ныне насчитывается около 70 млн. носителей западно-иранских языков (фарси, фарси-кабули, дари, таджики) (K. Jettmar, 1956; Karl Hoffmann, 1975–1976, 1992; И. Оранский, 1988).

В результате многовекового освоения Индостана ведическая (индоарийская) общность ныне превышает 1 млрд. говорящих на ново-индоарийских языках (хинди, урду, панджаби и др.) (Языки Азии и Африки. Т. 1, Индоарийские языки, М. 1976).

Туранская общность обособилась в водосборных бассейнах Вахша (Амударьи), Дану-Яхшарта (Сырдарьи), Ворукаши и Хафтала (Семиречья), Тарима (Яркенд, Хотан) (М. Воробьёва-Десятовская, Л. Герценберг, 1992, 32–76; Р. Шмидт, 1994). В результате симбиоза, синойкизма и двуязычия (диглоссии?) туранской фратрии (гаплогруппа R1a1) с инородной иноязычной фратрией (гаплогруппа G) образовалась гетерогенная общность асов-аланов, в которой численно преобладали туземцы, а языком-победителем вышел туранский диалект, предковый вид осетинского языка. Между 133 и 125 гг. до н. э. аланы и асы в составе многоплеменной разноязычной общности захватили эллинистическое государство Бактрия, нанесли поражение парфянским Аршакидам и мигрировали в Месопотамию и Армению, оттуда часть их выселилась на Северный Кавказ и освоила Северное Причерноморье. В 114 г. до н. э. раухшиналы упоминаются в эллинистических надписях, а в 90-е гг. до н. э. повсюду распространяются аланские могильники. Ареалы сакского, согдийско-ягнобского, памирских и пуштунского языков достаточно изучены. В современном мире потомки туранцев занимают весьма скромное место реликтовых, вымирающих языковых ареалов (Пуштунский Афганистан, Горно-Бадахшанская область) (Жаксылык Сабитов, 2010). Всего около 12 млн. человек. Ясы, компактно проживавшие в 750–1250 гг. на Верхнем Дону и Верхнем Донце, оказали заметное культурное влияние на становление восточнославянской языковой и культурной общности 700–988 гг., и вошли в состав донского и слободского казачества позднейших времён. А в древнеболгарской общности 153–668–867 гг. аланы и ясы явно были не только государствообразующим этносом, но и её культурным ядром (А. Шапошников, 2014, 9–44).

Сарматская общность (на основе гаплогруппы R1a1) обособилась в бассейне Тигрета (куртии-курды?) и в Лурестане, выходцы из неё (сигюнны?) проникали на Северный Кавказ, в Северное Причерноморье и Подунавье между 1200 и 100 гг. до н. э. (М. Погребова, Д. Раевский 1992; А. Шапошников 2007). Ареал «западно-иранского» курдского языка или лурестанских диалектов (?). В Северном Причерноморье сарматский ареал был перекрыт аланским языковым ареалом в последней четверти II в. до н. э. и был практически стёрт.

Синдо-меотская общность в бассейне Кубани и Восточном Приазовье, ареал языковых реликтов обще-индоиранского вида – язык пандавов (Paul Kretschmer 1944; О. Трубачев, 1975, 38–47; 1976, 39–63; 1977, 13–29; 1978, 386–405; 1979, 127–144; 1999; А. Шагиров, О. Дзидзария, 1985; И. Каменецкий 1989; А. Шапошников 1996, 1999, 2003, 2005). Данная этноязыковая и культурная общность обособилась в Колхиде в нач. XIII в. до н. э. и просуществовала более тысячи лет почти в чистом виде. Начиная с последней четверти II в. до н. э., эта общность была включена в аланский языковой союз и в результате многовекового двуязычия была ассимилирована аланами к середине I тыс. н. э.

Библиография

BATTAGLIA, V. et. al. (2005), Transition to farming in the Balkans // European Journal of Human Genetics (NPG), 4.

BARTHOLOMAE, Ch. (1961), Altiranisches Wörterbuch. Berlin: de Gruyter.

FNESz I–II – Kiss, L. Földrajzi nevek etimológiai szótára. I–II. Budapest, 1988.

GIMBUTAS, M. (1971), The Slavs. New York – Washington.

GIRSCHMAN, R. (1977), L'Iran et la migration des indo-aryens et des iraniens. Leiden.

HINTZE, A. (1997), The Migrations of the Indo-Aryans and the Iranian Sound-Change s > h. W. Meid (ed.) Akten der Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft in Innsbruck 1996. Insbruck.

HOFFMANN, K. u. J. (1989), Narten. Der Sasanidische Archetypus. Untersuchungen zu Schreibung und Lautgestalt des Avestischen. Wiesbaden : L. Reichert 1989.

HOFFMANN, Karl. (1975–1976), Aufsatze zur Indoiranistik. (ed. J. Narten, vols. 1–2) Wiesbaden.

HOFFMANN, Karl. (1992), Aufsatze zur Indoiranistik. (ed. S. Glauch, R. Plath, S. Ziegler, vol. 3). Wiesbaden.

JETTMAR, K. (1956), Zur Wanderungsgeschichte der Iranier // Die Wiener Schule der Völkerkunde 25-Jährigen Bestand. Wien.

KNOBLOCH, J. (1991), Homerische Helden und christliche Heilige in der kaukasischen Nartenepik. 1. Der Sonnenheld; 2. Religiose Volkskunde der Osseten (Stichwörter zur Volkskunde und Religiosgeschichte aus V. I. Abaevs Historisch-etymologischem Wörterbuch der ossetischen Sprache). Heidelberg.

KRETSCHMER, P. (1928), Weiteres zur Urgeschichte der Inder // KZ, 1928.

KRETSCHMER, P. (1944), Inder am Kuban. – Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Klasse. 80. Jahrgang, 1943, n. I-XV, Wien.

Malory, J. P. (1991/1992), In Search of the Indo-Europeans. Language, Archeology and Myth. London: Thames and Hudson Ltd.
Mayrhofer, M. (1979) Iranisches Personennamenbuch herausgegeben von Manfred Mayrhofer. Bd I Die altiranischen Namen. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
Nasidze et al. (2004), Map of the Caucasus showing the Y-SNP haplogroop frequencies // Annals of Human Genetics 68, 205–221.
Parpola, Asko. (1988), The coming of the Aryans to Iran and India and the cultural and ethnic identity of the Dasas, Studia Orientalia (Helsinki) 64, 1988, 195–302.
Regueiro et al. (2006): M. Regueiro, A. M. Cadenas, T. Gayden, P. A. Underhill, R. J. Herrera. Iran: Tricontinental Nexus for Y-Chromosome Driven Migration // Human Heredity 2006; 61:132–143.
Renfrew, Colin. (1988), Archaeology and language: the puzzle of Indo-European origins. New York: Cambridge University Press.
Renfrew, C. (1989), The Origins of Indo-European Languages //Scientific American, October – 1989, pp. 82–88.
Troubetskoy, N. (1921), Remarqes sur quelques mots iraniens empruntés par les langues du Caucase septentrional // BSLP. T. 22, f. 5. Paris, 1921.
Witzel, Michael. (1980), Early Eastern Iran and the Atharvaveda // Persica 9, 86–128.
Абаев, В. И. (1981), Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). Москва.
Абаев, В. И. (1958–1989), Историко-этимологический словарь осетинского языка (ИЭСОЯ). Тт. I, II, III, IV. М., 1958, 1973, 1979, 1989.
Абаев, В. И. (1990) Культ «семи богов» у скифов // Избранные труды. Владикавказ, 89–90.
Абаев, В. И. (1965), Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. Москва.
Абаев, В. И. (1995), Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. // Абаев В. И. Избранные труды Т.2. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ.
Абаев, В. И. (1979), Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания (ОИЯ). Древнеиранские языки. Москва.
Авеста в русских переводах (1861–1996). Санкт-Петербург.1998.
Барр-Кумаракуласингха, С. А. (2010), «Откуда в Индии арии? Три ответа на один вопрос» // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия): Том №2, №3, ISSN: 1920–2997 http://ru.rjgg.org
Бартольд, В. В. (2003), Работы по исторической географии и истории Ирана. Москва. «Восточная литература». РАН.
Вайнберг, Б. И. (1977), Монеты древнего Хорезма. Москва.
Вопросы иранистики и алановедения (научная конференция, посвященная 90-летию В. А. Абаева). Тезисы докладов. Владикавказ, 1990.
Воробьева-Десятовская, М. И. (1992), Индийцы // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. Москва. 77–115.
Воробьёва-Десятовская, М. И., Герценберг, Л. Г. (1992), Хотано-Саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. Москва. 32–76.
Восточное серебро. Атлас древней серебряной золотой посуды восточного происхождения, найденной в пределах Российской империи. Санкт-Петербург. 1909.

Грантовский, Э. А. (1998), Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. Москва.
Джонуа, Б. Г., Климов, Г. А. К индоиранизмам в абхазском языке. Рукопись статьи для журнала // Известия АН СССР Серия Литературы и Языка. С. 1–11.
Журавлев, А. Ф. (2016), Эволюции смыслов. Москва.
Зализняк, А. А. (1962), Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. Выпуск 6. Москва. 33–41, 41–44.
Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Москва. 1997.
Ирано-афразийские языковые контакты. Москва. 1991.
Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель // сост. Е.Н. Счenснович, А. В. Лушникова, Л. Р. Додыхудоева. Москва. 1995.
ИЭСОЯ – историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1 –1958, Т. 2 – 1973, Т. 3 – 1979, Т. 4 – 1989, Указатель – 1995.
Каменецкий, И. С. (1989), Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Москва.
Климов, Г. А. (1994), Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. Москва.
Оранский, И. М. (1988), Введение в иранскую филологию. Изд. 2-е, дополн. Москва.
Погребова, М. Н., Раевский, Д. С. (1992), Ранние скифы и Древний Восток: К истории становления скифской культуры. Москва.
Поль, Х.-Д. (1975), Слова иранского происхождения в русском языке // Russian linguistics 2, 1975.
Пьянков, И. В. (1982), Бактрия в античной традиции (Общие данные о стране: название и территория). Душанбе.
Рак, И. В. (1998), Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). Санкт-Петербург. – Москва.
Расторгуева, В. С. (1990), Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология. Москва.
Сабитов, Жаксылык (2010), Этногенез пуштунов (афганцев) с точки зрения популяционной генетики // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия): Том 2, № 3, 2010 год ISSN: 1920–2997 http: // ru.rjgg.org
Сафронов, В. А. (1989), Индоевропейские прародины. Горький.
Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Москва 1989.
Трубачев, О. Н. (1975), К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья // Античная балканистика, 2: Предварительные материалы. Москва. 38–47.
Трубачев, О. Н. (1976), О синдах и их языке // Вопросы языкознания. № 4. 39–63.
Трубачев, О. Н. (1977), Temarundam ‘Matrem maris’: К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья» // Славянское и балканское языкознание. Вып. 3: Античная балканистика и сравнительная грамматика. Москва. 87–95.
Трубачев, О. Н. (1977), Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. № 6. 13–29.
Trubatschew, O. N. (1977), Nichtskythisches im Skythien Herodots // Indogerm. Forsch. Bd. 82, 130–135.
Трубачев, О. Н. (1978), Лингвистическая периферия древнейшего славянства: Индоарийцы в Северном Причерноморье // Славянское языкознание: 8-й Международный съезд славистов, Загреб – Любляна, сент. 1978 г. Москва. 386–405.
Трубачев, О. Н. (1978), Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в Античное время // ВДИ № 4. 34–42.

ТРУБАЧЕВ, О. Н. (1979), Таврские и синдомеотские этимологии // Этимология 1977. Москва, 127–144.
ТРУБАЧЕВ, О. Н. (1999), Indoarica в Северном Причерноморье. Москва.
ТРУБАЧЕВ, О. Н. (1967), Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. Москва. 44–47.
ТРУБАЧЕВ, О. Н. (1973), Рец.: Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград. 1973. Т. 2. // Вопросы языкознания. 1975. № 1. 135.
Фирдоуси. (1991), Шах-наме. Т. 1. Москва.
Черняховская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. Москва: Наука, 1993. с. 123–170.
ШАГИРОВ, А. К., Дзидзария, О. П. (1985), К проблеме индоарийских, праиндийских лексических заимствований в северо-кавказских языках // Вопросы языкознания. № 5.
ШАПОШНИКОВ, А. К. (1996), Синдо-меотские языки // Книга памяти: исчезнувшие языки России и сопредельных стран. Энциклопедический словарь-справочник / Главный редактор В. П. Нерознак. Москва: Academia (Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике. Институт языков народов России РАЕН РФ).
ШАПОШНИКОВ, А. К. (1999), Этимологический словарь языковых реликтов Indoarica (в соавторстве с О. Н. Трубачевым) // Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Москва.
ШАПОШНИКОВ, А. К. (2003), Три ареала арийских языковых реликтов в Восточной Европе // Этимология 2000–2002. – Москва. 199–221.
ШАПОШНИКОВ, А. К. (2005), Indoarica в Северном Причерноморье. Памяти академика О. Н. Трубачева // Вопросы языкознания. № 5. Москва. 30–67.
ШАПОШНИКОВ, А. К. (2007), Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья // Этимология 2003–2005 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Москва. 255–322.
ШАПОШНИКОВ, А. К. (2010), Индоевропейский этногенез – свидетельствует мифология, лингвистика, ономастика и ДНК-генеалогия // Индоевропейская история в свете новых исследований: сборник научных статей. Москва. 251–262.
ШАПОШНИКОВ, А. К. (2013), Первый фрагард Видевдата и санскритская словесность о прародине арийцев в контексте мифической генеалогии // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. 2013. Випуск 59. С. 51–57.
ШАПОШНИКОВ, А. К. (2014), Болгарский этногенез в свете новых данных гуманитарных и естественных наук // Трети международен конгрес по българистика, 23 – 26 май 2013 г. Секция «Общество и култура». Подсекция «Българска етнология». София: Ун. изд. «Св. Климент Охридски» и др.
ШМИДТ, Р. (1994), Свидетельства о древне- и среднеиранских языках из Афганистана // Indogermanica et caucasica. Festschrift für Karl Horst Schmidt zum 65. Geburtstag. Hgg. von R. Bielmeier und R. Stempel unter Mitarbeit von R. Lanzweert. Walter de Gruyter. Berlin – New York.
ЭДЕЛЬМАН, Д. И. (1986), Сравнительная грамматика восточно-иранских языков. Фонология. Москва.
ЭДЕЛЬМАН, Д. И. (2002), Иранские и славянские языки: исторические отношения. Москва.
ЭСИЯ – Расторгуева, Б. С., Эдельман, Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. I–IV.– Москва. 2000, 2003, 2007, 2011 – продолж.
Языки Азии и Африки. Т. 1, Индоарийские языки, Москва 1976.; Т. 1. Кн. 2, Дардские языки. Москва. 1978.

Alans and As. Origin of Turan languages in the light of new data of humanities and natural sciences

The article consistently presents the ethnogenic evidence of the Georgian legend and Turkic epigraphy, Onomastique testimonies of all kinds, linguistic relics of epigraphical and book origin, which clearly demonstrate the basic language and cultural features of the Turan Alan community, linguistic evidence obtained by comparative, areal and typological methodology, evidence of the history of material culture of the Alans and As of the Caucasus and Northern Black Sea region, evidence of DNA-genealogy and population genetics. Some generalizing inferences are made on the basis of all the stated testimonies of humanities and natural sciences, prehistoric ethnogenesis and glottogenesis of Alans (As) are reconstructed. Significant participation of As ethnic groups in ethnogenesis of several ethnic communities is noted: Georgian, Antes (Croats, Serbs, Bulgarians and Gagauz), Hungarian, Russian.

Key words: Turan languages, historical onomastics, etymology, comparative, areal and typological methods, archaeology, DNA-genealogy.

ANDREY ALEXANDROVICH ZLOBIN
Вятский государственный университет, Kirov (Russia)

Старославянский язык в индоевропейской языковой семье

Известно, что индоевропейская семья языков – самая распространённая в мире языковая семья, которая представлена на всех обитаемых континентах Земли. Число носителей индоевропейских языков превышает 2,5 миллиарда человек. На сегодняшний день, по мнению большинства исследователей, это самая изученная из языковых семей.

> *Индоевропейская языковая семья* включает в себя 12 групп: индийскую, иранскую, славянскую, балтийскую, германскую, романскую, кельтскую, греческую, албанскую, армянскую, хетто-лувийскую (анатолийскую), тохарскую (Реформатский 1996, 216–225).

На языках *славянской группы* говорит около 300 миллионов человек. Лингвисты отмечают, что славянские языки отличаются близостью структуры слова, функционированием грамматических категорий, структурой предложения, семантикой, фонетикой, морфонологическими чередованиями и др. Данная близость объясняется единством происхождения и их контактами между собой.

> По степени близости друг к другу все языки славянской группы принято подразделять на три подгруппы: *южнославянскую* (болгарский, сербский, хорватский, словенский, македонский и др.); *западнославянскую* (польский,

чешский, словацкий, полабский и др.); *восточнославянскую* (русский, украинский, белорусский) (Реформатский 1996, 218–219).

Славянские языки всех трёх подгрупп содержат довольно значительный набор тождественных и, что особенно важно, соотносительных языковых особенностей, число которых настолько велико, что близость славянских языков друг к другу обнаруживается не только лингвистами, но замечается и самими говорящими на славянских языках. Именно это имеют в виду, когда говорят об их близком родстве.

Наибольшее сходство всех славянских языков обнаруживается прежде всего в лексике.

Русский язык	**Польский язык**	**Чешский язык**	**Болгарский язык**	**Сербский язык**
брат	*brat*	*bratr*	*брат*	*брат*
сестра	*siostra*	*sestra*	*сестра*	*сестра*
сердце	*serce*	*srdce*	*сърце*	*срце*
один	*jeden*	*jeden*	*един*	*jedan*
восемь	*osiem*	*osm*	*осем*	*осам*

Родство славянских языков обусловлено прежде всего их происхождением из единого источника, который традиционно исследователи-лингвисты (А. Г. Хабургаев, К. А. Войлова, М. Л. Ремнёва и др.) называют *праславянским* или *общеславянским* языком.

Праславянский язык – это язык, восстанавливаемый сравнительно-историческим методом. Например, сравнив в разных славянских языках обозначение верхней части тела человека: русское *голова*, польское *głowa*, болгарское *глава*, – можно восстановить для них единый источник или праформу **golva.* По мнению К. А. Войловой,

> совокупность таких восстановленных праформ и будет составлять праславянский язык, который выделился из индоевропейского языка-основы (Войлова 2003, 10).

Праславянский язык, таким образом, является ответвлением более древнего языкового единства – индоевропейского. Индоевропейский праязык, существовавший от IV–III тысячелетия до н.э. и далее в глубь веков, является общим источником всех языков, именуемых европейскими. К индоевропейским языкам относится большинство исконных языков Европы и некоторые языки Азии. Позднее индоевропейские языки получили распространение и на остальных трёх материках.

Как особая этническая группа славяне выделились из индоевропейской племенной общности и первоначально занимали сравнительно небольшую территорию (между верховьем рек Висла, Припять и Днепр и верховьем Днестра). В первые века нашей эры началось широкое расселение славян на запад, северо-запад, в район Балтийского моря, затем на юг и юго-запад, на Карпаты, на Балканский полуостров, а потом и на восток. С расселением славян увеличивались и диалектные различия в языке. Единая этническая группа распалась сначала на западную и восточную подгруппы, а к V–VI вв. н. э. из западного диалекта стали формироваться западнославянские языки, а из восточного – южнославянские и восточнославянские языки.

Старославянский язык является древнейшим литературным языком славян. Это самая ранняя дошедшая до нас письменная обработка, письменное закрепление славянской речи. К. А. Войлова указывает на его специфику:

> Возникший во второй половине IX века как язык переводов греческих богослужебных текстов, старославянский язык функционировал только в письменной форме, не имея устной формы бытования, хотя в его основу легли древнеболгарские или древнемакедонские диалекты (Войлова 2003, 9).

Характерной особенностью старославянского языка является и то, что он никогда не использовался в качестве средства живого, повседневного общения и никогда не был показателем национальной принадлежности.

Старославянский язык – ныне мёртвый язык. Он относится к индоевропейской семье языков, славянской ветви, южнославянской подгруппе наряду с языками болгарским, словенским, македонским, сербским, хорватским.

Первые памятники старославянской письменности относятся ко II-ой половине IX в. (60-е годы IX века). Они представляют собой как переводы с греческого богослужебных книг, так и более поздние непереводные, оригинальные произведения. Так как старославянский язык имел близкую другим славянским языкам звуковую систему, грамматический строй и словарный состав, он очень быстро распространился в славянских странах в качестве языка церковной, научной и отчасти художественной литературы. Все другие славянские языки были закреплены письменностью значительно позже (древнейшие сохранившиеся русские памятники письменности относятся ко второй половине XI в.; древнечешские – к XIII в.; среди сохранившихся польских памятников самые древние относятся к XIV в.). Таким образом, старославянский язык в ряде случаев даёт возможность представить славянские звуки и формы на их древнейшей

ступени развития. На Русь старославянский язык пришел в конце X века (988 г.) в связи с принятием христианства как язык церковной письменности.

История возникновения письменности у славян связана с миссионерской и просветительской деятельностью братьев Кирилла (Константина) и Мефодия, родившихся в городе Солуни в IX в. Исторические условия их жизни и подвижничества на ниве просвещения славянства являются важнейшей фактологической основой теории происхождения старославянского языка.

В 863 г. братья из Константинополя прибыли в Великую Моравию, которая находилась, на территории современных Чехии, Словакии и части Венгрии вскоре после того, как великоморавский князь Ростислав направил к византийскому императору Михаилу III посольство с просьбой прислать учёных мужей для христианского просвещения его народа. Выбор пал на Константина и Мефодия потому, что они были выходцами из Салоник (Солуни), где владение славянской речью было обычным делом. В Солуни проживали рядом с греками предки болгар и македонцев. Вероятно, уже с детских лет братья могли говорить по-славянски, хотя и были выходцами из богатой греческой семьи, а их отец был военачальником. Более весомой причиной были выдающиеся способности младшего из братьев – Константина, прозванного Философом за блестящие познания в филологии и богословии, за победы в диспутах и миссионерские подвиги.

О. Ф. Жолобов, говоря о деятельности славянских просветителей, пишет:

> По-видимому, Константин и Мефодий прибыли в Великую Моравию уже с готовой азбукой и славянскими переводами отдельных богослужебных книг. Свои труды они продолжили в славянских землях, где у них вскоре появилось много учеников. Точный состав первых книг, переведённых братьями, не известен. Предполагается, что это были краткое Евангелие и Апостол. Позднее были переведены отдельные ветхозаветные книги. Благодаря этому у славян появилось христианское богослужение на родном языке, а не на латинском языке, который использовался прежде и был малопонятен. [….] Братья пробыли в Моравии 40 месяцев, а затем отправились в Рим, чтобы получить благословение на богослужение по славянским книгам и рукоположить в священники своих славянских учеников. Моравия, наряду с соседними баварскими землями, находилась в юрисдикции папы римского. По пути была сделана остановка в соседнем славянском Блатенском княжестве – Паннонии (сейчас – Венгрия). Паннонский князь Коцел встретил братьев доброжелательно, принял их славянские книги и отдал им в обучение до 50 человек. В Риме братья были встречены с большим почётом папой Адрианом II. В соборе св. Петра и других храмах прошла литургия на славянском наречии, по славянским переводам богослужебных книг. Константин передал римской церкви мощи

папы римского Климента, которые он обрёл в Херсонесе во время миссионерского похода в Хазарию. В Риме Константин заболел и в 869 г. скончался в возрасте 42 лет, исполнив главное дело своей жизни. Перед смертью он постригся в монахи с именем Кирилл (Жолобов 2013, 12−13).

Став после кончины брата епископом Моравским и Паннонским, Мефодий продолжил вместе с учениками переводы христианских книг на славянский язык.

В 885 г. Мефодий скончался. Ученики Кирилла и Мефодия вскоре после этого вынуждены были оставить Моравию и отправиться на славянский Юг. Тем не менее, кирилло-мефодиевская книжная традиция сохранялась здесь в монастырской жизни вплоть до конца XI в. Как и его младший брат, Мефодий причислен к лику святых. Память святых равноапостольных Кирилла и Мефодия празднуется 24 мая (11 мая по старому стилю). Сегодня этот праздник отмечается как день славянской письменности и культуры.

В конце IX – первой трети X вв. Первое Болгарское царство стало новым очагом развития славянской письменной традиции. Христианство здесь утвердилось после крещения в 864 г. Отсюда рукописи на старославянском языке проникали в сербские и хорватские земли, а также в Киевскую Русь.

Исследователи отмечают высокий уровень старославянских переводов, у истоков которых находятся Кирилл и Мефодий. Благодаря этим переводам славянская речь уравнялась с высочайшим проявлением человеческого духа, каким был греческий язык – язык античной цивилизации и первоязык христианства. Приспособить славянскую речь – речь вчерашних язычников – для выражения новых воззрений и сложных богословских понятий было чрезвычайно сложно.

Кирилло-мефодиевская традиция перевода опирается на четыре основных принципа: 1) точный перевод, перевод слово в слово там, где это позволяли ресурсы славянской речи; 2) заимствования; 3) калькирование; 4) транспозиция: славянская речь была достаточно развитой, чтобы целые главы из евангелий можно было изложить по-славянски, опираясь только на точные греко-славянские параллели.

В кирилло-мефодиевской традиции первенство отдавалось смысловой точности, а не буквальному прочтению. Там, где в славянской речи не было необходимых слов, они *заимствовались из греческого*. Сравни некоторые из таких заимствований: *ангелъ, апостолъ, ароматъ, вавилонъ, кедръ, китъ, легеонъ, лепта, талантъ, философъ* и др.

Хотя заимствования кажутся самым простым инструментом перевода, большое их число приводит к образованию двуязычного текста, а это препятствует пониманию. Кирилло-мефодиевская

традиция отличается выверенным, умеренным количеством заимствованных слов. Наиболее эффективным средством перевода стало *калькирование*, при помощи которого появилось множество новых слов, благодаря чему славянский словарь значительно возрос. Интересным был тот факт, что неологизмы легко усваивались. Объясняется это тем, что при *калькировании* появлялись слова, состоявшие из уже известных морфем, а потому прозрачные в смысловом отношении кальки являются поморфемными «переснимками» иноязычных слов. Таким способом славяне научились выражать сложные слова с частями *благо-* и *добро-*: *благоволити, благодарити, благодоушие, благолепьнъ, благообразьнъ, благородьнъ, благословити, добродетельнъ, доброличьнъ, добропобедьнъ, добропомощьница, доброродьство* и др. Транспозиция – это наделение слов новыми значениями, перенос значений греческих слов на славянские. Это тоже своего рода калькирование, но только собственно смысловое. Благодаря данному приёму новые значения приобрели уже существовавшие славянские слова: *ближьнии, бытие, власть, вещь, вина, вера, животъ, законъ, истина, миръ* и др.

О.Ф. Жолобов выделяет три периода в истории старославянской письменности:

> *Великоморавский* (вторая половина IX века), *болгарский* (конец IX – X вв.) и *древнерусский* (конец X – XI вв.) этапы. Особый интерес вызывает второй период, так как основные памятники, по которым изучается старославянский язык, были созданы именно в это время. После смерти Мефодия (апрель 885 г.) трагически закончился моравский период славянской письменности: учеников истязали, продавали в рабство, расхищали их имущество, жгли славянские книги. Ближайших преемников Мефодия: Горазда, Климента, Наума, Ангеллария и Лаврентия – сначала держали в темнице, а затем изгнали из страны. В 905 г. немецко-мадьярские войска завоевали Моравию. Трое из изгнанных учеников Мефодия – Климент, Наум и Ангелларий – поселились в Болгарии. Православный князь Борис-Михаил оказал им всемерную поддержку. При царе Симеоне (893–927) Болгария достигла наибольшего политического могущества и культурного расцвета. Выдающиеся деятели христианского просвещения – Иоанн екзарх Болгарский, черноризец Храбр, Климент Охридский, Наум Охридский, Константин Преславский, Григорий Мних – продолжали дело Кирилла и Мефодия: переводили, составляли сборники, писали сами, обучали. При преемнике Симеона Петре (927–969) эта деятельность затухает. С XI века центр славянской письменности и культуры перемещается в Киевскую Русь (Жолобов 2013, 11−12).

Памятники старославянской письменности зафиксировали два типа славянского письма – *кириллицу* и *глаголицу*. Они различаются

количеством букв (хотя их первоначальный состав для обеих азбук выявить очень трудно), начертанием и некоторыми значениями букв, а также происхождением и судьбой в различных славянских языках. Самые ранние записи, обнаруженные на развалинах храма царя Симеона, датируются концом IX в., причём одна из этих записей сделана кириллицей, другая – глаголицей. Ни в одном из источников не сказано, какую именно азбуку изобрел Кирилл.

Малочисленность достоверных исторических сведений порождает ряд вопросов: 1. Существует ли связь между азбуками? 2. Какую из азбук создал Кирилл? 3. Как и когда появилась вторая азбука? 4. Существовала ли письменность у славян до Кирилла?

В истории славистики сформировались четыре концепции, отвечающие на данные вопросы.

1. Докирилловским письмом была глаголица. Кириллица создана позднее и получила название по имени создателя (В. И. Григорович, П. Я. Черных).

2. До Кирилла у славян была письменность, в основу которой был положен греческий алфавит, сам же Кирилл создал глаголицу (Е. Георгиев, Е. Э. Гранстрем).

3. Кирилл создал глаголицу, а кириллицу создал кто-то из учеников Мефодия – Климент Охридский (И. В. Ягич, В. Н. Щепкин, А. М. Селищев) или Константин Болгарский (Г. А. Ильинский).

4. Кирилл создал кириллицу, а глаголицу изобрели позднее в качестве славянской тайнописи, когда славянская письменность подвергалась гонению (И. Добровский, И. И. Срезневский, А. И. Соболевский, Е. Ф. Карский).

Славянские азбуки глаголица и кириллица в старославянской и церковнославянской традиции

глаголица		кириллица		название буквы		произношение	
буква	число	буква	число	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
Ⰰ	1	а	1	азъ	аз	а	а
Ⰱ	2	б	-	боукы	бу́ки	б	б
Ⰲ	3	в	2	вѣдѣ	ве́ди	в	в
Ⰳ	4	г	3	глаголи	глаго́ль	г	г
Ⰴ	5	д	4	добро	добро́	д	д
Ⰵ	6	є , є	5	ѥстъ	есть	йэ, э	йэ, ʼэ
Ⰶ	7	ж	-	живѣте	живе́те	жʼ	ж
Ⰷ	8	ѕ, ꙅ	6	ѕѣло	зело́	дзʼ	з
Ⰸ	9	з , ꙁ	7	землꙗ	земля́	з	з
Ⰹ, Ⰺ	10	и	10	иже	и́же	и	и
Ⰻ	20	і , ї	8	ижеи, і	и	и	и
Ⰼ	30	(ꙉ) [4]	-	дервъ, ꙉервь	-	гʼ	-
Ⰽ	40	к	20	како	ка́ко	к	к
Ⰾ	50	л	30	людиѥ	лю́ди	л	л
Ⰿ	60	м	40	мыслите	мыслете	м	м
Ⱀ	70	н	50	нашь	наш	н	н
Ⱁ	80	о	70	онъ	он	о	о
Ⱂ	90	п	80	покои	поко́й	п	п
Ⱃ	100	р	100	рьци	рцы	р	р
Ⱄ	200	с	200	слово	сло́во	с	с
Ⱅ	300	т	300	тврьдо	тве́рдо	т	т
Ⱛ	400	ѵ , ү	400	ижица	и́жица	и, в	и, в
Ⱆ	400	оу, ꙋ	400	оукъ, оникъ	ук	у	у
Ⱇ,ф	500	ф	500	фрьтъ	ферт	ф	ф
Ⱈ	600	х	600	хѣръ	хер	х	х
Ⱉ	700	ѡ	800	отъ	оме́га	о	о
([illegible]) [5]	800	-	-	пѣ	-	п, ф	-
Ⱌ	900	ц	900	ци	цы	цʼ	ц
Ⱍ	1000	ч	90	чрьвь	червь	чʼ	ч
Ⱎ	-	ш	-	ша	ша	шʼ	ш
Ⱋ	800	щ	-	шта	ща	штʼ	щ
Ⱏ	-	ъ	-	ѥръ	ер	ъ	-
ⰟⰉ, ⰟⰊ, ⰟⰋ	-	ꙑ, ꙑ, ꙑ	-	ѥры	еры́	ы	ы
Ⱐ	-	ь	-	ѥрь	ерь	ь	-
Ⱑ	-	ѣ	-	ꙗть	ять	ʼа	йэ, ʼэ
Ⱒ [6]	-	-	-	(хлъмъ)	-	х	-

глаголица		кириллица		название буквы		произношение	
буква	число	буква	число	ст.-сл.	ц.-сл.	ст.-сл.	ц.-сл.
Ⱓ	-	ю	-	ю	ю	йу, ’у	йу, ’у
Ⱖ	-	ѭ	-	юс большой йотированный	-	йо^{н}, ’о^{н}	-
Ⱔ	-	ѧ, ѧ, ѧ	900	юс малый	юс малый	йэ^{н}, ’э^{н}	йа, ’а
Ⱘ	-	ѫ	-	юс большой		о^{н}	-
Ⱙ	-	ѩ	-	юс малый йотированный	-	йэ^{н}, ’э^{н}	-
-	-	ꙗ	-	а йотированное	я	йа, ’а	йа, ’а
-	-	ѥ	-	э йотированное	-		
-	-	ѯ	60	кси	кси	кс	кс
-	-	ѱ	700	пси	пси	пс	пс
Ⱚ, Ⱚ[7]	-	ѳ, ѳ	9	фита	фита	ф, т	ф
-	-	ҁ[8]	90	-	-	-	-
-	-	ѧ	900	-	-	-	-

Тысячу лет назад различия между языками, на которых говорили предки чехов, болгар и русских, были гораздо меньшими, чем сейчас, но всё же существовали. Поэтому русский или сербский книжник, переписывая болгарскую рукопись, читал её не совсем так, как когда-то читал автор (первые славянские памятники письменности написаны без интервалов между словами и знаков препинания), и при переписывании мог пропустить или добавить букву, заменить слово, кажущееся ему «непонятным» или «неправильным» и т. д. При многократных переписываниях (в то время это был единственный способ распространения книг) постепенно накапливались искажения, всё более и более отдаляя тексты, создаваемые болгарскими, сербскими и русскими книжниками, друг от друга и от первоначального текста, написанного Кириллом и Мефодием и их учениками. Кроме того, время от времени проводились правки церковнославянских текстов, то есть приведение их в соответствие с образцовой, с точки зрения средневекового книжника, грамматической системой.

Тексты, созданные не позднее XI в., традиционно принято называть памятниками старославянского языка, а более поздние рукописи – памятниками *церковнославянского языка* русской, болгарской, сербской и т. д. редакции (в зависимости от того, черты какого именно славянского языка в эти памятники проникли).

Однако не следует полагать, что современный церковнославянский язык – это всего лишь «испорченный» вариант старославянского. За

тысячелетний период его существования многие выдающиеся учёные-грамматисты немало поработали над тем, чтобы превратить церковнославянский язык в стройную и в то же время открытую, то есть способную к дальнейшему развитию и совершенствованию систему.

Современный церковнославянский язык во многом отличен от языка старославянского (звуковой системой, окончаниями глагольных времен, падежей существительных и прилагательных, синтаксисом), тем не менее, это язык, выросший из старославянского, поэтому тот, кто знаком со старославянским, без особого труда поймёт любой церковнославянский текст и даже сможет (ознакомившись с церковнославянской грамматикой) написать его сам. Взаимодействие церковнославянского и национального языков заключалось только в проникновении в церковнославянский русских, болгарских, сербских и т. д. элементов. Многие элементы церковнославянского языка сами проникали в живой язык (через литературный письменный язык) и закреплялись в нём.

Первым известным исследованием, посвящённым старославянскому языку и славянской письменности является трактат «О письменах» ученика Кирилла и Мефодия, древнеболгарского книжника черноризца Храбра, созданный на рубеже IX–X вв. и дошедший до нас в 73 списках, старейший из которых относится к XIV в. Работа Храбра является достоверным источником о возникновении славянской письменности. В частности, он сообщает:

> […] Прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но читали и гадали с помощью черт и резов. Когда же крестились, то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами, но без устроения. ... Потом же Бог человеколюбец ... помиловал род славянский и послал им святого Константина Философа, названного в пострижении Кириллом, мужа праведного и истинного. И создал он для них тридцать письмен и восемь, одни по образцу греческих письмен, другие же в соответствии со славянской речью (Жолобов 2013, 11).

Для своего времени сочинение Храбра – это подлинно научный труд, содержащий характеристику звукового состава, положенного в основу глаголической азбуки. Он полагает, что в речи славян было 14 звуков, отсутствовавших в звуковой системе греческого языка.

Большое значение для изучения славянских литературных языков имели грамматические труды русского учёного-филолога М. В. Ломоносова (1711–1765). В «Российской грамматике» (1755), «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1757–1758) и ряде других работ М. В. Ломоносов высказал немало интереснейших наблюдений, предвосхитивших дальнейшие

лингвистические открытия. В частности, он заметил различия между старославянским и древнерусским языками периода древнейших памятников. М. В. Ломоносовым была представлена вполне обоснованная группировка славянских языков по признаку языкового родства, им была доказана языковая близость славянских и балтийских языков, а также указаны основные проблемы, пути и источники исторического изучения славянских языков.

Начало подлинно научного изучения старославянского языка связано с именем выдающегося русского лингвиста А. Х. Востокова (1781–1864), который первым в истории языкознания применил к исследованию славянских языков сравнительно-исторический метод. Работы А. Х. Востокова «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка» (1820), «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума» (1842), первое издание «Остромирова евангелия» (1843) и др. отличаются научной строгостью и точностью в методах исследования и описания материала. А. Х. Востоков в результате сравнительного изучения славянских языков сумел дать точное описание фонетической системы, лежащей в основе кириллической системы букв. Учёный указал на происхождение славянских языков из одного источника и на их большую близость в период создания первых славянских памятников.

В исследованиях, посвящённых описанию славянских рукописей, А. Х. Востоков первым разграничил старославянский и церковнославянский языки и обратил внимание на существование различных редакций (изводов) последнего, указав на болгарский, сербский, «севернорусский (собственно русский) и «южнорусский» (украинский) изводы церковнославянского языка.

Благодаря трудам А. Х. Востокова изучение старославянского языка шло по линии углублённого лингвистического исследования и описания древнейших славянских текстов. В данном направлении работал и выдающийся русский филолог И. И. Срезневский (1812–1880), открывший глаголические «Киевские листки» и «Саввину книгу» и оставивший ряд описаний славянских рукописей и палеографических исследований: «Древние письмена славянские» (1848), «Древние глаголические отрывки, найденные в Праге» (1857), «Древние глаголические памятники, сравнительно с памятниками кириллицы (1866) и др.

С середины XIX в. материал старославянского языка начинает широко использоваться в сравнительно-исторических исследованиях. Начало этому положил немецкий филолог-индоевропеист А. Шлейхер (1821–1863), издавший в 1852 г. фундаментальный труд «Formenlehre der kichenslavischen Sprache» («Морфология церковнославянского

языка»). В данной работе А. Шлейхер для реконструкции морфологических особенностей дописьменного периода широко использовал материал литовского языка, что помогло вскрыть и объяснить целый ряд звуковых и грамматических изменений, имевших место в праславянском языке. Г. А. Хабургаев считает, что исследования А. Шлейхера показали ценность материала славянских языков, в частности старославянского, для индоевропейского сравнительно-исторического языкознания.

Именно в аспекте сравнительно-исторических исследований старославянский язык интересовал крупнейшего филолога-индоевропеиста, профессора Московского университета, основателя целого направления не только в русском, но и в европейском языкознании Ф. Ф. Фортунатова (1848–1914). О значении его исследований Г. А. Хабургаев пишет:

> Огромные заслуги принадлежат Фортунатову в изучении ударения (акцентологии) балтийских и славянских языков, где им открыт закон передвижения ударения от начала к концу слова; этот закон получил в языкознании наименование закона Фортунатова – де Соссюра (та же закономерность была открыта Ф. де Соссюром, независимо от Фортунатова, для литовского языка (Хабургаев 1986, 276).

Особое место в славянском языкознании принадлежит выдающемуся лингвисту, профессору Казанского, а затем Петербургского университета, основателю Казанской лингвистической школы И. А. Бодуэну де Куртенэ (1845–1929), который даже в тех случаях, когда обращался к материалу конкретных славянских языков, решал в первую очередь общелингвистические задачи. Его теории лежат в основе современного языкознания: именно им впервые была сформулирована идея разграничения языка и речи, статического (синхронического, описательного) и динамического (диахронического, исторического) изучения языков; им же была разработана теория фонемы, заложены основы структурного изучения индоевропейских языков. По мнению К. А. Войловой,

> самый большой вклад в разработку теории старославянского языка был сделан профессором сначала Берлинского, а потом и Санкт-Петербургского университета хорватом по национальности И. В. Ягичем (1838–1923). Он написал свыше 700 работ по славянской филологии, в том числе по старославянскому языку, на протяжении 42 лет издавал специальный журнал по славистике «Archiv fur slavische Philololgie» («Архив славянской филологии»), он стал инициатором издания серии «Энциклопедия славянской филологии». Его труды «Рассуждения» южнославянской и русской старины о церковнославянском языке» (1895), «История

возникновения церковнославянского языка» (1913), «Глаголическое письмо» (1911) не утратили научной ценности и в наши дни (Войлова 2003, 26).

В начале XX в. очень широкую популярность завоевал обобщающий труд по индоевропейскому языкознанию А. Мейе (1866–1936) «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков», впервые появившийся в 1903 г., выдержавший во Франции ещё при жизни автора семь изданий и трижды издававшийся в России (1911, 1914, 1913). Во «Введении» большое внимание уделено фактам славянских языков, значение которых для сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков, по мнению А. Мейе, очень велико. Итогом фундаментальных исследований учёного явился его труд «Общеславянский язык» (1951), посвящённый реконструкции праславянского языка, его связи с индоевропейским праязыком.

Интенсификации и координации славистических исследований в международном масштабе способствовали проводимые раз в пять лет съезды славистов.

Первый такой съезд состоялся в 1929 г. в Чехословакии, а второй – в 1934 г. В Польше. В 1939 г. в Белграде должен был состояться III-й Международный съезд славистов; но он был сорван начавшейся мировой войной. Международные славистические конгрессы были возобновлены лишь через 20 лет. В 1958 г. в Москве состоялся IV-й Международный съезд славистов, собравший широкий круг исследователей славянских языков, литератур, истории, этнографии и культуры славянских народов.

V-й съезд, состоявшийся в 1963 г. в Софии, совпал с широко отмечавшимся 1100-летием славянской письменности (в Болгарии, где проходил съезд, память Кирилла и Мефодия традиционно отмечается как общенациональный праздник христианской культуры и просвещения, в связи с чем была заметна кирилло-мефодиевская проблематика, которая обсуждалась и на следующем VI-м съезде славистов в 1968 г. в Праге.

Очень важным оказался проводившийся в 1973 г. в Варшаве VII-й Международный съезд славистов, где были заметны доклады, посвящённые лексическим и синтаксическим грецизмам в старославянском языке.

Изучение старославянского языка продолжается и сегодня. Активно исследуется лексический состав, фонетические особенности, грамматический строй. В последние десятилетия весьма заметным стало то, что факты старославянского языка соотносятся с явлениями, представленными в современных индоевропейских языках.

Старославянский язык – древнейший язык славян, поэтому его изучение помогает восстановить особенности более ранних этапов развития славянских языков, позволяет представить характер праславянского языка незадолго до его распада, что даёт возможность определить те характеристики, которые получили в наследство от праславянского в начале своего самостоятельного развития современные славянские языки.

Являясь достаточно богатой (более десятка развивающихся языков), широко представленной (языки распространены на территории Европы и Азии: от Эльбы на западе до Тихого океана на востоке) и хорошо изученной ветвью, славянские языки на протяжении столетий привлекают внимание многочисленных лингвистов. Изучение истории и современного состояния языков, образующих славянскую группу, помогает глубже осмыслить процессы, идущие внутри большой индоевропейской семьи, обнаружить ключевые закономерности развития и, используя богатейший опыт предшественников, наметить актуальные пути их исследования.

Библиография

Войлова, К. А. (2003), Старославянский язык. Москва.
Жолобов, О. Ф. (2013), Старославянский язык. Лекционный курс. Казань.
Реформатский, А. А. (1996), Введение в языковедение. Москва.
Хабургаев, Г. А. (1986), Старославянский язык. Москва.

Old Slavic language in the Indo-European language family

Old Slavic language is an ancient language of the Slavs, which is why its research helps to determine the mechanisms of the earliest stages of development of Slavic languages. This allows to show the character of the Proto-Slavic language shortly before its collapse, which makes it possible to identify those features that were inherited from the Proto-Slavic language by modern Slavic languages at the beginning of their independent development. The study of the history and current status of the Slavic group of languages helps to better understand the processes taking place within the great linguistic Indo-European family, discover key developmental patterns, and using the rich experience of predecessors, identify appropriate ways to study them.

Key words: language history, Indo-European language family, Old Slavic language.

MIKHAIL FEDOSYUK
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Russia)

Техника описания статических ситуаций как развивающихся событий: праиндоевропейские истоки и проявление в современном русском языке

К постановке проблемы

Представляется, что вопрос об индоевропейском наследии в современных языках и культурах можно рассматривать с точки зрения двух противоположных подходов. Первый из них, зародившийся в языкознании начала XIX в. в ходе разработки сравнительно-исторического метода, направлен, если так можно выразиться, от настоящего к прошлому. Исследования в рамках этого подхода состоят в поисках в различных языках и культурах следов древних общеиндоевропейских элементов. Основной целью подобных поисков является установление родственных связей между рассматриваемыми языками и культурами и реконструкция их древнейшего состояния (Гамкрелидзе, Иванов 1984; Мейе 2009; Савченко 2010; Степанов 2011). Второй подход, окончательно оформившийся лишь в 1960–70-х гг., напротив, направлен от прошлого к настоящему. Он ориентирован на обнаружение в современных языках и культурах результатов развития тех тенденций, которые были заложены в них еще в

общеиндоевропейский период. Важнейшая цель данного подхода состоит не столько в нахождении общих черт рассматриваемых языков и культур, сколько в объяснении причин возникновения их современного своеобразия.

Ниже мы обратимся к второму из только что упомянутых подходов и попытаемся с его помощью объяснить некоторые особенности системы сказуемых в современном русском языке.

Несмотря на свою кажущуюся новизну, второй из рассматриваемых нами подходов восходит к разработанной ещё в первой половине XIX в. лингвистической концепции В. фон Гумбольдта. Напомним, что, в отличие от многих лингвистов последующих эпох, В. фон Гумбольдт считал развитие любого языка не результатом серии непредсказуемых столкновений противоположных тенденций, лежащих в основе любой языковой системы (ср. Панов 2007), а следствием постоянного углубляющегося приспособления каждого из языков к особенностям «национального духа» его носителей.

> Он, – писал В. фон Гумбольдт о языке, – всеми тончайшими нитями своих корней сросся [...] с силой национального духа, и чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего. Во всём своём стройном сплетении он есть лишь продукт языкового сознания нации (Wirkung des nationellen Sprachsinns), и поэтому на главные вопросы о началах и внутренней жизни языка, – а ведь именно тут мы подходим к истокам важнейших языковых различий, – вообще нельзя должным образом ответить, не поднявшись до точки зрения духовной силы и национальной самобытности (Гумбольдт 1984, 47).

При этом, как отмечал В. фон Гумбольдт, развитие языка не может одновременно идти в нескольких разных направлениях: оно непременно подчинено некоторому преобладающему началу.

> В самом деле, – читаем мы у В. фон Гумбольдта, – всякий раз, когда нация – или вообще сила человеческой мысли – усваивает те или иные элементы языка, она даже непроизвольно, без отчётливого осознания того, что́ сама делает, должна сочетать их в единство; и без этого акта было бы невозможно ни мышление посредством языка в индивиде, ни взаимопонимание между индивидами. Именно это пришлось бы принять в качестве предпосылки, если бы нам удалось подняться к первым истокам языка. Но указанное единство может существовать лишь как единство какого-то одного преобладающего начала, исключающего все прочие (Гумбольдт 1984, 158).

Развитие лингвистики после В. фон Гумбольдта проходило в основном под влиянием осознанных или неосознаваемых исследователями идей позитивизма, представляющего собой

> направление в философии и науке […], которое исходит из «позитивного», т. е. из данного, фактического, устойчивого, несомненного, и ограничивает им свое исследование и изложение, а метафизические объяснения считает теоретически неосуществимыми и практически бесполезными. Вопрос, ответ на который не может быть проконтролирован, верифицирован в опыте, позитивизм называет «псевдовопросом» (Губский / Кораблёва / Лутченко 1994, 348).

Позитивизм возник под влиянием бурного развития естественных наук, и его несомненным достоинством являлось стремление к точности научного описания. В то же время очевидный недостаток этого направления состоял в том, что всё, что невозможно охарактеризовать абсолютно точно и достоверно, неоправданно исключалось из сферы науки. Под влиянием позитивизма и сформировавшегося на его основе лингвистического структурализма многие из идей В. фон Гумбольдта были непоняты или недооценены. В результате за пределами большинства языковедческих исследований оказались вопросы об экстралингвистических причинах многих языковых изменений и об истоках своеобразия языков. Эти вопросы вновь привлекли к себе активное внимание лингвистов лишь в 1960–70-е гг. При этом, как представляется, наиболее полные и убедительные ответы на них были даны в рамках направления системной типологии языков, разработанного профессором Российского университета дружбы народов Геннадием Прокопьевичем Мельниковым (1928–2000) и его учениками (см. Федосюк 2012; 2014; 2015а; 2015б). Ниже мы попытаемся кратко изложить основные теоретические положения этого направления.

Теоретические положения системной типологии языков

Г. П. Мельников квалифицировал системную типологию языков как один из разделов современной системной лингвистики, основоположниками которой он считал В. фон Гумбольдта, И. И. Срезневского, А. А. Потебню и И. А. Бодуэна де Куртенэ. Учёный подчёркивал, что системная лингвистика противопоставляет себя лингвистике структурной, поскольку учитывает не только структуру языка, но ещё и, во-первых, свойства языковых элементов, а во-вторых, связи между языковой системой и надсистемой – языковым коллективом, использующим данный язык. Язык рассматривается системной лингвистикой не как средство мышления (оно у всех людей едино), а как средство передачи мыслительного содержания. При этом разные народы применяют неодинаковые способы передачи мыслительного содержания (по В. фон Гумбольдту – разные внутренние

формы языков), поскольку эти способы находятся в тесной причинной зависимости от специфики коммуникативных потребностей, возникающих в каждом из типов языковых коллективов (в понимании В. фон Гумбольдта – от «духа народа») (Мельников 2000; 2003а; 2003б; 2012).

Учитывая пока ещё недостаточно широкую известность концепции системной типологии языков, попытаемся изложить её основные положения с достаточной степенью полноты.

В качестве важнейших признаков языкового коллектива, обусловливающих тип языка этого коллектива, Г. П. Мельников называл, во-первых, размеры языкового коллектива, во-вторых, постоянный или прерывистый характер контактов внутри коллектива и, наконец, в-третьих, степень его однородности.

С точки зрения р а з м е р о в языкового коллектива Г. П. Мельников считал целесообразным разграничивать микро-, макро- и мегаколлективы.

Характеризуя м и к р о к о л л е к т и в ы, Г. П. Мельников писал следующее:

> Члены микроколлективов, то есть очень маленьких языковых коллективов, например, племени охотников-собирателей, живут в таких условиях, когда каждый знает каждого и почти всё о каждом, и обычно все члены такого микроколлектива являются свидетелями событий, представляющих для них общий интерес; главным «героем» этих событий оказывается сам коллектив (или некоторая его часть), так как любые изменения в коллективе сразу же и непосредственно влияют на состояние любого из его членов, и поэтому каждый человек «болеет» прежде всего за состояние коллектива (Мельников 2000, 31).

Понятно, что типичная коммуникативная потребность, испытываемая любым кратковременно отсутствовавшим членом микроколлектива состоит в получении целостной информации о состоянии дел во всём коллективе, а потому типичное высказывание в описываемых условиях, по словам Г. П. Мельникова,

> становится коммуникативно *нерасчленённым,* рематическим и при этом специализированным для обеспечения *перечисления* в такой реме многих партиципантов описываемой обстановки в коллективе, а также для раскрытия *структуры* текущих отношений между этими партиципантами. Нетрудно видеть, что высказывания рассмотренного типа в наибольшей мере соответствуют такой единице речевого потока, которую В. фон Гумбольдт назвал *словопредложением,* вводя понятие языков *инкорпорирующего* языкового морфологического класса (Мельников 2003б, 111).

Называя типичный для языкового коллектива способ описания неязыковой ситуации коммуникативным ракурсом, Г. П. Мельников отмечал, что для языков микроколлективов свойствен о б с т а н о в о ч н ы й к о м м у н и к а т и в н ы й р а к у р с. Именно он и обусловливает и н к о р п о р и р у ю щ и й строй языков микроколлективов.

При разрастании микроколлектива до размеров м а к р о к о л л е к т и в а, по наблюдениям Г. П. Мельникова,

> общий интерес для собеседников начинают приобретать лишь изменения состояний только в некоторых небольших частях большого коллектива, в некоторых локальных «горячих» точках его расселения […] Следовательно, содержанием большинства общезначимых новостей, которыми обмениваются члены макроколлектива, становится не столько общая обстановка, общее положение дел в языковом коллективе в целом или его части, сколько некоторые возникающие в жизни коллектива локальные события (Мельников 2000, 34–35).

Далее Г. П. Мельников рассуждает так:

> А поскольку […] в обычной для макроколлектива коммуникативной ситуации говорящий сообщает слушающему, как разрешилось одно из нескольких известных слушающему событий, а типичным разрешением является переход «объекта» называемого события в новое, результирующее состояние под воздействием известного слушающему «субъекта», то типичной темой в языках макроколлектива оказывается полное название «объекта» события (а не «субъекта», как в более привычных для европейцев языках), и, соответственно, типичной ремой в этом случае оказывается формально согласованное с названием «объекта» название результирующего состояния, в которое перешёл «объект» как участник того события, начало которого известно слушающему. […] Когда же говорящий считает нужным более явно напомнить слушающему о том «субъекте», под воздействием которого «объект», представленный темой сообщения, приобрёл сообщаемое слушателю результирующее свойство, и если потому говорящий не ограничивается введением в сообщение классного показателя субъекта, а называет и полную его форму, то есть именной корень с классным показателем того «субъекта», то всё равно наименование «субъекта» преподносится как наименование лишь обстоятельства, при котором протекал процесс перевода «субъекта» в результирующее состояние, для чего это наименование «субъекта» оформляется показателем косвенного падежа, то есть так же, как обстоятельство места, инструмента и т. п., в отличие от наименования «объекта», оформляемого основным, «абсолютным» падежом (Мельников 2000, 37).

Коммуникативный ракурс, свойственный языкам макроколлективов, Г. П. Мельников именует р е з у л ь т а т и в н о - п р и з н а к о в ы м. Легко увидеть, что для подобных языков характерен э р г а т и в н ы й

синтаксический строй, при котором форму исходного, абсолютного падежа неизменно получает наименование не субъекта, а объекта воздействия, тогда как при необходимости обозначения в предложении еще и субъекта, обусловившего появление у объекта того признака, о котором сообщается в предложении, наименование этого субъекта получает форму не абсолютного, а косвенного падежа, традиционно именуемого эргативным.

Значительное увеличение количества членов языкового макроколлектива может повлечь за собой его превращение в мегаколлектив, о котором Г. П. Мельников писал так:

> Превращение макроколлектива в мегаколлектив, расширение границ территории, занимаемой носителями данного языка, ведёт к росту значимости таких свойств языковой системы, которые делают её наиболее совершенной прежде всего для общения между лично не знакомыми людьми, иначе любая социально общезначимая новость не сможет успешно распространиться по всей обширной территории расселения оседлого мегаколлетива. […] Говорящий, в условиях общения с представителем мегаколлектива, должен строить своё высказывание, исходя из того, что собеседнику может быть вообще ещё ничего не известно о сообщаемом событии, и поэтому типичное высказывание на языке, оптимизированном для общения в мегаколлективе, должно содержать в себе сведения и о субъекте, и об объекте, и о том действии, которое субъект направляет на объект, и об иных соучастниках события и об обстоятельствах его протекания (Мельников 2000, 40).

Коммуникативный ракурс, присущий языкам мегаколлективов, Г. П. Мельников предлагает называть событийным. Языки, реализующие событийный коммуникативный ракурс, с точки зрения синтаксической типологии принадлежат к числу языков номинативного строя, а в аспекте морфологической типологии – к флективным языкам.

К сказанному следует добавить, что, как утверждает Г. П. Мельников, событийный характер рассматриваемого коммуникативного ракурса обусловлен не только большими размерами языкового коллектива, но ещё и его однородностью. Подсознательно ощущаемая членами однородного мегаколлектива заинтересованность в высокой надежности многократной и многоступенчатой передачи информации всем членам коллектива имеет следствием то,

> что техника передачи должна основываться на принципах, предусматривающих возможность проверки совпадения того, что хотел выразить говорящий, с тем, что понял слушающий. […] Подобный *содержательный контроль* наиболее полно обеспечивается в тех случаях, когда сюжетом передаваемого сообщения является *событие,* которое

освещается языковыми средствами в наиболее естественной, соответствующей объективным характеристикам этого события, композиции. Сначала должен быть назван *субъект,* из знаний хотя бы самых общих свойств которого слушающий делает предположение, какое действие может осуществлять этот субъект. Далее должно быть названо *действие* с формальным указанием на то, что именно данный субъект является его производителем и *инициатором.* После этого у говорящего возникают предположения, какого класса «соучастники» могут быть втянуты в результате данного *инициального* действия и какова доля их участия в развивающейся таким образом *системе действий,* то есть в *событии.* Если эти прогнозы подтверждаются тем, что́ дальше сообщит говорящий, то тем самым практически оказывается исключенной возможность, что содержание понято неверно (Мельников 2003б, 117–118).

Описанная выше установка языков мегаколлективов на постоянный содержательный контроль получателем правильности понимания воспринимаемого им сообщения реализуется не только при помощи событийного коммуникативного ракурса, но и посредством целого ряда других особенностей, присущих языкам флективного строя, говорить о которых мы в данном случае не имеем возможности (см. Мельников 2012).

Обратимся теперь к краткому рассмотрению двух других признаков языкового коллектива, обусловливающих тип используемого этим коллективом языка.

Прежде всего, это, как уже было сказано выше, постоянный или прерывистый характер контактов внутри языкового коллектива. Легко заметить, что прерывающийся на определенные периоды тип контактов свойствен народам, занимающимся скотоводством. В летний период контакты между отдельными группами, входящими в состав подобных коллективов, надолго прекращаются в связи с выпасом скота на отдалённых пастбищах, а в зимний период восстанавливаются. Это, по наблюдениям Г. П. Мельникова, обусловливает развитие в подобных языковых коллективах агглютинативных языков.

В этих условиях, – писал Г. П. Мельников, о кочевых народах, занимающихся скотоводством, – важными оказываются и такие параметры строя языка, как устойчивость, однотипность и простота используемой языковой техники на всех пространствах распространения агглютинативного языка, его регулярность и «правильность». Иначе длительные перерывы в общении приведут к накоплению расхождений в языковых навыках между различными группами носителей языка и, следовательно, к утрате языком одной из его важнейших функций – функции быть средством формирования и поддержания единства социального сознания (Мельников 2003б, 121).

Наконец, неоднородность состава языкового коллектива является причиной развития в языке такого коллектива вначале аналитизма, а затем и корнеизоляции.

> Тенденции к корнеизоляции, – отмечал Г. П. Мельников, – как было замечено ещё основоположниками компаративистики, наиболее сильны в периоды формирования новых наций и культур в процессе *смешения* представителей многих языков и народов. В этих условиях резко сужается исходный объём социального, общеизвестного знания; сужается та традиционная сфера содержания, в границах которой представители разных культур имеют основания надеяться на взаимное понимание; сокращается объём общеизвестных языковых единиц и круг тех ситуаций, в которых один человек считает необходимым вступить в общение с другим. Всё это приводит к потребности предельно *полифункционально* использовать те знаки, на известность которых слушающему может рассчитывать говорящий. Полифункциональность знаков – это прежде всего их парадигматическая и синтагматическая полисемичность, для разрешения которой приходится увеличивать информационную нагрузку на контекст, на распределение функции выражения *смысловой* единицы между несколькими единицами с вещественным значением в речевом потоке, на использование этих же единиц для уточнения синтагматических, когноминативных отношений между называемыми смыслами, что, в частности, связано с выработкой определенных *позиционных* ограничений на порядок следования называемых *смыслов* в высказывании (обычно это трактуется как требование фиксированного «порядка слов») и с тенденцией предельной неизменчивости звукового облика используемых знаков (Мельников 2003б, 123).

Своеобразие системы сказуемых современного русского языка как результат развития событийного коммуникативного ракурса

Как показывают сравнительно-исторические исследования, до начала распадения на отдельные языки праиндоевропейский язык развивался как язык мегаколлектива и, следовательно, постоянно совершенствовал в себе те черты, которые были обусловлены свойственным ему событийным коммуникативным ракурсом. Однако после образования различных индоевропейских языков результаты их развития могли не совпадать. С одной стороны, быстрота совершенствования событийного коммуникативного ракурса зависела от темпов роста языкового коллектива. По этой причине русский и некоторые другие славянские языки, отличаясь от прочих индоевропейских языков высокой численностью носителей, их однородностью и большой территорией распространения, реализовали все исходно характерные для индоевропейских языков тенденции гораздо более полно и последовательно, чем, например, балтийские языки, чьи языковые коллективы не испытывали подобного роста. С другой стороны, многие

индоевропейские языки (например, английский, романские) с течением времени попали в условия смешения разноязычных народов и были вынуждены перестроить своё развитие в направлении совершенствования техники аналитизма.

Проследим характер развития событийного коммуникативного ракурса в русском языке на материале сопоставления древнерусского текста и его переводов на современный русский язык. С этой целью сравним текст древнейшего русского летописного свода «Повесть временных лет» (XII в.) и его современные переводы. Понятно, что, несмотря на вполне естественное стремление современных переводчиков несколько архаизировать язык переводов древнерусских летописей, эти переводы не могли не отразить изменений, происшедших в ходе эволюции русского языка. В издании (Повесть… [а]) перевод выполнен О. В. Твороговым, а в издании (Повесть… [б]) – Д. С. Лихачёвым. Оба перевода в подавляющем большинстве случаев очень близки друг к другу. Ниже там, где это специально не оговорено, мы будем использовать перевод О. В. Творогова.

Анализируя наш материал, легко заметить, что в древнерусском тексте по модели развивающегося события строятся лишь такие предложения, которые действительно описывают развивающиеся, или, иными словами, динамические события. Подобные предложения, как правило, используют простые глагольные сказуемые, которые называют те или иные действия. Проиллюстрируем сказанное, сопоставляя фрагменты оригинального текста «Повести временных лет» (они даются в левой колонке) с их переводами на современный русский язык (см. правую колонку):

По потопѣ бо 3-е сынове Ноеви роздѣлиша землю: Симъ, Хамъ, Афетъ.	После потопа трое сыновей Ноя разделили землю: Сим, Хам, Иафет.
И смѣси Богъ языкы, и раздѣли на 70 и на два языка, и рассѣя по всей земли.	И смешал Бог народы, и разделил на семьдесят и два народа, и рассеял по всей земле.

Что же касается предложений, описывающих статические ситуации, например, предложений, которые передают сообщения о существовании в некотором месте какого-нибудь объекта, информируют о свойствах или о состояниях объекта, то в них древнерусские тексты широко используют глаголы-сказуемые *быть*. Очевидно, что такой способ построения предложений не вполне соответствовал установке на описание любой ситуации как

развивающегося события, поэтому, как показывают наши наблюдения, в современном русском языке подобные сказуемые продолжают регулярно употребляться только в тех случаях, когда глагол *быть* необходим в качестве показателя прошедшего или (за пределами летописных текстов) будущего времени, например:

Симъ же, и Хамъ и Афетъ, раздѣливше землю, и жребии метавше, не переступати никомуже въ жребий братень, и живяху кождо въ своей части. И б ы с т ь языкъ единъ.	Сим же, и Хам и Иафет, разделив землю и бросив жребий, чтобы не вступать никому в удел брата, жили каждый в своей части. И б ы л единый народ.
И б ы ш а 3 брата: а единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбѣдь.	И б ы л и три брата: один по имени Кий, другой – Щек и третий – Хорив, а сестра их – Лыбедь.

Впрочем, и при обозначении статических ситуаций, имевших место в прошлом, современные переводы достаточно часто используют не глагол *быть,* а глаголы совершенного вида, что позволяет делать акцент не на статической ситуации, а на её возникновении, то есть в соответствии с событийным коммуникативным ракурсом индоевропейских языков описывать ситуацию как развивающееся событие. Сравним:

От сихъ же 70 и дву языку б ы с т ь языкъ словенескъ, от племени же Афетова, нарѣцаемѣи норци, иже суть словенѣ.	От этих же семидесяти и двух народов п р о и з о ш ё л и народ славянский, от племени Иафета – так называемые норики, которые и есть славяне.
И б ы с т ь тма по всей земли от шестаго часа до 9-го, и при 9-мь часѣ испусти духъ Исусъ.	Н а с т а л а тьма по всей земле от шестого часа и до девятого, и в девятом часу испустил дух Иисус.
И б ы с т ь л ю б а рѣчь князю и всѣмъ людемъ.	И п о н р а в и л а с ь речь их князю и всем людям.
Се слышавъ цесарь и р а д бысть, и честь велику створи имъ въ тъ день.	Услышав это, цесарь о б р а д о в а л с я и в тот же день оказал им почести великие.
И заутра приѣхаша печенѣзѣ, а свой мужь приведоша, а наших н е б ы с т ь .	На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших н е о к а з а л о с ь .

И бывъши нощи, бысть тма, и громове, и молънья и дождь.	И наступила ночь, была тьма, молния, гром и дождь.

Что же касается предложений, описывающих статические ситуации в настоящем времени, то для них современный русский язык выработал два альтернативных типа синтаксических средств. В одних случаях язык отказывается от применения характерных для него синтетических грамматических способов и обращается к простому соположению начальных форм слов (иногда в сочетании со служебными словами), то есть к использованию таких аналитических конструкций, как «Пушкин – поэт» или «Сегодня мороз», которые Ф. Ф. Фортунатов именовал «неграмматическими словосочетаниями» [Фортунатов 1957, 453]. В других же случаях язык прибегает к использованию синтетических конструкций (или, если пользоваться терминологией Ф. Ф. Фортунатова, «грамматических словосочетаний»), в которых статические ситуации метафорически обозначаются как динамические процессы. Так, вместо «Пушкин – поэт» по-русски можно сказать «Пушкин является великим русским поэтом», где глагол *являться* выражает, конечно, не исторически исходное значение ‘представать, показываться перед чьими-либо глазами’, а производное, метафорическое значение ‘быть’. Аналогичным образом предложение «Сегодня мороз» можно заменить синонимичным ему предложением «Сегодня стоит мороз», где слово *стоять* имеет не прямое значение ‘быть на ногах, не двигаясь с места’, а производное, метафорическое значение ‘быть, сохраняться, удерживаться’. Продолжим наши примеры. В предложениях «Московский университет находится на Воробьёвых горах. Он представляет собой крупнейшее высшее учебное заведение России» сказуемые *находиться* (в буквальном смысле ‘находить себя’) и *представлять* (буквально ‘показывать, демонстрировать’) являются метафорическими заменами статичного по своей семантике глагола *быть*.

Легко увидеть, что именно описанные выше, во-первых, аналитические, а во-вторых, синтетические по форме, но метафорические по содержанию синтаксические конструкции и являются специфическими типами сказуемых, которые отличают современный русский язык от целого ряда других индоевропейских языков (Федосюк 2015б).

Приведём примеры перевода древнерусских предложений с глаголом *быть* безглагольными аналитическими конструкциями:

Се есть новы Костянтинъ великаго Рима, иже крести вся люди своа самъ, и тако сий *створи*	То новый Константин великого Рима; как тот крестился сам и людей своих крестил, так и

подобьно ему.	этот поступил так же.
Аврамъ же, пришедъ въ ум, възрѣвъ на небо, и рече: «Воистину *той есть Богъ*, иже створилъ небо и землю, а отець мой прельщает человѣкы».	Авраам же, задумавшись, посмотрел на небо и сказал: «Воистину *тот Бог*, который создал небо и землю, а отец мой обманывает людей».
«*Человѣкъ есть*, и кто увѣсть, яко *Богъ есть*, яко человѣкъ же умираеть».	«*Человек он*; кто узнает, что *он Бог*, ибо умирает как человек».
Крестившю же ся ему, и се отвѣрзошася небеса, и Духъ сходящь зраком голубиномъ на нь, и глас глаголя: «*Се есть сынъ мой възлюбленый*, о немъже благоизволихъ».	Когда же он крестился, отверзлись небеса, и Дух сошёл в образе голубином, и голос сказал: «*Вот сын мой возлюбленный*, его же благоизволил».
И рече Добърыня Володимиру: «Съглядахъ колодникъ, и *суть вси в сапозѣхъ*. Симъ дани намъ не платити, поидевѣ искать лапотникъ».	Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: *все они в сапогах*. Этим дани нам не платить – пойдём, поищем себе лапотников».
И се *суть* инии языцѣ, иже дань дают Руси: чудь, весь, меря, мурома, черемись, мордва, пѣрмь, печера, ямь, литва, зимѣгола, корсь, нерома, либь: си суть свой языкъ имуще, от колѣна Афетова, иже живуть на странахъ полунощныхъ.	А *это другие народы*, дающие дань Руси: чудь, весь, меря, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы, – эти говорят на своих языках, они от колена Иафета и живут в северных странах.

А вот примеры, в которых древнерусские предложения с глаголом *быть* переведены синтетическими конструкциями с глаголами, представляющими собой синтаксические метафоры:

По размѣшеньи же языкъ Богъ вѣтромъ великомъ раздруши столпъ, и *есть* останокъ его межи Асура и Вавилона, и *есть* въ высоту и въ ширину лакотъ 5433 локотъ, въ лѣта многа хранимъ останокъ.	По смешении же народов Бог ветром великим разрушил столп; и *находятся* остатки его между Ассирией и Вавилоном, и *имеют* в высоту и в ширину 5433 локтя, и много лет сохраняются эти остатки (Пер. Д. С. Лихачева).

Моравы бо доходилъ и апостолъ Павелъ и училъ ту; ту бо е Илурикъ, егоже доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо бяша словѣни пѣрвѣе.	К моравам же ходил и апостол Павел и учил там; там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне.
Святополкъ же сѣде в Киевѣ по отци своемь, и созва кыяны и нача имѣние имь даяти, а они приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимь, яко братья ихъ быша с Борисомъ.	Святополк сел в Киеве по смерти отца своего, и созвал киевлян, и стал давать им дары. Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом.
[…] от племени бо Сифова суть еврѣи, иже избиша хананейско племя, вьсприяша свой жребий и свою землю.	[…] от племени ведь Сифова пошли евреи, которые, избив хананейское племя, вернули себе свою часть и свою землю.
И Измаило роди 12 сына, от нихъже суть торъкмени, печенѣзи, и торци и половци, иже *исходят* от пустынѣ.	А Измаил родил двенадцать сыновей, от них пошли торкмены, и печенеги, и торки, и половцы, которые выходят из пустыни.

Заключение

Подводя общие итоги, отметим, что в качестве одного из проявлений индоевропейского наследия в современных языках и культурах целесообразно рассматривать результаты развития этих языков и культур в том направлении, которое было заложено и них в общеиндоевропейский период. Для носителей индоевропейских языков, которые в своём большинстве представляют собой большие однородные оседлые языковые коллективы, основным направлением развития было постоянное совершенствование техники описания любых ситуаций путём использования событийного коммуникативного ракурса, то есть в форме развивающихся событий. Как показывает сопоставление древнерусских текстов с их современными переводами, установка на максимально широкое использование событийного коммуникативного ракурса обусловила то, что при описании статических ситуаций в современном русском языке резко сократилось употребление формы настоящего времени глагола *быть* и в результате статические ситуации стали описываться либо посредством безглагольных аналитических конструкций (ср. др.-русск. «Се есть сынъ мой възлюбленый» – современный русский язык «Вот сын мой возлюбленный»), либо при помощи синтаксических метафор,

изображающих статические ситуации как процессы (ср. др.-русск. «Ту бо е Илурикъ» – современный русский язык «Там же находится и Иллирия».

Библиография

Гамкрелидзе, Т. В. / Иванов, Вяч. Вс. (1984), Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси.

Губский, Е. Ф. / Кораблева Г. В. / Лутченко В. А. (ред.-составители) (1994), Краткая философская энциклопедия. Москва.

Гумбольдт, В. фон (1984), Избранные труды по языкознанию. Москва.

Мейе, А. (2009), Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Москва.

Мельников, Г. П. (2000), Системная типология языков. Синтез морфологической классификации языков со стадиальной. Курс лекций. Москва.

Мельников, Г. П. (2003а), Системная лингвистика и семиотические основания решения проблем семантики, [в:] Вестник Российского университета дружбы народов. № 4, 5–14; № 5, 11–20.

Мельников, Г. П. (2003б), Системная типология языков: Принципы, методы, модели. Москва.

Мельников, Г. П. (2012), В чём состоит своеобразие русского языка и какими факторами оно обусловлено, [в:] Политическая лингвистика. № 2 (40), 13–20.

Панов, М.В. (2007), Языковые антиномии как внутренние стимулы развития языка [в:] Труды по общему языкознанию и русскому языку. Том 2, Москва. 17—22.

Повесть временных лет [а]. Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова, [в:] Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН [online], http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869 [дата обращения 2017-10-08].

Повесть временных лет [б]. Публикуется в переводе Д. С. Лихачёва, [в:] Древнерусская литература [online], http://old-russian.chat.ru/01povest.htm [дата обращения 2017-10-08].

Савченко, А. Н. (2010), Сравнительная грамматика индоевропейский языков. Москва.

Степанов, Ю. С. (2011), Индоевропейское предложение. Москва.

Федосюк, М. Ю. (2012) Концепция Г. П. Мельникова и дискуссия о русской языковой картине мира, [в:] Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). 11–12.

Федосюк, М. Ю. (2014) О системной лингвистике и её создателе, выпускнике МИФИ, [в:] Русский язык в образовательном пространстве Европы (Проблемы межкультурного взаимодействия): Сб. статей I Международной заочной конференции. Вып. 1. Москва. 141–148. [online], http://mephi.ru/upload/%D0%BA%D0%B0%D1%84.49_2014_10_07.pdf [дата обращения 2017-10-08].

Федосюк, М. Ю. (2015а), Концепция В. фон Гумбольдта как возможная методологическая основа лингвистики XXI века, [в:] Шумска, Д., Озга, К. (ред.), Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Т. 2. Лингвистический анализ на грани методологического срыва. Краков. 49–58.

Федосюк, М. Ю. (2015б), Связаны ли между собой русский синтаксис и русский менталитет?, [в:] Перевод как средство взаимодействия культур: II Международная научная конференция, Краков, Польша, 17–21 декабря 2015 г.

Материалы конференции. Москва. С. 333–342. [online], http://esti.msu.ru/netcat_files/userfiles/Files/science/filesconf/sbornik%20krakow%202015.pdf [дата обращения 2017-10-08].
Фортунатов, Ф. Ф. (1956), Избранные труды, Москва.

A technique for describing static situations as developing events: the Indo-European origin and manifestations in modern Russian

The article shows that there are reasons to consider as an Indo-European heritage the current results of the development of those trends in modern languages that originated in the earliest Indo-European period and were caused by the type of ancient linguistic community. As modern school of systemic linguistics shows, the direction of the development of Russian and a number of other Indo-European languages was conditioned by the large size and homogeneity of the collective of speakers. In these conditions, in order to achieve an optimal understanding, the language continuously improved the technique of describing any situations as developing events. Comparison of texts of ancient Russian chronicles with their translations into modern Russian demonstrates the replacement of static syntactic constructions with the verb *is*, firstly, by verbless analytical constructions, and secondly, by verbal constructions metaphorically describing static situations as actions.

Key words: Systemic linguistics, Old Russian language, modern Russian language, type of linguistic community, static situations, developing events, analytical constructions, syntactic metaphor.

MARIYA GORDIEVSKAYA
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Moscov (Russia)

Реликты индоевропейских количественных значений в современном русском языке

Введение. О понятии «реликтовая структура»

На каждом этапе развития в языке сосуществуют остатки его прошлых состояний и зачатки будущих. Осколки прежних состояний – своеобразные *реликты* – удерживают в языке позиции до тех пор, пока им удаётся сохранять под собой какое-либо семантическое основание. Как правило, эти структуры весьма ограничены в своем употреблении. Реликты обычно хранят в себе какие-либо старые, но, несомненно, важные для говорящих значения или же «завоевывают» новые и на определенном этапе становятся носителями локальной семантизации. Об этом, в частности, писал С. Д. Кацнельсон: «Употребление реликтовых оборотов в языках позднейшего строя возможно при условии ограничения и уточнения их значений» (Кацнельсон 1949, 79).

Судьбы синтаксических реликтов тоже неодинаковы. Одни из них обладают весьма прочными позициями в языке и переходят из века в век, другие – на определенном историческом срезе конкурируют с более молодыми образованиями (данное явление называется колебанием нормы), но в итоге все же утрачиваются. Реликтовые структуры – своего рода грамматические анахронизмы – представляют особый интерес для лингвистов, так как помогают воссоздать картину жизни языка далекой эпохи и проникнуть в глубины мышления носителей древнего языка.

К числу реликтов праиндоевропейского состояния следует отнести существующую в современном русском языке систему выражения

частных количественных значений. Помимо ясно отображенной в грамматике оппозиции единственного и множественного чисел, в русском языке хранятся следы «доисторических» способов детализации количества таких, как *«единичность»*, *«дуалис»*, *«совокупность»*; *«неопределённое»*, *«малое»*, *«большое»*, *«партитивное» множества*. Для обозначения этих понятий не существует специальных морфологических аффиксов, в русском языке используется разнообразные синтаксические способы. Именно поэтому с позиций дихотомии единичности и множественности русская система именных групп с количественными числительными (*Num+S)* представляется устроенной весьма хаотично. Все аномалии в этой системе могут быть объяснены влиянием реликтовых значений, сохранившихся в русском языке с древнейших времен и восходящих к праиндоевропейской общности.

Несомненно, важную роль в формировании именных групп *Num+S* сыграла судьба русских числовых слов. Русские числительные представляют собой поистине уникальный класс слов, ибо их этимология, семантика и грамматические свойства хранят информацию о весьма отдаленном культурном прошлом людей, населявших когда-то просторы Евразии. Числительные и синтаксические связи, которые они сохраняют в именных группах *Num+S*, способны рассказать об эволюции числовых представлений в истории культуры ничуть не меньше, чем знаменитые египетский папирус Ринда или счетная доска из Саламине.

Реконструкция структур Num+S в общеиндоевропейском языке. История вопроса

Индоевропейские языки на древней ступени развития демонстрируют достаточно стройную грамматическую категорию количества, представленную оппозицией единственного, двойственного и множественного чисел, и проявляющуюся как в имени, так и в глаголе. Эта система была реконструирована на основе древнейших письменных свидетельств (Мейе 1938, Семереньи 1960, Гамкрелидзе, Иванов Вяч. Вс. 1984 и др.). Впоследствии, как известно, судьба категории количества в индоевропейских языках была разной: ряд языков сохранил тройственную структуру категории, большинство языков перешло к дихотомии единственного и множественного чисел, в некоторых языках количественная категория утратилась.

Несмотря на то, что сама грамматическая категория количества была подвержена инновациям, синтаксическая связь внутри синтагм *Num+S* достаточно долго сохраняла реликтовые черты. Это объясняется,

прежде всего, тем, что числительные в индоевропейских языках были классом слов, который формировался параллельно с развитием математических знаний: с представлением о единице и множестве, с техникой счета, системой счисления и т. д. На синтаксическую связь внутри синтагм *Num+S* наложил отпечаток сам генезис числовых слов, которые прирастали по мере увеличения числового ряда. На это указывают, с одной стороны, данные этимолгии индоевропейских числительных (Винтер 1989), с другой – данные типологии (Дьяконов 1967, Рифтин 1927). В орбиту числовых слов на разных этапах становления этого класса могли попадать местоимения, существитенльные (так, например, достаточно чётко этимологизируются числительные «*четыре*» (*чет*) и «*пять*» (ср. др.-в.-нем. *fūst*, др.-англ. *fyst*, ст.-слав. *pęstĭ*, др.-рус. *пясть* – «*кулак, запястье*»); нередко в числительные превращались слова, первоначально служившие для исчисления количеств (ср. ol- в дат. «80» – палка для нанизывания сушеных рыб, сорок – «мешок» и др.). Помимо «пестроты» происхождения числовых слов, существенную роль в характере связи *Num+S* сыграли представления о понятии «много».

Реконструкция структур *Num+S* в общеиндоевропейском языке не может претендовать на точность, так как наши сведения о грамматических структурах древних языков часто отрывочны и строятся на гипотезах. Тем не менее, в объектив истории попадают некоторые обобщённые синтаксические связи внутри синтагм *Num+S*, которые сохраняют следы общеиндоевропейского прошлого. Сочетание числительного и существительного в разных древних индоевропейских языках характеризовалось неоднородностью синтаксической связи. Так, например, в пределах числового ряда от 1 до 10 синтаксическая стратегия в именных группах могла быть неоднородной. Можно обнаружить два полюса, к которым тяготели индоевропейские языки в древности. Условно обозначим смену синтаксической стратегии числительного многоточием внутри цифрового ряда.

1) Стратегия (123…45678910), при которой согласовывались числительные (1–3), а (4–10) управляли существительным в именной группе. Таковы латинский, наследники латыни – романские языки (примерно до 13–14 вв.), германские языки.

Количественные числительные (cardinalia) в латинском языке обнаруживают очень значительную разницу в своём синтаксическом поведении, что говорит об исторически не одномоментном формировании этого класса слов. Так, «1» unus, «2» duo, «3» tres согласуются с существительным, называющим исчисляемые предметы, в роде и падеже. (Тронский 2001). Таким образом, контролёром согласования в синтаксических структурах *Num+ S* выступает как будто

бы существительное. Однако при числительном свыше «1» существительное приобретает мн. число, например: ср. unăm (ж.р.; В.п.) feminam (ж.р.; В.п.; ед. ч.) video – «вижу одну женщину» v.s. duārum (Р.п. ; ж.р.) urbium (ж.р.; Р.п.; мн.ч.) – «двух городов». В разговорной латинской речи, как отмечает А.Эрну, «2» duo и «3» tres употреблялись как несклоняемые: duo verbis; annis duo; an (n)is tres (Эрну 1950, 135).

Эта тенденция в народном языке к превращению числительных в неизменяемые слова в какой-то степени универсальна: в одних языках этот процесс остановился в определенных точках числового ряда («3», «4»), в других – распространился на все числительные.

2) Стратегия (1234…5678910), при которой числительных (1–4) согласовывались по роду и падежу с существительными, числительные 5–10 управляли существительным, обозначавшим считаемые предметы. Такова стратегия, присущая древнегреческому и древним славянским языкам. В древнегреческом из простых числительных склонялись первые четыре – εἱς, δυο, τρεῖς, τετταρες[1]. В эпоху, засвидетельствованную памятниками письменности, числительные «5» – «10» были неизменяемыми.

Возможно, что древнегреческий язык сохранил одну из наиболее архаичных синтаксических стратегий числительных в структурах Num+ S; такое последовательное согласование в «первой четвёрке» характерно также и для славянских языков. По Леману, праславянские числительные ясно отражают достаточно ранний период индоевропейских числительных. Об этом говорит уже хорошо сохранённое в отдельных языках индоевропейское грамматическое противопоставление числительных 2–4 и 5 и далее. «Славянские языки примечательны тем, что они это древнее деление выражают новыми морфологическими и синтаксическими способами, основанными на преобразовании сочетаний со старым двойственным и множественными числами […] счётные формы со значением ограниченного числа от полутора до четырёх или особые падежи противопоставлены падежным формам, выступающим в сочетании с абстрактными существительными, которые обозначают числа выше 4 и образованы от слов, для древнего периода восстанавливаемых как несклоняемые» (Вяч. Вс. Иванов 1996, 704–727).

Таким образом, основываясь на данных индоевропейских языков древней ступени и путей их дальнейшего развития, можно сделать

[1] В синтагмах с количественными числительными контролером согласования выступало существительное, однако оно подвергалось влиянию со стороны числительного. Так, при «1» существительное употреблялось в ед. Числе – μία χελιδον- « одна ласточка»; при «2» – в двойственном – δυο πτερω – «два крыла»; при «3» и «4» – во множественном: τετταρα πτερα – «четыре крыла».

некоторые выводы о структурах *Num+S* в общеиндоевропейском языке. Согласовательная стратегия первых трёх/четырёх числительных с существительным, по-видимому, является древнейшей связью в синтагмах *Num+S*. Смена стратегии в числовом ряду, пограничное положение числительных *три* и *четыре* объясняется, по всей вероятности, смещением понятия «много» на шкале натуральных чисел. Числительные от *пяти*, являвшиеся по своему происхождению существиетельными, диктовали новые связи внутри синтагмы Num+S. Славянские языки, в том числе русский, сохранили следы старых синтаксический стратегий, восходящих к праиндоевропейскому прошлому.

Изучение структур реликтовых количественных значений в языках позднейшей эпохи должно опираться на ряд связанных между собой данных. Во-первых, это данные этимологии, позволяющие предположительно очертить лексические, грамматические и синтагматические свойства слов, которые оказались «втянуты» в сферу числительных. Во-вторых, экстралингвистические данные, которые необходимо привлечь, так как числительные неразрывно связаны с математическими представлениями и действиями.

Происхождение числовых слов. Данные этимологии

По данным сравнительного языкознания, числительные первого десятка в индоевропейских языках отличает поразительная устойчивость в сохранении «исконных единиц», сравнимая, пожалуй, лишь с терминами родства. Это позволяет довольно точно реконструировать общеиндоевропейский архетип на основе этимологически соотносимых друг с другом числительных в исторических языках. Исключение составляет числительное *один.* Для этого слова в общеиндоевропейском языке восстанавливаются, по крайней мере, четыре архетипа корня:

1. *k[h]em- //*k[h]om - со значением "рука" (Semerenyi 1960, 69).
2. *sem- // *som-, обозначающий "один", "образующий единство", "половина от целого" (ср. хет. *šanna* –"один", тох. А. *sas* (м.р.), *säm, sana, somo* (ж.р.) – "один", лат. *semel* "однажды", "однократно", "раз", др. англ. *same* – "тот же самый" ср. англ. *same*, ст. слав. *самыи,* др-рус. *самъ другъ* – "один с другим". Слово это, по-видимому, местоименного происхождения. (Гамкрелидзе, Иванов 1984 , 842–843).
3. *od- // *ed- слово со значанием "оставшийся одиноким, один без другого". Ср. англ. *odd* "нечетный, странный", греч. *οἴφος* "одинокий", рус. *один*.
4. Древняя основа *oi- по диалектам общеиндоевропейского языка оформляется разными суффиксами -no-, -к-, -uo- – это дейксис со

значением “вон тот, напротив меня” (ср. старолат. *oino,* лат. *ūnus* “один”, гот. *ains*, др.-англ. *ān* (англ. *one*) – “один” (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 843; Степанов 1989, 59).

Отсутствие общего слова для обозначения первого члена числового ряда вполне понятно, так как сама необходимость в счете начинается с наличия хотя бы двух предметов. Таким образом, история числительного *один* – это история скорее не слова со значением числа, а местоимения или артикля. По своей семантике и синтаксическому поведению *один* напоминает указательное или неопределённое местоимение. Этому особому статусу слова *один* соответствует согласовательная синтаксическая модель поведения.

Собственно, когда речь идёт о сохранности «облика» общеиндоевропейского корня числительных в языках-потомках, имеются в виду числительные от *двух* до *десяти*. Формы этих слов в индоевропейских языках обнаруживают строгие фонемные соответствия, которые позволяют реконструировать общеиндоевропейский вид корня и отчасти его значение. Немецкий исследователь В. Винтер, высказал гипотезу о том, что числительные *два-десять* образовывали в общеиндоевропейском языке ясно структурированное семантическое поле (Винтер 1989, 32). Действительно, можно предположить, что основные значения древних основ связаны с конкретными существительными, а также со счётом на пальцах, а, следовательно, с пальцами рук или с рукой вообще. Во всяком случае, этимология этих числительных запечатлела древние системы счисления, существовавшие у индоевропейцев: пятеричную и десятичную.

Итак, счёт начинался с *двух*. Числительное *два* восходит к дуализу тематической основы общеиндоевропейского имени с невыясненной этимологией *dwe/o- (ср. др.-инд. *dvau*, алб. *dy*, греч. *Δυω*, лат. *duo*, др. англ *.tū*). Числительное *три* в индоевропейских языках обычно соотносят с формой множественного числа основы * *trey*, архетип этого слова имеет вид **t[h]rei* (ср. др.-инд. t*rayah,* алб. *tre* (м.р.), *tri* (ж.р), греч. *τρεἰς*, лат. *tres*). Числительное *четыре* восходит к *k[h]°et[h]u̯e/or, которое связано этимологически с др.-рус. словом *четъ* ǐ– основ. Наиболее прозрачная этимология у числительного *пять*. Исходный общеиндоевропейский корень *p[h]enk[h]°e- по происхождению связан с названием кисти руки (ср. др.-в.-нем. *fūst*, др.-англ. *fyst*, ст.-слав. *pęstĭ*, др.-рус. *пясть* – «кулак, запястье»), что доказывает наличие пятеричной системы счисления у древних индоевропейцев. Об этом же говорит и этимология числительного *десять* (общеиндоевропейское *dekmt-, которое может быть этимологизировано как «две руки».) Этимология числительного *шесть* спорна, хотя архетип восстановлен: *ś°k[h]s-

(Гамкрелидзе, Иванов 1984, 847) или *sweks из более раннего *[h]weks со значением “расти” (Винтер 1989, 34). В. Винтер интерпретирует значение этого числительного как “прирост”, возможно, после *пяти*, что также может служить указанием на пятеричную систему счисления. Реконструирована древняя основа для *семи* – *sep[h]t[h]m, хотя значение и исконность индоевропейского происхождения этого слова не доказаны. Числительное *восемь* могло первоначально значить «дважды четыре» (ok[h]t[h]ö(u)-), так как имело окончание дуалиса м.р. Это значение числительного отражено в авест. *ašti-* «ширина четырёх пальцев». Числительное *девять* (*neu̯(e)n-) предположительно связано со словом «новый», то есть новое число после *восьми*. Последние два числительных гипотетически могут указывать на наличие старой четверичной системы счисления, когда при счёте использовались вытянутые четыре пальца руки или двух рук (Semerenyi 1960, 113; Гамкрелидзе, Иванов 1984, 844–855; 7, 32–36).

Подробно изложенные этимологические данные весьма важны ещё с одной точки зрения. Слова, обозначавшие числа, в общеиндоевропейском языке формировались в основном из класса местоимений и существительных. Типологическую аналогию можно найти в неиндоевропейских языках. Так, например, в шумерском языке слова *deš*, *dili* с первоначальным значением «мужчина» стали использоваться для обозначения числа *один* (Рифтин 1927, 183–184; Дьяконов 1967, 60). Таким образом, названия чисел заимствовались из общего лексического фонда. Этим обстоятельством объясняется разница в синтаксическом поведении числовых слов уже в общеиндоевропейском языке, которую можно предположить, основываясь на свидетельствах большого числа древних индоевропейских диалектов. Так, числовые слова от *двух* до *четырёх* дублировали формы существительного в именной группе, что давало повод считать их адъективами (Мейе 1938, 410; Супрун 1956, 3). Однако такая «согласовательная» модель поведения не является прямым свидетельством частеречной принадлежности этих слов, а указывает лишь на исторически более ранний тип синтаксической связи. Если принять во внимание данные этимологии, подтверждающие наличие четверичной системы счисления, как бы «стёртой» впоследствии пятеричной, то можно предположить, что низшие числительные (*два–четыре*) вступали в синтаксическую связь посредством дублирования граммем.

Экстралингвистические данные: примитивные математические представления, система счисления, соотношения числа с денежной и метрической единицей

Формирование класса числовых слов в русском языке, как и в любом другом, связано с рядом экстралингвистических факторов: *первичные математические представления*; *система счисления*; *техника счета*; *соотношение числа с денежной и метрической единицей.* Рассмотрим основные из этих факторов и их отражение в зеркале языка.

Первичные математические представления

Древнерусская культура впитала в себя математическую концепцию Древнего мира – Вавилона, Египта, Греции и Рима, а вместе с нею и систему счисления, главным образом, десятиричную, хотя, как будет показано далее, в быту большую устойчивость обнаруживали пятиричная и двенадцатиричная системы. В особом синтаксическом поведении количественных числительных древнерусского и современного русского языков запечатлелись архаичные числовые представления.

Изучение архаичных текстов разных культурных традиций позволяет увидеть два этапа формирования числа. Первый этап связан с представлением о дискретности мира: с проявлением антитезы Космос – Хаос (К. Леви-Стросс); с противопоставлением мужчины и женщины; с делением племенного сообщества на фратрии и матримониальные классы (Топоров 1980, 8). Этот этап характеризуется тем, что числовая семантика несла в себе больше, чем простое количественное соответствие. Слово, обозначающее число, имело колоссальную семантическую и ассоциативную «ретроспективу». Вероятно, именно в этот период возникают так называемые «отмеченные», сакральные числа. В архаичных традициях, по мнению В. Н. Топорова, «числа могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, «космизирующее» значение. Тем самым числа становились образом мира (imago mundi)... » (Топоров 1980, 5). Таково число «3», которое фигурирует во многих текстах: *три героя, три действия, три попытки, три дороги, три этапа любого процесса*[2]. То, что число повторений, играющих большую роль в фольклорных эпических текстах, ограничивается числом «3» имеет свое объяснение. В статье «Фольклор и действительность» В. Я. Пропп писал: « […] Число «3» некогда было

[2] Число 3 представляет собой идеальную структуру с выделенными началом, серединой и концом (Топоров 1980, 22).

пределом, дальше которого счёт долгое время не выходил. «3» когда-то означало «много», а «много» означало то же, что и «сильно», «очень», т.е. через множество обозначалась интенсивность» (Пропп 1963). Приравнивание числа «3» к значению «много» находит подтверждение не только в устном народном творчестве, но и в собственно лингвистических фактах. Это относится к выработке грамматической категории числа в языке, где количество исчисляемых предметов, равное или превышающее «3» , выражается множественным числом. Значение «много» («очень», «сильно»), закрепленное за числом «3» и сформированное в глубокой древности, оказывается очень устойчивым и в более поздние эпохи. Так, числительное *три* в русском языке было переосмыслено как префикс со значением «превосходной степени». В значительно более поздний период (16–17 вв.) в русском языке появляются слова *трисияти «сиять тройственным светоме», трезвон* – первоначально *«звон в три колокола», треволнение, треблаженный, тресветлый, треклятый* (Глаздовская 1993, 45– 49).

В космогонических мифах часто присутствует число «4», которое представляет собой прообраз «идеально устойчивой структуры», это число является организующим для пространства: четыре стороны света, четыре времени года (Топоров 1980, 23). Число «4» так же, как и «3», ассоциировалось в первобытном сознании с понятиями целостности и множественности. Таким образом, *четыре* – это следующее после *трёх* «много» на шкале первичных числовых представлений. Уже на этом, самом древнем, этапе формирования числительных прослеживается возникновение противопоставления «единичности» – «парности/двойственности» – «множественности». Последнее понятие может быть представлено как «тройкой», так и «четверкой». Гипотетически предположим, что синтаксическая связь в синтагмах с числительными *(Num +S)*, входящими к триаде, должна быть неодинаковой внутри этого ряда. Причём пограничное положение различных «много» («3» и «4») на шкале начальных числовых представлений сформировалось в разные исторические эпохи и имело характер исторических напластований. Это может служить косвенным объяснением того факта, что в индоевропейских языках согласовательная модель синтаксического поведения (то есть дублирование граммем существительного и числительного) колебалась вокруг этих двух «отметок». Так, в древнегреческом, славянских языках «4» вовлекалось в архаичную согласовательную модель, а, например, в латинском, в германских – нет.

Второй этап формирования представлений о числе связан с «десемантизацией» членов числового ряда, над которыми возможно производить все математические действия; «все числа на этой стадии

равноправны в двух отношениях: все они равно абстрактны, то есть между ними нет отношений семантической иерархии; и над каждым из них может производиться любая из допустимых операций» (Топоров 1980, 4–5). Именно в этот период складываются различные системы счисления.

Системы счисления

С точки зрения синтаксического исследования, система счисления может быть интересна в двух аспектах: (1) она определяла синтаксическую структуру с числительным (устройство синтагмы); (2) числительные, вовлечённые в более архаичную систему счисления, сохраняли и более архаичные синтаксические связи внутри синтагм.

Истории известны *четверичная*, *пятиричная*, *десятиричная*, *двадцатиричная* системы счисления, которые были связаны со счётом на пальцах рук, а также вавилонская (шумерская) *шестидесятиричная* система счисления, которой мы пользуемся до сих пор при измерении углов и времени, и *двенадцатиричная* система, распространенная у древних германцев.

Известно, что в позднем общеиндоевропейском языке господствовала десятиричная система счисления, которая наложилась на другие более древние системы. Остатки архаичного четверичного счёта можно предположить исходя из дуалиса индоевропейского «8» , которое реконструируется как *ok[h]t[h]ō(u)- ср. тох. A. *okät*; тох. B. *okt* др.-инд. *astā;* авест. *ašta «ширина в четыре пальца»*. «Форму двойственного числа этого числительного нужно понимать как удвоение первоначального числа, дающего в результате «восемь», то есть «четырёх» (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 849– 850). Следовательно, «8» могло первоначально значить «дважды четыре». Таким образом, «4» снова возникает на исторической арене первичных математических представлений как одно из пограничных чисел, исчерпывавших счет на древнем этапе.

Следующим идёт число «5», послужившее основанием для весьма распространённой в Древнем мире пятиричной системы счисления. В общеиндоевропейском языке пятиричное счисление достоверно доказано данными этимологии, кроме того, эта система не разрушалась довольно долго и есть живые свидетельства ее употребления (например, пятиричная система в разговорнике Т. Фенне; обязательное наличие «5» в разных денежных система).

В большинстве индоевропейских языков числительным «5» открывается новая синтаксическая стратегия числительных. В

структурах *Num+S* это слово остается либо неизменяемым (квази-примыкание), либо же управляет Р.п., как существительное.

Отпечаток пятиричной системы счисления можно усмотреть и в древнерусской синтаксической стратегии числительных. К такой точке зрения склонялся П. С. Кузнецов: «Наличие резкой грамматической границы, по одну сторону которой лежат названия чисел до *четырёх* включительно, а по другую названия чисел, начиная с *пяти,* возможно представляет собой остаток тех норм, при которых господствовала пятиричная система счисления. Название числа 5, образовывавшего единицу нового, высшего разряда, обозначало в то же время некоторую нерасчлененную совокупность, что и выражалось в его грамматических свойствах» (Кузнецов 1953, 173–174). Чем была в грамматическом отношении эта «нерасчлененная совокупность», о которой писал П. С. Кузнецов, остаётся до сих пор неясным. Так, по А. Мейе, несклоняемое в общеиндоевропейском «5» в славянских языках заменилось абстрактным именем («пяток» с основой на -ь (основы ж.р. на * ĭ) (Мейе 1938, 411). Наконец, О. Ф. Жолобов указывает на отсутствие суффикса абстрактного существительного у слов типа «пять» в славянских языках (Жолобов 2001). Но даже при неполной ясности грамматического статуса этого числительного следует отметить, что с *пяти* (по крайней мере, с «5» до «10») начинается «новая эра» в синтаксической стратегии числительных в структурах *Num+S*: в граммемах числительного не отображается род и падеж существительного, а, напротив, числительное диктует исчисляемому существительному определенную грамматическую форму.

Примитивные четверичная и пятиричная системы счисления уже в позднем общеиндоевропейском языке были перекрыты десятиричной системой счисления, которая оперирует единицами, десятками, сотнями, тысячами. Эта система счисления нашла отражение прежде всего в образовании сложных числительных, в основе которых лежат синтагмы (лат. *undecim*; др.-греч. *δώδεκα.*; др.-рус. *два на десяте*; англ. *five* and *twenty;*). Названия десятков, сотен и тысяч, как правило, представляли собой существительные, управлявшие Р.п. мн.ч. исчисляемых существительных и, следовательно, в синтаксическом смысле были похожи на квантификаторы. Несомненным квантификатором в индоевропейских языках является слово «1000», которое в разных диалектах общеиндоевропейского языка обозначалось разными словами, выражавшими первоначальное значение «большого множества»: ср. тох. А. *wälts* и тох. В *yältse* – «большое число». (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 848).

Со счётом на пальцах связана и двадцатиричная система счисления, засвидетельствованная в сложных числительных многих

индоевропейских языков лат. *duodeviginti* – досл. *«без двух двадцать»*, франц. *quatre vingt – «четыре раза по двадцать»*, то есть *«80»*; *quatre vingt-dix* – досл. *«четыре раза по двадцать плюс десять»*, то есть *«90»*. Счёт по двадцаткам был универсальным и имел широкое распространен в Евразии. Он отмечается в шумерском: *20* (ni- aš), *40* (ni-min), *50* (ni-min-u) (Дьяконов 1967, 60–61). Следы этой системы присутствуют в баскском, где числительное *ogei «20»* служило базой для создания чисел *berr ogei* – досл. *«два двадцать»*; *hirur ogei «три двадцать»*. Эта же система счисления обнаруживается в индоиранских языках: в.-осет. *duvissäji* и з.-осет. *duvinsäji* (2х20=40); в германских языках: ср.-англ. *four score – «четыре двадцать»*; а также датское *sindstryve* (20) является одним из компонентов числительного «60» *tresindstryve* (3х20), последнее образует числительное «50» *halvfirsindstryve* – досл. «половина третьей двадцатки».

Двадцатиричная система счисления не добавляет каких-либо новых сведений о сочетаемости внутри структур *Num + S*, однако является прекрасной иллюстрацией второго этапа формирования числовых представлений, когда в числительных начинают отображаться различные математические действия: сложение (фр. *quatre vingt-dix)*, вычитание (лат. *duodeviginti)*, умножение (франц. *quatre vingt)*, операции с дробями (дат. *halvfirsindstryve)*. Остатки двадцатиричного счисления, также как и десятиричного, позволяют увидеть, как числительное рождается из синтагмы или предложения (ср. др.-греч. «8» и «9»).

Соотношения числа с денежной и метрической единицей

Вавилонское (шумерское) шестидесятиричное и германское двенадцатиричное счисление возникли в результате переосмысления денежно-весовых систем. Рассмотрение этих систем доказывает семантическую близость номинаций чисел и мер. Данный аспект очень важен, так как далее мы увидим, что синтагмы *Num + S* эволюционировали в значительной мере под влиянием сближения числительных и существительных, называющих меры. Шестидесятиричная система счисления, по версии известного историка естественных наук О. Нейгебауэра, произошла из синтеза шумерской и аккадской весовых единиц: 1 мина = 60 шекелям, это же соотношение применялось при счете денег на вес. В дальнейшем потребовалась более крупная единица веса – талант, так как отношение 60 стало уже привычным при хозяйственных расчётах, новая единица стала в 60 раз крупнее мины.

Вавилонская система шагнула далеко за пространственные и временные пределы древней Передней Азии. Она оказала огромное влияние на индоевропейские языки. Так, по мнению К. Бруннера, отголоски вавилонского счисления запечатлелись, например, в образовании древнеанглийских числительных от 70 до 120, где

индоевропейское «100» *hund* переносилось на десятки после «60» и к нему добавлялось производное от количественного числительного от «7» до «12», например, *hundseofontiz* (70) (Бруннер 2003, 94).

Другой системой счисления, в основе которой лежало, по-видимому, соотношение числа с метрической единицей, была двенадцатиричная. Так, на двенадцатиричном счислении, которое было, вероятно, заимствовано у этрусков, основывалась римская денежно-весовая система. Двенадцать унций (uncial< ūnus) равнялись одному ассу(ās(s), Р.п. assis). Две унции выражались как 1/6 асса – sextāns, три унции соответственно – как ¼ асса – quadrāns (Тронский 2001, 407).

У древних германцев двенадцатиричная система долго конкурировала с десятиричной. Наиболее ярким примером этого является вытеснение в германских языках первоначального значения числа *hunda «120» (готск. *hunda*; англ.-сакс. hund) другим значением – «100», что привело к возникновению понятий «малая сотня» (100) и «большая сотня» (120).

В России двенадцатиричная система привилась и просуществовала довольно долго. В книге воспоминаний о Москве 1920–1930-х годов «Утро красит нежным светом…» известного историка Москвы и русского быта Ю. А. Федосюка рассказывается об использовании двенадцатеричного счета в обыденной жизни москвичей: «Кое-какие мелкие штучные товары продавали гроссами. Гросс равнялся 12 дюжинам, то есть 144 штукам. Это не старинная русская мера, а остаток западной двенадцатеричной системы, некогда утвердившейся на Руси. Почтовую бумагу продавали дестями; десть равнялась 24 листам» (Федосюк 2003, 143).

Как мы видим, число и денежная / метрическая единица очень близки в семантическом смысле. Неслучайно мера часто становится именем числа и наоборот (ср. этимологию рус. *сорок;* дат. *ol,* словац. *meru,* а также лат. *uncial< ūnus*).

«В определённых ситуациях – и на определённом этапе эволюции счета- обозначение меры счета и обозначение считаемых предметов могут совпадать (то есть их различия могут нейтрализоваться). Так, мы считаем *бутылки* молока, *ведра* яблок, *коробки* спичек и т. п. Мы говорим *шаг, другой, третий…*, где слово *шаг* синонимично слову *один*; *рюмка, другая, третья…*, где синонимом слова *один* оказывается уже *рюмка*, и т. п. (Степанов 1989, 59). Это семантическое сближение, безусловно, должно было привести к выравниванию синтаксических структур *Num+ S* (*двенадцать яиц*), *S measure+S* (*дюжина яиц*), *Num indef +S* (*много яблок, несколько лошадей*).

Многие числительные «обязаны» своим происхождением существительным, которые являлись вместилищем для какого-либо

количества предметов. Таковы например, упоминавшиеся ранее датские числительные *snes* (20) и *ol* (80), русское числительное *сорок.* Однако не всем этим существительным суждено было попасть в разряд отдельной части речи – числительного. В этом случае они становились так называемыми счётными словами (*буханка хлеба, корзина грибов, мешок игрушек, бутылка молока* и т д.) Семантическую близость числительных и счётных слов лучше всего демонстрируют фольклорные тексты, имеющие несомненную древнюю основу:

Живота у него *кораблями*,
Золотых у него *сундуками*,
Порчей, штофей *косяками*,
Куниц, соболей *сороками.*

Как видим, в этом отрывке былинного текста числительное *сорок* (или точнее его «прародитель») стоит в одном ряду со словами *корабли, сундуки, косяки*, которые так же, как и *сорок*, могли бы занять место в системе русских числительных, однако по прихоти случайности его не заняли.

Отголоском грамматических «претензий» счетных слов на место в ряду числительных является необычность их синтаксической связи. Так, неопределенно-количественные синтагмы со счетными словами имеют вид [Snum + S gen/pl], если S – конкретное существительное (*корзина яблок, мешок игрушек*) или [Snum + S gen/sing], если S – например, вещественное (*сундук золота, косяк/рулон парчи*). В этих структурах счётное существительное предсказывает не только форму падежа зависимого, но и форму числа, чего нет в общих случаях управления: *дом друга, дом друзей.*

Мы видим, что граница между числительным и квантификатором была весьма подвижна. В современном русском языке эта граница также часто условна: об этом свидетельствуют устойчивые выражения *мильон терзаний, тысяча извинений, сто раз* и др.

Семантическая и генетическая близость числительных, счетных слов и квантификаторов лежит в основе синтаксической общности 3-х типов структур:

a. Синтагм, включающих числительное и существительное,- *Num (5–10) +S* (*пять яблок, шесть лошадей*)

b. Синтагм, включающих счетное существительное и числительное, – *Snum + S* (*корзина яблок, табун лошадей*)

c. Синтагм, включающих квантификатор (неопределённо-количественное слово) и существительное, – *Num indef +S* (*много яблок, несколько лошадей*).

Подводя итог разбору экстралингвистических факторов, которые отражают генезис числительных и могли повлиять на формирование синтаксических структур *Num+S,* отметим следующие положения:

1) На самом древнем этапе формирования числительных прослеживается возникновение противопоставления «единичности» – «парности/двойственности» – «множественности». Последнее понятие на ранних этапах может вмещать числовое значение как «3», так и «4». Это служит косвенным объяснением того факта, что в индоевропейских языках согласовательная (более архаичная) модель синтаксического поведения колебалась вокруг этих двух «отметок».

2) Числительные, вовлечённые в более архаичную систему счисления (например, четверичную), сохраняли и более архаичные синтаксические связи внутри синтагм.

3) В большинстве индоевропейских языков числительным «5», являющимся основанием пятиричной системы счисления, открывается новая синтаксическая стратегия числительных. В структурах *Num+S* это слово остается либо неизменяемым (квази-примыкание), либо же управляет Р.п. как существительное. Такова же модель синтаксического поведения последующих числительных (6–10). Следы пятиричной системы счисления можно усмотреть и в древнерусской синтаксической стратегии числительных.

4) При десятиричной системе счисления, которая исторически явлется более поздней, названия десятков, сотен и тысяч представляют собой существительные, управлявшие Р.п. мн. ч. исчисляемых существительных и, следовательно, в синтаксическом смысле были похожи на квантификаторы.

5) Номинации чисел часто исторически связаны с названиями разлчных мер (денежных, весовых, пространственных). Семантическая близость числа и меры, возможно, приводит к выравниванию синтаксических структур *Num+S* (*двенадцать яиц*) и *Smeasure+S* (*дюжина яиц*) в историческом процессе развития языка.

Аномалии в синтаксической связи русских именных групп Num+S как проявление реликтовых количественных значений

В современном русском языке именные группы с количественными числительными *(Num+S)*, например, *два дома, три сына, шесть лет, тридцать три богатыря, сорок разбойников* в синтаксическом смысле обнаруживают несовпадение с магистральными тенденциями синтагматики. Так, можно выделить четыре типа синтаксической стратегии данных структур:

Неполное согласование числительного *один* с существительным в роде и падеже (*один день, одного дня, об одном дне*). Контролером согласования по роду и падежу здесь выступает существительное: *одного* ← (Р.п., м.р.) *дня*. Однако от типичного для русского языка

согласования синтаксическая связь в конструкции *Num(1)+S* отличаются тем, что число существительного бывает только единственным, продиктованным числительным. Следовательно, мы можем предположить, что синтагма *Num(1)+S*, где *Num*=1, обладает двусторонней морфологической зависимостью.

Двусторонняя морфологическая зависимость в синтагмах с числительным *два*, которая характерна для именных групп *Num(2)+S nom (одуш, неодуш)/acc(неодуш)*: *Два друга встретились в кафе. Два дома стояли на пригорке. Он увидел два дома.* Подобного рода чётко выраженная взаимозависимость компонентов весьма редко встречается в русском языке. Аналогию можно обнаружить лишь в координации подлежащего и сказуемого.

Двусторонняя морфологическая зависимость во всех других синтагмах с числительным *два*, а также в синтагмах с числительными *три–десять* в конструкциях *Num(2–10)+Sgen…loc*: *У двух (трёх, десяти) домов покосились крыши. Они встретились двумя (четырьмя…, десятью) годами позже* и т. д. Здесь роль контролёра морфологической зависимости снова переходит к существительному. На это указывает возможность эллипсиса числительного: *У домов покосились крыши*; или замены его на слово с неопределённым количественным значением: *У нескольких (многих) домов покосились крыш (ср.* невозможность пропуска существительного в синтагме *Num(2)+S nom (одуш): *Друга встретились в кафе)*.

Односторонняя морфологическая зависимость, контролируемая числительными *три–десять* в конструкциях *Num+Snom (одуш., неодуш.)/acc(неодуш.)*, при которой числительное диктует существительному форму Р.п. ед. (*три друга, четыре дома*) или Р.п. мн.ч. (*пять друзей, десять дом*ов). Эта морфологическая зависимость напоминает управление в конструкциях со счётными существительными (*бутылка молока, буханка хлеба, куча газет* и др.).

Таким образом, конструкции *Num+S* не только стоят в стороне от магистральных тенденций русской синтагматики, но и в «своей среде» не проявляют единодушия. Русские именные группы *Num+S* представляют собой несомненный реликт. Синтаксическая связь внутри синтагм *Num+ S* отражает многие этапы формирования числительных как части речи: формирование понятия малого и большого множества, устойчивость пятиричной системы, наслоение систем счисления (в связи с этим разная стратегия числительных от 2–4 и 5–10 и далее); стремление сохранить представление о дуалисе (особая связь внутри синтагмы с числительным *два*) и др. (Гордиевская 1914, 96–104).

Только подробное изучение генезиса числовых слов, начиная от праиндоевропейской эпохи, проливает свет на метаморфозы, происходившие в именных группах *Num+S* на протяжении всей истории русского языка, а также

на нетипичное для современного русского синтаксиса устройство этой синтагмы.

Библиография

Бруннер К. (2003) История английского языка. Москва.
Винтер В. (1989) Некоторые мысли об индоевропейских числительных // Вопросы языкознания. № 4. – С. 32–40.
Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. (1984) Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 842–855.
Глаздовская В. В. (1993) Из истории сложных глаголов с корнем числительного три // Белоруска-рускапольскае супастауляльнае мовазнауства. Витебск.
Гордиевская М. Л. (2014) Количественные антиномии в современном русском языке //Логический анализ языка: числовой код в разных языках и культурах. Москва.
Дьяконов И. М. (1967) Языки древней Передней Азии. Москва «Наука».
Жирмунский В. М. (1956) История немецкого языка. Москва.
Жолобов О. Ф. (2001) Древнеславянские числительные как часть речи //Вопросы языкознания, 2001, №2.
Иванов Вяч. Вс. (1996) Из заметок о праславянских и индоевропейских числительных // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка, Москва.
Кацнельсон С. Д. (1949) Историко-грамматические исследования. Москва–Ленинград. С. 72–77, 139.
Кузнецов П. С. (1953) Историческая грамматика русского языка. Москва.
Леман В. П. (1991) Новое в индоевропеистических исследованиях // Вопросы языкознания, №3, с. 19–20.
Мейе А. (1938) Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Москва–Ленинград.
Пропп В. Я. (1963) Фольклор и действительность// Русская литература, № 3.
Рифтин А. П. (1927) Система шумерских числительных // Языкознание. Проблемы по числительным, Ленинград, Т.1.
Степанов Ю. С. (1989) Счёт, имена чисел, алфавитные знаки // Вопросы языкознания № 4. – С. 58–61.
Супрун А. Е. (1958) Некоторые общие явления в историческом развитии числительных в славянских языках // Учёные записки филологического факультета, Выпуск 5. Фрунзе, С. 3–11.
Топоров В. Н. (1980) О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. Москва.
Тронский И. М. (2001) Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). Москва.
Федосюк Ю. А. (2003) Утро красит нежным светом. Воспоминания о Москве 1920-30-х гг. Москва.
Шантрен П. (1953) Историческая морфология греческого языка. Москва.
Эрну А. (1950) Историческая морфология латинского языка. Москва.
Szemerenyi O. (1960) Studies in the Indo-Europeansystem of numerals. Heilberg, 113–136.

Relics of Indo-European quantitative notions in Modern Russian

The category of number descends from the common Indo-European past and generally involves a two-ways opposition between singular and plural. Nevertheless, amid the domination of the strict "singular-plural" opposition, there are languages, and in particular Russian, which preserve the nuanced ways of expressing such an abstract quantitative notions as *singularity, dual, sum total, as well as "indefinite", small, big, partitive quantities.* Whilst Russian grammar system bears a distinct contrast between singularity and plurality, in its syntax we find relics, which carry numerous concrete meanings. Thus, for instance, Russian language has a particularly archaic agreement strategy in syntagmas *(Num+S)*. The archaic character of this strategy consists in hesitations in the syntactic behaviour of numerals and nouns related to them. The problem of syntactic relation in Russian noun phrases could be solved only by scrutinizing ample typological material and analyzing data on numeral systems and counting technics, which ascend to the common Indo-European past.

Key words: grammar relics, noun phrases *(Num+S),* numerals, Russian language, Indo-European language.

MARIA KITANOVA
Институт болгарского языка, БАН, Sofia (Bulgaria)

Лексическая репрезентация концепта „дом” в болгарском языке: индоевропейские истоки

Концепт ***дом*** обладает особой значимостью как культурная константа в болгарской картине мира. Он выражается в языке значительным количеством лексических и словообразовательных единиц, фразеологизмами и паремиями, в чьей семантике можно обнаружить важные для болгарской культуры концептуальные признаки. В содержании концепта происходят динамические процессы, показывающие эволюцию признаков, составляющих его семантическую структуру, наблюдается и актуализация новых смыслов. Ключевыми лексемами, репрезентирующими концепт ***дом*** в болгарском языке являются ***дом*** (р. *дом*) и ***къща*** (р. *дом*, *хата*). Рассмотрим динамику семантики этих двух репрезентантов анализируемого концепта.

Лексикографические данные

В «Болгарском этимологическом словаре» отмечено,что дом ‘дом, жилище’ родственно греческому δόμος, δομή и латинскому *domus*. В сербском *dôм*, слов. *dôm*, рус. *дом*, чеш. *dum*, длуж. и глуж. *dom*. В греч. δόμος, δομή, а в стинд. *damá* ‘къща, жилище’, лат. *domus*. Латинское слово *domus* однако означает *дом* не как здание, а как символ семьи. Данный термин является юридическим и социальным, а не

строительным. Индоевропейская основа в составе стр.-инд. *Dam patih* и греческого *δεσπότης* (**dems-pot-*) означают ‘господин, глава семьи’.

В «Этимологическом словаре» Фасмера отмечается родство со староиндийской основой *dámas* ‘дом’, *dámūnas* ‘домашний, связанный с домом’ (Фасмер 1986, 526). Индоевропейская основа в составе стр.-инд. *Dam patih* и греческого *δεσπότης* (**dems-pot-*) означает ‘господин, глава семьи’.

В «Староболгарском словаре» лексема ***дом*** имеет следующие значения: домъ **1.** Дом, жилище; **2.** Церковь, храм; 3. Домочадцы, челядь, семья; Домъ (Зогр. Мар. Асем.). Домови ‘к дому’ (Зогр. Мар), ‘домовитъ’.

В «Словаре» Найдена Герова находим: *Дом* **1.** Дом; **2.** Все, кто дома – челядь, семья; **3.** Пожитки, хозяйство: *Какво са по дома, по дома*? (р. *Как поживают члены твоей семьи?*).

В «Словаре болгарского языка» отмечены следующие значения лексемы *дом.* **1.** Здание или квартира для житья отдельной семьи: *Тук е нашият дом. Разполагам се като у дома си* (р. *Здесь наш дом. Я располагаюсь, как у себя дома*); **2.** Пожитки, хозяйство: *Сбирам дом и къща* (р. *Собираю дом и хату*); **3.** Семья, род; **4.** Родной закуток, Родина: *Искам да се завърна у дома си* (р. *Хочу вернуться домой*); **5.** Общественное учреждение: *Детски дом, Почивен дом, Публичен дом, Поправителен дом, Игрален дом, като у дома си* (р. *Детский дом, Дом отдыха, Публичный дом, Исправительный дом, Игорный дом, как у себя дома*).

У Найдена Герова значение ‘семья’ на втором месте, а в «Словаре болгарского языка» и в «Староболгарском словаре» – на третьем. Однако данное значение *дома* можно найти во всех указанных толковых словарях.

Лексикографические данные свидетельствуют о том, что в болгарском языке представление о доме связано с семьёй. Дом – организация внутреннего мира человека, центр его интимного мира, собственное усвоенное внутреннее пространство, являющееся частью бинарной семантической оппозиции **свой – чужой**, в которой пересекаются и другие, такие, как **внутреннее – внешнее**, **добро – зло**, **хорошее – плохое**, **чистое – грязное**. Дом и семья являются единым целым.

Къща

В «Болгарском этимологическом словаре» отмечено, что **katjā* – ‘дом из одного помещения с очагом’ происходит, вероятно, от праславянского. Слово встречается только в южнославянских языках

(БЕР 1986 3, 240–241). В болгарских диалектах встречается слово *кът* – ‘место около очага’ (прасл.), которое корреспондирует с немецком словом *Haus* ‘комната с очагом’.

Значение слова *къща* ‘комната с очагом’ можно встретить в Северо-Восточной, Северо-Западной Болгарии и в некоторых юго-восточных говорах (Витанова 2012, 74). С тем же значением встречается и слово *ижа* в Западной Болгарии.

В «Словаре» Н. Герова у *къща* находим следующие значения: *Къща* **1.** Дом, жилище, место обитания для людей: *Селска къща, Къща в земята* (р. *Крестьянская хата, Хата в земле*). **2.** Комната в доме, в которой находится очаг: *Глядам връта къща. Къща без покрив не бива* (р. *Забочусь о домохозяйстве. Дом без крыши не бывает).* В староболгарском (Ман. хр.) кѫшта – ‘дом’, хыза – ‘хижина’; градъ – ‘здание’.

В «Болгарском толковом словаре»: *Къща* **1.** Здание, построение, в котором живут люди: *Двуетажна къща* (р. *Двухэтажный дом*); **2.** Обстановка, в которой живет семья, домохозяйство: *В тази къща нищо не е наред* (р. *В этом доме ничего не так, как надо*); 3. Совокупность лиц, образующих семью, одно домохозяйство.

Видно, что в обоих словарях совпадает только первое значение ‘здание, построение, в котором живут люди’. У Н. Герова отмечается второе значение – ‘комната в доме, в которой находится очаг’, которое отсутствует в современных словарях. В болгарской традиционной культуре у очага есть важная функция – сакральный центр дома. Неслучайно часто употребляется синекдоха – *бащино огнище* (*отеческий очаг*) – как синоним *дома* и *Родины.*

Новую этимологию, в которой обнаруживается взаимосвязь семантики лексем *дом* и *къщ*а, предлагает Анита Касабова (Касабова 2011). Она доказывает, что болгарское слово *дом* имеет тот же индоевропейский корень *dem*, что и немецкое *Heim* (это то же слово, что и древнеанглийское *ham* и современное английское *hom* в соответствии с законом чередования ***е-а-о***).

Её гипотеза состоит в том, что слова *дом* и *къща* имеют в определённом смысле общую семантику. Фонетические правила, которые она применяет в исследовании двух существительных *дом* и *къща*, – это чередование гласных фонем (закон Брюгмана) и k-g-h палатализация согласных фонем.

По её мнению, в современном болгарском языке сохранились два индоевропейских корня в словах *дом* и *къща*, которые являются *dem* и (t ') *kei*. Современные болгары считают, что *дом* и *къща* – это разные слова, имеющие общее значение. В то же время одно означает место для семьи, а другое – просто здание. Функционирование данных слов

обнаруживает неполную синонимию. Таким образом, согласно «Болгарскому словарю», *дом* означает ‘место, в котором живёт отдельная семья, а также сама семья’, а *къща* – ‘местообитание’.

Дом и *къща*

В старогреческом языке существует глагол *δέμω* – ‘строить’. Индоевропейский корень *dem* означает ‘строить’ и ‘соединяться’. Мы также находим слово *demos*, которое означает ‘сообщество’. Корень *dem* встречается и во французском слове *demeure*. Общий корень обнаруживается и в латинском слове *domus* – болгарское *дом*, английское *domain* (от французского *domaine*) и французское *domicile*. Английское слово *domain* означает ‘область, поле, владение’, французское *domicile* – ‘местожительство’, а *domus* и Δομοζ – ‘дом’, ‘здание’ или ‘часть дома’.

Существует пересечение значений лексем *дом* и *къща* ещё в греческом слове *δομοζ*, из которого следует болгарское слово *дом*. А. Касабова называет ещё корень '(t') – *kei*, который имеет значения ‘окружающий’ и ‘ложиться спать’ и сближается с глаголом *sleep*, что означает ‘сон’ и напоминает ‘кровать’ и ‘брак’, а также супружеские отношения.

Она приводит и старогерманский корень *hiwa*, который, по её мнению, объединяет значения ‘сграда’, ‘кравать’, ‘брак’ и ‘семья’. Поэтому слово *дом* связано не только с ограждением от внешнего мира, но и с созданием семьи.

Таким образом, А. Касабова объясняет, как *къща* становится *домом*. Кроме того, из корня *kei* она выводит значение: ‘общий’, на английском языке – ‘общественность’ и ‘государство’. В некоторых болгарских диалектах слово *държава* (государство) означает тоже ‘богатство’ и ‘свойство’.

Эта гипотеза потверждается данными ассоциативных анкет, которые мы сформировали в 2015–2016 гг. (Китанова 2015, 138–148).

Был задан вопрос: *Что для вас является настоящим домом*?

Анкетированы 90 человек: 45 мужчин в возрасте от 18 до 22 лет и 45 женщин в точно таком же возрасте; это студенты гуманитарных и технических специальностей СУ имени св. Климента Охридского (поровну).

Обнаружились следующие результаты.

Дом: любов (р. *любовь*) – 78; семейство (р. *семья*) – 60; майка (р. *мать*) – 60; баща (р. *отец*) – 20; сестра (р. *сестра*) – 27; брат (р. *брат*) – 27; баба (р. *бабушка*) – 45; дядо (р. *дедушка*) – 33; прабаба (р. *прабабушка*) – 9; прадядо (р. *прадедушка*) – 9; храна (р. *пища*) – 66;

палачинки (р. *блинчики*) – 21; шоколад (р. *шоколад*) – 12; закуска (р. *завтрак*) – 18; легло (р. *кровать*) – 63; диван (р. *диван*) – 18; спане (р. *спать*) – 6; уют (р. *уют*) – 60; топлина (р. *теплота*) – 39; спокойствие (р. *спокойствие*) –33; домашен любимец (р. *домашний питомец*) – 24; компютър (р. *компьютер*); интернет (р. *интернет*) – 24; забавление (р. *забава*) – 21; телевизор (р. *телевизор*) – 721 щастие (р. *счастье*) – 18; удобство и удобно място (р. *удобство и удобное место*) – 12; грижа (р. *забота*) – 18; басейн (р. *бассейн*) – 18; баня (р. *ванная*) – 12; удобно място (р. *удобное место*) – 12; приятно място (р. *приятное место*) – 9; вана (р. *ванна*) – 9; родина (р. *родина*) – 9; сигурност (р. *обеспеченность*) – 9; разбирателство (р. *взаимопонимание*) – 9; нежност (р. *нежность*) – 9; почивка (р. *отдых*) – 6; безопасност (р. *безопасность*) – 6; свобода (р. *свобода*) – 6; подкрепа (р. *поддержка*) – 6; ядове (р. *заботы*) – 3; близост (р. *близость*) – 3; красота (р. *красота*) – 3; усмивки (р. *улыбки*) – 2; спомени (р. *воспоминания*) – 2; телефон (р. *телефон*) – 2; покрив (р. *крыша*) – 2; светлина (р. *свет*) – 2.

Къща: дом (р. *дом*) – 17; семейство (р. *семья*) – 13; топлина (р. *теплота*) – 9; уют (р. *уют*) – 7; спокойствие (р. *спокойствие*) – 4; градина (р. *сад*) – 3; с покрив (р. *с крышей*) – 3; природа (р. *природа*) – 3; бяла (р. *белая*) – 3; село (р. *деревня*) – 2; куче (р. *собака*) – 2; ограда (р. *забор*) – 2; голяма (р. *большая*) – 2; деца (р. *дети*) – 2; прозорци (р. *окна*) – 2; щастие (р. *счастье*) – 2; почивка (р. *отдых*) – 2; хора (р. *люди*) – 2; сграда (р. *здание*) – 1; майка (р. *мать*) – 1; красива (р. *красивая*) – 1; доверие (р. *доверие*) – 1; простор (р. *простор*) – 1; маса (р. *стол*) – 1; огнище (р. *очаг*) – 1; скривалище (р. *убежище*) – 1; уединение (р. *уединение*) – 1; затвореност (р. *замкнутость*) – 1; праг (р. *порог*) – 1; свобода (р. *свобода*) – 1; грижа (р. *забота*) – 1; баба (р. *бабушка*) – 1; дядо (р. *дедушка*) – 1.

Семейство (семья)

Слово *семейство* также очень древнее. Оно существует в староболгарском языке: сѣминъ ‘ἀνδράποδον mancipium’, сѣмия colect. ‘ἀνδράποδα mancipia’. В древнерусском языке у него фиксировалось значение ‘челядь, домочадцы, рабы’, а сѣминъ – ‘рабочий, слуга, домохозяин’. О. Н. Трубачев полагает, что суффикс *-т*, лежащий в основе слова (*-heim*) имеет значение ‘дом, семейный очаг’ (Трубачев 2006, 165). В болгарской картине мира *дом* воспринимается как центр освоенного семейного пространства, которое противопоставляется чужому (Китанова 2010, 131).

Выводы

Слова *дом* и *къща* очень древние, их корни обнаруживаются в индоевропейском языке. У них в определённом смысле общая семантика – ‘место, где проживает семья’. Неслучайно анализ репрезентантов концепта ***дом*** – *дом* и *къща* – представляет возможность раскрыть универсальные для всех культур оппозиции: **свой – чужой, внутренний – внешний, открытый – закрытый, хороший – плохой, чистый – грязный, частный – публичный**.

Источники

БЕР 1986: Български етимологичен речник, Т. 3, АИ „Проф. М. Дринов“. София.
БТР 1973: Български тълковен речник, „Наука и изкуство“. София.
СР 2010: Старобългарски речник, Т. II. София.
Фасмер 1986: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, Т. 1. Москва.

Литература

Витанова 2012: Витанова М. Човек и свят. Лингвокултурологични проучвания. София.
Касабова 2011: Касабова А. Домът и къщата, [В:] Дискурсите на дома, НБУ. София (электронная версия).
Китанова 2010: Етнолингвистични етюди, „Знак 94“. Велико Търново.
Китанова 2015: Род, семья и дом в болгарской культуре и языке. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing.
Трубачев 2006: Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Москва.

Lexical representation of the “home”concept in the Bulgarian language: Indo-European origins

In the concept of a home, the cultural dominant, present in the Bulgarian linguistic image of the world, is of great importance. In the semantics of the home you can find important conceptual features of Bulgarian culture. A “home” is an archaic word, its roots can be found in Indo-European. Its semantics are dominated by “the place where the family lives”. It is no coincidence that the analysis of the concept of home is an opportunity to reveal universal cultural oppositions: its – foreign, internal – external, open – closed, good – bad, clean – unclean, private – public.

Key words: language history, Indo-European language family, Bulgarian language, “home” concept, etymology.

KATARZYNA JASIŃSKA
Instytut Języka Polskiego PAN (Polska)

DARIUSZ R. PIWOWARCZYK
Uniwersytet Jagielloński (Polska)

The Indo-European heritage in Modern Polish – introductory remarks

In the year 2016 Indo-European linguistics celebrated the two hundredth anniversary of its existence. It is assumed that the appearance of Franz Bopp's work on the conjugation system of the Indo-European languages (Bopp 1816) marks the beginning of this scientific discipline. Bopp, comparing the verbal inflection in Old Indic, Ancient Greek, Latin, Old Iranian and the Germanic languages, tried to reconstruct the proto-language forms and explain the origin of the conjugational endings. Bopp's research along with the works of Schleicher and the following works of the Neogrammarians based on the assumption of regular sound changes were the basis of historical-comparative linguistics. In Poland research in Indo-European linguistics began on a larger scale at the end of the 19th century mainly thanks to Jan Rozwadowski. In the next century research in this area was carried out, among others, by Jerzy Kuryłowicz, Tadeusz Milewski or Jan Safarewicz (Bednarczuk 2012: 47-48).

Referring to the long of fine tradition of this domain of linguistics, in the following article we would like to describe the classical method which is used in the analysis of the inherited leixcon, i.e. the comparative method, updated with recent Indo-European theories. Furthermore, we would like to show how these updates influenced the reconstruction of the proto-language

and we would like to present the possibilities of research on the Indo-European inherited lexicon in Polish.

1. The current state of research

The Indo-European inherited lexicon in Polish to this day has not been investigated in any comprehensive manner. Linguists' interests were centred usually on the Proto-Slavic inherited lexicon in Polish. One of the most important articles on this topic was the article by Tadeusz Lehr-Spławiński titled *Element prasłowiański we współczesnym słownictwie polskim* published in 1938 (Lehr-Spławiński 1938). In this work the author ascertains that the Proto-Slavic inherited lexicon is present in about a quarter of the words used by an average educated Pole. Later works on the topic e.g. *Stratyfikacja prasłowiańskiego dziedzictwa leksykalnego w polszczyźnie (uwagi po lekturze* Słownika Prasłowiańskiego*)* by Wojciech Rzepka and Bogdan Walczak (Rzepka, Walczak 1992) or *Prasłowiańskie dziedzictwo leksykalne we współczesnej polszczyźnie ogólnej* by Lucyna Jankowiak (Jankowiak 1997) have shown that the words of Proto-Slavic origin in Polish are much more common.

The issues concerning the lexicon inherited from the Proto-Slavic stage were subject of numerous studies both in Polish and in the other Slavic languages (cf. Kopečný 1981). On the other hand, the vocabulary common to the Slavic and Baltic languages which could be assumed to have been inherited from the Proto-Balto-Slavic stage was analyzed less frequently comparing to the Proto-Slavic inherited lexicon. The causes of this can be found in the doubts and often also negation of the Proto-Balto-Slavic stage in the development of both Baltic and Slavic languages. Such objections never arose in case of the Slavic languages where the awareness of the Slavic language community was alive long before the assumption of the existence of the Indo-European language family.

As it was mentioned before, previous research on the inherited lexicon from the oldest stage which can be reconstructed with the use of the comparative method, did not have a comprehensive character. The case pertains to Polish and the other Indo-European languages. Partial analyses were made in the entries of the etymological dictionaries of the particular languages and in singular studies, e.g. in the dictionary by Calvert Watkins (2011), Carla D. Buck (1949) or in the article by Adolf Erhart (2000) where the author tries to show how many of the lexemes were inherited in the Slavic languages from the Proto-Indo-European stage. In Polish there is the article by Krystyna Herej-Szymańska (2000) which concerns the names of the body parts inherited from Proto-Indo-European.

In *The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots* (2011) Watkins presented in an alphabetical order the reconstructed Indo-European roots mainly taken from the etymological dictionary of Indo-European by Julius Pokorny (1959). Pokorny's dictionary presents the maximal number of Proto-Indo-European roots – the root is reconstructed even on the basis of only two cognates. Thus, some of the reconstructed roots have only minimal basis in the attested material. For every root its continuants in the English language are presented both directly after Proto-Indo-European (through Proto-Germanic, Old English, Middle English and Modern English) and continued as borrowings from the other Indo-European languages, including later formations based on the Latin and Ancient Greek.

In the dictionary titled *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European languages* Carl Buck (1949) described the lexicon of the particular Indo-European languages from a different perspective – according to the semantic fields using both the inherited forms and new words present only in one or several languages without Indo-European etymology.

The article by Adolf Erhart (2000) is only a small introductory study. The author investigates the amount of Indo-European inherited lexicon in the Slavic languages by choosing the data from the common Slavic lexicon edited by Kopečný (1981) – the entries L, M and N. According to Erhart among the analyzed lexemes, 93% of verbs and 87% of nouns continues the Proto-Indo-European formations or Proto-Indo-European morphemes which in the later stages (Proto-Balto-Slavic or Proto-Slavic) were the bases for the creation of new words. Szymańska-Herej (2000) in her article presented the basic Polish vocabulary pertaining to the names of the parts of the body in terms of their origin. She chose 19 words for which Indo-European etymologies are available.

Every etymological dictionary of the Polish language (e.g. Boryś 2005) includes some information on Indo-European heritage while providing the Indo-European roots for the words which the author considers to be inherited from Proto-Indo-European. However, the Polish etymological dictionaries do not include the newest achievements of the comparative grammar of Indo-European languages (e.g. the laryngeal theory) when reconstructing the proto-language forms. For example Boryś discussing the word *brew* 'brow' provides the Proto-Indo-European root *b^hrū-* completely excluding Ancient Greek form *ophrūs* in the list of cognates. The Greek word contains the prothetic */o/ at the beginning which is difficult to explain without the laryngeal theory.

2. The notion of the *Indo-European heritage*

The notion of the *Indo-European heritage* can be understood in at least two ways – from the very strict perspective recognizing the inherited words as only these which are fully regular continuations of the Proto-Indo-European words, to the very wide perspective from which every word which includes a Proto-Indo-European root is classified as inherited. In the following article as a criterion for classifying the word as inherited we have chosen the presence of the Proto-Indo-European root in the lexeme.

With this method the lexicon in Polish can be divided in two types:

1. Direct continuants, i.e. words created in the Proto-Indo-European stage and continued in Polish which consist of:

    words built of inherited morphemes: lexical and grammatical (ending), i.e. root formations, e.g. PIE *h_3ek^w-ih_1 > PSl. **oči* > Pol. *oczy*[1];

    words built of of inherited morphemes: lexical and several grammatical (word-forming and the ending), e.g. PIE *h_2erh_3-d^hlo-m > PSl. **or-dlo* > Pol. *radło*[2] or PIE *ulk^w-o- s* > PSl. *wl̥'kъ* > Pol. *wilk*[3]

2. Indirect continuants, i.e. words created later than the Proto-Indo-European stage which include at least one innovation in the grammatical morphemes and continuing the Proto-Indo-European root in the lexical morpheme e.g. Pol. *biczowanie*. The historical morphemic analysis of this lexeme is as follows *bi-cz-ow-a-ni-e*, where:

    bi- is the lexical morpheme which continues the Proto-Indo-European *set* root *b^hiH-* (reduced grade of PIE *b^heiH 'to beat', PIE * b^hiH > PSl. *bī-* > Pol. *bi-*, cf. LIV, 72),

    -cz- is the word-forming morpheme of Proto-Indo-European descent (PIE **ti̯o*> PSl. **č* > Pol. *cz* , cf. Derksen 2008, 41),

    -ow- is the word-forming morpheme of Proto-Balto-Slavic descent (PBSl. * *ou̯* > PSl. **ow* > Pol. *ow*, cf. Otrębski 1965, 397),

    -a- is the word-forming morpheme of Proto-Indo-European descent (PIE *eh_2 > PSl. **ā* > Pol. *a*, cf. Jasanoff 1983),

---

[1] The word underwent the following phonetic changes: in the root- colouring of the vowel by the laryngeal *e* > *o*, loss of the initial laryngeal, loss of the labial coarticulation, in the ending – loss of the word-final laryngeal in the dual, which was compensated by the lengthening of the vowel *i*, first palatalization on the boundary of the root and the endingand the rounding of the vowel *i* > *y*; cf. Latin *oculus*, Ancient Greek *ósse* 'eye'.

[2] The word underwent the following phonetic changes: in the root – colouring of the vowel by the laryngeal *e* > *a*, loss of the initial laryngeal in the and the one word-final, the change of *a* > *o*, metathesis of the Anlaut, in the word-forming morpheme – loss of the aspirate, the development of *l* > *u̯* , in the ending – loss of word-final *m*; cf. Latin *aratrum*, Ancient Greek *árotron*, Lithuanian *árklas*.

[3] Cf. Vedic *vr̥'kah*, Ancient Greek *lúkos*, Gothic *wulfs*.

-*n*-[4] is the word-forming morpheme of Proto-Indo-European descent (PIE *no* > PSl. *nŭ* > Pol. *n*, cf. Vaillant 1966, 117-118),
-*e* is the grammatical morpheme of Proto-Indo-European descent functioning as an inflectional ending (PIE *i-oi̯*> PSl. *ĭje* > Pol. *e*, cf. Olander 2015, 105).

In order to establish whether a certain word is part of the Indo-European heritage it is necessary to analyze it from the perspective of historical morphology, i.e. possibly deepest division into the particular morphemes and the establishment of their origin. The traditional method which is used in etymological investigations is the comparative method[5]. Its aim is to reconstruct the proto-language by comparing the cognates in the languages which are genetically related, i.e. share a common ancestor. The elements which are present in most of the compared cognates are transponed to the proto-language (Hock 1991, 556-626), with the assumption that only those elements whose phonological shape is consistent with the regular correspondences between the particular languages, are the historical cognates (Milewski 1965, 142).

3. The comparative method and modern Indo-European linguistics

The basis of the comparative method is the assumption of the regular sound changes which occur in a certain time, on a certain terrain and among the members of a certain community. Irregularities found within sound changes are only seemingly irregular. These are: new forms created after a certain sound change ceased to operate, forms changed due to analogical leveling, forms where the sounds which were changed were not in the proper context for the change to occur, forms borrowed from other languages (Hock 1991, 167-209). Seemingly irregular forms may also be effects of an irregular sound change due to frequency of use (Zipf 1949, Mańczak 1983, 3-24).

With the use of the comparative method it is possible to reconstruct the initial stage of the proto-language and to explain the chronological development of the particular sounds and forms in each of the related languages. Thus it is possible to state which of the elements, sounds, morphemes or forms was inherited from the proto-language and which was created in a chronologically later stage or was borrowed (Hock 1991, 556-626). The comparative method has been commonly used from the 19th century onwards.

[4] The word-forming morpheme -*ani*- was created from the morpheme *a* < PSl. *a with the function of creating the stem of the preterite and with the morpheme *ń* < PSl. *n which created the passive participle.

[5] In the beginning of the etymological research it is important to check what is the place of the form in question in the language system. About the role of internal reconstruction in etymology see: Sławski 1958.

Over these two hundred years it has been enriched by new theories concerning the reconstruction of the system of the Proto-Indo-European language.

One of the important concepts of the modern Indo-European linguistics is the so-called laryngeal theory. Its origins lie in the early work of Ferdinand de Saussure on the vocalic system of Proto-Indo-European (de Saussure 1879). He was able to bring back two types of ablaut (with long and short vowels) to one type assuming that the type with long vowels was a later development from contractions with the so-called 'sonantic coefficients'. When they disappeared they caused compensatory lengthening of the preceding vowel and in interconsonantal position they changed into vowels. De Saussure's hypothesis, after the discovery of the Hittite language and identification of the laryngeal consonants by Jerzy Kuryłowicz in 1927 developed into the current laryngeal theory (cf. Smoczyński 2006).

This theory is currently commonly accepted in the scholarly world with the assumption of the existence of three laryngeal consonants in the proto-language (Fortson 2004, 56-58, Meier-Brügger 2003, 106-124, Smoczyński 2006). Thanks to this theory the structure of the Proto-Indo-European root was established as consisting of a single vowel and two consonants (CeC structure). Thus all roots reconstructed as disyllabic are currently reconstructed as roots with a laryngeal[6] and the disyllabic look of the root is connected with the specific development of the laryngeal consonants (or the clusters in which they developed) in the particular Indo-European languages (Fortson 2004, 56-58).

The laryngeal theory additionally allows to explain the irregularities in the ablaut of the roots where in the expected E-grade a long vowel appears instead, sometimes even of a different quality than /e/, as in e.g. Ancient Greek root *dō* 'to give' (cf. praes. *dídōmi* 'I give'). The Neogrammarians assumed the existence of additional ablaut series but with the use of laryngeal theory it is possible to explain all the ablaut series as coming back to one type of ablaut with the laryngeal consonant. Thus in Ancient Greek *dō* the length of the vowel goes back to the compensatory lengthening after the loss of the laryngeal *h_3 – *doh_3 and the form with the vowel *o* originates in the colouring of the original vowel *e – *deh_3, i.e. the original proto-language E-grade, cf. Smoczyński 2006, 135-136.

One of the other achievements of modern Indo-European linguistics is the theory of the accent-ablaut paradigms. In the reconstructed Proto-Indo-European, based on the attested material from the Indo-European languages, the E- or O-grade co-occurs in the paradigm with the accent. In the so-called

---

6 Compare the reconstruction of the root meaning 'to beat' in *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*, Pokorny 1959, 117: **bhei(ə)/bhī* with the reconstruction in the modern lexicon of Proto-Indo-Euroepan verbs *Lexikon der indogermanischen Verben* LIV: 72 **bheiH/bhiH*).

mobile paradigms the ablaut grade of the root along with the accent change their place in the inflection – the accent and full grade is present in the strong cases in one of the morphemes (root, suffix or ending) while in the weak cases it changes its place. Thanks to the pioneering work in this area by Pedersen, Kuryłowicz, Kuiper and Schindler among others (cf. Meier-Brügger 2003, 201-223), it was possible to reconstruct the original proto-language accent-ablaut paradigms: acrostatic, proterokinetic, hysterokinetic and amphikinetic. The differences in the number and the types of the reconstructed paradigms among scholars are obvious as the complete proto-language paradigm is not attested in any of the Indo-European languages without changes. Thus this theory is an attempt to find the common origin for a several different forms of paradigm present in the particular Indo-European languages. (Meier-Brügger 2003, ibidem)[7].

In the field of Indo-European linguistics research is also conducted on the so-called Caland system in the proto-language. It is primarily a system of internal derivation of the Proto-Indo-European roots in which the derivation is conducted by the substitution of the suffix. This rule was discovered first by Willem Caland in 1892. While researching the material of the Avestan language, Caland observed that there are adjectives which, once a part of a compound, change their original adjectival *-ra-* suffix into *-i-*, e.g. *dərəzra-* 'strong', but compound *dərəzi-raθa* literally 'strong chariot', an exocentric possessive compound of the meaning 'having a strong chariot' (Nussbaum 1976: 1). Further research has shown that this phenomenon was also present in Proto-Indo-European.

Currently the Caland system is understood as a system of primary derivatives created from the same root with the use of the assortment of suffixes also appearing in the other derivatives i.e. *-i-*, *-u-*, *-ro-*, *-lo-*, *-no-*, *-mo-*, *-es-*, *-ont-*, *-ē-*, comparative in *-iōn*, superlative in *-istos* as in the derivatives: Ancient Greek *kudrós* 'famous': *Kudí-makhos*, *Kudi-génēs*: *kudnós* 'famous': *kũdos*, *-eos* '(war) fame', OCS *čudo*, *čudese* 'miracle, wonder' (Ostrowski 2006, 118 after: Nussbaum 1976, 62).

The inclusion of the achievements of the modern Indo-European linguistics in the research on the Indo-European heritage in Polish allows for a yet more precise interpretation of the origin of the word in question. Thanks to the new theories we can include new comparative material which was previously not included due to unsatisfactory explanations (as in the example of the prothetic vowels in Ancient Greek which lacked a clear explanation) or simply ignored. Due to this the reconstruction of the word for 'brow' *brew*

[7] The question of the proto-language derivation is connected with the theory of the accent-ablaut paradigms which could be of two types: external (with the use of the suffixes) or internal (by changing the accent-ablaut paradigm), cf. Fortson 2004, 110.

which now includes the initial laryngeal consonant: PIE *h_3b^hruHs* > PSl. *bry, brŭve* > Pol. *brew* (Derksen 2008, 66) allows for a comparison of Proto-Slavic not only with the Vedic form *b^hrū́h*, Old English *brū*, Lithuanian dialectal *bruvìs*, but also the Ancient Greek form *ophrūs* (assuming an anaptyxis of *o* in Ancient Greek between the initial third laryngeal and the consonant, cf. Smoczyński 2006, 147-149). In a similar fashion the reconstruction of the word for 'red haired' *rudy*: PIE *h_1reud^h-* > PSl. **rudŭ* > Pol. *rudy* will now include in its Indo-European cognates apart from Lat. *ruber*, Lithuanian *rùdas*, Vedic *rud^{h}irá* also the Ancient Greek form *erut^{h}rós* with the *e* from the anaptyxis in Greek between the initial first laryngeal and the consonant (cf. Smoczyński 2006: ibid.).

In the period of two hundred years of research on the prehistory and development of the Indo-European languages, many discoveries were made that changed the way in which the proto-language system was reconstructed. However, the main aims of the historical and comparative linguistics remained the same – the reconstruction of the proto-language and the description and explanation of the language changes. Using the method developed by Indo-European linguistics it is possible to analyze the lexicon of Polish and to distinguish the Proto-Indo-European lexical heritage in it. This will allow a further systematization of the material along with opening of the new perspectives for further research, e.g. on the word-forming lexical families in a comparative perspective.

References

BEDNARCZUK, L. (2012), Językoznawstwo indoeuropejskie w Polsce w drugiej połowie XX i na początku XXI wieku, [w:] Językoznawstwo w Polsce. Kierunki badań i perspektywy rozwoju. Materiały z sesji jubileuszowej Komitetu Językoznawstwa PAN, red. M. Grochowski, Warszawa.

BOPP, F. (1816), Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache, Frankfurt.

BORYŚ, W. (2005), Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków.

BUCK, C. (1949), A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European languages, Chicago.

DERKSEN, R. (2008), Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon, Lejda-Boston.

ERHART, A. (2000), Versuch einer statistischen Auswertung des indoeuropäischen Anteils am gemeinslavischen Wortschatz, [w:] Studia Etymologica Brunensia 1, s. 43-44.

FORTSON, B. (2004), Indo-European Language and Culture. An Introduction, Malden.

HEREJ-SZYMAŃSKA, K. (2000), Z dziedzictwa indoeuropejskiego w słowiańskiej terminologii anatomicznej, [w:] Studia Etymologica Brunensia 1, s. 177-181.

HOCK, H. (1991), Principles of Historical Linguistics, Berlin-Nowy Jork.

JANKOWIAK, L. (1997), Prasłowiańskie dziedzictwo leksykalne we współczesnej polszczyźnie ogólnej, Warszawa.

JASANOFF, J. (1983), The IE 'a:-preterite' and related forms, [w:] Indogermanische Forschungen, nr 88, 54-83.
KOPEČNÝ, F. (1981), Základní všeslovanská slovní zásoba, Praha.
LEHR-SPŁAWIŃSKI, T. (1934), Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie polskim, [w:] Studia historyczne ku czci Stanisława Kutrzeby, t. 2, Kraków, s. 469-484.
LIV = Lexikon der indogermanischen Verben, (2001), red. H. Rix et al., Wiesbaden.
MAŃCZAK, W. (1983), Polska fonetyka i morfologia historyczna, Warszawa.
MEIER-BRÜGGER, M. (2003), Indo-European Linguistics, Berlin-Nowy Jork.
MILEWSKI, T. (1965), Językoznawstwo, Warszawa.
NUSSBAUM, A. (1976), Caland's "Law" and the Caland System, nieopublikowana rozprawa doktorska, Harvard University.
OLANDER, T. (2015), Proto-Slavic Inflectional Morphology. A Comparative Handbook, Lejda-Boston.
OTRĘBSKI, J. (1965), Gramatyka języka litewskiego, t. II, Warszawa.
PAVEAU, M. / SARFATI, G. (2009), Wielkie teorie językoznawcze. Od językoznawstwa historyczno-porównawczego do pragmatyki, Kraków.
POKORNY, J. (1959), Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, Berno.
RZEPKA, W. / WALCZAK, B. (1992), Stratyfikacja prasłowiańskiego dziedzictwa leksykalnego w polszczyźnie (Uwagi po lekturze „Słownika prasłowiańskiego"), [w:] „Z polskich studiów slawistycznych", seria 8, Warszawa, s. 217-223.
SAUSSURE DE, F. (1897), Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indoeuropéennes, Lipsk.
SŁAWSKI, F. (1958), Uwagi o badaniach etymologicznych nad słownictwem słowiańskim, [w:] „Z polskich studiów slawistycznych. Prace językoznawcze i etnogenetyczne na IV Międzynarodowy Kongres Slawistów w Moskwie 1958", Warszawa, s. 99-107.
SMOCZYŃSKI, W. (2006), Rzut oka na teorię laryngalnych, [w:] In the Orient where the gracious light... Satura orientalis in honorem Andrzej Pisowicz, red. A. Krasnowolska, K. Maciuszak, B. Mękarska, Kraków, str. 119-165.
VAILLANT, A., 1966, Grammaire comparee des langues slaves, T. III. Le Verbe, Paryż.
WATKINS, C. (2011), The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots, Boston.
ZIPF G. (1949), Human Behavior and the Principle of the Least Effort, Cambridge.

The Indo-European inherited lexicon in Modern Polish – introductory remarks

The purpose of this article is to present the state-of-the-art of the research on the inherited Proto-Indo-European lexemes which are continued in the contemporary standard Polish language directly, i.e. they are neither borrowings from the other Indo-European languages or formations common only to Balto-Slavic or Slavic languages but were created in the Indo-European proto-language and transmitted through generations of speakers into the modern Polish language. Those lexemes include some of the most basic words present in Polish. The authors discuss the use of the methods of the contemporary Indo-European linguistics which are helpful in the research on the inherited vocabulary.

Key words: Indo-European linguistics, linguistic inheritance, diachronic methods.

SVETLANA IVANOVA
Институт Археологии Национальной Академии Наук Украины, Odessa, (Ukraine)

ALEXEY G. NIKITIN
Grand Valley State University, Allendale, Michigan (USA)

Мировоззренческий аспект формирования ямной культурно-исторической общности

Николай Мерперт впервые выделил древнеямную культурно-историческую область (КИО) как археологическую общность раннего бронзового века, отражающую, прежде всего, единообразие погребального ритуала на значительной территории степной зоны Евразии. Особую роль в её формировании и распространении он отводил Волго-Уральскому региону, содержащему, по его мнению, наиболее «чистые» признаки культуры (Мерперт 1974, 147). На фоне этих положений в археологической науке складывается и развивается тенденция рассматривать как широкомасштабное явление продвижение носителей ямной культуры с востока на запад. Концепция о проникновении степных скотоводов в среду древних земледельческих цивилизаций впервые была сформулирована в XX веке Гордоном Чайльдом и Марией Гимбутас (Childe 1926; Чайлд 2005; Gimbutas 1956). М. Гимбутас связывала с массовой миграцией ямных племён («курганных культур») индоевропеизацию Европейского континента.

Но в то же время многие исследователи считают, что в энеолите и в бронзовом веке вопросы создания культурных сообществ не могут

решаться однозначно и связываться с единственным источником; процесс был значительно сложнее (Мерперт 1987). Не находит серьёзных доказательств, по мнению исследователей, восточная экспансия первых курганных народов из Поволжья и Северного Прикаспия (Рассамакин 1999; Rassamakin, 2003). Малоубедительным представляется и тезис о «поворотном моменте» в истории Юго-Восточной Европы, связанный с проникновением носителей степных культур на запад. К тому же, рассматривая курганные древности Балкан, Лолита Николова пришла к выводу, что ямная культура смогла интегрироваться только в восточно-балканскую систему, достигая в Карпатском бассейне восточной Тисы (Николова 2000, 449). Масштабы ямного «нашествия» на Балканы подвергались сомнению достаточно давно (Титов 1982).

Однако традиции оказываются сильнее фактов: во многих работах принимается за аксиому продвижение носителей ямной культуры с востока на запад. Интерес к этой теме возродился в последнее время в свете генетических исследований. С точки зрения генетики, существует факт наличия общих генетических детерминантов у представителей ямной культуры и культуры шнуровой керамики. За время после выхода статей, показавших данную связь (Allentoft et al. 2015; Haak et al. 2015; Mathieson et al. 2015), в обсуждениях этих результатов генетиками и археологами укрепилась идея, что причиной этой связи служит происхождение «шнуровиков» от «ямников». Идея эта развивалась параллельно с основной идеей о масштабной миграции «ямников» в Европу (Haak et al. 2015). Проблема в том, что, с археологической точки зрения, ни эта масштабная миграция, ни происхождение «шнуровиков» от «ямников», не прослеживаются. Тем не менее, если нет оснований говорить о масштабных миграциях, необходимо объяснить выводы генетиков о сходстве по генофонду населения культуры шнуровой керамики Европы с носителями ямной культуры и ряд других вопросов.

Данные генетики. Согласно генетическим данным, общий генетический элемент «ямников» и «шнуровиков» начинает прослеживаться у представителей хвалынской культуры из южного Урала (Самара) в энеолите (Mathieson et al. 2015). До его появления генетической подосновой в Понто-Каспийской степи являлись детерминанты на основе местного мезолита, по большей части сходные у хвалынцев и культур, оставивших после себя могильники Мариупольского типа (Mathieson et al. 2018). В начале энеолита в Самарской степи и в Днепровском Надпорожье появляется генетический элемент иранских неолитических фермеров с примесью кавказского элемента охотников и собирателей, но один от другого отделить не всегда возможно. Этот элемент становится преобладающим у

Самарских и нижнеднепровских «ямников» в ранней бронзе. Одновременно этот элемент появляется в энеолите и бронзовом веке Балканского региона: энеолитический некрополь Варна I, 4600–4500 до н.э. и некрополь бронзового века в Медникарово (ямная культура), юго-восточная Болгария, 3000–2900 до н.э., Mathieson et al. 2018). В то же время в образцах из Медникарово и нижнего Днепра (Озера) также присутствует генетический элемент, характеризующий неолитических фермеров Анатолии и Европы. Происхождение ирано-кавказского элемента, начало (и локализация) его появления в Понто-Каспийской степи остаётся неясным. Неясно также и появление Анатолийского фермерского элемента у «ямников» Варны и юго-восточной Украины. Возможно, этот элемент был получен от Европейских культур воронковидных кубков (КВК). Связь ямной КИО Северо-Западного Причерноморья и КВК (Bernburg) была прослежена на уровне анализа частот мтДНК (Nikitin et al. 2017).

Углублённый анализ митохондриальных линий показывает их разнообразие у представителей ямной культуры. Тут встречаются как линии, представляющие популяции энеолита и раннего бронзового века, пришедшие на смену неолитическим земледельцам Европы, так и линии, связываемые происхождением с Кавказом, юго-восточной Азией и даже Сибирью (Nikitin et al. 2017). Таким образом, данные генетики показывают, что «ямники» являются собирательной популяцией, включающей себя материнские генетические корни с обширного ареала.

Данные антропологии. В этом контексте вполне уместно привлечение и данных антропологии, которые могут способствовать подтверждению или опровержению миграционных концепций. Считается, если трансформация археологической культуры не сопровождалась изменением антропологического типа ее носителей, тогда можно предполагать автохтонное развитие. Если же параллельно изменению археологической культуры меняется антропологический тип населения, то это, вероятнее всего, миграция (Хохлов 2003, с. 195). Антропологический состав населения ямной культуры был очень неоднородным. Только на Украине выделяется 12 территориальных групп, характеризующихся определёнными морфологическими признаками. Согласно исследованиям Светланы Круц (Круц 1997), на лесостепном Правобережье Украины, в бассейне Северского Донца и Среднего Дона, жило долихокефальное население с широким и высоким лицом (протоевропейский антропологический тип). То же самое население, но его «смягчённый» вариант, занимало междуречье Буга и Ингула, левый и правый берег Нижнего Днепра. Населения Орель-Самарского междуречья и верховьев Ингула – мезодолихокранное, с широким и средневысоким лицом, по комплексу признаков отличается

от других групп ямного населения протоевропейского типа. В Северо-Западном Причерноморье присутствует влияние одного из вариантов восточно-средиземноморского типа, распространенного среди племен ямной и Кеми-обинской культуры в степном Крыму. Этот же тип (с долихокранной формой черепной крышки, относительно узким и длинным лицом) распространён на юге Херсонщины, в бассейне р. Молочной, степном левобережье Поднепровья. Для более восточных территорий распространения ямной культуры (Нижнего Поволжья, Северо-Западного Прикаспия) характерен, в основном, брахикранный, с широким и низким лицом, антропологический тип, на Украине компактно не представленный. Таким образом, говорить о нашествии ямных племён с территории предполагаемого «ядра культуры» – из Волго-Уральского региона – нет оснований. Напротив, можно проследить «средиземноморский импульс», который постепенно угасает в направлении восточного ареала. Сравнительно недавно средиземноморский тип прослежен даже в ямной культуре Южного Приуралья, на позднем её этапе, наряду с распространёнными там протоевропейскими мезокранным, долихокефальним и уралоидным типами (Хохлов 2003). Но в целом, говорить о масштабных миграциях носителей ямной культуры ни с востока на запад, ни с запада на восток не приходится. С.И. Круц считает, что почти все антропологические типы энеолита и бронзового века Украины имеют местные, но разные корни. Динамика развития их во времени не даёт возможности утверждать о каком-то массовом переселении народов на этом историческом этапе, за исключением местных перемещений. Появление новых культур не было связано с полным изменением населения; для ямной культуры, как полагают антропологи, это доказанный факт (Шевченко 1986, 129–130). Любопытно, что бесшейные круглодонные сосуды, считающиеся наиболее типичной ямной керамикой, отсутствуют в Среднем Поволжье – «прародине» ямной культуры (Васильев, Кузнецов, Турецкий 2000, 23).

За последние тридцать лет число локальных вариантов и групп ямной КИО существенно увеличилось; уточнялись и детализировались границы и особенности выделенных ранее (Шапошникова, Фоменко, Довженко 1986; Рычков 1990; Николова 1992; Турецкий 2001 и др.). Гомогенность и генетическое единство ямной культурно-исторической области/общности выглядят всё менее очевидными. Отметим, что традиционно выделение отдельных археологических культур (в рамках дописьменной истории) основывается на своеобразии их материального комплекса. Наиболее выразительным в этом аспекте является керамика, её форма и орнаментация. Но при рассмотрении ямной КИО основной акцент делается на погребальный обряд, его унификацию на огромной

территории. Исследователи отмечают, что традиции погребальных ритуалов опосредованы идеологическими представлениями того или иного общества, на которые влияют два фактора – этнические особенности и общественные отношения (Массон 1976, 149). Способ захоронения несёт в себе значительную мировоззренческую, идеологическую, и социальную нагрузку. Инвентарь же, помимо прочих аспектов, чаще всего служит культурной (или этнокультурной) дефиницией. Для ямной культуры мы видим несоответствие: основным признаком, позволяющим атрибутировать эти памятники, является именно способ захоронения. Когда же рассматривается инвентарь как погребальных, так и бытовых комплексов, вырисовывается пёстрая и неоднозначная картина. Различия между территориальными группами ямной КИО фиксируются, прежде всего, в материальной культуре, особенно – в керамике и её типологии (Николова, Мамчич 1997). Выделенные на основе степени сходства керамики регионы не совпадают с традиционными локальными вариантами. Сопоставление опубликованных керамических серий из отдельных регионов зачастую демонстрирует больше различий, чем сходства. Говорить о тождестве и единстве материальной культуры и этносоциального развития в ареале ямной КИО невозможно.

Данные радиоуглеродного датирования. Определённое значение в изучении вопроса о происхождении ямной культуры имеют данные абсолютной хронологии, основанной на радиоуглеродных датах (рис. 1). Логично предположить, что наиболее ранние даты будут связаны с центром формирования ямной культуры – если такой центр имеется. Но неожиданно оказалось, что они зафиксированы для западной и восточной периферии ямной КИО, центральная часть даёт более молодые даты (Черных, Орловская 2004). Некоторые исследователи не согласны с такими выводами и считают, что наиболее древним является восточный ареал. Но даты для восточной периферии (Заволжье и Зауралье) хронологические рамки ямной КИО удревнены за счёт включения в ямную КИО памятников репинской культуры. Они датируются в пределах 3800–3300

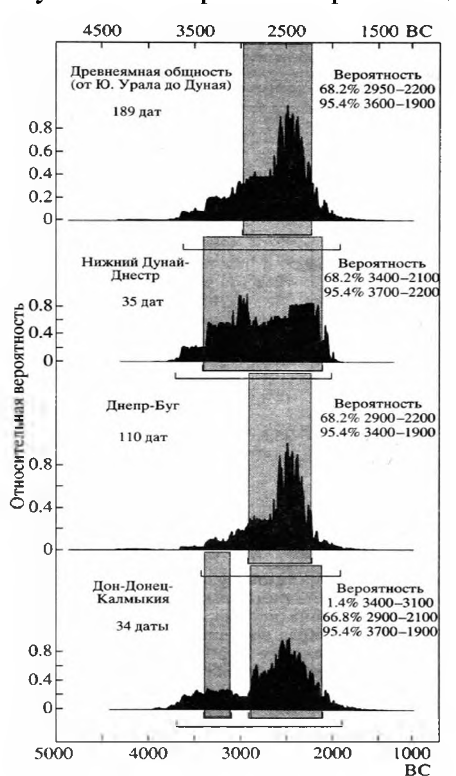

Рис. 1

BC (Моргунова 2014, 585–591). Соответственно, собственно ямные памятники восточного ареала синхронны памятникам западного.

Данные археологии. Таким образом, в ямное время сходные традиции погребальной обрядности распространяются на огромной территории (рис. 2). Однако в предшествующую энеолитическую эпоху группы населения на всей территории, где впоследствии существовала «ямная культурно-историческая область», придерживались различных погребальных традиций. Это свидетельствует не только об этнокультурных особенностях, но и о разнице в духовной культуре, мировосприятии отдельных племён. Унификация погребальной обрядности в эпоху ранней бронзы отразилась в археологических реалиях, что и привело к конструированию ямной культуры (области, общности). Этому способствовала и неразработанность самой концепции археологической культуры. С другой стороны, отмечается, что ритуальное единство, наблюдающееся в эпоху ранней бронзы, указывает, прежде всего, на духовную общность населения (ДІУ 1997, 362). Ямная культурно-историческая область в разных регионах имеет разный субстрат, различные антропологические типы, различный хозяйственно-бытовой уклад, разные векторы этнокультурных связей, различную материальную культуру, прежде всего – керамику (рис. 3–7). Элементы, которые включаются в неё, различны по своей сути. Она не может рассматриваться ни как целостный этнокультурный организм, ни как совокупность составляющих её локальных вариантов. Её структура на различных уровнях (материальная культура, этнические процессы, социальное устройство) несопоставима. В зависимости от смещения акцентов выделяются различные варианты или территориальные группы, не сводящиеся к общему знаменателю. Развивается она в разных географических зонах и различных климатических условиях. Функционирование такого явления в единых рамках можно только на

Рис. 2

двух уровнях – политическом или мировоззренческом. Естественно, для

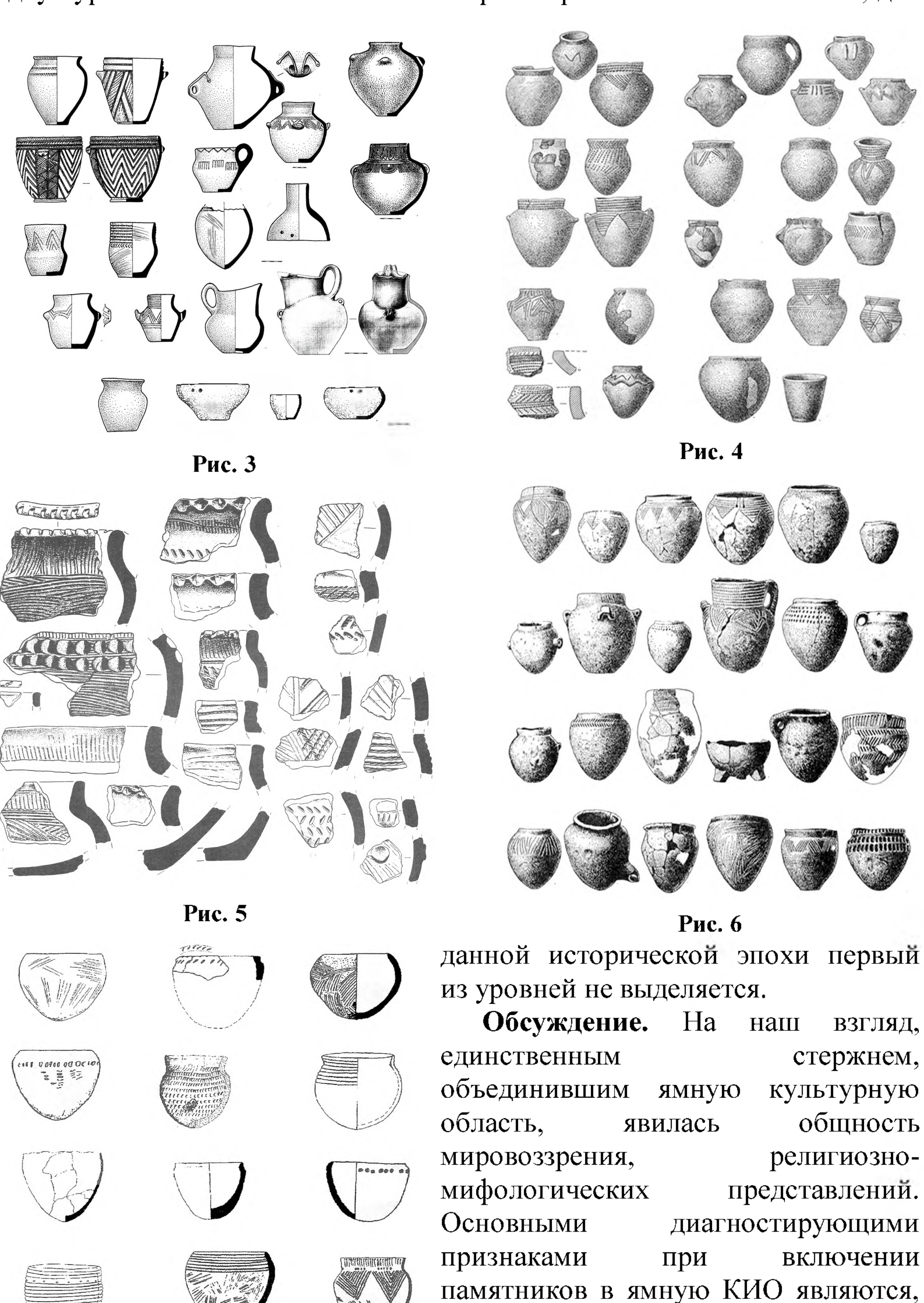

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

данной исторической эпохи первый из уровней не выделяется.

Обсуждение. На наш взгляд, единственным стержнем, объединившим ямную культурную область, явилась общность мировоззрения, религиозно-мифологических представлений. Основными диагностирующими признаками при включении памятников в ямную КИО являются, прежде всего, элементы мировоззренческого уровня,

отражённые в единообразии погребального ритуала. Черты материальной культуры на всей территории имеют выраженные отличия. Эти положения заставляют нас сомневаться в существовании ямной культуры как таковой, ямной культурно-исторической области или общности. Чтобы попытаться понять причины своеобразной «идеологической революции», следует обратиться к более раннему времени и расширить географический ареал.

Исследователи отмечают, что в эпоху энеолита этапы развития Причерноморья в значительной степени согласуются с развитием земледельческого мира Карпато-Балканской области и Триполья. Распад Трипольской культуры на заключительном этапе СII совпадает с сегментацией ряда степных культур на локальные формирования (Рассамакин 1995, 47). Объяснить отчасти этот процесс, на наш взгляд, можно вхождением названных блоков археологических культур в состав Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП), просуществовавшая в период с 58 по 38 вв. до н.э. В её рамках Евгений Черных выделяет два ведущих блока. Первый из них, земледельческий, расположенный на плодородных и богатых медными минералами землях Северных Балкан, Карпатского бассейна и Подунавья. Северо-восточной окраиной основного блока провинции была культура Триполье-Кукутени. Второй блок – степные скотоводческие культуры Причерноморских степей, Среднего и Нижнего Поволжья (Черных и др. 2000, 6, 21). Около 36 в. до н.э. отмечается катастрофический коллапс энеолитических культур основной зоны Балкано-Карпатской металлургической провинции. Причины этого внезапного распада, полного отказа от технологических достижений пока неясны, но, вполне возможно, что он был связан с окончанием оптимального для сельского хозяйства Атлантического климатического периода и последующей аридизацией и общим похолоданием. Однако фиксируется 500-летний хиатус между распадом БКМП и формированием Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) (Черных и др. 2000, 21, 30). Развитие этой новой металлургической провинции в ареале Причерноморских степей (33–22 вв. до н.э.) происходит на фоне новых археологических реалий, становлении новых сообществ бронзового века, наиболее мощной и выразительной из которых считается ямная КИО.

Стоит вспомнить, что имеющиеся значительные серии радиоуглеродных дат позволили исследователям сформулировать очень важную мысль: скорость формирования провинций и возникновения на очень больших пространствах родственных ячеек металлургии и металлообработки была чрезвычайно велика. Евгений Черных отметил: «Изучение технологии металлопроизводства недвусмысленно указывало

на слабость основных положений старой диффузионной теории. Технологические открытия из гипотетических центров распространялись не с постепенной медлительностью, но стремительным скачком. Именно поэтому формирование систем провинций на гигантских территориях нередко можно сравнивать со взрывом. После этих событий картина стабилизируется, а сама система тем как бы или застывает или медленно эволюционирует» (Черных и др. 2000, 30). С этим положением созвучны и выводы Юрия Рассамакина относительно «скачка» в становлении ямной КИО, который он связывает с экологическими трансформациями (Рассамакин 1995). Унификация обряда, с одной стороны, и рост иррациональности в культуре (расцвет курганного строительства, распространение монументальных погребальных сооружений, антропоморфных стел, повозок и т.п.) могли быть своеобразной реакцией человеческих коллективов на предшествующие события. По мнению Е. Черных, ситуация после распада БКМП до известной степени напоминают ту, что сложилась в Евразии гораздо позже – в средние века I тыс. н.э. Эпоха Великого Переселения народов оказалась трагической для множества культур; при этом разительно изменился характер большинства важнейших археологических памятников, уменьшилось число самих культур и пр. (Черных и др. 2000, 30).

Очевидно, в «тёмные века» (хиатус) зарождаются основы новых мифо-религиозных и мировоззренческих представлений, широкое распространение которых наблюдается уже на фоне Циркумпонтийской металлургической провинции. Они отличаются от канонов энеолитических скотоводческих и земледельческих обществ. Определим пунктиром только некоторые из них; безусловно, это – тема, требующая специального исследования. Мелкая антропоморфная пластика меняется монументальной скульптурой. Женский образ, связанный с плодородием, уступает место мужскому божеству, по одной версии – универсального, типа ведийского Пуруши (Чмыхов, Довженко 1987), по другой – воина, воплощая функции воина, змееборца. Гипотеза Валентина Даниленко о том, что на стелах ранней бронзы изображено божество Грозы (Даниленко 1974), очень хорошо согласуется с изображением на стелах ямной культуры топоров. Топор как атрибут Громовержца – убийцы Змея – отражён в индоевропейской традиции. На определённом этапе именно атрибут Громовержец – топор становится символом власти земного правителя (Полідович, Циміданов 1995). Топор выступает атрибутом правителя и в ямном социуме Северо-Западного Причерноморья (Иванова, Цимиданов 1998), а фрагменты топоров занимают определенное место в ритуальной практике. Формируются представления о космосе, о закономерности

движения небесных светил, что отражено в появлении святилищ (Потемкина 2002), в ориентации умерших, их круговом расположении в курганах (Дворянинов, Петренко, Рычков 1981). В погребальном обряде появляются повозки с их многоплановой символикой. Кости животных, найденные в захоронениях, сопоставимые со стандартным набором жертвенных животных у индоевропейцев. Некоторые виды украшений и изделий связаны с скотоводческим и охотничьим культами (Ковалева 1989). В культовый обиход входит «стандартный набор» из медных ножа и шила (Бесстужев 1987).

И, наконец, наиболее выразительная черта – унификация, своеобразная стандартизация погребального ритуала. Внутри возникшей идеологической общности, тем не менее, можно заметить свои особенности, разные «акценты» в разных её регионах. Так, от Дона до Волги нет изображения человека в камне и каменного монументального строительства (ДІУ 1997, 367). В Днепро-Бугском междуречье сконцентрировано около 65% из всех каменных антропоморфных стел, найденных на территории от Дона до Дуная (Рычков 2002, 45). Молоточковидные булавки, связанные также с определёнными культами, почти не известны к западу от Южного Буга, но широко распространены в Приазовье.

Распространение, трансляция этих идеологических и мировоззренческих представлений, своего рода культурного текста, может быть связано с существованием определённых коммуникационных каналов. Такие каналы (и «коридоры») реконструируются исследователями, например, для степных культур Евразии скифского времени (Кузин-Лосев 1999, 125–126). Формирование трансформационной модели и ее распространение в рамках «коммуникационных каналов» может объяснить тот археологически фиксируемый «скачок», с которым связывают появление ямной КИО. Вполне вероятно, что и распространение традиций, технологий и взаимосвязей, то есть по существу, формирование ЦМП, происходило в рамках таких же коммуникационных коридоров. Пока неясно, почему в Днепро-Бугском междуречье ямные памятники появляются позже, чем на периферии. Может быть, здесь продолжались храниться остатки прежних религиозных представлений и культов, связанных с энеолитическим миром?

В то же время создается впечатление, что этот регион позже соседних интегрировался в систему ЦМП. По крайней мере, в нём наблюдается наименьшая концентрация металлических изделий раннебронзовой эпохи. С точки зрения рассматриваемой проблематики, интерес представляют исследования в области мифологических

коннотаций древнейших ремесел и технологических процессов. Нерасчленённый характер ранних представлений, связывающих в единую систему самые разнородные явления и процессы, был обнаружен при изучении различных фрагментов этой системы с точки зрения семиотики. Технологические процессы входили в общую космологическую схему. Общеизвестен, к примеру, особый статус кузнецов и металлургов в традиционных обществах (Иванов, Топоров 1974, 88). Поэтому вполне логично, на наш взгляд, согласовывать распространение новых мировоззренческих представлений с новыми технологическими приемами в сфере металлургии. Нина Моргунова отмечает, что именно балканские связи подтолкнули племена Волго-Уралья к поискам источников сырья для развития собственной металлургии (Моргунова, Кравцов 1994, 94). Характерно, что финальный период существования ямных памятников в целом, судя по опубликованным радиоуглеродным датам, совпадает с финалом ЦМП, (22–21 вв. до н.э., с единичными датами по отдельным регионам 20–19 вв. до н.э.).

Выводы. Анализ основных компонентов ямной КИО, данные генетики, антропологии, радиоуглеродного датирования показывают, что общность мировоззрения и религиозно-мифологических представлений являлсь основным объединяющим фактором для населения раннебронзовой эпохи, проживающего на огромной территории Понто-Каспийской степи. Отразившись в археологических реалиях как единство, унификация погребальной обрядности, «новая идеология» стала основой для выделения ямной культуры или культурной области как гомогенного культурного горизонта. Эти мировоззренческие представления формируются и начинают распространяться в кризисный период, последовавший за распадом БКМП. Последствия кризиса проявились не только в ареале провинции, но далеко за её пределами, на огромной территории – от Дуная до Урала. Рассмотрение памятников ямной КИО позволило нам прийти к выводу об отсутствии в историческом аспекте такого явления, как «ямная культура». На самом деле в этой дефиниции отразилась общность мировоззренческих представлений различных социумов (культур? культурных групп?). Можно предположить, что возникновение «новой идеологии» явилось отражением культурного коллапса эпохи энеолита, последовавшего за распадом БКМП. Существование «новой идеологи» укладывается в рамки существования ЦМП.

Литература

БЕССТУЖЕВ, Г. Н. (1987). Нож и шило – аксессуары обряда посвящения (трактовка по находкам в погребениях эпохи раннего металла), [в:] Древности Кубани. Краснодар, 12–14.

ВАСИЛЬЕВ, И. Б. / КУЗНЕЦОВ, П. Ф. / ТУРЕЦКИЙ, М. А. (2000). Ямная и полтавкинская культуры, [в:] История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Самара, 6–65.

ДАНИЛЕНКО, В. Н., (1974), Энеолит Украины. Киев.

ДВОРЯНИНОВ, С. А., ПЕТРЕНКО, В. Г., РЫЧКОВ, Н. А. (1981). К изучению ориентировки ямных погребений, [в:] Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 22–38.

ДІУ, Давня Історія України. (1997) т. 1. Киев.

ДЯЧЕНКО, В. Д., / ШИЛОВ, Ю. А., / ДОВЖЕНКО, Н. Д. (1988). Основные этнические группировки древней Юго-Восточной Европы, [в:] Античная Балканистика 6. Москва, 10–12.

ИВАНОВ, В. В. / ТОПОРОВ, В. Н. (1974). Функции кузнеца в свете семиотической типологии культур, [в:] Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту. 1 (5), 87–91.

ИВАНОВА, С. В. / ЦИМИДАНОВ, В. В. (1998). Погребения с топорами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья, [в:] Наукові праці історичного факультету Запорізського Державного Університету. IV, 141–157.

КОВАЛЕВА, И. Ф. (1989). Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). Днепропетровск.

КРУЦ, С. І. (1997). Антропологічний склад населення, [в:] Давня історія України. 1. Київ, 374–383.

КУЗИН-ЛОСЕВ, В. И. (1999). О возможности существования трансформационных моделей в скифо-сибирском культурном мире, [в:] Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя). Дніпропетровськ, 125–127.

МАССОН, В. М. (1976). Экономика и социальный строй древних обществ. Ленинград.

МЕРПЕРТ, Н. Я. (1987). Циркумпонтийская зона в раннем бронзовом веке: вопросы культурных контактов, [в:] Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.

МОРГУНОВА, Н. Л. (2014). О культурном статусе и хронологии памятников репинского типа в Заволжье и Приуралье, [в:] Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 3–2/16, 585–591.

МОРГУНОВА, Н. Л./ КРАВЦОВ, А. Ю. (1994). Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.

НИКОЛОВА, А. В. / МАМЧИЧ, Т. І. (1997). До методики класифікації посуду ямної культури, [в:] Археологія. 101–115.

НИКОЛОВА, Л. (2000). Ямная культура на Балканах, [в:] Stratum plus. 2, 23–458.

ПОЛІДОВИЧ, Ю. Б. / ЦИМІДАНОВ, В. В. (1995). Кам'яна сокира в пам'ятках зрубної культурно-історичноі спільності, [в:] Археологія. 2, 52–62.

ПОТЕМКИНА, Т. М. (2002). Структура сакрального пространства ранних энеолитических курганов (к постановке вопроса), [в:] Северное Причерноморье: от энеолита до античности. Тирасполь. 21–32.

РАССАМАКИН, Ю. Я. (1995). Поздний энеолит – ранний бронзовый век Степного Причерноморья: проблема «скачка» в развитии древних скотоводов, [в:]

Конвергенция и дивергенция в развитии культур энеолита-бронзы средней и восточной Европы. Санкт-Петербург, 46–49.
Рассамакин, Ю. Я. (1999). Степная культовая монументальная скульптура: в поисках истоков традиции, [в:] Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя). Дніпропетровськ, 56–61.
Рычков, Н. А. (1990). Этническая характеристика населения ямной культуры Северного Причерноморья: автореферат диссертации … кандидата исторических наук. Киев.
Рычков, Н. А. (2002). Об условных центрах носителей ямной культуры, [в:] Северное Причерноморье: от энеолита до античности. Тирасполь, 42–66.
Титов, В. С. (1982). К изучению миграций бронзового века, [в:] Археология Старого и Нового Света. Москва, 89–145.
Тодорова, Х. (1986). Каменно-медната епоха в България (V хилядолетие преди новата ера). София.
Тощев, Г. Н. (2004). К вопросу о Кеми-обинской культуре, [в:] Древности. Харьков, 96-113.
Турецкий, М. А. (2001). О периодизации и хронологии ямных памятников Самарского Поволжья, [в:] Бронзовый век Восточной Европы .Самара, 126.
Хохлов, А. А. (2003). О специфике антропологического типа населения Южного Приуралья в эпоху ранней и средней бронзы, [в:] Чтения, посвящённые 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Москва, 193–195.
Чайлд, В. Г. (2005) Арийцы. Основатели европейской цивилизации. Москва.
Черных, Е. Н. / Авилова, Л. И. / Орловская, Л. Б. (2000). Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. Москва.
Черных, Е. Н. / Орловская, Л. Б. (2004). Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур. Российская археология. 1, 84–99.
Шапошникова, О. Г. / Фоменко В. Н. / Довженко Н. Д. (1986). Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). Киев.
Шевченко, А. В. (1986). Антропология южнорусских степей в эпоху бронзы, [в:] Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Ленинград, 121–215.
Allentoft, M. E., Sikora, M., Sjögren, K.-G., Rasmussen, S., Rasmussen, M., Stenderup, J., Damgaard, P. B., Schroeder, H., Ahlström, T., Vinner, L., Malaspinas, A.-S., Margaryan, A., Higham, T., Chivall, D., Lynnerup, N., Harvig, L., Baron, J., Casa, P. Della, Dąbrowski, P., Duffy, P. R., Ebel, A. V., Epimakhov, A., Frei, K., Furmanek, M., Gralak, T., Gromov, A., Gronkiewicz, S., Grupe, G., Hajdu, T., Jarysz, R., Khartanovich, V., Khokhlov, A., Kiss, V., Kolář, J., Kriiska, A., Lasak, I., Longhi, C., McGlynn, G., Merkevicius, A., Merkyte, I., Metspalu, M., Mkrtchyan, R., Moiseyev, V., Paja, L., Pálfi, G., Pokutta, D., Pospieszny, Ł., Price, T. D., Saag, L., Sablin, M., Shishlina, N., Smrčka, V., Soenov, V.I., Szeverényi, V., Tóth, G., Trifanova, S. V., Varul, L., Vicze, M., Yepiskoposyan, L., Zhitenev, V., Orlando, L., Sicheritz-Pontén, T., Brunak, S., Nielsen, R., Kristiansen, K., Willerslev, E., 2015. Population genomics of Bronze Age Eurasia. Nature 522, 167–172. doi:10.1038/nature14507.
Childe, G. (1926). The Aryans: A study of Indo-European origins. Dorchester: Dorset Press.
Gimbutas, M. (1956). The Prehistory of Eastern Europe. Buletin the American School of Prehistorica Research. 20, Cambridge.
Haak, W. / Lazaridis, I. / Patterson, N. / Rohland, N. /Mallick, S. / Llamas, B. / Brandt, G. / Nordenfelt, S. / Harney, E. / Stewardson, K. / Fu, Q. / Mittnik, A. / Bánffy, E. / Economou, C. / Francken, M. / Friederich, S. / Pena, R. G. / Hallgren, F. \ Khartanovich, V. / Khokhlov, A. / Kunst, M. / Kuznetsov, P. /

MELLER, H. / MOCHALOV, O. / MOISEYEV, V. / NICKLISCH, N. / PICHLER, S. L. / RISCH, R. / ROJO GUERRA, M. A. / ROTH, C. / SZÉCSÉNYI-NAGY, A. / WAHL, J. / MEYER, M. / KRAUSE, J. / BROWN, D. / ANTHONY, D. / COOPER, A. / ALT, K. W. / REICH, D. (2015). Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. Nature 522, 207–11. doi:10.1038/nature14317.

MATHIESON, I. / LAZARIDIS, I. / ROHLAND, N. / MALLICK, S. / PATTERSON, N. / ROODENBERG, S. A. / HARNEY, E. / STEWARDSON, K. / FERNANDES, D. / NOVAK, M. / SIRAK, K. / GAMBA, C./ JONES, E. R. / LLAMAS, B. / DRYOMOV, S. / PICKRELL, J. / ARSUAGA, J. L. / DE CASTRO, J. M. B. / CARBONELL, E. / GERRITSEN, F. / KHOKHLOV, A. / KUZNETSOV, P. / LOZANO, M. / MELLER, H. / MOCHALOV, O. / MOISEYEV, V. / GUERRA, M. A. R. / ROODENBERG, J. / VERGÈS, J. M., KRAUSE, J., COOPER, A., ALT, K. W., BROWN, D., ANTHONY, D. / LALUEZA-FOX, C. / HAAK, W. / PINHASI, R. / REICH, D. (2015). Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians. Nature 528, 499–503. doi:10.1038/nature16152.

MATHIESON, I., ALPASLAN ROODENBERG, S., POSTH, C., SZÉCSÉNYI-NAGY, A., ROHLAND, N., MALLICK, S., OLADE, I., BROOMANDKHOSHBACHT, N., CHERONET, O., FERNANDES, D., FERRY, M., GAMARRA, B., GONZÁLEZ FORTES, G., HAAK, W., HARNEY, E., KRAUSE-KYORA, B., KUCUKKALIPCI, I., MICHEL, M., MITTNIK, A., NÄGELE, K., NOVAK, M., OPPENHEIMER, J., PATTERSON, N., PFRENGLE, S., SIRAK, K., STEWARDSON, K., VAI, S., ALEXANDROV, S., ALT, K.W., ANDREESCU, R., ANTONOVIĆ, D., ASH, A., ATANASSOVA, N., BACVAROV, K., BALÁZS GUSZTÁV, M., BOCHERENS, H., BOLUS, M., BORONEANŢ, A., BOYADZHIEV, Y., BUDNIK, A., BURMAZ, J., CHOHADZHIEV, S., CONARD, N. J., COTTIAUX, R., ČUKA, M., CUPILLARD, C., DRUCKER, D. G., ELENSKI, N., FRANCKEN, M., GALABOVA, B., GANETOVSKI, G., GELY, B., HAJDU, T., HANDZHYISKA, V., HARVATI, K., HIGHAM, T., ILIEV, S., JANKOVIĆ, I., KARAVANIĆ, I., KENNETT, D. J., KOMŠO, D., KOZAK, A., LABUDA, D., LARI, M., LAZAR, C., LEPPEK, M., LESHTAKOV, K., LO VETRO, D., LOS, D., LOZANOV, I., MALINA, M., MARTINI, F., MCSWEENEY, K., MELLER, H., MENĐUŠIĆ, M., MIREA, P., MOISEYEV, V., PETROVA, V., PRICE, T. D., SIMALCSIK, A., SINEO, L., ŠLAUS, M., SLAVCHEV, V., STANEV, P., STAROVIĆ, A., SZENICZEY, T., TALAMO, S., TESCHLER-NICOLA, M., THEVENET, C., VALCHEV, I., VALENTIN, F., VASILYEV, S., VELJANOVSKA, F., VENELINOVA, S., VESELOVSKAYA, E., VIOLA, B., VIRAG, C., ZANINOVIĆ, J., ZÄUNER, S., STOCKHAMMER, P. W., CATALANO, G., KRAUß, R., CARAMELLI, D., ZARIŅA, G., GAYDARSKA, B., LILLIE, M., NIKITIN, A. G., POTEKHINA, I., PAPATHANASIOU, A., BORIĆ, D., BONSALL, C., KRAUSE, J., PINHASI, R., REICH, D., 2018. The Genomic History Of Southeastern Europe. Nature 554, doi:10.1038/nature25778.

NIKITIN, A. G., IVANOVA, S., KIOSAK, D., BADGEROW, J., PASHNICK, J., 2017. Subdivisions of haplogroups U and C encompass mitochondrial DNA lineages of Eneolithic–Early Bronze Age Kurgan populations of western North Pontic steppe. J. Hum. Genet. doi:10.1038/jhg.2017.12

RASSAMAKIN, YU. (2003). Aspects of Pontic Steppe Development (4550–3000 BC) in Light of the New Cultural-chronological Model [w:] Ancient interactions: east and west in Eurasia. Mc Donald Institute Archaeological Research, 49–73.

The worldview outlook aspect of the formation of the Yamnaya cultural-historical complex

In the V-IV millennium BC the tradition of erecting burial mounds (kurgans) began to spread in various parts of Europe. A wide distribution of this tradition is associated with the tribes of the Yamnaya culture complex (YCC) in the early Bronze Age. An analysis of the main com-

ponents of the YCC shows that the carriers of the YCC were primarily united by the commonality of the worldview and religious-mythological ideas. Reflected in a unified funeral rite, the "new ideology" became the basis for the formation of a new cultural and historical community, characterized by the bringing together a diverse population based on the reception of an innovative worldview. There are obvious differences between the territorial groups of YCC, which are manifested in ceramics and other artifacts. The data from anthropology and genetics also show the heterogeneity of the carriers of the YCC, at the same time indicating certain similar features that most likely reflect the common origin of the representatives of the YCC from the Meso-Eneolithic Ponto-Caspian populations with the genetic admixture of the farming populations of Anatolia and Iran, as well as hunters and gatherers of northern Caucasus.

Key words: Eneolithic, Bronze Age, Ponto-Caspian steppe, Yamna Culture Complex (YCC), Circum-Pontic Metalurgic Province (CPMP), "new ideology", genetics.

Bogusław Gediga
Instytut Archeologii i Etnologii PAN (Poland)

Wpływy kulturowe z kręgu cywilizacji śródziemnomorskiej na społeczeństwa pradziejowe na północ od Alp

Przemiany kulturowe, kształtujące się na obszarach ogólnie określanych jako krąg cywilizacji śródziemnomorskiej, nie były bez znaczenia dla społeczeństw tzw. pradziejowych Europy Środkowej, poczynając od krajów bałkańskich przez Kotlinę Karpacką i kraje na północ od Alp od czasu wyróżnianej w pradziejach epoki brązu (2300-750 przed Chr.). Dziś pojęcie epoki, stosowane w odniesieniu do pradziejów, jest podważane i staje się przedmiotem dyskusji. Badacze starszych epok np. paleolitu, z oczywistych względów pozostający w bliższych kontaktach z geologią i innymi naukami przyrodniczymi, rozważają podstawowy problem czy określenie epoka w odniesieniu do pradziejów jest właściwe, zwracając uwagę na to, iż właśnie w geologii pojęcie to jest stosowane do wycinków czasowych absolutnie nieporównywalnych do naszych epok pradziejowych (Chmielewski 1975, s. 9, Dąbrowski 2009, 18-20). Przedmiotem dyskusji staje się również samo wyróżnianie epok w pradziejach na podstawie kryterium surowca dominującego w tym czasie przy wytwarzaniu różnych przedmiotów, jak: narzędzia, broń, ozdoby itp. (Gediga 2010, 31, s. 39-44). Ograniczając się jedynie do zasygnalizowania powyższych problemów dyskusyjnych, należy również dodać, że tak wyróżniane epoki pradziejowe mają w różnych regionach Świata, w tym również Europy czy Eurazji, różny czas swoich początków jak też końca. W tym

przypadku ograniczamy się w naszych rozważaniach do części środkowej Europy na północ od Alp, a w szczególności będziemy koncentrowali się wokół przemian kulturowych, jakie w tym czasie dokonały się również na południowo zachodnich obszarach ziem polskich. Do tego prowokują wyniki badań archeologicznych głównie na Dolnym Śląsku pozyskane w ostatnich latach.

Już jednak od czasu epoki brązu, dla kultury europejskich społeczeństw pradziejowych istotnym wydarzeniem było ukształtowanie się najpierw na wyspach Morza Egejskiego, a później także na terenie Grecji kontynentalnej cywilizacji kręgu egejskiego (Dąbrowski 2009, 48-64; Gediga 2016, 3-21). W dużej mierze proces ten dokonał się pod wpływem oddziaływań płynących z terenu Anatolii. Jednak bardzo szybko kultury kręgu egejskiego uformowały własne oryginalne oblicze, dlatego też możemy mówić o rodzeniu się kultury europejskiej. Od tego też czasu istotne inspiracje kulturowe docierają już z kręgu cywilizacji europejskiego kręgu śródziemnomorskiego na teren Kotliny Karpackiej i dalej, choć relatywnie w mniejszym stopniu, także do społeczeństw pradziejowych na północ od Karpat i Sudetów, jak też głównie wzdłuż Dunaju dalej na zachód. Społeczeństwa Europy pradziejowej w przeciwieństwie do śródziemnomorskich cywilizacji m.in. kręgu egejskiego nie pozostawiły po sobie przekazów pisanych, nie stworzyły wyraźnych form osadnictwa zurbanizowanego czy pałacowego ani też formacji ustrojowej typu państwowego np. królestw. Jednak poczynając od epoki brązu, jak już wspomniano, docierać zaczęły do nich oddziaływania z takiego kręgu kulturowego i to już europejskiego, a nie jak wcześniej z kultur cywilizacji wschodnich, w tym głównie z terenów Anatolii. Po upadku kultury mykeńskiej następuje w kręgu Morza Śródziemnego czas destabilizacji i niepokojów, rodzi się czas Grecji archaicznej (1200-480 przed Chr.), W Europie pradziejowej na czas Grecji archaicznej przypada pojawienie się kultur pól popielnicowych, których twórcami były społeczeństwa powszechnie stosujące ciałopalenie zmarłych. Powrót oddziaływań cywilizacji śródziemnomorskiego kręgu kulturowego na kulturę europejskich społeczeństw pradziejowych i ożywienie tego następuje zwłaszcza od końca XI wieku przed Chr. Ten czas niepokojów po upadku kultury mykeńskiej bywa określany jako okres ciemny, a w sztuce prezentowanej w dużej mierze przez ceramikę, panuje styl submykeński, będący pewną kontynuacją tradycji achajskiego rzemiosła garncarskiego, trwający do około 1050 roku przed Chr. Z tego rozwinie się styl protogeometryczny, trwający do około 900 r. przed Chr., a później styl geometryczny, w którym dominować będzie ornamentyka geometryczna. Styl ten najpełniej rozwinął się w Atenach i Attyce, która stała się jego centrum. Swoją szczytową formę uzyska w stylu dipylońskim reprezentowanym przez piękne malowane wazy, pochodzące z cmentarzyska w pobliżu bramy Dipylońskiej w Atenach. Czas rozwoju stylu dipylońskiego przypada na lata

około 850-700 p.n.e. Motywy geometryczne pokrywają naczynia w układzie strefowym i pojawiają się również stylizowane motywy antropo- i zoomorficzne, tworzące niekiedy sceny o charakterze narracyjnym. Jest to czas wielkiego greckiego malarstwa wazowego (Sztetyłło 1990, 35, Roumens et al. 1999, 1,276-278). Styl geometryczny, rozwinięty w Grecji, a następnie w kulturze Villanova w Italii, pojawi się również dalej w Europie Środkowej we wczesnym okresie epoki żelaza (750-400 przed Chr.), którego znaczącym przejawem będzie również ceramika malowana. W związku z tym pozostają także wielorakie przemiany świadomości i widzenia rzeczywistości. (Bouzek 2013, 169). Okres od VIII w. przed Chr., to czas nader istotnych wydarzeń i przemian w kulturze pradziejowych społeczeństw zamieszkujących na północ od Alp w Kotlinie Karpackiej i na północ od Karpat i Sudetów. W pradziejowej Europie obserwujemy je w kulturze społeczeństw zamieszkujących tereny od wschodniej Francji przez południowe Niemcy, Austrię, Czechy, Morawy, Słowację, częściowo Węgry po kraje nad Adriatykiem oraz południowo zachodnie ziemie polskie. W dużej mierze symptomem tych przemian będzie także występowanie w wielu regionach między innymi wspomnianej już ceramiki malowanej (Gediga et al. 2017). Dla społeczeństw pradziejowych Europy Środkowej to okres wczesnej epoki żelaza, trwający od około 750 do 400 przed Chr. i nazywany okresem halsztackim. Niezależnie od naszych ocen przydatności kryterium surowcowego przy wydzielaniu epok w pradziejach to upowszechnienie się nowego surowca, jakim było żelazo, odegrało ważną rolę w dziejach społeczeństw i ich kulturze. Po upadku państwa hetyckiego, które na długi czas zmonopolizowało odkrycie żelaza, zapewniające Hetytom ich potęgę i znaczenie, ten nowy surowiec upowszechnia się poprzez wyspy Morza Egejskiego, Grecję kontynentalną, a następnie Italię także od około 700 roku przed Chr. na terenie Europy pradziejowej.

Czas pomiędzy VIII a V w. przed Chr. to okres wielkich przemian kulturowych przez K. Jaspera określony jako „epoka osiowa". Jest to czas, kiedy narodziły się nowe, wielkie systemy religijne i filozoficzne (Armstrong 2005). To czas wielkich proroków hebrajskich Eliasza, Izajasza, twórców wielkich systemów religijnych: w Iranie Zaratustra, w Indiach Budda, w Chinach Laotse i Konfucjusz, w Grecji to rodzenie się greckiego racjonalizmu. Ocena tych znaczących dla kultury wydarzeń nie była wyłącznie pozytywna. Szczególnie Hezjod wystawia jej mało pochlebną ocenę, narzekając przede wszystkim na upadek w sferze zachowań moralnych i dobrych relacji międzyludzkich (Schickler 2001, 21-23). W aspekcie tych wydarzeń, prowadzących do progowych zmian w świadomości przynajmniej wiodących warstw, (Kowalski 2005, 231-240, Woźny 2010, 317-331), spróbujemy rozważać także wszystkie dostrzegane przemiany kulturowe tej epoki oraz zastanowić się nad ich zasięgiem. Trudno w pełniejszy sposób odpowiedzieć na pytanie,

na ile społeczeństwa Europy pradziejowej, w tym zamieszkujące ziemie polskie, uczestniczyły w tych wydarzeniach, a przynajmniej, w jakim stopniu je przyjmowały i akceptowały. W dużej mierze dotykały one kultury symbolicznej, ideologii, religii, norm zachowań itp. z reguły trudnych do prześledzenia w źródłach archeologicznych. Oddziaływania cywilizacji śródziemnomorskiej, płynące głównie z kręgu Grecji archaicznej z okresu stylu protogeometrycznego i geometrycznego do europejskich społeczeństw pradziejowych, uzyskują silny impuls w związku z rozwojem fenomenu w dziejach ludzkości, jakim była od około VIII w przed Chr. wielka kolonizacja grecka.

Poprzez handlowe kontakty z Fenicjanami i Grekami do Etrusków kultury Villanova na terenie środkowej Italii docierały wielorakie luksusowe dobra materialne, które niosły jednak również krąg nowych idei. Doprowadziło to do ukształtowania się wysoko rozwiniętej cywilizacji, rozszerzającej się po pewnym czasie na tereny nadpadańskie i przekazującej zdobycze cywilizacyjne poprzez Alpy na północ do społeczeństw Europy pradziejowej. Były to w głównej mierze osiągnięcia kręgu kultur śródziemnomorskich.

Poza ukształtowaniem się kultury Grecji starożytnej i wielką kolonizacją grecką oraz cywilizacji etruskiej na terenach Italii, szczególnie istotnym było powstanie na północnym przedpolu alpejskim kultury nazwanej halsztacką. Została ona nazwana od odkrytego i na dużą skalę przebadanego wykopaliskowo cmentarzyska w miejscowości Hallstatt na terenie Górnej Austrii we wschodnich Alpach. W Hallstatt znajduje się do dziś funkcjonująca kopalnia soli eksploatowana również we wczesnej epoce żelaza przez ludność kultury halsztackiej, będąc w dużej mierze źródłem jej zamożności. Kultura halsztacka w szczytowym okresie swojego rozwoju objęła swym zasięgiem tereny poczynając od wschodniej Francji na zachodzie po Kotlinę Karpacką, północno-zachodnie Bałkany. W zasięg tego kręgu kulturowego, jako swego rodzaju jego peryferia, wchodzą również południowo zachodnie obszary ziem polskich Śląska i południowo-zachodniej Wielkopolski (ryc. 1).

Ryc. 1. Mapa zasięgu kultur kręgu halsztackiego według F. Schlette i B. Gedigi.

Kultura halsztacka była najbardziej zaawansowanym w rozwoju kulturowym zespołem pradziejowej Europy. Ludność rozwinęła metalurgię żelaza, eksploatację złóż mineralnych, w tym soli, utrzymywała bliskie kontakty z kręgiem cywilizacji śródziemnomorskiej, koloniami greckimi, w tym na

zachodzie głównie z Massalią u ujścia Rodanu, ale też z koloniami nad Adriatykiem Adrią i Spiną. W kręgu kultury halsztackiej po raz pierwszy w pradziejowej Europie w źródłach pozyskiwanych w wyniku archeologicznych badań wykopaliskowych na obiektach osadowych, jak i cmentarzyskach, manifestuje się w sposób wyraźny zróżnicowanie majątkowe i społeczne. W obrębie tej społeczności kształtuje się wiodąca grupa społeczna, rodzaj arystokracji. Ta grupa wznosi dla siebie okazałe siedziby obronne (Biel, Krausse 2005), niekiedy na wzór umocnień znanych z kręgu cywilizacji śródziemnomorskiej, czego przykładem może być gród w Heuneburgu niedaleko Hundersingen nad górnym Dunajem w Badenii-Wirtembergii. Warownia ta, funkcjonująca od VI do III w. przed Chr., w pewnym okresie swego istnienia otoczona została murem z suszonej cegły z 9 bastionami i prawdopodobnie dwoma bramami. (Kimmig 1983, Gersbach, 1995, 4-177). W odległości około 2 km arystokraci, mający swoją siedzibę na terenie grodu Heuneburg, założyli dla siebie oddzielne cmentarzysko kurhanowe. Pośród ponad dwudziestu zachowanych kurhanów jest jeden największy, Hochmichele, zapewne mieszczący pochówek księcia, może założyciela dynastii mającej swoją siedzibę w grodzie. Te działania owej wyróżniającej się grupy społeczeństwa, halsztackiej arystokracji, pozwalają się domyślać, iż w ich świadomości uformowany był rodzaj myślenia w kategoriach dynastycznych. Biorąc zaś pod uwagę inwentarz występujący w nawarstwieniach badanych arystokratycznych – „książęcych" siedzib w postaci luksusowych przedmiotów, w tym np. ceramiki greckiej, której fragmenty są znajdywane, wolno brać pod uwagę kształtowanie się w obrębie tych siedzib rodzaju kultury dworskiej. W całej rozciągłości potwierdza to bogate wyposażenie tzw. grobów „książęcych", by przywołać bogatą mogiłę księżniczki z Vix we wschodniej Francji (Burgundia), a także książęce mogiły z terenu Styrii (Eggs, Kramer (red.) 2013, 2016) czy nie tak dawno odkryty i szczęśliwie niezrabowany grób, a więc z zachowanym pierwotnym wyposażeniem, „księcia" z Hochdorfu w Badenii-Wirtembergii (Biel, 1982). Zawartość pochówków składano w komorach zbudowanych z belek na zrąb, spełniających funkcję komnat, a nad nimi sypano przeważnie znacznych rozmiarów kopce. Inwentarz, stanowiący wyposażenie zmarłego, składany w komorach, w jakiejś mierze ukazuje nam wyobrażenia eschatologiczne funkcjonujące wtedy m.in. w kręgu warstwy wiodącej ówczesnego społeczeństwa. Umieszczenie w komorze grobowej (komnacie) bogatej zastawy stołowej w postaci różnych naczyń, mis, talerzy, niekiedy także przyborów do opiekania mięsa, pięknych brązowych kraterów wypełnionych kilkuset litrami wina, a także wyposażenie zmarłego w łuk, strzały oraz przedmioty o znamionach prestiżowych (dystynktywnych), podkreślające znaczenie zmarłego, jak sztylet w pochwie z blachy złotej, naszyjniki i inne ozdoby, po części pochodzące z warsztatów greckich, pozwala snuć hipotezy na temat funkcjonujących wyobrażeń o pośmiertnych losach.

Nawiązują one do homeryckich opisów pogrzebów bohaterów czy obrazów z italskich grobowców etruskich, ukazujących nam kontynuację po śmierci wielu zwyczajów i działań, jak podejmowanie gości w tych „komnatach" grobowych, polowań itp. Duże znaczenie jednak przywiązywano do zapewnienia w nowej rzeczywistości zmarłemu jego pozycji, którą posiadał za życia. Taki świat odnajdujemy w kręgu kultury halsztackiej oddziaływujący na kulturę społeczeństw pradziejowych dużej części Europy Środkowej. Podobne znaczenie posiadały także wpływy z terenów nadpadańskiej Italii i kręgu kultury Etrusków, najpierw w Italii środkowej, później północnej, docierające w dużej mierze za pośrednictwem kręgu kultury halsztackiej.

Już z powyżej nakreślonego obrazu o charakterze kultury halsztackiej, łatwo dostrzec, że przemiany kulturowe, inspirowane wpływami z kręgu cywilizacji śródziemnomorskiej, kształtowały się przede wszystkim w środowisku wiodącej części społeczeństwa. Tylko w specyficznie sprzyjających okolicznościach, głównie ze sfery gospodarczej, dotykały one również szerszy krąg danej społeczności, czego przykładem potwierdzającym może być cmentarzysko w Hallstatt.

Przechodząc do podstawowego celu tego tekstu, jakim jest ukazanie, w jakiej mierze i czy krótko zasygnalizowany powyżej obraz przemian kulturowych, mających miejsce we wczesnej epoce żelaza, znalazł swoje odbicie również w kręgu nam bliższych społeczeństw zamieszkujących wtedy obszar południowo-zachodni ziem polskich, sięgniemy po wyniki archeologicznych badań, zwłaszcza z lat niedawnych. W dużej mierze odpowiedzi na tak postawione pytania oczekiwać możemy w wynikach badań terenowych na kilku stanowiskach archeologicznych z terenu Śląska. Ukazują nam one dość wyraźnie, że również na tym terenie epoka żelaza, a więc czas poczynając od około 750 roku przed Chr., to okres istotnych przemian kulturowych. Najbardziej czytelny staje się obraz postępującego zróżnicowania społecznego i majątkowego. Na terenie osad, a jeszcze w większym stopniu na cmentarzyskach, manifestuje wielorako swoją obecność nowa wiodąca grupa ówczesnego społeczeństwa, rodzaj arystokracji i to przede wszystkim zauważalnym stopniem zamożności, jak też udziałem w posiadaniu dużej ilości luksusowych przedmiotów, będących „importami" z głównych przywołanych powyżej ówczesnych centrów kulturowych. Te cenne przedmioty stanowią zarówno demonstrację stanu zamożności, ale pełnią jednocześnie funkcję dystynktywną i prestiżową. Wielokrotnie zostało już zauważone, że ukształtowanie się wiodącej grupy w danej społeczności w szczególny sposób sprzyjało ożywionym nieraz dalekosiężnym kontaktom kulturowym i wymiennym w zakresie dóbr materialnych, jak też przyswajaniu atrakcyjnych dla tej warstwy społecznej nowych idei i zwyczajów (Gediga 2007, 7-13).

Do stanowisk archeologicznych, na których te aspekty przemian w kulturze ówczesnych mieszkańców Śląska znalazły znakomite potwierdzenie, na-

leżą osady w Milejowicach (Bugaj, Gediga, 2004, 216-233, Bugaj, Kopiasz 2008, 101-115) i w Starym Śleszowie (Kopiasz 2001, 101-225), pow. Wrocław z wydzielonymi częściami otoczonymi rodzajem palisady. Można je traktować jako oddzielone od pozostałej części osady siedziby tej wyróżniającej się grupy społeczeństwa. W szczególności dotyczy to stanowiska osadowego w Milejowicach, gdzie w obrębie „palisadowego" ogrodzenia (ryc. 2) występują budynki większych rozmiarów, a w zbadanych nawarstwieniach kulturowych znalazła się m. in. znaczna ilość fragmentów ceramiki luksusowej, czernionej „grafitowanej" (Kopiasz, 2008, 211-228).

Ryc. 2. Milejowice, pow. wrocławski, fragment „palisadowej" konstrukcji wydzielającej część osady (Fotoarchiwum Zespołu Ratowniczych Badań Autostradowych, Instytut Archeologii i Etnologii PAN Wrocław).

W przypadku cmentarzysk natomiast przesłanki potwierdzające istnienie w społeczności, chowającej na nich swoich zmarłych, warstwy wiodącej, której groby wyróżniały się zarówno okazałą konstrukcją, jak też szczególnie bogatym wyposażeniem, uzyskane zostały w Domasławie, pow. wrocławski w trakcie niedawnych badań na Dolnym Śląsku (Gediga 2007, 2010a, 2011; Józefowska / Nowaczyk 2009; Józefowska / Łaciak 2012).

Już jednak w latach dawniejszych podobną sytuację w strukturze społecznej ludności, bytującej na Śląsku i przyległej części Wielkopolski we wczesnej epoce żelaza, sygnalizowały wyniki prowadzonych archeologicznych badań terenowych. Na już od dosyć dawna prezentowanym w literaturze naukowej cmentarzysku w Kietrzu, pow. głubczycki odkryto i zbadano ponad 80 grobów komorowych z wczesnej epoki żelaza, wyróżniających się szczególnie bogatym wyposażeniem m.in. w egzemplarze luksusowej ceramiki malowanej, jak też liczne wyroby pochodzące z importu, głównie ozdoby (Gedl 2002, 103-107). Podobny obraz w sferze struktury społecznej ukazuje nam kilkanaście bogato wyposażonych grobów na cmentarzysku w Świbiu, pow. gliwicki m.in. w przedmioty pochodzące z importu z kręgu kultury halsztackiej, zawierające również luksusową ceramikę malowaną (Wojciechowska 1995,189-195; Michnik 2007, 159-177). Z przyległych regionów Wielkopolski podobne treści niosą bogate groby, odkryte i zbadane na cmentarzysku w Gorszewicach, pow, szamotulski (Pieczyński 1953/1954, 101-

152), jak również źródła pozyskane w rezultacie badań archeologicznych na usytuowanym w pobliżu grodzie w Komorowie, pow. szamotulski. Gród w Komorowie pełnił najprawdopodobniej funkcję faktorii handlowej na szlaku bursztynowym (Malinowski 2006).

W przypadku Dolnego Śląska cennym sygnałem, obrazującym ważne aspekty struktury społecznej ludności wczesnej epoki żelaza, był odkryty na cmentarzysku w Łazach, pow. wołowski bogato wyposażony grób „wojownika” z rozbudowaną konstrukcją kamienną. Pod brukiem kamiennym, znajdowała się drewniana komora grobowa, w której wystąpiła popielnica ze szczątkami dorosłego mężczyzny, a także druga mniejsza, zawierająca szczątki dziecka w wieku Infans I. Na poziomie konstrukcji bruku znajdował się wieniec utworzony z kamieni o średnicy 7 m. Najprawdopodobniej pierwotnie nad grobem wznosił się kurhan. Wyposażenie grobu stanowiło co najmniej 48 naczyń, w tym przynajmniej 7 malowanych, liczne ozdoby brązowe i żelazne, m.in. szpile, szczypce toaletowe, bransolety, paciorki bursztynowe i inne oraz miecz żelazny długości ok. 0,95 m, najprawdopodobniej w pochwie wykonanej z materiałów organicznych, drewna lub skóry (Madera 1999, 231-246).

Swego rodzaju rewelacją z niedawnych lat badań jest wspomniane cmentarzysko w Domasławiu, które przyniosło dużą ilość cennych źródeł do poznania problematyki, będącej w naszym przypadku przedmiotem zainteresowań. W wielu aspektach uzyskano źródłowe przesłanki potwierdzające analogiczny przebieg przemian kulturowych, konstatowanych wśród społeczeństw wczesnej epoki żelaza w innych regionach pradziejowej Europy, pozostających w kręgu oddziaływań płynących z kręgu cywilizacji śródziemnomorskiej, głównie w kręgu kultury halsztackiej.

Ryc. 3. Domasław, pow. wrocławski, rekonstrukcja grobu komorowego nr 521w wersji 3D według M. Markiewicz.

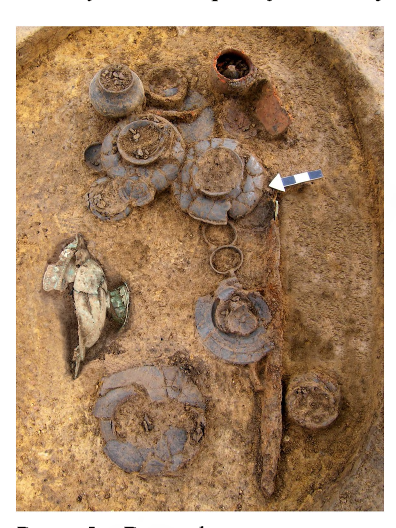
Na cmentarzysku w Domasławiu zbadano w latach 2006-2008 blisko 800 grobów z wczesnej epoki żelaza, a wśród nich było prawie 300 grobów komorowych (ryc. 3), z których 26 było otoczonych rowkowymi kręgami o średnicy od 2,5 do blisko 9 m (ryc. 4). Funkcję tych kręgów można wieloraka interpretować, co oznacza, iż nie

znamy tej jedynej właściwej odpowiedzi. Mogły one wydzielać przestrzeń sakralną, w obrębie której sytuowano komorę z pochówkiem lub też jest to ślad po konstrukcjach kurhanowych albo też krąg ten posiadał inny jeszcze sens symboliczny. W przypadku cmentarzyska w Domasławiu możemy powiedzieć, że odkryte tam, bogato wyposażone groby komorowe, które byśmy przypisywali również uformowanej w społeczeństwie wczesnej epoki żelaza warstwie wiodącej typu „arystokracji”, wykazują w dużej mierze tendencję do grupowania się w wydzielonych strefach tej nekropoli. Jednak nie tylko groby komorowe możemy wiązać z pochówkami członków wyróżniającej się grupy społecznej, owej arystokracji. Również wiele pochówków pozbawionych konstrukcji komór, ale wyjątkowo bogato wyposażonych odkrytych i zbadanych na tej nekropolii, możemy wiązać z członkami tej grupy społecznej. Reguły, dla których te bogato wyposażone pochówki nie były umieszczane w komorach, są dla nas nieznane i raczej nie do odgadnięcia.

Ryc. 4. Domasław, pow. wrocławski, grób nr 4395 z otaczającym rowkowatym kręgiem (fot. A. Józefowska, Archiwum Zespołu Ratowniczych Badań Autostradowych, Instytut Archeologii i Etnologii PAN Wrocław).

W przypadku największych i z reguły bogato wyposażonych grobów komorowych, konstrukcje samych komór były wykonane z belek lub dranic przeważnie łączonych na zrąb, co udało się stwierdzić w kilku przypadkach, gdy resztki drewnianej konstrukcji były relatywnie jeszcze dobrze zachowane. Powierzchnie komór mieściły się w granicach szerokości 0,4-0,9 m i długości 0,5-1,5 m, a największa komora w jamie grobu 390 miała wymiary 1,5x2,28 m. Były one nakrywane wiekami prawdopodobnie wykonanymi również z dranic lub belek, które pod wpływem nacisku wypełniska jamy grobowej i postępującego w miarę upływu czasu butwienia drewna zarywały się, odpowiednio zgniatając wyposażenie grobu. W tej sytuacji o wysokości samych komór nie można wiele powiedzieć. Z całą pewnością musiała ona być wyższa niż najwyższe naczynia ceramiczne stanowiące wyposażenie względnie urnę ze szczątkami zmarłego osobnika, a więc kilkadziesiąt centymetrów. Można więc przyjąć iż było to około 0,5 m. Gdy przywołamy teraz powyżej opisane komory grobów tzw. „książęcych” z kręgu kultury

halsztackiej, a w pewnej mierze, zwłaszcza w aspekcie funkcji, również słynne tomby etruskie z terenu Italii z malarstwem ściennym, będącym trochę ilustracją wyobrażeń o losach pośmiertnych u Etrusków, to w dużym stopniu podobną funkcję chowający zmarłych na nekropolii w Domasławiu mogli przypisywać budowanym komorom grobowym. Różnica między komorami grobów „książęcych" a komorami grobów domasławskich sprowadza się m. in. do ich rozmiarów. Te pierwsze są większe, ale chowano w nich zmarłych niespalonych i to wprowadzanych do komór na wozach, na których tam spoczywali. W przypadku cmentarzyska w Domasławiu stosowano obrządek ciałopalny i szczątki zmarłego wkładano do komory najczęściej w urnie, dla której potrzeba było znacznie mniej przestrzeni. Różnice w wyposażeniu grobów są widoczne w jakiejś mierze w ilości i jakości wyposażenia. W owych grobach „książęcych" jest więcej wyrobów metalowych z brązu i żelaza, więcej „importów" z Italii i greckich kolonii, zaś w bogatych grobach w Domasławiu dominują wyroby ceramiczne, głównie naczynia, a luksusowe wyroby metalowe (jak naczynia z brązu, okazałe elementy uzbrojenia) o prestiżowym charakterze występują w mniejszej ilości. Można po części tłumaczyć to oczywistym faktem większego oddalenia Śląska od głównych centrów, z których te wyroby pochodziły, choć zapewne też inną pozycją społeczną owych halsztackich „książąt" czy też chowających swoich zmarłych na cmentarzysku w Hallstatt i innym stanem ich zamożności. Jednak same intencje składania do grobu odpowiedniego wyposażenia wydają się być w dużej mierze podobne i były kształtowane wpływami płynącymi z kultur kręgu śródziemnomorskiego, docierających na Śląsk głównie za pośrednictwem kultur kręgu halsztackiego. Gdy przywołamy wspomniane już wyżej pochówki homeryckich bohaterów, to dostrzeżemy pewne podobieństwa w halsztackich grobach „książęcych" czy innych bogato wyposażonych, choćby na cmentarzysku w Hallstatt. Ich konstrukcje i wyposażenie były kształtowane przede wszystkim wyobrażeniami eschatologicznymi i miały na celu zapewnić zmarłym możliwość korzystania ze sprzętów używanych w życiu codziennym, jak również manifestować ich pozycję społeczną, pełniąc funkcję dystynktywną, a także często symboliczną (ryc. 5).

Ryc. 5. Domasław, pow. wrocławski, grób komorowy nr 8905 z bogatym wyposażeniem, m.in. naczynie z brązu i miecz (fot. A. Józefowska, Archiwum Zespołu Ratowniczych Badań Autostradowych, Instytut Archeologii i Etnologii PAN Wrocław).

W bogatych grobach (zarówno komorowych, jak też pozbawionych takich konstrukcji) na cmentarzysku w Domasławiu w inwentarzu wyposażenia dominuje ceramika naczyniowa. W grupie grobów popielnicowych, oprócz samej popielnicy lub kilku było jeszcze od kilkunastu do ponad 50 naczyń stanowiących wyposażenie, a więc była to bogata zastawa stołowa. Motywacji, dla której w taką ilość naczyń zaopatrywano zmarłego, nie sposób jednoznacznie określić. Wysuwane były dotychczas wielorakie hipotezy. Sądzi się, że są to dary składane z jakimiś pokarmami przez uczestników obrzędu grzebalnego, w tym głównie przez bliskich z rodziny. Jednak wśród umieszczanych naczyń w grobach wiele z nich nie mogło pełnić funkcji pojemników z pokarmami, raczej były to pojemniki do konsumpcji, jak: czerpaki, kubki i misy. To wyposażenie w ceramikę zbliża swoim charakterem również bogate groby z Domasławia do wyżej opisanych grobów owych „książąt" halsztackich, a dalej do zwyczajów z kręgu śródziemnomorskiego, kształtowanych panującymi wyobrażeniami o pośmiertnej rzeczywistości zmarłych, według których nie ustają ich potrzeby i zwyczaje.

W zespole ceramiki złożonej zmarłym do grobów, osobną grupę, zasługującą na szczególną uwagę, stanowi bogaty zestaw ceramiki malowanej (Gediga et al. 2017). Ukazuje ona talent, zmysł artystyczny i wysokie umiejętności już nie garncarek czy garncarzy pracujących trochę okazyjnie dla własnego gospodarstwa domowego, ale rzemieślników-artystów, produkujących te wyroby nie jedynie dla swoich potrzeb, ale na zbyt. Jakość tej ceramiki każe się domyślać funkcjonowania tradycji wyspecjalizowanych rodzin garncarskich. Ceramika malowana (ryc. 6, 7) jest z reguły delikatna, wykonana bardzo starannie. Technika i technologia produkcji tej ceramiki stawiała wykonawcom już wysokie wymagania i konieczność posiadania wysokich kwalifikacji. Barwniki, używane do malowania, uzyskiwano z surowców mineralnych z zawartością tlenków barwiących żelaza i tytanu, a także węgla drzewnego i może grafitu. Zdaniem W. Kimmiga (1983, 30, 71) ceramika malowana włącza teren Śląska, w środkowoeuropejski krąg kulturowy

Ryc. 6, 7. Domasław, pow. wrocławski, ceramika malowana (fot. I. Dolata-Daszkiewicz, Archiwum Zespołu Ratowniczych Badań Autostradowych, Instytut Archeologii i Etnologii PAN Wrocław).

wczesnej epoki żelaza objęty procesem mediteranizacji, przybierającym jego zdaniem na sile szczególnie po 600 r. p.n.e., gdy u ujścia Rodanu powstaje grecka kolonia Massalia. Stamtąd głównie płynęły zdobycze cywilizacyjne kręgu śródziemnomorskiego, m.in. w postaci sztuki malarskiej, obejmując również niektóre tereny Europy Środkowej, jak: Austria, północna Bawaria, Czechy, Morawy, Słowacja i Śląsk, choć należy brać również pod uwagę inny kierunek napływu tych inspirujących impulsów np. przez Italię na północ od Alp i dalej.

Motywy zdobnicze ceramiki malowanej ze Śląska, w tym także z cmentarzyska w Domasławiu, były głównie geometryczne. Znacznie rzadziej występują również motywy o wyraźnych cechach symbolicznych jak np. w kształcie rogów czy tarczy słonecznej, w tym też skrócone symbole solarne jak trykwetry oraz motywy astralne. Warianty tych geometrycznych motywów, przede wszystkim trójkątów, często rozmaicie zakreskowanych, prezentują dużą różnorodność. W sumie ten podstawowy zestaw jest jednak ubogi – trójkąty, motywy koliste – lecz zadziwia wielość rozwiązań i ich rozmaite warianty. Pomysłowość twórców tej ceramiki, niezwykła umiejętność rozmieszczenia poszczególnych wątków zdobniczych i ich dostosowanie do tektoniki naczyń, jak też duże wyczucie i smak artystyczny są jednoznacznie widoczne w formach i kształtach poszczególnych rodzajów naczyń malowanych. Dominacja motywów geometrycznych w pradziejowych kulturach Europy, to głównie rezultat płynący z Grecji, a tym samym również krąg malowanej ceramiki z ziem polskich z geometrycznym zdobnictwem włącza ten region w dużą koine – rodzinę stylu geometrycznego wczesnej epoki żelaza, której zasięg badacze rozmaicie wyznaczają (Kimmig 1983, 30, 71; Bouzek 2001, 116; 2008, 125).

Ryc. 8. Domasław, pow. wrocławski, ceramiczny, malowany wózek kultowy (fot. I. Dolata-Daszkiewicz, Archiwum Zespołu Ratowniczych Badań Autostradowych, Instytut Archeologii i Etnologii PAN Wrocław).

Najcenniejszym zabytkiem w zbiorze ceramiki malowanej, pochodzącej z cmentarzyska w Domasławie (ryc. 8), jest bez wątpienia piękny malowany czterokołowy wózek ceramiczny (Gediga 2012a). Zagadnienie funkcji tego egzemplarza oraz jego roli w grobie zasługuje na szczególną uwagę. Nie ulega wątpliwości, że obiekt ten nawiązuje do zwyczajów znanych z grobów typu

„książęcego", odkrytych w kręgu halsztackim i ma swoje zakotwiczenie na obszarze cywilizacji śródziemnomorskiej. Wóz odgrywał wieloraką rolę obrzędową i symboliczną w wielu systemach religijnych i w różnym czasie, poczynając od neolitu. Znajduje to wyraz w dotychczasowej literaturze. Najobszerniejszego przeglądu dokonał Markus Uwe Vosteen w swojej pracy z 1999. Później problem był jeszcze wielokrotnie podejmowany, m.in. w odniesieniu do epok metali, przez Jana Bouzka (1997, 179-180), Vladimira Podborskiego (2006, 309), Justynę Baron (2008, 199-209), Bogusława Gedigę (2012a). Opisane w starotestamentowej *Księdze Królewskiej* zagadkowe odejście z tego świata proroka Eliasza, przypadające mniej więcej na czas funkcjonowania cmentarzyska w Domasławiu, mówi nam o ważnej roli wozu. Prorok unosi się do nieba na ognistym rydwanie ciągnionym przez ogniste konie. (*Biblia Tysiąclecia*, wyd. 3, 1980, 340). Wiele innych przykładów z bliskiego nam sąsiedztwa potwierdza ważną funkcję obrzędową wozu. U Germanów posąg bogini płodności i urodzaju, Nerthus, był podczas corocznych uroczystości obwożony na wozie ciągnionym przez woły, posadowiony na odpowiednio przygotowanym tronie i następnie obmywany (o czym wspomina Tacyt, 2015, 91-92).

Wielokrotnie poświadczony wydaje się być związek wozu z kultem solarnym. Najwymowniejszym tego przykładem jest znany wóz z Trundholmu (Kaul 2004, 54-57) z obitą złotem tarczą słoneczną i koniem umieszczonymi na nim. Symbolika solarna znajduje również pełne potwierdzenie w zdobnictwie wózka z Domasławia – w formie tarczy solarnej i jej skróconego symbolu, za jaki przyjmuje się znak trykwetru. Może to uzasadniać przypuszczenie, że bóstwo solarne (jako opiekuńcze) odgrywało również określoną rolę w obrzędach grzebalnych i wyobrażeniach o pośmiertnych losach zmarłych osób.

Złożenie tego egzemplarza wózka w grobie zmarłego, należącego do wyróżniającej się części społeczeństwa (na co wskazuje konstrukcja i nader bogate wyposażenie grobu), nadaje mu określone znaczenie w obrzędach grzebalnych. Najpewniej mamy w tym przypadku ślad oddziaływań kręgu cywilizacji śródziemnomorskich, w tym starożytnej Grecji, gdzie transport zmarłego „wodza-naczelnika" na miejsce spoczynku odbywał się najczęściej na wozie. W starożytnej Grecji pojazd ten odgrywał ważną rolę w części obrzędu grzebalnego, zwanego ekforą. Taką treść mamy zapewne w scenie na kraterze, w dziele tzw. Mistrza Amfory z Dipylonu z ok. połowy VIII w. p.n. e., w której zmarły, opłakiwany przez lamentujących oddanych w charakterystycznym geście załamywania rąk nad głowami, spoczywa na wozie (Bernhard, 1989, 245-247). Motyw ten najprawdopodobniej odnajdujemy także na wazie z Sopronu na Węgrzech – ukazuje nam zapewne procesję pogrzebową z postacią zmarłego na takim pojeździe (Eibner 1980, 63-69, tab. 28-29). Tak samo w scenie na brązowym łożu „księcia" z Hochdorfu, w której, jak się

zdaje, zmarły w postaci herosa z uzbrojeniem też został usytuowany na wozie (Biel, 1982, ryc. 26). Analogiczną sytuację z bohaterem na wozie widzimy na płytach grobowca z Kivik w Skanii (Stenberger 1977, 189-190). Wolno przypuszczać, że egzemplarz z obiektu-grobu 4270 z Domasławia mieści się w kręgu tej samej symboliki i został celowo z taką intencją złożony w grobie.

Rozważając symboliczny sens obecności omawianego egzemplarza w ciałopalnym grobie z Domasławia, należy zwrócić uwagę na jeszcze jeden aspekt. W owych grobach „książęcych” z pochówkami szkieletowymi z kręgu kultury halsztackiej znajdujemy wozy, niekiedy rozebrane, z kołami ustawionymi wzdłuż ścian komory grobowej. Na nich spoczywają pochowani zmarli, niekiedy złożeni parami na wozie mężczyzna i kobieta. W przypadku Domasławia mamy groby ciałopalne i – być może – omawiany wózek miał spełniać analogiczną rolę symboliczną i prestiżową, jak wozy w halsztackich grobach książęcych, na których przewożono znakomitych zmarłych na miejsce ich spoczynku, do wyobrażanej innej rzeczywistości pośmiertnej.

Ryc. 9. Domasław, pow. wrocławski, brązowy czerpak z grobu nr 360 (fot. A. Józefowska, Archiwum Zespołu Ratowniczych Badań Autostradowych, Instytut Archeologii i Etnologii PAN Wrocław).

Niezależnie od możliwych do szczegółowego odgadnięcia funkcji i roli omawianego wózka w grobie (nr obiektu 4270) w Domasławiu należy zwrócić uwagę na znakomite, staranne wykonanie tego egzemplarza. Nie sposób pominąć też pięknych, rytmicznie rozmieszczonych motywów zdobniczych, z których część – jak wspomniano wcześniej – stanowiła symbole. W sumie jest to dzieło wysokiej sztuki garncarstwa artystycznego i wieńczy obraz kolekcji ceramiki malowanej z Domasławia.

Ryc. 10. Domasław, pow. wrocławski, miecz żelazny w grobie nr 4729 (fot. A. Józefowska, Archiwum Zespołu Ratowniczych Badań Autostradowych, Instytut Archeologii i Etnologii PAN Wrocław).

W inwentarzu stanowiącym wyposażenie grobów na cmentarzysku w Domasławiu mamy jeszcze całą kolekcję zabytków ilustrujących nam kontakty wymienne i kulturowe społeczności, chowają-

cej na tym cmentarzysku swoich zmarłych, z centrami kulturowymi ówczesnej Europy. Należą do nich przede wszystkim naczynia brązowe będące importami z terenu przyalpejskiego kręgu kultury halsztackiej lub z północnej Italii (ryc. 9), podobnie jak miecze (ryc. 10), większość ozdób z brązu, żelaza, bursztynu i szkła (ryc. 11, 12). Efektem ożywienia szlaku bursztynowego są liczne zabytki z tego surowca. Taki obraz powiązań kulturowych ukazują nam również wyniki badań na wspomnianych powyżej innych stanowiskach z terenu Śląska, a zwłaszcza z Kietrza i Świbia.

Ryc. 11. Domasław, pow. wrocławski, brązowa zapinka harfowata z grobu nr 7386 (fot. I. Dolata-Daszkiewicz, Archiwum Zespołu Ratowniczych Badań Autostradowych, Instytut Archeologii i Etnologii PAN Wrocław).

Przytoczone wybrane rezultaty głównie niedawnych badań archeologicznych na Śląsku, a przede wszystkim na cmentarzysku w Domasławiu, pow. wrocławski, ukazują nam inny obraz kultury społeczeństw zamieszkujących we wczesnej epoce żelaza w dorzeczu Odry i Wisły. Nie jest to dość jednolity obraz wyróżnianej kultury archeologicznej nazwanej „łużycką", której twórcami mieli by być jacyś „Prasłowianie". Kultura społeczeństw zamieszkujących w tym czasie teren Górnego i Dolnego Śląska oraz przyległą część Wielkopolski ukazuje obraz w sposób istotny różny od kultury społeczeństw pozostałych ziem polskich, na których występuje wyróżniana archeologiczna kultura „łużycka". Jest to kultura populacji pozostających w bliskich kontaktach z głównym nurtem przemian kulturowych dokonujących

Ryc. 12. Domasław, pow. wrocławski, dwie kolie z paciorków z brązu i bursztynu oraz paciorki bursztynowe z grobów (fot. I. Dolata-Daszkiewicz, Archiwum Zespołu Ratowniczych Badań Autostradowych, Instytut Archeologii i Etnologii PAN Wrocław).

się, ogólnie określając, na północ od Alp w bliskim powiązaniu z kręgiem cywilizacji śródziemnomorskiej. Ta bliskość powiązań z rytmem tych przemian manifestuje się, jak to ukazują nam zaprezentowane wyniki badań, w zmianach w strukturze społecznej, w powiązaniach kształtujących obraz kultury materialnej, jak również w sferze kultury symbolicznej, w tym w sposób szczególnie czytelny w obrządku grzebalnym, ale też w doktrynalnej sferze ówczesnych wyobrażeń religijnych.

Literatura

ARMSTRONG, K. (2005), Krótka historia mitu, przeł. I. Kania, Kraków 2005.

BARON, J. (2008), Przedstawienia wozów w kontekście rytów przejścia, [w:] B. Gediga i W. Piotrowski (red.), Sztuka pradziejowa i wczesnośredniowieczna jako źródło histo-Ryczne, Biskupińskie Prace Archeologiczne, nr 6, Prace Komisji Archeologicznej O/PAN we Wrocławiu, nr 17, Biskupin – Wrocław,199-209.

Biblia Tysiąclecia, (1980), wyd. 3, Poznań – Warszawa 1980.

BIEL, J. (1982), Ein Fürstengrabhügel der späten Hallstattzeit bei Eberdingen-Hochdorf, Kr. Ludwigsburg (Baden -Würtenberg). Germania 60, 61-104.

BIEL, J., KRAUSSE, D. (red.) (2005), Frühkeltische Fürstensitze. Älteste Städte und Herrschaftszentren nördlich der Alpen?, Esslingen: Ges. für Ur- und Frühgeschichte in Württemberg und Hohenzollern. Esslingen.

BOUZEK, J. (1997), Greece, Anatolia and Europe: Cultural interrelations during the Early Iron Age, Studies in Mediterranean Archaeology, vol. 122, Jonsered.

BOUZEK, J. (2001), Die Kunststilentwicklung während der Urnenfelder- und Hallstattzeit, [w:] B. Gediga, A. Mierzwiński, W. Piotrowski (red.), Sztuka epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej, Prace Komisji Archeologicznej O/PAN we Wrocławiu, nr 14, Biskupińskie Prace Archeologiczne, nr 2, Biskupin – Wrocław, 110-118.

BOUZEK, J. (2008), Koine of Early Iron Age Geometric styles, [w:] B. Gediga i W. Piotrowski (red.), Sztuka pradziejowa i wczesnośredniowieczna jako źródło historyczne, Biskupińskie Prace Archeologiczne, nr 6, Prace Komisji Archeologicznej O/PAN we Wrocławiu, nr 17, Biskupin – Wrocław, 125-138.

BOUZEK, J. (2013), Vznik Evropy. Triton.

BUGAJ, E., GEDIGA, B. (2004), Wyniki ratowniczych badań wykopaliskowych przeprowadzonych na stanowisku Milejowie 19, gm. Żórawina, pow. Wrocław, woj. dolnośląskie, [w:] Bukowski Z. (red.), Zeszyty Ośrodka Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego, Seria B: Materiały Archeologiczne: Raport 2001-2002: Wstępne wyniki konserwatorskich badań archeologicznych w strefie budowy autostrad w Polsce za lata 2001-2002, Warszawa, 216-233.

BUGAJ, E., KOPIASZ, J. (2008), The Early Iron Age elite and their seat in the South West Poland, „Przegląd Archeologiczny", t. 56, 101-115.

CHMIELEWSKI, W. (1975), Paleolit środkowy i górny, [w:] Chmielewski W., Hensel W. (red.), Prahistoria ziem polskich, t. I. Paleolit i mezolit, Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk 1975, 9-158.

DĄBROWSKI, J. (2009), Polska przed trzema tysiącami lat. Czasy kultury łużyckiej, Warszawa.

EGG, M., KRAMER, D. (red.) (2013), Die hallstattzeitlichen Fürstengräber von Kleinklein in der Steirmark: der Kröllkogel. Monographien der Römisch Germanischen Zentralmuseums Mainz , 110.

EGG M., KRAMER, D. † (2016), Die hallstattzeitlichen Fürstengräber von Kleinklein in der Steiermark: Die beiden Hartnermichelkogel und der Pommerkogel. Monographien der Römisch Germanischen Zentralmuseums Mainz , 125.

GEDIGA, B. (2007), Remarks on Long-Distance Trade Exchance in the Bronze Age and Early Iron Age, [w:] Baron J., Lasak I. (red.), Long Distance Trade in the Bronze Age and Early Iron Age, Studia Archeologiczne 40, Wrocław, 7-13.

GEDIGA, B. (2007a), Rewelacje ze Śląska. Nowy obraz kultury wczesnej epoki żelaza na Śląsku, Archeologia Żywa, Nr 1 (39), 3-12.

GEDIGA, B. (2007b), Problemy obrazu kultury wczesnej epoki żelaza na Śląsku w świetle nowych badań terenowych, Śląskie Sprawozdania Archeologiczne, t. 49, 123-146.

GEDIGA, B. (2010), Pojęcie epoki brązu w periodyzacji pradziejów, Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego, 31, 39-44.

GEDIGA, B. (2010a), Śląsk – regionalna prowincja kultury halsztackiej, [w:] B. Gediga i W. Piotrowski (red.), Rola głównych centrów kulturowych w kształtowaniu oblicza kulturowego Europy Środkowej we wczesnych okresach epoki żelaza, Biskupińskie Prace Archeologiczne, nr 8, Prace Komisji Archeologicznej O/PAN we Wrocławiu, nr 18, Biskupin – Wrocław, 187-218.

GEDIGA, B. (2011), Neue Forschungen zu den früheisenzeitlichen Kulturen in Südwestpolen. Acta Archaeologica Carpatica 46, 83-116.

GEDIGA, B. (2012), Ratownicze badania wykopaliskowe na stanowiskach 10/11/12 w Domasławiu, gm. Kobierzyce na Dolnym Śląsku, w latach 2006-2008, Narodowy Instytut Dziedzictwa, Raport 2007-2008, t. 1, Warszawa, 411-420.

GEDIGA, B. (2012a), Der Kultwagen aus Domasław in Schlesien, [w:] R. Kujovský i V. Mitáš (red.), Václav Furmánek a doba bronzová, Zborník k sedemdesiatym narodeninám. Nitra, 79-88.

GEDIGA, B. (2016), Ślady cywilizacji śródziemnomorskiej nad Odrą, Quart, Kwartalnik Instytutu Historii Sztuki Uniwersytetu Wrocławskiego, Nr 1(39) / 2016, 3-21.

GEDIGA, B., ŁACIAK, D., ŁYDŻBA-KOPCZYŃSKA, B., MARKIEWICZ, M. (2017), Świat kolorów garncarzy z rejonu Domasławia sprzed około 2800 lat, Wrocław (link: http://rcin.org.pl/dlibra/docmetadata?id=64113&from=publication).

GEDL, M. (2002), Wielkie cmentarzysko z epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Kietrzu, pow. Głubczyce na Górnym Śląsku, [w:] M. Gedl (red.), Wielkie cmentarzyska z epoki brązu i wczesnej epoki żelaza, Warszawa, 75-116.

GERSBACH, E. (1999), Baubefunde der Periodem IVc – IVa der Heuneburg, Heuneburgstudien IX, Mainz a. Rhein.

JÓZEFOWSKA, A., NOWACZYK, L. (2009), Cmentarzysko ludności kultury łużyckiej z wczesnej epoki żelaza na stanowisku Domasław 10/11/12, pow. wrocławski, Śląskie Sprawozdania Archeologiczne, t. 51, 159-173.

JÓZEFOWSKA, A., ŁACIAK, D. (2012), Cmentarzysko ludności kultury łużyckiej z wczesnej epoki żelaza na stanowisku Domasław 10-12, gm. Kobierzyce, Narodowy Instytut Dziedzictwa, Raport 2007-2008, t. 1, Warszawa, 463-482.

KAUL F. (2004), Der Sonnenwagen von Trundholm, [w:] H. Meller (red.), Der geschmiedete Himmel. Halle/Saale.

KIMMIG, W. (1983), Die Heuneburg an der oberen Donau, Führer zu archäologischen Denkmälern in Baden-Württembeg 1, Stuttgart.

KOPIASZ, J. (2008), Ceramika „prestiżowa" jako wyraz struktury społecznej mieszkańców osady z okresu halsztackiego C w Milejowicach, pow. Wrocław, [w:] B. Gediga i W. Piotrowski, Sztuka pradziejowa i wczesnośredniowieczna jako źródło historyczne, Biskupińskie Prace Archeologiczne, nr 6, Prace Komisji Archeologicznej O/PAN we Wrocławiu, nr 17, Biskupin – Wrocław, 211-228.

KOWALSKI, A. P. (2005), Świat wartości wspólnot prehistorycznych w „epoce osiowej". Perspektywa filozofii kultury, [w:] M. Fudziński i H. Paner (red.), Aktualne problemy kultury pomorskiej. Gdańsk, 231-240.
MADERA, P. (1999), Wyniki ratowniczych badań wykopaliskowych na cmentarzysku ciałopalnym kultury łużyckiej w Łazach, stan. 1, gm. Wińsko, [w:] Śląskie Sprawozdania Archeologiczne 41, 231-246.
MALINOWSKI, T. (2006), Komorowo, stanowisko 1: grodzisko kultury łużyckiej, faktoria na szlaku bursztynowym, [w:] Collectio Archaeologica Ressoviensis Tomus I, Rzeszów.
MICHNIK, M. (2007), Imported objects at the cemetery in Świbie, District of Gliwice, [w:] J. Baron i I. Lasak (red.), Long Distance Trade in the Bronze Age and Early Iron Age. Studia Archeologiczne 40. Wrocław, 159-177.
PIECZYŃSKI Z. (1954), Cmentarzysko z wczesnego okresu żelaznego (700-400 p.n.e.) w Gorszewicach w pow.szamotulskim, [w:] Fontes Archaeologici Posnanienses 4 (1953), 101-152.
PODBORSKÝ V. (2006), Náboženství pravěkých Evropanů. Brno.
ROUMENS, M. R., GREGO J. S., LÓPEZ G. R., FERNÁNDEZ SOLSONA M. O., SÁEZ R. N. (1999), Antyk, [w:] Historia sztuki Świata I, Warszawa, 194-384.
SCHIICKLER, H. (2001), Heilige Ordnungen, Stuttgart-Ulm.
SZTETYŁŁO, Z. (1990), Sztuka grecka. Okres archaiczny, 1200-480 p.n.e. (w:) Sztuka Świata, Warszawa, 2, 35-68.
TACITUS, P. C. (2015), Germania, przekład T. Płóciennik, Warszawa.
WOJCIECHOWSKA, H. (1996), Świbie, woj. katowickie, cmentarzysko kultury łużyckiej z okresu halsztackiego, [w:] J. Chochorowski (red.), Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej, Kraków.
WOŹNY, J. (2010), Wierzenia we wczesnych okresach epoki żelaza na ziemiach polskich w świetle oddziaływań zewnętrznych centrów kulturowych, [w:] B. Gediga i W. Piotrowski (red.), Rola głównych centrów kulturowych w kształtowaniu oblicza kulturowego Europy Środkowej we wczesnych okresach epoki żelaza, Biskupińskie Prace Archeologiczne, nr 8, Prace Komisji Archeologicznej O/PAN we Wrocławiu, nr 18, Biskupin – Wrocław, 317-331.

Cultural influences from the Mediterranean civilization on prehistoric societies north of the Alps

The period from the eighth century BC it is a time of very significant events and changes in the culture of prehistoric societies inhabiting north of the Alps in the Carpathian Basin and north of the Carpathians and Sudetes. In prehistoric Europe, we observe them in the culture of societies inhabiting areas from eastern France through southern Germany, Austria, the Czech Republic, Moravia, Slovakia, partly Hungary, to the countries on the Adriatic and south-western Polish lands. It was particularly important to create a culture called Hallstatt on the northern foreland of eastern Alps. It was named after an outdoor and large-scale excavation of a cemetery in Hallstatt in Upper Austria in the eastern Alps. The Hallstatt culture was the most advanced band of prehistoric Europe in cultural development. The population developed iron metallurgy, exploitation of mineral deposits, including salt, and maintained close contacts with the Mediterranean civilization. In the burial grounds of the early Iron Age discovered in Domasław near Wrocław, elements of burial in ideas and in equipment were found, influenced and imported from the Hallstatt culture and Mediterranean civilization.

Key words: Early Iron Age, Hallstatt culture, burial equipment of the cemetery Domasław.

Streszczenie

Okres od VIII wieku p.n.e. to czas nader istotnych wydarzeń i przemian w kulturze pradziejowych społeczeństw zamieszkujących na północ od Alp, w Kotlinie Karpackiej i na północ od Karpat i Sudetów. W pradziejowej Europie obserwujemy je w kulturze społeczeństw zamieszkujących tereny od wschodniej Francji przez południowe Niemcy, Austrię, Czechy, Morawy, Słowację, częściowo Węgry, aż po kraje nad Adriatykiem oraz południowo-zachodnie ziemie polskie. Szczególnie istotnym było powstanie na północnym przedpolu alpejskim kultury nazwanej halsztacką. Została ona nazwana od odkrytego i na dużą skalę przebadanego wykopaliskowo cmentarzyska w miejscowości Hallstatt na terenie Górnej Austrii, we wschodnich Alpach. Kultura halsztacka była najbardziej zaawansowanym w rozwoju kulturowym zespołem pradziejowej Europy. Ludność rozwinęła metalurgię żelaza, eksploatację złóż mineralnych, w tym soli, utrzymywała bliskie kontakty z kręgiem cywilizacji śródziemnomorskiej. W odkrytym w Domasławiu koło Wrocławia cmentarzysku wczesnej epoki żelaza odnaleziono elementy wyposażenia pochówkowego, importowane z kręgu cywilizacji śródziemnomorskiej.

Słowa kluczowe: wczesna epoka żelaza, kultura halsztacka Hallstatt, wyposażenie pochówkowe cmentarzyska Domasław.

VLADIMIR IVANOVICH KULAKOV
Институт Археологии, Российская академия наук, Moscow (Russia)

Кунтерштраух. Раскопки могильника в 1899 г.

Погребальные памятники пруссов на полуострове Самбия исследуются археологами уже более двух столетий. Современный уровень археологической науки позволяет нам не только надёжно установить даты раскопанных в XIX в. погребений обитателей Янтарного края, носителей языковых и культурных индоевропейских традиций, но и попытаться воссоздать социальные связи между индивидуумами, останки которых скрыты в изученных могилах. Такую работу предлагается провести на материалах грунтового могильника, расположенного с Северной Самбии, в урочище Kunterstrauch (Зеленоградский район Калининградской области, западные окрестности Cranz/Зеленоградск). Прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению малоизвестных раскопок, производившихся на могильнике в конце XIX в., необходимо представить себе хотя бы в общих чертах процесс становления погребальных традиций индоевропейского населения Янтарного края.

В III тысячелетии до н.э., времени существования Литоринового моря (доисторический предшественник Балтики), происходят серьёзные изменения в этнокультурной ситуации на Самбии и в её окрестностях. Можно с уверенностью сказать, что новые жители Балтии и Скандинавии – носители культур шнуровой керамики, говорившие на индоевропейских наречиях – прибыли в Европу из глубин Евразии. В эпоху неолита часть этих племён переместилась в степную зону Восточной Европы. Индоевропейцы пользовались перед малочисленными местными жителями своим преимуществом в обладании колесницами, луком со стрелами и каменными топорами удобных форм. Их переселение на запад и северо-запад было обусловлено поиском новых пастбищ для скота. Происходившее в то время

потепление климата сужало площади пастбищ. Древнейшей базой для формирования западнобалтских племён считается жуцевская (Haffküstenkultur, Pamarių kultūra) культура финальной фазы неолита, распространявшаяся в 2000–1800 гг. до н.э. (Kilian 1982, 29) от восточной части нынешнего Польского Поморья на юго-западе до устья р. Даугава на северо-востоке. Характерным оружием переселенцев были каменные шлифованные ладьевидные топоры. Аллохтоны принесли с собой в Балтию традицию погребальных насыпей, ставших повсеместно актуальными для населения Янтарного края уже с начала эпохи ранней бронзы (Kilian 1982, 45). Очевидно, курган ассоциировался у пришельцев с возвышенностью (горой). Это понятие в праиндоевропейском языке связывалось с понятиями «бог грома» и «дуб» (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 614, 615), тем самым составляя основных «участников» единого для индоевропейских народов первичного мифа. Данные понятия, принесённые индоевропейцами в Балтию, чётко отражены в прусском языке, где бог грома персонифицирован как Перкуно. Таким образом, элементы культа пруссов восходят ко времени перехода эпозхи неолита в эпоху ранней бронзы.

Основной формой погребения в Балтии этого времени было трупоположение, хотя в иных регионах группы индоевропейцев использовали трупосожжения. Не исключено, что эта обрядовая бинарность зависела и от причин социального характера, и от формы смерти (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, 830). Важнейшим для данной эпохи памятником археологии является курган К1, расположенный в лесном урочище Кауп к югу от центра Cranz/Зеленоградска. Как удалось установить раскопками 2014 г., погр. I под этой насыпью датируется 2800–2600 гг. до н.э. (Randsborg, Merkytė, Merkevičius, Kulakov 2016, 117).

Для юго-восточной Балтии важнейшей чертой культуры индоевропейцев стало формирование традиции захоронений под курганными насыпями. Эта традиция стала определяющим признаком для окончательно сложившейся на III–IV этапах эпохи бронзы культуры самбийских курганов.

Результатом непосредственных контактов переселенцев из лужицкого ареала и автохтонов Самбии (потомков первых групп индоевропейских) стало использование жителями юго-восточной Балтии примерно с VIII в. до н.э. традиции размещения в курганах семейных усыпальниц в каменных ящиках. Данные погребальные памятники характеризуются наличием под курганной земляной насыпью концентрических каменных колец вокруг центрального погребения. Ранее аналогичные элементы внутренней конструкции подкурганных погребений сформировались в юго-восточной Скандинавии, где они имеют местную традицию. Не исключено, что северяне могли принести эти традиции в Восточное Поморье (в ареал поморской культуры, являвшейся контактной зоной между прагерманской ясторфской культурой на западе и населением Янтарного берега) и на Самбию на средней фазе бронзового века (ок. 1100–800 гг. до н.э.). Древности с отмеченными признаками относятся к культуре западнобалтийских курганов, которая к концу I тысячелетия до н.э. на востоке распространялась до р. Минии и верховьев р. Инструч.

Таким образом, упомянутая культура своим генезисом во многом обязана прагерманскому этнокультурному импульсу. Возвышенная часть северного берега привлекала к себе внимание людей эпохи бронзы и раннего железа – носителей культур самбийских курганов и западнобалтийских курганов. Именно здесь носители указанных культур оставили многочисленные курганные могильники, связанные, что очевидно, с сакрализацией данной территории в начале эпохи металла. Древних поселенцев привлекали здесь многочисленные источники кристально чистой воды, бившие из обрыва морского берега. Может быть, они считали эти источники связью с миром Иным, поэтому и возводили здесь свои курганные могильники? Свидетельством данной традиции является курганный могильник на восточной окраине пос. Georgenswalde/Отрадное. Могильник датируется V–I вв. до н.э., расположен между посёлком и г. Светлогорском. Раскопками 1909 и 1930 гг. в трёх курганах были открыты кольцевидные каменные оградки и крепиды, в кург. 3 обнаружен каменный ящик, содержавший, как и остальные раскопанные курганы, трупосожжения (Кулаков 1975, № 5362). Но если эти курганные насыпи относятся к раннему железному веку, то позднейшие курганы, перекрывавшие раннесредневековые погребальные комплексы, находятся в пределах могильника Кунтерштраух.

Лесное урочище Kunterstrauch/Кунтерштраух (возможно, от прусск. «подлесок, скрывающий (могилы)», последний раз археологами был обследован в 2005 г. В соответствующей публикации были упомянуты лишь несколько погребальных комплексов, некогда раскопанных на этом интереснейшем, но забытом памятнике археологии (Кулаков, Казаченко 2008, 90–97).

В 1876 г. Йоганнес Хейдек, член Общества по изучению древностей «Пруссия» и талантливый художник-график, раскопал в западной части лесного урочища Кунтерштраух (**рис. 1**) курган А (выс. ок. 1 м.), содержавший два трупоположения XIV в. Мужское трупоположение принадлежало воину, связанному с ятвяжской этнокультурной общностью. Сходное во всех отношениях трупоположение К46 было обнаружено мной в 2010 г. на северной окраине кург. К/1 (Кулаков 2013а, 139–144).

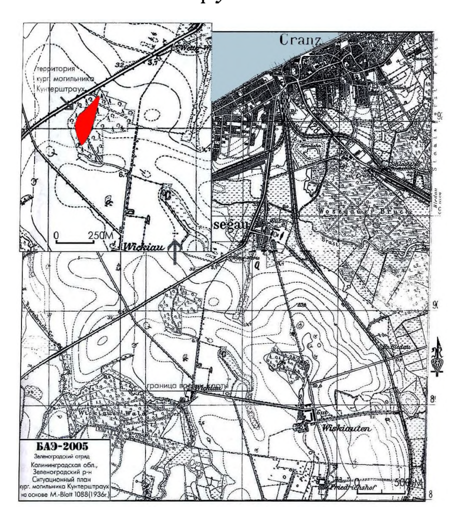

Рис. 1

Насыпь кург. По своему составу была каменно-земляной (что характерно для внешней структуры курганов раннесредневековых ятвягов). Вершина этой насыпи была уплощена, тем самым создавая внешний вид сопок Северо-Западной Руси. С другой стороны, каменная обкладка гробов (домовин), в которых находились захороненные на материке под насыпью кург. А мужчина и женщина, находят прочные аналогии в жальничных погребениях уже упомянутой выше Северо-Западной Руси (Кулаков,

Казаченко 2008, 92) и в ятвяжских погребальных сооружениях. Всё вышесказанное позволяет выдвинуть осторожное предположение об участии в сооружении насыпи кург. А ятвягов, в результате переселения перенесших свои традиции не только на Самбию, но и на северо-запад Древней Руси.

Во время раскопок кург. А северная часть леса Кунтерштраух была засажена молодыми ёлками и потому оставалась недоступной для осмотра. Позднее ёлки выросли (**рис. 2**), поверхность могильника стала под ними доступна и Йоганнес Хейдек, освидетельствовав здесь поверхность лесной почвы, увидел небольшие насыпи, которые сравнил по их виду с курганами расположенного примерно в 1 км. на юго-восток могильника в лесном урочище Каир. При помощи щупа Й. Хейдек отметил наличие в насыпях Кунтерштрауха каменных кладок на глуб. ок. 0,5 м. под дёрном. В августе 1899 г. владелец леса Кунтерштраух ландрат (нем. «земельный советник») Адольф фон Батоцки-Фрибе дал разрешение на проведение в указанном лесу раскопок. В их проведении И. Хейдеку помогал кастеллан Кречман. Данные, опубликованные Й. Хейдеком в отчётной статье (Heydeck 1909, 207–218), выглядят таким образом.

Рис. 2

Погр. I, располагавшееся к востоку от кург. А, было перекрыто круглой в плане каменной кладкой. В её северной части находился большой валун, окружённый сложенными кругом камнями. Диаметр этого каменного круга – 6 м. Между камнями кладки, перекрывавшей погр. I, были обнаружены как обломки круговой керамики XIII–XIV вв., так и фрагменты лепных сосудов. Под центром кладки, на глуб. примерно 2 штыка были обнаружены три скелета (ингумация, далее – ИНГ), ориентированные на юго-запад. Скелеты I–III лежали параллельно друг другу. Находка крупного гвоздя рядом со скелетами указывают на расположение тел покойных в гробах. Скелет III содержал в глазнице брактеат. Второй брактеат лежал справа от этого скелета. Обе монеты были чеканены в Кёнигсберге во второй пол. XIII в. Под скелетом обнаружены 2 маленьких бронзовых кольца, скреплённые между собой (подвеска ножен ножа?).

Погр. I было впущено в орденскую эпоху в трупосожжение (кремация, далее – КРМ) эпохи поздней бронзы (?), окружённое каменным кольцом. В его пределах обнаружены обломки лепных сосудов и фрагменты кальцинированных костей.

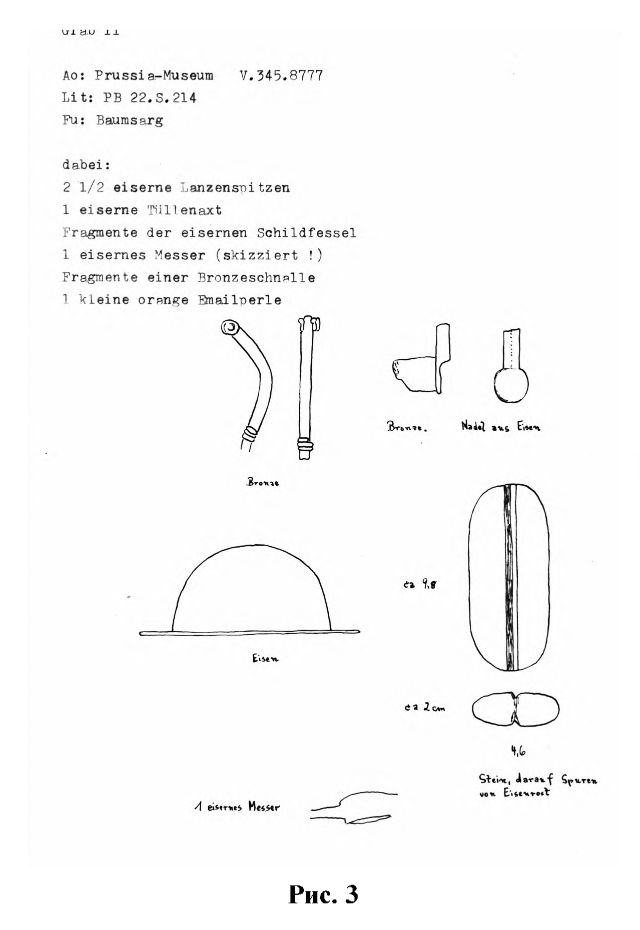

Рис. 3

Погр. II, перекрытое круглой в плане каменной кладкой, содержало трупоположение с остатками деревянной колоды («саркофаг», слагавшийся из двух выдолбленных деревянных стволов). Со скелетом обнаружены: обломки бронзовой Г-образной фибулы и фибулы с подогнутой ножкой, трёхчастная пряжка с прямоугольной рамкой, железная ведёрковидная подвеска, маленькая жёлтая пастовая (?) бусина, два наконечника копий (дл. 16,5 см. и 19 см.), железный умбон щита, железное навершие, найденное над черепом, боевой (?) нож дл. 23 см., фрагмент железного предмета, точило овальной формы с углублением (для крепления шнура) по периметру. По данным архива Рудольфа Гренца, в этом погребении был найден втульчатый топор (**рис. 3**). Судя по комплексу находок, погр. II датируется фазой С.

Погр. III – ничего не было обнаружено.

Погр. IV, ИНГ в деревянном «саркофаге» (**рис. 4**,1, внизу). Со скелетом обнаружены: круглая бронзовая застёжка с железной застёжкой на черепе, слева от черепа – длинная бронзовая булавка, под левой стороной верхней части скелета – бронзовая кнопка в виде умбона диам. 2,3 см., бусы, составленные из 6 больших тёмно-голубых бусин с рифлёной поверхностью, из таких же бусин меньших размеров, из 4 красных бусин с зелёным кантом, из маленькой пронизки голубого стекла, из прозрачной стеклянной бусины, с многими обломками бусин, в левой части груди – пара бронзовых фибул «прусской серии» типа типов AIII,66, а каждом запястье – бронзовый браслет, у скелета – обломок железного предмета. По комплексу (**рис. 4**,1, вверху) погребального инвентаря погр. IV датируется фазой B_2 (Кулаков, Казаченко 2008, 93). Традиционный для женщин Барбарикум раннеримского времени убор, включавший две фибулы, пару браслетов и снизку стеклянных бусин, в погр. IV был дополнен бронзовой застёжкой с железной иглой, очевидно, крепившей к причёске погребальную головную накидку. В дальнейшем, вплоть до XX в., такие головные покрывала (**рис. 4**,2) стали весьма

характерной частью погребального убора женщин юго-восточной Балтии (Кулаков 2013б, 17, рис. 27, 28).

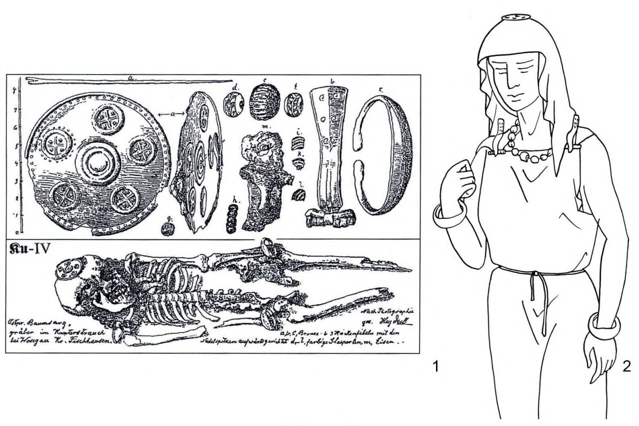

Рис. 4

Погр. V, урновая КРМ. Инвентарь в урне (?): пара бронзовых фибул типа AVI,126 (нем. kappenfibeln – «шапкообразные фибулы»), характерные для вельбарской культуры её любовидзской фазы, часть бронзового браслета, узкий бронзовый перстень, железная посоховидная поясная накладка, железная трёхчастная пряжка с прямоугольной рамкой, длинный и узкий нож, фрагменты бронзовых предметов и стеклянный шлак. Данный комплекс принадлежит, судя по набору инвентаря, женщине и датируется фазой B_2/C_1 (Кулаков 2016, 39).

Погр. VI, две урновые КРМ. Урна «а» была окружена каменным кольцом, у края которого найдены два сосуда-приставки, в урне – плохо сохранившаяся бронзовая римская монета (по определению Ф. Е. Пайсера – чеканена при Императоре Антонине Пие), железные предметы, два куска янтаря. Узкая и высокая урна «б» располагалась за (?) урной «а», содержала бронзовую римскую монету (по Ф. Е. Пайсеру – чеканена при Императоре Марке Аврелии), пару бронзовых фибул типа AVI,126, фрагмент железной арбалетовидной фибулы, глиняное пряслице, фрагментированную маленькую железную пряжку, наконечник копья с широким пером, два фрагментированных ножа, втульчатый топор, длинный железный пинцет, гвоздь (?). Комплекс урны «б» принадлежит, судя по набору инвентаря, мужчине-воину, датируется, как и погр. V, фазой B_2/C_1.

Погр. VII, две урновые КРМ. В верхнем захоронении находилась высокая и узкая урна «б», содержавшая пару бронзовых фибул типа AVI,126, обломки двух больших бронзовых браслетов, фрагмент бронзовой пряжки, два глиняных пряслица, нож, сосуд-приставку. О урне «а» информацию И. Хейдек не сообщает. Комплекс урны «б» принадлежит, судя по набору инвентаря, женщине, датируется, как и погр. V, фазой B_2/C_1.

Погр. VIII, урновая КРМ, урна имеет выс. 57 см., рядом (?) с ней найден небольшой сосуд-приставка, оплавленная бронзовая монета, железный умбон щита с выходящим из его центра стержнем, типа Jahn 7a (тип Zieling A). Этот умбон, один из самых ранних из найденных в Янтарном крае, имеет пшеворское происхождение и относится к фазе B_2 (Rakowski 2006, 337, 342). Кроме того, в урне был найден железный стержень, наконечник копья, обломок ножа, железное кольцо диам. 6,5 см. (от удил?), неопределимые

фрагменты железных предметов. Судя по набору инвентаря, погр. VIII содержит останки мужчины-воина и датируется фазой B_2.

Погр. IX, жертвенный комплекс (?) под круглой в плане каменной кладкой. Под камнями обнаружены три сосуда и неопределимая фрагментированная бронзовая арбалетовидная фибула. Дата и принадлежность погр. IX не ясны.

Погр. X, урновая КРМ, инвентарь: длинный и узкий нож, узкий наконечник копья (дл. 28 см.) с обломанным концом, железная двухчастная пряжка с овальной рамкой, бронзовый спиральный перстень, пара плохо сохранившихся бронзовый арбалетовидный фибул с литым (?) иглоприёмником и высокой (?) спинкой, литавровидная янтарная бусина. Судя по набору инвентаря, погр. X содержит останки женщины и по янтарной бусине типа ТМ 400, датируется фазой D (Tempelmann-Mączyńska, 1985, 68, 69, Taf. 63).

Погр. XI, урновая КРМ, расположенная поблизости от погр. VI, в урне – обломки кальцинированных костей и три необработанные куска янтаря.

Погр. XII, перекрыто большой круглой в плане каменной кладкой, по краям которой отмечены четыре небольшие кладки. Под камнями большой кладки выявлено урновая КРМ. В урне найдены: бронзовая монета (по определению Ф.Е. Пайсера – чеканена при Императоре Марке Аврелии), вторая монета (того же Императора?), железный умбон щита с выходящим из его центра стержнем, типа Jahn 7a (тип Zieling A), длинный железный стержень, два плохо сохранившихся наконечника копий, железный нож с обломанными концами (сохранившаяся дли. 18 см), нож с горбатой спинкой (нем. Krumm-Messer), коса, точило. Судя по набору инвентаря, погр. XII (как и погр. VIII) содержит останки мужчины-воина и датируется фазой B_2.

Погр. XIII, КРМ в плохо сохранившихся каменных ящиках, стоявших друг рядом с другом. Ящики содержали обломки кальцинированных костей и лепной (?) керамики и кольцо (браслет?) с железного дрота с круглым сечением и с заходящими концами. Дата комплекса не ясна.

Погр. XIV – ничего не было обнаружено.

Погр. XV – возможно, ИНГ в «саркофаге». Инвентарь: бронзовая фибула «прусской серии» типа типов AIII,66, бронзовая (?) гривна с расширяющимися концами группы Tautavicius I (Tautavičius 1977, 10, 11), балтский дериват гривен типа Havor, датируемый I в. н.э. (Kulakov 2015, 91), узкий бронзовый браслет типа Kamieńczyk с одинарными полусферами в виде наверший, что характерно для пшеворской культуры фазы B_1 (Dąbrowska 1997, tabl. CXXXII,4), фрагмент аналогичного браслета. Судя по составу инвентаря, комплекс погр. XV **(рис. 5)** принадлежит женщине и датируется I в. н.э.

Погр. XVI, характер погребения в отчётном тексте не отмечен. Инвентарь: шесть кусков необработанного янтаря, стеклянные и бронзовые мелкие находки. Дата и принадлежность данного комплекса не ясны.

Погр. XVII, характер погребения в отчётном тексте не отмечен. Инвентарь: бронзовая арбалетовидная фибула типа A.VII,178. По фибуле погр. XVII датируется фазой C_1 (Кулаков 2003, рис. 122).

Погр. XVIII, характер погребения в отчётном тексте не отмечен. Инвентарь: пять кусков необработанного янтаря.

По своей хронологии погребения, вскрытые И. Хейдеком в 1899 г. на могильнике в уроч. Кунтерштраух, образуют небольшие группы:

Погр. XV – фаза B_1;
Погр. IV, VIII, XII – фаза B_2;
Погр. V, VI, VII – фаза B2/C1;
Погр. II, XVIII – фаза C;
Погр. X – фаза D.

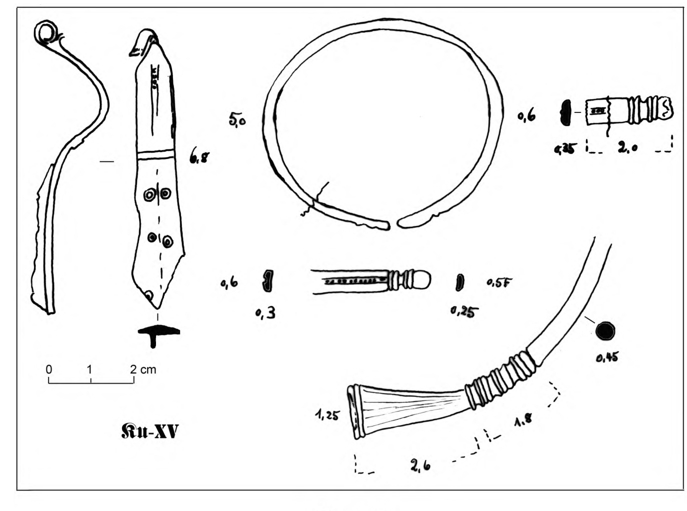

Рис. 5

С большой долей осторожности можно предположить факт наличия на раскопанном участке могильника Кунтерштраух соседствующих друг с другом погребений членов одного родоплеменного коллектива (семьи). На это косвенно указывает наличие в нескольких могилах пар урн и представленность в различных комплексах типологически сходных предметов (в данном случае – фибул и умбонов щитов). Нельзя не учитывать возможность закупки для членов одной семьи нескольких однотипных деталей убора и снаряжения. Этим данная группа эстиев могла манифестировать родственные связи, существовавшие между ними, тем самым сохраняя местные традиции эпохи раннего железа, отражённые в подкурганных погребениях I тысячелетия до н.э. в виде нескольких урн с прахом под одной насыпью (Hoffmann 2000, 32, 33).

Несмотря на то, что в северной части площади могильника Й. Хейдек нашёл в 1899 г. курганные насыпи, в которых наличествовали каменные кладки, ни одной из них он не отметил, описывая раскопанные в указанном году погр. I–XVIII. Однако, учитывая незначительные параметры курганных насыпей могильника Кунтерштраух (диам. от 6 до 20 м., выс. от 0,5 м.) (Кулаков, Казаченко 2008, 95), можно подозревать, что на особенно невзрачные насыпи, перекрывавшие некоторые комплексы, вскрытые Й. Хейдеком, прусский коллега мог не отметить. Зато заслуживает внимания его наблюдение над остатками деревянных «саркофагов» во вскрытых погребениях. Различные признаки (каменная обкладка могил, наличие гвоздей) убедительно свидетельствуют о наличии саркофагов в кург. A и в погр. I, II, IV (см. выше). При этом трупоположения в «саркофагах» датируются как раннеримским временем, так и орденской эпохой. Также интересны трупоположения в каменных ящиках, вскрытые в погр. XIII (фаза B_1) и XV. Все указанные выше способы размещения тела умершего в могиле

позволяют предполагать генетическую связь между вариантом обряда «каменный ящик» и деревянный «саркофаг» (вероятно, обставленный камнями). Это ещё раз указывает на реальную возможность существования родственных связей между жителями данного микрорегиона Самбии на временном отрезке I–III вв. н.э. (раннеримское время). Возможно, эти захоронения перекрывались небольшими насыпями, при своей незначительной высоте (от 0,5 м.) уже не относящимися к разряду курганных насыпей. Курганы Кунтерштрауха (исключая кург. А) лишь чисто формально прослеживают курганную традицию, актуальную для предков эстиев в раннем железном веке. На самом деле «курганы» начала нашей эры, встречавшиеся при раскопках могильников эстиев, являлись результатом перекрытия тонким слоем грунта многоярусных каменных кладок, перекрывавших грунтовые могилы (причём, как с трупоположениями, так и с трупосожжениями). Данный обычай был принесён на Самбию группами скандинавов в I в. н.э. (Кулаков 2016, 21). Выявление таких насыпей, образованных над каменными кладками, было отмечено в ходе археологических разведок, проведённых на могильнике Кунтерштраух Й. Хейдеком (см. выше, с. 4).

Примечателен факт манифестирования этими аллохтонами и эстиями своей духовной связи с подкурганной традицией предшествовавшего исторического периода. Это проявилось в нескольких случаях осуществления на фазе В создания впускных погребений в насыпях курганов I тысячелетия до н.э. (Кулаков 2003, 57).

Литература

ГАМКРЕЛИДЗЕ, Т. В., ИВАНОВ, Вяч. Вс., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры, Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, Т. II, 1328.

КУЛАКОВ, В. И. (2003). История Пруссии до 1283 г., Москва: «Индрик», 360.

КУЛАКОВ, В. И. (2013а). Малый Кауп: две формы обрядности // Pruthenia, t. VIII, Olsztyn, 127–147.

КУЛАКОВ, В. И. (2013б). Реконструкция убора обитателей Янтарного берега в I–V вв. н.э., Киев: «Видавець О. Филюк», 167.

КУЛАКОВ, В. И. (2016). Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I–IV вв. н.э., Калининград: Издательство «Калининградская книга».

КУЛАКОВ, В. И., КАЗАЧЕНКО, Ж. Ю. (2008). Кунтерштраух: забытый памятник прусской археологии // КСИА, вып. 222, Москва: «Наука», 90–97.

DĄBROWSKA, T. (1997). Kamieńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien, Kraków: Ossolineum, 334.

HEYDECK, J. (1909). Fundberichte: Kunterstrauch // Prussia, T. 22, Königsberg, 207-218.

HOFFMANN, M. J. (2000). Kultura i osadnictwo południowo-wschodniej strefy nadbałtyckiej w I tysiącleciu p.n.e., Olsztyn: Towarzystwo Naukowe, 279.

KILIAN, L. Zu Herkunft und Sprache der Prußen, Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 177.

KULAKOW, W. (2015). Halsringe von Typ Havor und ihre Derivate // Acta Archaeologica, Kopenhagen, Dezember, Bd. 86, issue 2, 81–93.

RAKOWSKI, T. (2006). Zespól uzbrojenia z Magnuszewa Małego, pow. makowski // Pogranicze trzech światów. Kontakty kultur przeworskiej, wielbarskiej i bogaczewskiej w świetle materialów z badań i poszukiwań archeologicznych, Warszawa: Wydawnictwo Iniwersytetu Warszawskiego, 335–347.

RANDSBORG, K., MERKYTĖ, I., MERKEVIČIUS, A., KULAKOV, V.I., 2016. Kaup 2014: archaeological Excavations & Research History // Acta Archaeologica, vol. 87, issue 1, København: Wiley-Blackwell, p. 85–130.
TAUTAVIČIUS, A. (1978). Lietuvos TSR archeologijos atlasas, t. IV, I–XIII a, radiniai, Vilnius.
TEMPELMANN-MĄCZIŃSKA, M. (1985). Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit in europäische Barbaricum // Römisch-Germanische Forschungen, Bd. 49, Mainz: Verlag des RGZM.

Архивные материалы

Архив Рудольфа Гренца (Земельный археологический музей во дворце Готторф, Шлезвиг-Гольштейн).

Подписи к рисункам к статье В.И. Кулакова «Кунтерштраух. Раскопки могильника в 1899 г.»:

Рис. 1. Местоположение могильника Кунтерштраух и его ситуационный план. Территория могильника залита красным цветом (Кулаков, Казаченко 2008, рис. 1).

Рис. 2. Вид северной части могильника Кунтерштраух с юга (фото 2005 г.).

Рис. 3. Инвентарь погр. II (Архив Рудольфа Гренца).

Рис. 4. Погр. IV: 1 – инвентарь и прорисовка фото скелета из погр. IV (Кулаков, Казаченко 2008, рис. 3); 2 – реконструкция убора женщины из погр. IV.

Рис. 5. Инвентарь погр. XV (Монтаж по данным Архива Рудольфа Гренца).

The Kuntershtrauch. Excavations of the burial ground in 1899

Forestry Kuntershtrauh tract (from the Prussian. «Undergrowth, hiding (the grave)», the last time was examined by archaeologists in 2005. The relevant publications were mentioned only a few burial complexes, once excavated to this interesting, but forgotten monument archeology. In its history the burial uncovered I. Heydeck in 1899 at the cemetery in loc. Kuntershtrauh form small groups: Barrow XV – B_1 phase; barrow IV, VIII, XII – phase B_2; barrows V, VI, VII – B_2/C_1 phase; barrows II, XVIII – phase C; barrow X – Phase D. We can assume existence in the excavated burial site Kuntershtrauh adjacent to each other burials of members of the tribal collective (family) with great caution.

Key words: Kunterstrauch, burial, Prussians, archival data.

Кунтерштраух. Раскопки могильника в 1899 г.

Лесное урочище Кунтерштраух (от прусск. «подлесок, скрывающий (могилы)», последний раз археологами был обследован в 2005 г. В соответствующей публикации были упомянуты лишь несколько погребальных комплексов, некогда раскопанных на этом интереснейшем, но забытом памятнике археологии. По своей хронологии погребения, вскрытые И. Хейдеком в 1899 г. на могильнике в уроч. Кунтерштраух, образуют небольшие группы: Погр. XV – фаза B_1; погр.IV, VIII, XII – фаза B_2; погр. V, VI, VII – фаза B_2/C_1; погр. II, XVIII – фаза С; погр. X – фаза D. С большой долей осторожности можно предположить факт наличия на раскопанном участке могильника Кунтерштраух соседствующих друг с другом погребений членов одного родоплеменного коллектива (семьи).

Ключевые слова: Кунтерштраух, погребения, пруссы, архивные данные.